

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дионисий Галикарнасский

РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

В трех томах

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дионисий Галикарнасский

РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

Том третий

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Историческая библиотека основана в 1995 г.
Автор проекта и основатель серии: Кулаков Владимир Александрович
Автор серийного оформления: Яковлев Анатолий Тимофеевич
Ответственный редактор: Маяк Ия Леонидовна

Редакционная коллегия серии «Античная история»

Маяк И. Л. — председатель коллегии
Кофанов Л. Л.
Майорова Н. Г.

Сморчков А. М.
Токмаков В. Н.
Шабага И. Ю.

Фролов Э. Д.
Маринович Л. П.

Д46 Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Том III.
Перевод с древнегреческого. Ответственный редактор: И. Л. Маяк. — М.,
Издательский дом «Рубежи XXI». 2005 г. — 320 с., с иллюстрациями

Книга представляет собой первый русский перевод знаменитых «Римских древностей» греческого историка I века до н. э. Дионисия Галикарнасского, последовательно излагающего в I–XI книгах предысторию и историю Древнего Рима от его основания до середины V века до н. э. Последующие XII–XX книги, освещающие события IV–III веков до н. э., сохранились лишь во фрагментах. Это произведение содержит множество интереснейших подробностей древнейшей истории Рима, его законов, религии и обычаев. Книга предназначена для студентов исторических и юридических вузов, историков, юристов, филологов-классиков, а также для всех тех, кто интересуется римской историей.

УДК 94(37)

- © Маяк И. Л., редакционная статья.
- © Токмаков В. Н., общая редакция.
- © Майорова Н. Г., перевод кн. IX.
- © Тыжов А. Я., перевод кн. XX.
- © Токмаков В. Н., кн. XI.
- © Сморчков А. М., перевод кн. XII–XIX.
- © Бисенгалиев В. К., рисунки для заставок и концовок к главам.
- © УпакГрафика, допечатная подготовка, обработка иллюстраций и карт, 2005.
- © Рубежи XXI, 2005.

ISBN 5-347-00002-3 (3)

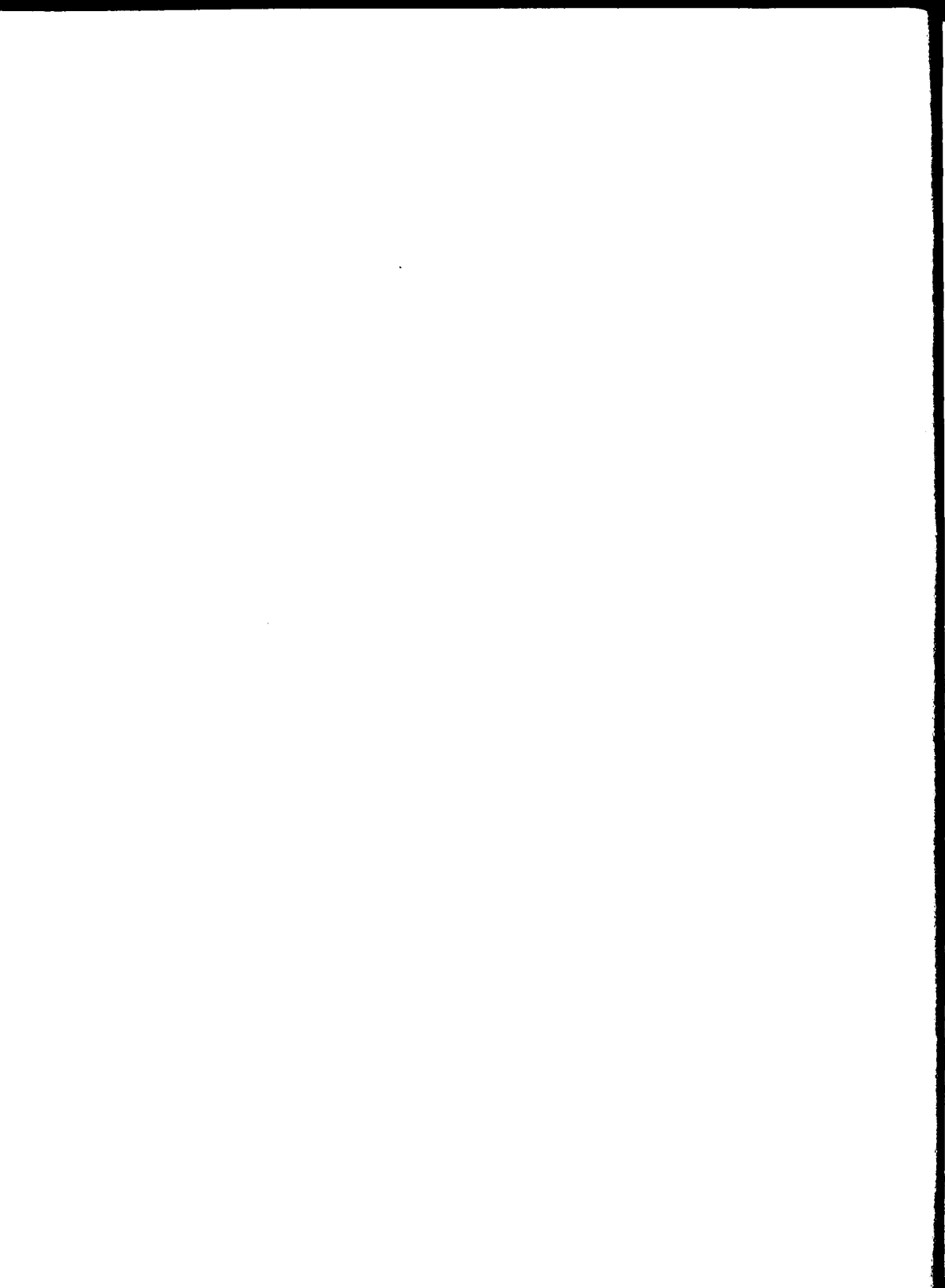

Дионисий Галикарнасский

**РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

**ТОМ ТРЕТИЙ
КНИГИ IX—XX**

**Ответственный редактор доктор исторических наук,
профессор И. Л. Маяк**

Книга IX

Разногласие народа с сенатом по поводу назначения консулов — Воинский набор и отправка обоих консулов в поход — Ненависть народа к предводителю Цезону Фабью. Возвращение его войска в город — Избранные консулами Гней Манлий и Марк Фабий, произведя набор войск, выступают против врагов — Поднятие Манлием духа и дисциплины войска — Битва римлян с тирренами. Победа римлян — Избрание Цезона Фабия консулом в третий раз и с ним Тита Вергиния — Выступление консула Фабия в поход против эвков, а Вергиния против вейян — Новые консулы Луций Эмилий и Гай Сервий сражаются уже с союзным войском тирренов — Заключение Луцием Эмилием договора с вейянами — Консулы Гай Гораций и Тит Менений ведут одну войну с Тирренией, а вторую против вольсков — Рассказ о несчастье, произошедшем с родом Фабиев — Осада тирренами римлян в лагере и подступ к Риму — Победа римлян в битве у святилища Надежды, а затем и другое блистательное сражение — Конфликт внутри городских стен Рима. Гражданская смута — Опасные обстоятельства, в которые попал Сервий. Судебный процесс — Новые войны с тирренами при консулах Публии Валерия и Гае Навции — Консулы Аыл Манлий и Луций Фурий заключают с вейянами договор об окончании войны, а также проводят ценз — Распри внутри государства, разжигаемые Гнеем Генуцием по поводу раздела земель — Завершение смуты, охватившей государство — Военные походы римлян в разные сроки правления консулов. Продолжение военных походов против народов вольсков и эвков — Жестокая болезнь, поразившая город, ослабляет позиции римлян — Во время правления консулов Луция Лукреция и Тита Ветурия римляне вступают в схватку с противниками — Триумф Лукреция и Ветурия

1. На следующий после этих консулов год¹ у народа возникло разногласие с сенатом по поводу назначения консулов (ведь сенаторы желали привести к власти обоих консулов из аристократии, а народ — из тех, кто понравился бы ему самому), но в конце концов, переменяя мнение, они договорились друг с другом избрать по консулу от каждой из сторон. В семьдесят пятую Олимпиаду, когда в Афинах архонтом был Каллиад и Ксеркс предпринял военный поход против Эллады, от сената называется консулом во второй раз Цезон Фабий², обвинивший Кассия в стремлении к тирании; а от народа — Спурий Фурий³. 2. По принятии консулами на себя полномочий в сенат пришли старейшины латинов, прося послать им одного из консулов с войском, чтобы он пресек дальнейшие набеги эквов на латинов; было также сообщено, что вся Тиррения взбудоражена и вскоре ввяжется в войну. Ведь тирренский народ сошелся на общее собрание и, так как вейяне ощущали большую потребность в помощи против римлян, чтобы сразиться с ними, в конце концов вынес решение, что всем добровольцам из тирренов разрешается участвовать в походе. И было образовано войско, числом достаточно боеспособное и состоявшее из тех, кто добровольно выступил в войне на стороне вейян. Когда это стало известно высшим римским властям, было решено произвести воинский набор и отправить в поход обоих консулов: одного для войны с эквами и отмщения за латинов; другого же для ведения военных действий против Тиррениии. 3. Этому противодействовал Спурий Ицилий⁴, один из плебейских трибунов. Ежедневно созывая народ на сходки, он требовал от сената выполнения обязательств в отношении земельных наделов и заявлял, что ни в чем они не придут к соглашению по поводу войны и не исполнят того, что проголосовано сенатом касательно гражданских дел, если не назначат прежде всего десятерых мужей для определения границ общественной земли и не разделят пашню, как было обещано, среди народа. 4. Сенату, пребывавшему в затруднении и не знавшему как поступить, Аппий Клавдий⁵ посоветовал проявить настойчивость в том, чтобы мнение остальных плебейских трибунов стало отличным от мнения Ицилия, и поучал, что противодействующего и ставшего помехой решениям сената трибуна, неприкосновенного и имеющего законную власть, нельзя отрешить от власти иначе как если кто-то другой из равного с ним звания и положения выскажет противоположное его предложению мнение и наложит на него вето, если Ицилий станет препятствовать ему. 5. Он и принявшим власть консулам также советовал сделать это и следить, чтобы консулы всегда

¹ 481 г. до н.э. (= 479 г. до н.э. по Дионисию). После консульства Спурия Кассия и Постума Коминия.

² Ср.: *Ливий*. II. 43. 2.

³ Консул Фабий и весь его род были ненавистны плебейам (*Ливий*. II. 42. 2), поэтому у Дионисия ему противопоставляется второй консул как представитель народа.

⁴ *Ливий* (II. 43. 3) также подтверждает, что Спурий Ицилий был плебейским трибуном в 481 г. до н.э., хотя он гораздо более известен своим трибунатом в 471 г. до н.э.

⁵ Консул 471 г. до н.э.

имели в числе плебейских трибунов тех, кто им близок и дружелюбен, говоря, что единственное средство сокрушить эту власть, это восстановить их друг против друга.

II. После того как Аппий высказал эту мысль, консулы и самые влиятельные из остальных сенаторов, решив, что он советует правильно, с усердием уговорили четверых из плебейских трибунов оказаться полезными сенату для этой цели. 2. Эти трибуны постарались увещеваниями убедить Ицилия до окончания войны отказаться от мероприятий по земельным наделам. Однако тот воспротивился и поклялся продолжать свое дело и отважился в присутствии народа обронить чрезвычайно самоуверенное замечание о том, что он скорее желал бы с победой тирренов и прочих врагов лишиться города, чем оставить в покое тех, кто захватывает общественную землю. Тогда эти трибуны, считая отличным основанием против самоуверенности и настойчивости Ицилия то, что народ не принял благосклонно его замечание, заявили, что они воспрепятствуют ему и уже открыто добились того, что требовалось сенату и консулам. Оставшись в одиночестве, Ицилий лишился уже всякой власти. 3. После этого было набрано войско и все необходимое для войны, как со стороны государства, так и от частных лиц, было исполнено со всяческим рвением. Бросив между собой жребий, консулы поспешно выступили с войском в поход: Спурий Фурий — против городов эквов⁶, а Цезон Фабий — против тирренов⁷. 4. Что касается Спурия, то ему все удалось так, как было задумано, потому что враги не отважились вступить в бой, и в этой кампании ему удалось захватить богатую добычу и множество пленных. Так как Фурий завладел почти всей землей, которой владели враги, то, свезя и собрав все, всю добычу целиком предоставил воинам. 5. И хотя он и до сего времени был любим народом, но своим командованием еще больше угодил простонародью. Ведь по завершении военных действий он привел войско домой целым и невредимым, обогатив отечество захваченным им добром.

III. Цезон же Фабий, второй из консулов, ничуть не хуже исполнявший командование, не получил похвалы за свои дела не из-за какой-то личной ошибки, но потому, что народ уже и раньше невзлюбил его за то, что тот, обвинив консула Кассия в стремлении к тирании, казнил его. 2. Ведь его воины не проявили ни того, что настоятельно необходимо всякому подчиненному, принужденному подчиняться военному командиру, ни того, что нужно с усердием и чувством долга захватить силой, ни даже того, чтобы без ведома противника завладеть его территорией для своей пользы, ни чего-то другого, благодаря чему военачальник мог бы приобрести какой-либо почет и добрую славу. Большинство из того, чем они постоянно оскорбляли полководца, оказалось для него не слишком горестным и городу причинило небольшой ущерб, но их последняя выходка принесла немалую опасность и великое бесславие и тому и другому. 3. Когда оба войска в полных боевых порядках вступили в сражение всеми

⁶ Эквы — племя, жившее к востоку от Рима, на территории от Тибра и Пренесте до Фуцинского озера.

⁷ Тиррены, т. е. этруски, жили к северу от Рима сразу за рекой Тибр.

своими силами на пространстве посреди холмов, где оба войска разбили лагерь, римляне, совершив много блестящих подвигов и принудив противника к бегству, тем не менее не стали преследовать его при отступлении, несмотря на неоднократные увещевания полководца, и даже не пожелали остаться для осады вражеского лагеря, но, бросив доброе начинание незавершенным, вернулись в расположение своего лагеря. 4. А так как некоторые из римлян попытались провозгласить консула императором⁸, то воины, собравшись вместе, стали громко орать и поносить командующего бранными словами за то, что он — де из-за невежества в военных делах погубил многих и лучших из воинов. Помимо прочих оскорблений и бесчинств они также потребовали от него свернуть лагерь и отвести их обратно в город, потому что они, дескать, не будут в состоянии выдержать еще одну битву, если неприятель снова атакует их. 5. Когда же командующий начал увещевать их, они не изменили своего мнения, и хотя он сетовал и умолял их о помощи, они никак не сострадали этим мольбам; они не принимали во внимание ни угрозы, ни проявления суровости (так как он и к ним прибегал), но лишь раздраженные всем этим, остались при своем. Такое неподчинение власти и пренебрежение командующим среди некоторых из них стало настолько явным, что где-то около полуночи они без какого-либо приказа принялись сворачивать палатки, собирать оружие и подбирать раненых.

IV. Когда полководец узнал об этом, он, опасаясь полной утраты власти над ними и их дерзости, вынужден был дать приказ всем о выступлении. Воины же выступили с такой поспешностью, словно вновь спасались бегством, и уже на рассвете достигли Рима. Но дозорные на стенах, не узнав дружеское войско, начали вооружаться и призывать друг друга, в то время как весь город наполнился тревогой и смятением, как при большом бедствии. И стражи открыли ворота войску не раньше чем рассвело и римское войско было опознано. 2. Итак, помимо позора, которым римляне покрыли себя из-за оставления лагеря, они подвергли себя еще и немалой опасности, беспорядочно отступая в темноте через владения противника. Ведь если бы тиррены, проведав об этом, сразу начали преследовать уходящих, то ничто не воспрепятствовало бы гибели всего войска. А причиной такого неразумного бегства была, как я уже сказал, ненависть народа к предводителю, дабы он, осененный одержанной победой, не получил триумфа и не приобрел высшей славы. 3. На следующий день тиррены, узнав об уходе римлян, сняли доспехи с их павших воинов⁹, подобрали их стонущих раненых, разграбили брошенные в лагере римлян запасы (а они были велики, так как готовилась длительная война), после чего, словно одолев противника, разорили окрестности и отвели войско домой.

⁸ Греческий термин «автократор» соответствует здесь латинскому «император» в древнейшем значении главнокомандующего, одержавшего убедительную победу (примеч. Л. Л. Кофанова).

⁹ Захват вражеских доспехов был особенно почетен, так как свидетельствовал о воинской славе каждого конкретного воина. Если доспехи снимал вождь с вождя, то они назывались «тучными» (spolia opima).

V. Назначенные же после них консулами Гней Манлий и Марк Фабий¹⁰ (последний был избран во второй раз) в связи с решением сената направить против города вейян столь значительные силы, сколь только они смогут набрать, назначили день, в который намеревались провести запись в войско. Но так как один из плебейских трибунов, Тиберий Понтифиций, стал чинить им препятствия в наборе и призывал к вынесению решения по поводу земельных участков, то консулы, обхаживая некоторых из его коллег точно так же, как то делали и прежние консулы, раскололи эту магистратуру, после чего с большим успехом исполнили волю сената. 2. Произведя за несколько дней набор, они выступили против врагов, каждый ведя по два легиона как римлян, набранных в самом городе, так и посланных от колонистов и союзников. К тому же к ним прибыл еще и вспомогательный отряд от латинов и герников, вдвое больший, чем они звали. Римляне же всем их отрядом не воспользовались, но, выразив им искреннюю благодарность за готовность помочь, отослали половину присланного войска обратно. 3. А под городом они выстроили еще и третье войско, состоящее из двух легионов юношей, чтобы оно несло защиту окрестностей на случай, если вдруг неожиданно появится какое-то другое вражеское войско. А тех, кто был старше призывного возраста, но способен носить оружие, они оставили в городе, чтобы те защищали стены и крепости. 4. Приведя армии к городу Вейи¹¹, консулы расположились лагерями на двух холмах, находящихся один вблизи другого. Войско противника также было выведено за стены города и оказалось крупным и отборным. Ведь из всей Тиррении сошлись самые могущественные мужи, приведя с собой и своих подданных, так что войско тирренов было не менее значительным, чем римское. 5. На консулов, которые видели и численность противника, и величие его оружия, напал великий страх, как бы они не проиграли сражение, выступив против дружного неприятеля, в то время как их собственное войско находилось в состоянии мятежа. Им показалось необходимым, укрепив лагерь, затянуть войну, и они ожидали, что если из-за безрассудного презрения к ним дерзость противника возрастет, то это даст римлянам некоторое преимущество. После этого происходили незначительные перестрелки и короткие стычки легковооруженных воинов, однако никакой важной или заметной брани не было.

VI. А тиррены, досадуя на затягивание войны и порицая римлян за трусость, ибо те не вступали в битву, и считая, что римляне оставили поле боя за ними, очень возгордились. Еще более тиррены утвердились в своем презрении к войску противника и в пренебрежении к консулам из-за предположения, что само божество помогает им в войне. 2. Дело в том, что в шатер одного из консулов, Гнея Манлия, ударила молния, разорвав полотнище палатки, опрокинув очаг и осквернив предметы воинского оружия: одни опалив, а другие полностью разбив. Молния убила самого красивого из

¹⁰ Ливий (II. 42. 7) называет вторым консулом Луция Валерия.

¹¹ Вейи — этрусский город в 18 км к северу от Рима.

коней, которым консул пользовался в бою, и кое-кого из слуг. 3. И так как авгуры объявили, что боги предвещают этим взятие лагеря и гибель лучших мужей, то Манлий, подняв войско, увел его посреди ночи в другой лагерь и расположился там вместе со своим коллегой. 4. Тиррены же, узнав об уходе военачальника и услышав от некоторых пленников, по каким причинам это произошло, вознеслись в мыслях еще выше, будто само божество воюет с римлянами, и возымели еще большую надежду одержать верх над ними. Тем более что и их прорицатели, решив рассмотреть небесное знамение с большей точностью, чем где-либо еще, чтобы узнать, откуда возникают удары молний, какие места принимают их, после того как удар проходит, каким из богов каждый из них совершается и о каком добре или зле объявляет, в итоге посоветовали напасть на противника, разъясняя следующим образом случившееся у римлян знамение: 5. если молния ударила в шатер консула, в котором находился штаб войска, и весь его вплоть до очага уничтожила, то этим божество указало на бегство всего войска из лагеря после взятия его силой и на гибель отборных людей. 6. «Если же, — сказали они, — римляне останутся там, куда был нанесен удар, удерживая это место за собой, и не перенесут значки, то божество, негодуя на римлян, удовлетворит гнев захватом одного лагеря и гибелью одного войска; но если они, стремясь быть мудрее богов, перейдут со всем войском в другой лагерь, оставив это место пустым, будто не людям бог дает знамения судьбы, а местам, то гнев божества станет общим для всех римлян, как для снявшихся с места, так и для тех, кто их примет. 7. И поскольку римляне, после того как божественный рок объявил оракул о том, что один их лагерь будет покорен силой, не стали ожидать того, что должно свершиться, но сами сдали этот лагерь противнику, то тот лагерь, который принял воинов покинутого лагеря, будет покорен силой вместо оставленного».

VII. Тиррены, услышав от прорицателей такую весть, посылают часть своего войска захватить опустевший лагерь римлян, чтобы создать оплот против другого лагеря: ведь тот лагерь был сильно укреплен и находился в месте, очень удобном для задержки тех, кто продвигался от Рима к стоянке противника. Проделав и прочее из того, что было задумано для получения превосходства над врагами, они вывели свои силы на равнину. 2. Когда же римляне продолжали оставаться в бездействии, самые отважные из тирренов, подъезжая верхом и останавливаясь близ укреплений, обзывали всех римлян «бабами», и бранили их вождей, крича, что те подобны самым трусливым из тварей, и что пусть сделают одно из двух. Если они считают себя доблестными воинами, то, спустившись на равнину, пусть разрешат спор в одной битве; если же признают, что они трусливы, то пусть передадут оружие более сильным и подвергнутся наказанию за совершенное, и пусть тогда не считают себя больше достойными чего-то великого. 3. Тиррены делали это ежедневно, но ничего не достигнув, решили обнести римлян стеной, чтобы голодом вынудить их подчиниться. А консулы долгое время не обращали внимания на происходящее вовсе не из-за трусости или малодушия (ведь они были мужественны и воинственны), но из подо-

зрения, что их воины намерены действовать предательски и не желают подчиниться им, что стало свойственно плебеям с того времени, как они подняли шум по поводу наделения землей. Ведь у консулов еще звучало в ушах и стояло перед глазами то, как в прошедшем году разгневанные плебеи опозорили честь консула и достоинство Рима, когда свели победу к поражению и подвергли себя несправедливому позору бегства только для того, чтобы муж сей не получили победного триумфа.

VIII. Поскольку ни наказаниями какой-то одной части нельзя было вразумить остальных, многочисленных и наглых воинов с оружием в руках, ни уговорами побудить к повиновению не желающих подчиниться, то консулы, желая раз и навсегда удалить дух бунтарства из войска и вернуть весь народ к прежнему единомыслию, только в это и вкладывая всю свою волю и мудрость, решили, что только две следующие причины переменят бунтовщиков: первая для тех, кто был более здравого нрава (ведь в толпе нечто подобное случается), — это стыд от порицания их противниками, и вторая для тех, кто не легко поддается вступлению на достойный человека путь — это необходимость, которой всякая человеческая природа покоряется. 2. Чтобы и то и другое произошло, они побуждали врага не только позорить их словом, осуждая бездействие как трусливость, но и многочисленными делами, выражающими презрение и гордыню, дабы тем самым вынудить проявить свою смелость тех, кто добровольно не желал делать этого. Ибо когда это произойдет, консулы возлагали большие надежды на то, что к палатке полководца придут те, кто будут особенно сильно возбуждены, они начнут громко кричать и потребуют вести их против врага. Именно так все и случилось. 3. Ведь когда враги вышли из лагеря и начали окружать римлян рвом и валом, те, вознегодовав на такие действия, сначала небольшими группами, а потом все вместе бросились к шатрам консулов, крича и обвиняя их в измене, и заявили, что если никто не возглавит их вылазку, они отдельно от консулов возьмутся за оружие и сами выступят против врага. 4. Так как это требование исходило ото всех, то полководцы, полагая, что наступило мгновение, которого они ждали, приказали ликторам созвать народ на сходку. И Фабий, выйдя вперед, сказал следующее:

IX. «Запоздало же явилось ваше раздражение из-за оскорблений врагов, воины и командиры, поскольку это желание каждого из вас схватиться врукопашную с врагами пришло к вам слишком поздно. Ведь вы должны были сделать это много раньше, когда они в первый раз вышли из укреплений и пожелали начать битву. Тогда-то, без сомнения, борьба за верховенство была бы славной и достойной духа римлян. Теперь же она стала вынужденной, и даже если эта борьба завершится успешно, она уже не принесет такой славы. 2. Но и сейчас вы все же поступаете достойно, желая исправить промедление и вернуть утраченное, и горячая благодарность вам за это стремление к наилучшему, и не важно, пришло ли оно благодаря вашей доблести (ведь лучше поздно, чем никогда, начать делать то, что необходимо), или все вы и в самом деле, пришли к общему умозаключению о том, как следует поступать, и жажда битвы захватила вас всех. 3. Но еще и теперь мы опасаемся, как бы недовольство плебеев

власть имущими по поводу земельных участков не стало причиной большого вреда для всей общины; и нас охватило подозрение, что вопли и негодование, связанные с выступлением, родились не от общей единой цели, но лишь от готовности выйти из лагеря — одних, чтобы в самом деле отомстить противнику, других же — чтобы тайком разбежаться. 4. Что касается причин, которые вынудили нас подозревать это, то они связаны не с догадками или предположениями, но с очевидными поступками, причем не старыми, но произошедшими в прошлом году. Ведь помните, что, когда против этих вот самых врагов вышло многочисленное опытное войско и когда первая битва была нами выиграна, и командующий вами консул Цезон, мой брат, мог не только разрушить лагерь врагов, но и принести отечеству блистательнейшую победу, кое-кто из воинов, завидуя его славе, так как он не был другом народа и в государственных делах не угождал беднякам, первой же ночью после битвы, свернув палатки, без приказа бежали из лагеря, не только не учтя опасности, угрожавшей им из-за беспорядка и отсутствия командира при уходе с вражеской земли, но еще и совершив это ночью. Они не учли даже того позора, которым они неизбежно покроют себя, уступив победу врагу, разумеется, в той мере, в какой это зависело от них; и ведь все это совершили победившие по отношению к побежденным. 5. Страшась, трибуны, центурионы и воины, что подобные люди, не могут ни командовать, ни подчиняться, и к тому же они многочисленны, дерзки и вооружены, мы и раньше не хотели вступать в смертельную битву, и теперь еще не уверены в том, что при таких вот помощниках следует считать сражение за лучшее, опасаясь, как бы из-за тех, кто все отдает на откуп собственной благосклонности, не возникли какие-нибудь препятствия и ущерб. 6. Если же, однако, Фортуна¹² обратила их разум к лучшему именно теперь и они покончили с мятежным настроением, от которого гражданству наносился обильный и значительный урон, или же по крайней мере откладывая бунт до более подходящего мирного времени, и пожелали исправить прошлый позор сегодняшней доблестью, то пусть ничто уже не послужит препятствием к тому, чтобы вы выступили против врага, обретя надежду на славу. 7. Мы имеем также и многие другие мощные и действенные средства для победы, которые нам предоставляет сама неразумность врагов. Хотя они и превосходят нас численностью своего войска и только этим одним способны противостоять нашей отваге и нашему опыту, однако они сами лишили себя этого единственного преимущества, растратив большую часть войска на охрану укреплений. 8. Кроме того, в то время как им нужно будет с осторожностью и расчетливостью защищать каждое свое укрепление, одновременно им надо будет еще и опасаться столь многочисленных и гораздо более отважных, нежели они, воинов, так что они подвергнут себя серьезному риску, если кинутся в битву неосторожно, как если бы они в самом деле были непобедимыми воинами, а мы трепетали бы перед ними. По крайней мере об этом свидетельствуют

¹²Фортуна — римская богиня счастливой судьбы. Соответствует греч. богине Тихе.

и возведенные ими вокруг нашего лагеря рвы, и набеги их конницы на наши укрепления, и многие другие их наглые в словах и делах поступки. 9. Принимая это в расчет и помня о прежних многочисленных и славных битвах, принесших вам победу, выступите с готовностью и на эту вот битву. И в каком бы месте каждый из вас ни стоял, пусть он знает, что оно-то и есть и его дом, и его кусок земли, и его отечество; и спасая своего соседа по строю, пусть он знает, что спасает самого себя, а покидая ближнего — самого себя предает врагам. Но прежде всего вы должны помнить о том, что когда бойцы стоят твердо и сражаются, то потери их незначительны, а когда отступают и обращаются в бегство, то спасаются совсем немногие».

X. И когда он еще призывал римлян к благородству и расточал слезы попеременно со словами, называя по имени каждого из центурионов, трибунов и прочих воинов, каждого из которых он знал как награжденного за какое-то блистательное деяние в сражениях, и обещал дать отличившимся в бою многочисленные и большие награды соответственно величию деяний — почести, богатства и прочую помощь, все подняли крик, призывая его воспрянуть духом и требуя, чтобы он вел их на битву. 2. Как только он закончил речь, из толпы вышел некто по имени Марк Флаволей, плебей, живущий собственным трудом, не из числа безвестных, но отмеченный за свои доблести и опытный в военном деле, вследствие обеих этих причин наделенный блистательной властью в одном из легионов: закон велит, чтобы шестьдесят центурий повиновались этой власти и исполняли ее приказания. Таких предводителей римляне на своем родном языке называют примипилами. 3. Этот муж (а был он помимо прочих достоинств велик ростом и хорош собой), встав там, откуда он был виден всем, сказал так: «Если вы, о консулы, опасаетесь, как бы наши дела не разошлись со словами, то я первый высшей клятвой верности от своего имени предоставлю ручательства этого обещания. И вы, мои сограждане и сотоварищи по общей судьбе, все те, кто решит привести дела в соответствие со словами, не ошибетесь, поступив так же, как и я». 4. Сказав это и подняв меч, он дал клятву, как заведено в обычаях у римлян, и была эта клятва крепчайшим, добрым ручательством за себя самого в том, что он вернется в город лишь после победы над врагами, при других же обстоятельствах — нет. Когда Флаволей произнес эту клятву, все стали его восхвалять; и тотчас же оба консула сделали то же самое, затем и нижние военные чины — трибуны и центурионы — и, наконец, вся масса воинов. 5. Когда это произошло, всеми овладела огромная радость и большая признательность друг к другу, отвага и опять же мужество. И разойдясь со сходки, одни взнуздывали лошадей, другие затачивали мечи и копыя, третьи чистили боевые доспехи; и спустя немного времени все войско было готово к сражению. 6. А консулы, обетами, жертвоприношениями и молитвами призвав богов стать предводителями их выступления, вывели войска из лагеря строем и в боевых порядках. Тиррены, узрев их, выходящих из оборонительных сооружений пришли в изумление и в свою очередь двинулись на врага всеми своими силами.

XI. Когда же и те и другие выстроились на равнине, и трубы дали знак к битве, они с боевым кличем бросились навстречу друг другу; и столкнувшись всадники со всадниками, а пешие с пешими, вступили в схватку, и с обеих сторон произошло страшное кровопролитие. Правый фланг римлян, которым командовал консул Манлий, отбросил противостоящего им противника, и всадники, сойдя с лошадей, начали сражаться пешими. Однако на левом фланге римляне были окружены правым крылом противника. 2. Ведь фаланга тирренов в этом месте выступала за ряды римской и намного превосходила ее в глубину. Римское войско пришло здесь в расстройство и испытало множество ударов. Командовал же этим флангом Квинт Фабий, легат и проконсул¹³, который дважды был консулом. И Фабий долгое время держался, получив множество ранений, но затем он, раненный копьем в грудь, причем острие проникло глубоко вовнутрь, падает, истекая кровью. 3. Когда об этом узнал один из консулов, Марк Фабий (он командовал центром фаланги), то, взяв отборные центурии и призвав на помощь другого своего брата, Цезона Фабия, он прошел позади собственной фаланги и продвинулся до тех пор, пока не миновал правый фланг противника и не добрался до тех, кто был окружен. Обрушившись на врага, он учинил в его рядах настоящую резню, обратил в бегство их передовых и, найдя брата еще живым, поднимает его. 4. Тот же, прожив недолго, умирает; у мстителей за него гнев против врага стал от этого еще больше и острее; не заботясь теперь о собственных жизнях, они с немногими воинами бросились в самую гущу плотно стоящего противника, нагромождая вокруг себя груды мертвецов. 5. И именно в этой части строй тирренов в самом деле начал ослабевать, а те, кто прежде теснили противника, теперь сами были отброшены побежденными. Римляне же на левом фланге, где был Манлий, хотя уже были истощены и почти что начали отступление, также обратили своих врагов в бегство. Дело в том, что кто-то, метнув копье, ранил Манлия в колено, пробив его острием вплоть до поджилок, и окружавшие римляне подхватили и понесли его в лагерь. Враги, решив, что предводитель римлян умер, воспряли духом, и так как к ним подоспела подмога, налетели на римлян, не имеющих командира. 6. И вновь Фабии вынуждены были покинуть левый фланг, чтобы помочь правому. Тиррены же, узнав, что он приближается с сильным отрядом воинов, прекращают дальнейшее преследование, смыкают ряды и начинают битву в боевом порядке, потеряв немало своих, но и убив многих из римлян.

XII. Тем временем тиррены, захватившие покинутый Манлием лагерь, как только от палатки полководца был дан сигнал к сражению, на большой скорости и с великим рвением поспешили к другому лагерю римлян, подозревая, что он охранялся незначительной силой. Их предположение оказалось верным. Ведь помимо триарнев¹⁴

¹³ Легат — здесь: назначаемый сенатом заместитель командующего армией; проконсул — бывший консул.

¹⁴ Триарины — опытные воины, которые в сражениях ставились в третьем ряду или в резерве боевого строя.

и немногих иных молодых воинов остальная масса в лагере состояла из торговцев, слуг и ремесленников. Разразилась тяжелая схватка многих воинов, сошедшихся на узком пространстве (ведь сеча шла около ворот), и с обеих сторон множество пало убитых. 2. В этом деле погибает и консул Манлий. Он поспешил с отрядом всадников на помощь, но когда конь под ним пал, он, свалившись вместе с ним, из-за множества ран уже не имел сил подняться на ноги; вместе с ним погибли и многие другие достойные юноши. После этого поражения лагерь тотчас же был захвачен, и предсказания тирренов получили подтверждение. 3. Если бы они тогда сумели удержать свалившуюся на них удачу и охраняли бы лагерь, то удержали бы за собой пожитки римлян и вынудили их позорно отойти. Теперь же, обратившись к грабежу оставленного и охладев ко всему остальному, они упустили из рук уже почти пойманную добрую добычу. Ведь, когда до второго консула дошла весть о взятии лагеря, он поспешил туда с отборной конницей и пехотой. 4. Тиррены, заметив его приближение, окружили лагерь, и началась жестокая битва тех, кто хотел вернуть свое имущество, и тех, кто опасался, как бы из-за захвата лагеря не погибнуть всею войску. По прошествии времени тиррены все еще имели большое преимущество, ведь они сражались с возвышенности и против уставших за целый день воинов. 5. Тогда Тит Сикций, легат и проконсул, сообщив консулу свой замысел, посоветовал дать сигнал, и собрав всех в одном месте, напасть с той стороны лагеря, где укрепления были особенно удобны для приступа. Пространство же у ворот он советовал оставить без внимания по некоему справедливому расчету, который его не обманул, что тиррены, надеясь спастись, скорее покинут лагерь, если же они будут лишены надежды на это, будучи со всех сторон окружены врагами и не имея никакого выхода, то поневоле будут мужественны. 6. Когда начался приступ в одном единственном месте, тиррены не прибегли к сопротивлению, но открыв ворота, бросились спасаться в собственном лагере.

XIII. Консул, предотвратив эту угрозу, снова поспешил на выручку тем, кто находился на равнине. Говорят, эта битва стала величайшей из всех браней, что были у римлян прежде, как по числу участников, так и по длительности времени и по изменчивости судьбы. Ведь самих римлян из города, отборных и цветущего возраста, насчитывалось более двадцати тысяч пеших воинов, всадников в четырех легионах было почти что тысяча двести, а кроме того, из колонистов и союзников имелось еще одно такого же размера войско. 2. По времени битва, начавшись немногим ранее полудня, затянулась вплоть до захода солнца. И удача очень долго колебалась то в ту, то в другую сторону — то к победе, то к поражению. Погибли и консул, и легат, дважды облакавшийся консульской властью, и много других командиров — трибунов и центурионов, в общем, гораздо больше, чем когда-либо. Победа в битве, судя по всему, осталась за римлянами по той единственной причине, что тиррены с наступлением ночи, покинув лагерь, ушли. 3. На следующий день римляне обратились к разграблению оставленного тирренами лагеря и похоронили своих погибших, а затем вернулись в свой лагерь. Там, созвав воинов на сходку, они раздали почетные

награды тем, кто отличился в сражении, первому же — Цезону Фабию, брату консула, явившему дела великие и удивительные; второму — Сикцию, содействовавшему возвращению лагеря; а третьему — Марку Флаволею, командиру отряда, как за его клятву, так и за мужество, проявленное в тяжелой обстановке. 4. Совершив это, они оставались несколько дней в лагере, а затем, так как никто со стороны врагов не являлся для битвы, вернулись домой. Хотя все в Риме пожелали воздать оставшемуся в живых консулу честь победного триумфа за величайшую битву, получившую наилучшее завершение, консул отказался от их дара, говоря, что ему не годится, да и не позволительно после гибели брата и при утрате коллеги по должности, шествовать в триумфальной процессии и носить лавровый венок. Сложив боевые знамена и распустив воинов по домам, он клятвенно отрекся от консульской должности, хотя оставалось еще два месяца до конца года, так как у него уже не было сил исполнять эту власть. Ведь он страдал от очень тяжелой раны и лежал в постели.

XIV. После того как сенат назначил междуцарей для избрания должностных лиц и второй междуцарь созвал центурии на Поле¹⁵, Цезон Фабий, отмеченный наградой за битву, брат того, кто сложил с себя власть, избирается консулом в третий раз, а с ним Тит Вергиний. Они, разделив войско, выступили в поле: Фабий для войны против эквов, грабивших поля латинов, а Вергиний — против вейян. 2. Как только эквы провели, что к ним приближается войско, они поспешно очистили вражескую округу и отошли в свои города. После этого, когда их собственная земля подверглась опустошению, они терпели его, так что консул с первых же шагов овладел значительным имуществом, рабами и другой добычей. Вейяне же сначала оставались внутри городской стены, а потом, решив, что наступил подходящий срок, набросились на врагов, которые были рассеяны по равнине и предавались грабежу добычи. 3. С многочисленным и выстроенным в боевой порядок войском вейяне напали на них и отняли награбленное, а сопротивлявшихся — одних убили, а других обратили в бегство. И если бы Тит Сикций, который был тогда легатом, не задержал вейян, подоспев на помощь во главе отрядов пехотинцев и всадников в боевом строю, то ничто бы не помешало гибели всего войска. Пока он таким образом сдерживал противника, остальные воины, рассеянные поодиночке, успели пока не поздно собраться вместе. Соединившись, они уже поздно вечером заняли холм и всю следующую ночь закреплялись на нем. 4. Вейяне же, обрадованные успехом, близ этого холма разбили стоянку и послали в город за подкреплением, полагая, что заперли римлян в таком месте, куда те не смогут доставить никакого продовольствия, и тем самым вскоре принудят их сложить оружие. И когда к ним пришло значительное подкрепление, вейяне разместили уже два войска на удобных для нападения склонах холма, а множество других небольших сторожевых постов расставили в наименее удобных местах, так что все вокруг было наводнено оружием. 5. А второй консул, Фабий, узнав из

¹⁵ Имеется в виду Марсово поле, где проводились центуриатные комиции (примеч. Л.Л.Кофанова).

полученного от своего коллеги письма, что запертые на холме находятся в бедственном положении и постоянно подвергаются опасности, и если им кто-нибудь не поможет, то они будут покорены голодом, поднял войско и поспешно повел его на вейян. И если бы он опоздал хотя бы на один день, то все было бы бесполезно, так как он обнаружили бы там уже уничтоженное войско. Ведь защитники холма, стесненные недостатком самого необходимого, выступили из лагеря, дабы погибнуть самой благородной из смертей, и, напав на врага, начали сражаться, в большинстве своем изнуренные голодом, жаждой, бессонницей и прочими страданиями. 6. Но немного времени спустя, когда показалось войско Фабия, крупное идвигающееся стройными рядами, римлян охватила отвага, а врагов — страх; и вейяне, вовсе не надеясь, что они достаточно сильны, чтобы вступить в битву с отменными свежими силами, ушли, бросив свой лагерь. Когда же оба войска римлян соединились, консулы соорудили в укрепленном месте близ города большой лагерь, где провели довольно много времени, опустошив лучшие земли вейян, после чего отвели войско домой. 7. Как только вейяне узнали, что войска римлян распущены от войсковых значков, то, собрав всю легковооруженную молодежь, как ту, которую они сами поставили в строй, так и прибывшую из соседних земель, они снова вторглись на равнины, примыкавшие к их полям, и разграбили наиболее обильные плодами, стадами и людьми уголья. Ведь земледельцы уже вышли из убежищ для заготовки сена скоту и обработки пашни, полагаясь на защиту их собственного войска, которое стояло тогда лагерем между ними и противником. Когда же это войско ушло, они не спешили вернуться, так как не ожидали, что вейяне, потерпевшие столько поражений, так скоро вновь нападут на своего неприятеля. 8. Это вторжение вейян в пределы римлян было недолгим по продолжительности, но очень серьезным по величине пройденного ими пути, что вызвало у римлян необыкновенный стыд, смешанный с печалью, так как враг дошел вплоть до реки Тибр и холма Яникул, удаленных от Рима меньше чем на двадцать стадиев¹⁶. Ведь не было никаких стоявших под военными значками воинских сил, которые помешали бы врагам продвинуться еще дальше. В любом случае отряды вейян ушли прежде, чем римляне смогли собрать и распределить по центуриям свое войско.

XV. Когда же после этого консулами был созван сенат и на нем стал обсуждаться вопрос, каким способом надлежит вести войну с вейянами, возобладало мнение, что следует поставить собранные войска на границах, чтобы они держали под охраной сельскую округу, пребывая под открытым небом в постоянной боеготовности. Но сенаторы были обеспокоены чрезмерными будущими расходами на заставы, так как и государственная казна истощится на содержание постоянного войска, и средства отдельных людей не выдержат тяжести военных налогов. А еще больше их волновал набор посылаемых гарнизонов, так как каким бы способом он ни происходил, никто добровольно, конечно, не взвалит на себя службу на границе и не посменные, а

¹⁶ Стадий равнялся 177 метрам 60 см.

непрерывные лишения. 2. Так как сенат тревожился по двум этим поводам, то оба Фабия, созвав тех, кто принадлежал к их роду, и посоветовавшись с ними, предложили сенату, что они добровольно претерпят все тягости за все гражданство и, собрав своих клиентов и друзей, отправятся в поход на собственные средства, сколько бы времени ни длилась война. 3. Все восхитились благородству их стремлений и возложили свои надежды на это единственное предприятие, прославляемое под крики одобрения всех горожан. Сопровождаемые молитвами и жертвоприношениями Фабии выступили в поход. Предводительствовал же ими Марк Фабий, консул прошлого года, победивший тогда тирренов в сражении; он вел более четырех тысяч воинов, из которых большая часть состояла из его клиентов и друзей, а из самого рода Фабиев было триста шесть мужей. Спустя недолгое время за ними последовало и войско римлян, которым командовал Цезон Фабий, один из консулов.

4. Оказавшись близ реки Кремера, протекавшей неподалеку от города Вейи, они на каком-то обрывистом и омываемом со всех сторон холме воздвигли против Вей укрепление, способное укрыть столь значительное войско, окружив его двойными рвами и возведя частые башни. Крепость была названа по реке Кремера. Строительство было закончено гораздо быстрее, чем думали, так как трудилось множество рук и сам консул помогал им. 5. После всего этого они вывели войско и направились в другую часть владений вейян, которые прилегали к той части Тиррении, где паслись стада вейян, никак не ожидавших, что войско римлян займется туда. Захватив большую добычу, римляне отошли к недавно отстроенному укреплению, радуясь награбленному по двум причинам: из-за скорого отмщения врагам и потому, что хотели снабдить обильными запасами воинов гарнизона. Ведь ничего из захваченного консул не отдал в казну и не распределил среди воинов, но и отары овец, и рабочий скот, и телеги с воловыми упряжками, и железные орудия, необходимые для земледелия, они передали пограничной страже. 6. Проделав это, они отвели войско домой. У вейян же после возведения на границе заставы дела стали совсем плохи — они уже не могли безопасно ни обрабатывать землю, ни получать съестные припасы, привозимые извне. 7. Ведь Фабии разделили войско на четыре отряда, и один из них охранял укрепление, а с тремя остальными они постоянно рыскали по сельской округе противника, собирая добычу. И хотя вейяне нередко открыто нападали на них с немалыми силами или устраивали засады в удобных укрепленных местах, тем не менее Фабии и в том и в другом случае оказывались на высоте и, перебив множество из них, возвращались без потерь. Так что противники уже не отваживались вступать с ними в открытое сражение, но оставались запертыми в стенах в течение долгого времени и лишь иногда тайно совершали вылазки; вот так закончилась эта зима.

XVI. А когда в следующем году консульство получили Луций Эмилий и Гай Сервилий¹⁷, римлянам сообщили, что вольски и эквы заключили договор, чтобы вместе

¹⁷ 478 г. до н.э. (= 476 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. II. 49. 9.

вывести войска против них, и что скоро они вторгнутся в римские края. Сообщение подтвердилось быстрее, чем кто-либо ожидал. Оба народа с войсками вступили в пределы римских владений, каждый со своей стороны, полагая, что римляне, ведя тирренскую войну, окажутся не в состоянии противостоять их набегу. 2. А затем другие пришедшие в Рим вестники сообщили, что вся Тирренция собирается вести войну против них и готовится отправить вейянам соединенное союзное войско. Дело в том, что вейяне, оказавшись не в состоянии истребить заставу римлян своими силами, обратились к ним за помощью, напомнив о родстве и дружбе, и перечисляя многочисленные войны, в которых они участвовали вместе с ними, и по этим причинам считая правильным, чтобы вся Тирренция вместе с ними поднялась на борьбу против римлян, ибо вейяне охраняют подступы ко всей Тирренции, и чтобы таким образом исходящая от Рима война была разделена между всеми ее единоплеменными народами. Тиррены, убежденные ими, взялись отправить им столь значительную союзную рать, какую те посчитали достаточной. 3. Узнав обо всем этом, римский сенат постановил послать три войска. Спешно были составлены списки граждан, подлежащих военной службе, и Луций Эмилий сразу же был отправлен против тирренов. Вместе с ним в поход выступил и Цезон Фабий, недавно сложивший с себя консульскую власть и попросивший сенат поручить ему отправиться в Кремеру к своим родичам, которых вывел туда его брат, чтобы вместе с ними нести дозор в крепости и участвовать в сражениях. Облеченный проконсульской властью, он выступил вместе со своими сторонниками. 4. Второй консул Гай Сервилий отправился в поход против вольсков, а проконсул Сервий Фурий — против племени эквов. Каждому из них подчинялось по два легиона римлян, и еще вспомогательные силы латинов, герников и иных союзников, численностью не меньше римского войска. У проконсула Сервия война шла, как задумано, и быстро завершилась. Ведь в одной битве он повернул эквов назад, да и битва была не трудной: с первого же удара он обратил врагов в бегство, а после этого подверг разграблению их уголья, в то время как сами эквы укрывались в крепостях. 5. У Сервилия же, второго из консулов, ввязавшегося в сражение поспешно и самоуверенно, возникло множество препятствий на пути к осуществлению его замысла, так как вольски оказали ему весьма упорное сопротивление. Поэтому он, потеряв многих отличных воинов, был вынужден прекратить сходить с противником в поле, но, пребывая в лагере, проводить военные действия в метаниях издала стрел и копий и в стычках легковооруженных воинов. 6. А Луций Эмилий, отправленный против тирренов, увидев, что вейяне и с ними крупное вспомогательное войско от родственных им народов выступили на поле перед их городом, отнюдь не намереваясь воздерживаться от сражения. Но помедлив лишь один день, когда он разбивал лагерь, Эмилий вывел войско на битву, в которую вейяне вступили с чрезвычайной отвагой. Так как силы оказались равными, то Эмилий, взяв всадников, бросается на врагов на правом фланге и, расстроив его, спешит на другой фланг, сражаясь на лошадях, если местность позволяла это. Там же,

где это было невозможно, они, спешившись, дрались в пешем строю. Так как оба фланга тирренов были теснимы римлянами, то не выдержал и центр, но был отброшен римской пехотой и после этого все они побежали в лагерь. 7. Эмилий же преследовал бегущих в полном боевом порядке и многих из них уничтожил. Подступив к лагерю, он посменно атаковал его, продолжая приступы в течение дня и ночи, а на следующий день, когда враги изнемогли от усталости и бессонницы, становится обладателем лагеря. Ведь тиррены, увидев, что римляне уже повсюду взбираются на часток, бросив лагерь, бежали, одни — в город, другие — в близлежащие горы. 8. Консул в этот день оставался в лагере врагов, на следующий же день он, отметив наиболее отличившихся в битве воинов блестящими дарами, все захваченное внутри лагеря — и рабочий скот, и пленных, и палатки, набитые всяким добром, — передал воинам. И войско римлян обогатилось так, как никогда после другой какой битвы. Ведь народ тирренов вел изнеженный и роскошный образ жизни, поэтому и дома, и на войне они возили с собой без необходимости разнообразные предметы искусства, созданные для наслаждения и неги.

XVII. А на следующий день уже отчаявшиеся под бременем несчастий вейяне отправили к консулу старейших граждан, несших оливковые ветви, чтобы те начали с ним переговоры о мире. И эти мужи со стенаниями и мольбой, и всем тем, что может возбудить жалость, рассказывая все со слезами на глазах, уговаривают консула позволить им отправить в Рим послов, которые поведут с сенатом переговоры о прекращении войны, а до тех пор, пока послы не возвратятся с ответом, они просили не причинять им вреда. А для того чтобы римлянам можно было так поступить, они обещали поставить римскому войску хлеба на два месяца и деньги для жалования воинам на шесть месяцев, как это назначил победитель. 2. Консул же, приняв то, что было принесено, и раздав все воинам, устанавливает с вейянами перемирие. А сенат, выслушав посольство и прочитав послание консула, в которых тот настоятельно просил и советовал как можно быстрее закончить войну с тирренами, вынес постановление даровать мир, как этого и просили враги, и распорядился, чтобы консул Луций Эмилий сам назначил условия, на которых будет заключен мир, причем такие, которые покажутся ему самыми подходящими для Рима. 3. Получив такой ответ, консул заключает договор в вейянами, установив мир скорее умеренный, нежели выгодный для победивших. Ибо он ни землю у них не отрезал, ни в другом каком-то имуществе не наложил пени и даже не подтвердил в условиях договора верность поверженного противника выдачей Вейями заложников. 4. Это вызвало серьезное недовольство им римлян и стало причиной того, что он не получил от сената благодарности за то, что все было так счастливо устроено. Ведь ему отказали в триумфе, хотя он и домогался его, а причиной отказа выставили его своеволие при заключении договора, потому что он совершил все сам, не спросив мнения сената. А чтобы он не воспринял это обстоятельство с обидой или с гневом, все проголосовали за то, чтобы он повел войско на помощь своему коллеге и тем самым, если сможет счастливо завершить

тамошнюю войну (а в этом человеке было огромное мужество), свел бы на нет то недовольство, с которым к нему относились за его прежние ошибки. Но муж сей, негодуя на проявленное к нему неуважение, сурово обвинил сенат перед народом, что тот, дескать, удручен тем, что освободился от войны с тирренами. И он заявил, что сенаторы поступают так из злого умысла и из-за презрения к беднякам, чтобы те, страшнув с себя войны, которые ведут в чужих краях, не стали бы требовать исполнения обещаний о наделах земли, относительно чего сенаторы вот уже который год морочат их. 5. Наговорив это и многое другое подобного рода и с неукротимым гневом осыпав патрициев упреками, он освободил от значков то войско, что сражалось под его началом, и, отправив за войском, что оставалось при проконсуле Фурии в земле эквов, также распустил его по домам. Всем этим он вновь дал плебейским трибунам полную свободу обвинять сенаторов в народном собрании и вносить раздор между бедными и богатыми.

XVIII. После этого консульскую власть принимают на себя Гай Горадий и Тит Менений. Произошло это в семьдесят шестую Олимпиаду¹⁸, на которой в состязаниях в беге на стадий победил Скамандр из Митилены, а архонтом в Афинах был Федон. Поначалу этим консулам мешали управлять государством внутренние волнения, потому что народ пребывал в возбуждении и не разрешал проводить никаких других общественных дел до тех пор, пока не будет разделена общественная земля; позднее же все те, кто возмущался и находился в волнении, подчинились, уступив тяжелой необходимости, и по доброй воле отправились в войско. 2. Ведь одиннадцать тирренских городов — те, что не приняли участие в заключении договора о мире, — созвав общее собрание, стали обвинять народ вейян в том, что они прекратили войну против римлян без общего согласия, и требовали, чтобы Вейи сделали одно из двух: либо разорвали заключенные с римлянами соглашения, либо вместе с Римом вступили в войну против тирренов. 3. Вейяне же приводили в свое оправдание неизбежность для них этого мира и предлагали всему сообществу рассмотреть, как они могли бы приличным образом расторгнуть этот мир. Затем, после обращения их с такой просьбой кто-то дает им совет относительно крепости Кремеры, откуда до сих пор не ушли римские стражи; пусть вейяне сначала на словах потребуют, чтобы они оставили эту местность, а если слова не возымеют действия, пусть возьмут это укрепление в осаду и таким образом начнут новую войну. 4. Уговорившись об этом, они покидают собрание и спустя немного времени вейяне, отправив посольство к Фабиям, потребовали у них сдать крепость, а между тем уже вся Тиррения была готова к войне. Римляне, узнав обо всем этом из донесения Фабиев, вынесли решение о том, чтобы оба консула отправились в поход: одну войну с Римом вела Тиррения, а вторую римляне продолжили против вольсков. 5. И вот Горадий, приняв командование двумя легионами римлян и таким же количеством воинов от остальных союзников,

¹⁸ 477 г. до н.э. (= 475 г. до н.э. по Дионисию). (Примеч. Л.Л. Кофанова).

двинул свою рать против вольсков. Менений же, возглавив весьма многочисленное войско, собирался предпринять поход против тирренов. Пока он готовился и тянул время, его опередили: укрепление в Кремере было разрушено врагами, а весь род Фабиев целиком уничтожен. О несчастье, происшедшем с этими мужами, передают два сказания: одно менее вероятное, другое — более правдоподобное. Я изложу оба рассказа в том виде, как я их услышал.

XIX. Итак, некоторые передают, что поскольку наступил срок некоего отеческого жертвоприношения, которое нужно было совершить роду Фабиев, то эти мужи с небольшим числом клиентов выступили из лагеря для совершения священных обрядов, и шли, не разведывая пути и не боевым строем, распределенные под знаменами по центуриям, но двигаясь беспечно, без предосторожностей, словно шли в мирное время по дружественной земле. 2. А тиррены, прознав заранее об их выступлении, часть войска оставили в засаде в одном месте у дороги, а с остальным воинством, выстроенным в боевом порядке, последовали за Фабиями. И когда Фабии приблизились к месту засады, тиррены, выскочив оттуда, напали на них, одни спереди, другие с боков, а немного позже с тыла на римлян набросилось войско и остальных тирренов. Окружив Фабиев со всех сторон и стреляя в них, кто из пращей, кто из луков, кто разными копьями, они, выпустив великое множество всякого рода метательных снарядов, всех уничтожили. 3. Этот рассказ мне все же представляется мало правдоподобным. Ведь невозможно, чтобы столь большое число мужей, несущих воинскую службу, ради принесения жертвы отправилось бы из лагеря в Рим без разрешения на то сената, поскольку священные обряды могли быть исполнены другими людьми, принадлежавшими к их роду, теми, кто уже достиг соответствующего возраста. Неправдоподобным было и то, что даже если все Фабии ушли из Рима и никого из их рода не оставалось у домашних очагов, они, держа в своих руках упомянутое укрепление, совсем оставили бы его без охраны: ведь было бы достаточно троих или четверых, которые вернулись бы в Рим и исполнили священные обряды от лица всего рода. Вот по таким причинам эта байка мне показалась не заслуживающей доверия.

XX. Другой же рассказ о гибели Фабиев и захвате их укрепления, который я считаю более правдоподобным, таков. Поскольку мужи эти частенько выходили за фуражом и ради успеха предприятия с каждым разом удалялись все дальше и дальше от крепости, то тиррены, подготовив скрытно от противника в близлежащих городках многочисленное войско, встали там лагерем. Затем, выгнав из городков на пастбище стада овец, быков, табуны лошадей, которые и паслись там, они соблазнили римлян захватить эти стада. Те же, выходя из лагеря, захватывали людей и уводили скот. 2. Прodelывая это постоянно и заводя противников все дальше и дальше от лагеря, тиррены, полностью усыпив в римлянах всякую предосторожность и прельстив их постоянной добычей при полной безопасности, ночью ставят в наиболее подходящих местностях этой области засады, а другие их отряды захватывают возвышенности над равниной. На следующий день, послав вперед небольшое количество вооруженных

людей будто бы для охраны пастухов, тиррены выпустили из городков многочисленные стада. 3. Тогда Фабиям подали весточку, что если они незамедительно пересекут близлежащие холмы, то найдут за ними долину, изобилующую разного рода скотом, а стерегущий этот скот отряд довольно немногочислен. Они вышли из крепости, оставив в ней достаточно боеспособную охрану и, поспешно и бодро совершив переход, в полном боевом порядке появляются перед стражами стад. Те же, не приняв боя, бежали. А Фабии, словно они действительно находились в безопасности, стали захватывать пастухов и сгонять со всех сторон стада. 4. В это время тиррены, во многих местах выскочив из засад, со всех сторон нападают на них. Большая часть римлян была рассеяна и не в состоянии помочь друг другу убитая на месте. И те, что успели соединиться, старались занять какое-нибудь безопасное место и, торопливо продвигаясь к горам, попадали еще в одну засаду, что была скрыта в лесах и ущельях. Между ними начинается сражение со множеством убитых с обеих сторон. Тем не менее Фабии в конце концов терпят поражение и, наполнив ущелье мертвыми, взбираются на холм, который трудно было захватить; там они, страдая от недостатка всего самого необходимого, провели наступившую ночь.

XXI. На следующий же день гарнизон крепости, узнав об участи, постигшей их товарищей, а именно о том, что большая часть войска во время грабежа погибла, а лучшая его часть, отрезанная пустынной местностью, окружена на горе, и если в ближайшее время к ним не придет какая-нибудь помощь, то они очень скоро погибнут из-за нехватки необходимых припасов. Тогда они поспешно выходят из крепости, оставив в ней лишь очень небольшое число стражей. Вот их-то тиррены, напав с разных сторон, прежде чем эти войска соединились со своими товарищами, окружают и, несмотря на их отчаянное сопротивление, постепенно всех уничтожают. 2. Спустя немного времени те, кто захватил холм, мучаясь от голода и жажды, решили напасть на врагов и, вступив в бой малым числом против великого, бьются с утра до глубокой ночи; и такую они учинили резню среди врагов, что нагроможденные повсюду горы трупов стали мешать им в битве. Тиррены же, потеряв более трети войска и боясь за оставшуюся часть, на короткое время приостановили сражение, дав сигнал к отступлению, и повели с Фабиями переговоры, обещая им безопасность и свободный проход, если они сложат оружие и оставят укрепление. 3. Но Фабии не приняли эти предложения, а предпочли благородную смерть, и тиррены снова, уже во второй раз, двинулись на них; и сражались они не сомкнутым строем и не врукопашную, но издали, все вместе бросая камни и копья, и великое множество летящего оружия было подобно снежной буре. Но римляне сомкнутым строем атакуют не ожидавших этого врагов и, получая многочисленные удары, все же выдерживают напор тирренов. 4. Когда же и мечи у многих уже пришли в негодность (одни из них затупились, другие треснули) и ободы их щитов были разломаны, а почти все римляне истекали кровью, были поражены копьями или ослабели из-за множества ран, тиррены, презрев их, сошлись вплотную; римляне же ринулись на врагов, словно дикие

звери, отнимали у них копыя и разламывали их, хватали мечи за лезвия и вырывали из рук противника, сплетались с телами врагов и валялись с ними на землю в мертвом захвате, борясь более мужеством, нежели силой. 5. Так что враги уже более не вступали с ними врукопашную, но, страшась стойкости римлян и их безумства, которое всегда присутствует в действиях тех, кто, оказавшись в отчаянном положении, дерется за свою жизнь, тиррены отступили, и вновь все вместе стали бросать в римлян и кусками дерева, и камнями, и всем, что только попадалось им под руку, а в конце концов засыпали их градом стрел. Умертвив этих мужей, они бросились к укреплению, держа в руках головы сих славнейших римлян, чтобы сходу захватить тех, кто находился в крепости. 6. Но все же у них не вышло так, как они задумали: ведь оставшиеся в укреплении, следуя примеру благородства в смерти, которое проявили их друзья и родственники, вышли из крепости, хотя и были крайне малочисленны, и сражались в течение долгого времени. Они были перебиты тем же самым способом, что и первые; тирренам же досталась уже опустевшая крепость. Мне этот рассказ кажется гораздо более заслуживающим доверия, чем первый; но в достойных внимания сочинениях римлян передаются и та, и другая история.

XXII. Что касается тех дополнений, которые делают некоторые писатели, то хотя и не все они правдивы и убедительны и основаны на недостоверных сведениях толпы, все же не следует пренебрегать ими и совсем оставлять без внимания. Так, некоторые утверждают, что после гибели трехсот шести Фабиев от всего рода остался только один мальчик. В этом уточнении говорится о вещи не только невероятной, но и невозможной. 2. Ведь немислимо, чтобы все ушедшие охранять укрепление Фабии были бездетны и не женаты. Ибо старинный закон не только принуждал достигших соответствующего возраста вступать в брак, но и заставлял вскармливать всех родившихся детей. И конечно же Фабии не могли бы одни только нарушать этот закон, соблюдавшийся всеми их предками. 3. Если все же кто-нибудь сочтет правильным это утверждение, он тем не менее не может не согласиться с тем, что у кого-нибудь из них наверняка были братья, находившиеся еще в детском возрасте. В самом деле, ведь все это похоже на сказку, по крайней мере, на вымыслы, свойственные театральным подмосткам! А отцы их — сколько бы их ни было в возрасте, когда они могли бы еще зачать детей — при том, что род так обезнодел, разве не завели бы других детей, по своей воле или нет, лишь бы не были покинуты отцовские святыни и не была уничтожена столь великая слава этого рода? 4. Но даже если ни у кого из них отцы не оставались в Риме, но вместе с ними отправились в тот поход, все же при том, что всего их было триста шесть мужей, невозможно, чтобы у них не осталось бы ни детей младенческого возраста, ни беременных жен, ни братьев, которые еще не были взрослыми, ни отцов в расцвете сил. 5. И вот, исследуя таким образом этот рассказ, я посчитал его недостойным доверия, правдивым же является вот какое объяснение: из трех братьев — Цезона, Квинта и Марка, что исполняли консульские обязанности непрерывно на протяжении семи лет, я думаю,

у Марка остался ребенок, про которого и говорили, что он — единственный уцелевший из рода Фабиев. 6. И нет никакого иного объяснения этому, кроме того, что из всех оставшихся в живых Фабиев только этот сын Марка стал известным и знаменитым, когда вырос, что и создало у многих людей впечатление, будто он-то и есть тот единственный, кто выжил из рода Фабиев, не потому, конечно, что не было никого другого из Фабиев, но именно потому, что не было похожего на тех троих, которые родство определяли доблестью, а не рождением. Но об этом сказано достаточно.

XXIII. И вот тиррены, уничтожив Фабиев и захватив укрепление на Кремере, повели свои силы против остального войска римлян. Случилось так, что недалеко отсюда стоял лагерем один из консулов — Менений, причем в далеко небезопасном месте. Когда род Фабиев и их клиенты погибли, он находился примерно в тридцати стадиях от того места, где произошло несчастье, и это обстоятельство немалому числу людей дало повод думать, что, зная, в какую беду попали Фабии, Менений тем не менее никак не позаботился о них, потому что завидовал доблести и славе этих людей. 2. И вот, привлеченный впоследствии плебейскими трибунами к суду, он был осужден именно по этой причине. Римское гражданство очень сильно горевало, утратив доблесть столь многих и столь прекрасных мужей, и ко всякому, кого римляне считали причиной такого великого для них бедствия, они относились сурово и беспощадно. Тот день, когда произошло горе, они стали считать черным и роковым, и в этот день они не начинали никакого благого дела, считая, что случившаяся тогда беда является дурным предзнаменованием. 3. Когда тиррены приблизились к римлянам, то, изучив расположение их лагеря (а он находился под обрывом горы), они почувствовали презрение к неопытности военачальника и легко использовали те преимущества, что ниспослала им удача. Быстро собрав всадников, они с той стороны холма, где им ничто не чинило препятствий, поднялись на его вершину. Захватив высоту, нависавшую над головами римлян, они сложили там оружие и, в полной безопасности переправив туда остальное войско, укрепили лагерь высоким частоколом и глубоким рвом. 4. И вот, если бы Менений, увидев полученное врагами преимущество, исправил свою ошибку и отвел войско в более безопасное место, то поступил бы, как мудрый человек. Но теперь, со стыдом осознавая, что скорее всего просчитался, он тем не менее сохранял надменность по отношению к тем, кто его переубеждал, и потому потерпел позорное поражение. 5. Ибо враги, постоянно совершая вылазки с возвышавшегося над римлянами холма, получили большое преимущество, разграбляя припасы, привозимые торговцами, и нападая на тех, кто отправлялся за фуражом или за водой. Для консула возникла угроза упустить подходящее для битвы время, да и местностью он уже не владел, что, естественно, является ярким доказательством неопытности военачальника. У тирренов же и то и другое обстояло так, как они этого желали. 6. Менений тогда не захотел увести войско, но вывел его из лагеря и построил к битве, пренебрегнув теми, кто подавал ему благие советы. А тиррены,

расценив глушь военачальника как прекрасный счастливый для них случай, также спустились из своего лагеря, причем их было как минимум вдвое больше противника. 7. Когда же тиррены и римляне вступили в битву, началась настоящая резня последних, потому что они не смогли сохранить боевой порядок. Ведь тиррены, не только имели союзником саму природу, но и подпирались стоявшими позади, так как были выстроены в глубину, и стали теснить римлян с занимаемых позиций. После гибели лучших из центурионов остальное римское войско отступило, а затем бросилось спасаться в лагере, тиррены же, преследуя их, отбирали знамена легионов, уносили раненых и захватывали мертвых. 8. Осадив римлян в лагере и весь остаток дня много раз идя на приступ, который не прекратили даже ночью, тиррены наконец захватывают лагерь после оставления его римлянами и овладевают большим числом людей и огромными богатствами; ведь спасшиеся бегством римляне не могли должным образом собрать свои пожитки, сами едва спасли свои жизни, причем многие из них не сохранили даже своего оружия.

XXIV. Оставшиеся в Риме, узнав о гибели своих и о захвате лагеря (ведь первые беглецы пришли еще глубокой ночью), вполне естественно пришли в страшное смятение. Боясь, что враги сразу же двинутся на них, они схватились за оружие, и одни стали на стенах, другие выстроились перед воротами, третьи же начали занимать высоты города. 2. И по всему городу поднялась беспорядочная беготня и всеобщий гам, и многие из домочадцев разместились на крышах домов, готовые к обороне и сопротивлению. Бесперывной чередой вспыхивали в большом количестве с крыш факелы сигнальных огней, а так как все происходило ночью, да еще весьма темной, то смотревшим издали казалось, что там бушует огонь, и весь город объят пожаром. 3. И если бы тогда тиррены, пренебрегнув добычей из лагеря, сразу стали преследовать спасавшихся бегством римлян, то все войско, что вышло сражаться с ними, полностью погнбло бы; но теперь, предавшись разграблению оставленного в лагере и физическому отдыху, они сами себя лишили того, чем могли бы весьма гордиться в будущем. Приведя войско к Риму только на следующей день и находясь примерно в шестнадцати стадиях от него, тиррены захватывают холм, откуда весь Рим был виден, как на ладони, — а назывался этот холм Яникулум. Отсюда они, делая набег на римскую округу, беспрепятственно разоряли ее, до тех пор совершенно пренебрегая находившимися за стенами города жителями, пока не появился второй консул. Гораций, ведший с собой войско, бывшее среди вольсков. 4. Вот тогда, наконец, римляне, посчитав, что находятся в безопасности, и вооружив находившуюся в городе молодежь, вышли в открытое поле. В первой же битве у святилища Надежды в восьми стадиях от города они одержали победу, а затем блистательно сражались в другой битве, происходившей близ ворот, называвшихся Коллинскими, завязав ее, несмотря на то что к тирренам подошло большое подкрепление. Только тогда римляне перевели дух и перестали бояться. И на этот год завершился.

XXV. На следующий год, почти в самый летний солнцеворот месяца секстилия¹⁹ консульскую власть принимают на себя Сервий Сервилий и Авл Вергиний²⁰, мужи опытные в военном деле. Их война с тирренами, хотя и была долгой и тяжелой, однако казалась просто сладостной по сравнению с мятежом внутри городских стен. Ведь из-за того, что земля прошлой зимой осталась не засеянной, ибо враги укрепили близлежащий холм и совершали оттуда бесконечные набеги, и поскольку торговцы не привозили товаров извне, то в Риме стал ощущаться сильнейший недостаток продовольствия, тем более что Рим был полон простонародья, как горожан, так и сбежавшихся с полей сельчан. 2. Ибо граждан, находившихся в зрелом возрасте, как это выяснилось из последнего ценза, было более ста одиннадцати тысяч, а женщины, детей, домашних слуг, торговцев и переселенцев, занимавшихся ремесленными работами (ведь ни одному из римлян не было позволено заниматься мелкой торговлей или ремеслом), было не менее чем в три раза больше, нежели граждан. Нелегко было всех их успокоить, так как, оказавшись в столь большой беде, они негодовали и, обвиняя во всем власть имущих, стали собираться на Форуме и толпой тесниться у домов богачей, пытаясь без всякой платы расхищать хранившиеся у них съестные припасы. 3. А плебейские трибуны, созвав их на собрание и обвинив патрициев в том, что они-де постоянно замышляют что-то против бедняков, а также назвав их зачинщиками всего того зла, что происходит вследствие неопределенности и необеспеченности человеческой судьбы, тем самым создали о них представление, как о ненавистных обидчиках. 4. Приведенные такими вот бедствиями в стесненные обстоятельства, консулы отправляют людей с большими деньгами, чтобы они скупили у соседей хлеб, а также приказали, чтобы те, кто приберегает хлеб у себя дома в большем количестве, нежели это им потребно, несли его в государственную казну, определив за него достаточно хорошую цену. Этими и многими другими подобного рода мерами они сдержали бесчинства, творимые бедняками, и добились поворота к подготовке войны.

XXVI. Однако поскольку товары извне прибывали медленно, а имевшиеся в городе запасы съестного иссякли, то для предотвращения новых бедствий стало необходимо, чтобы оба консула либо изгнали врагов с полей, выйдя со всеми силами, либо, оставаясь в осаде, погибли от голода и внутренних распрей. Выбрав меньшее из зол, они решили выйти против грозного врага. 2. Глубокой ночью выведя войско из города, они переправились через реку на плотам и, прежде чем рассветло, встали на стоянку вблизи противника. А на следующий день они выступили из лагеря и построили войско к битве. Правым флангом командовал Вергиний, а левым —

¹⁹ Дионисий здесь что-то путает, так как месяц секстилий соответствует августу, а летний солнцеворот приходится на 21 июня (примеч. Л.Л. Кофанова).

²⁰ 476 г. до н.э. (=474 г. до н.э. по Дионисию). У Ливия (II. 51. 4) в качестве первого консула фигурирует не Сервий, а Спурий Сервилий.

Сервилий. 3. Тиррены же, увидев римлян в полной боеготовности, так обрадовались сражению, будто уже ниспровергли власть римлян, лишь единожды подвергнув себя опасности, как они того и желали. Ведь они знали, что все отборнейшие воины, сколько их ни было у римлян, приняли участие в этом бою, и надеялись (хотя это было очень легкомысленно с их стороны), что легко одолеют их, как когда-то победили войско Мененния, выстроившееся против них в неудобном месте. Но после тяжелой и продолжительной битвы, уничтожив многих римлян, но еще больше потеряв своих, тиррены медленно отступили к частоколу. 4. Тогда командовавший правым флангом Вергиний не позволяет преследовать неприятеля, но несмотря на успех приказывает оставаться на месте, Сервилий же, стоящий на другом фланге, начинает преследование противника напротив него и продолжает его долгое время. Когда же он оказался на холме, тиррены (а к ним уже поспела помощь из их лагеря) развернулись и сами ударили на римлян. Те же, застигнутые врасплох, начинают пятиться назад, затем обращаются в бегство и, наконец преследуемые и рассеянные по холму, падают под ударами. 5. Вергиний же, узнав, в какую беду попало войско на левом фланге, сохраняя все свои силы в боевом строю, ведет их наперерез дороги на холм. Оказавшись в тылу тех, кто гнал римлян, он какую-то часть войска оставляет там, чтобы задержать спешащих на помощь тирренам из их лагеря, а сам с остальными нападает на противника. В это время также и те воины, кто был с Сервилием, ободрившись приходом своих, поворачивают назад и, выровняв ряды, вновь завязывают битву. Окруженные обоими войсками, тиррены не могли ни продвинуться вперед из-за римлян, вступивших с ними в бой, ни бежать назад, к лагерю, из-за наступавших с тыла, так что очень многие из них, сражаясь хотя и бесстрашно, но неуспешно, были уничтожены. 6. Так как римлянам победа далась дорогой ценой и сражение завершилось не вполне удачно, консулы, разбив лагерь вблизи своих павших, провели там наступившую ночь.

Занимавшие Яникум тиррены, не получив от оставшихся дома никакой подмоги, решили оставить укрепление, и, свернув ночью лагерь, ушли в Вейи, которые находились ближе всех других городов. 7. А римляне, овладев их лагерем, разграбляют оставленные богатства, которые тиррены не смогли унести при успешном отступлении, и захватывают очень много раненых, как тех, что были оставлены в палатках, так и тех, чьи тела устилали собой всю дорогу. 8. Ведь некоторые из них, стремясь возвратиться домой, следовали за своими и терпели из последних сил, а затем, выбившись из сил, погумертвыми валялись на землю. Римские всадники, продвигаясь по дороге далеко вперед, убивали их; и когда уже нигде не осталось и следа врагов, римляне разрушили укрепления и с добычей вернулись в город, захватив с собой и тела павших в битве: зрелище печальное для всех граждан как из-за большого числа погибших, так и по причине их доблести. 9. Так что народ решил не устраивать празднества по поводу одержанной победы, но и траура не объявлять, как при большом, тяжелом несчастье. Сенат же постановил принести богам обязательные жертвы,

однако не разрешил консулам проводить триумфальную процессию в честь победы. Спустя немного дней город наполнился разнообразным товаром, так как что-то было прислано на государственственный счет, также много хлеба привезли и те, кто обычно торговал им, так что вскоре все стало так же, как было в прежнем урожайном году.

XXVII. Когда явный враг был уничтожен, вновь стала разгораться гражданская смута, потому что плебейские трибуны волновали чернь. И хотя патриции уничтожали разные прочие их политические пополизновения, так как противостояли каждому из трибунов, но сколько ни старались, оказались не в силах отменить судебный процесс над Менением, который только что сложил с себя обязанности консула. 2. Муж сей был привлечен к суду двумя плебейскими трибунами, Цинцием Консидием и Титом Генуцием. У него потребовали отчета за командование в войне, которая столь несчастно и бесславно завершилась, но особенно на него гневались из-за гибели Фабиев и захвата Кремеры, и, так как суд вершило собрание плебеев по трибам, то значительным большинством голосов он был осужден, хотя и был сыном Менения Агриппы, который возвратил народ после его удаления из Рима и примирил его с патрициями. Ведь Менения, когда он умер, сенат почтил торжественными похоронами на общественный счет, а римские женщины ежегодно какое-то время проводили в трауре, отказываясь от пурпурных одежд и золота. 3. И хотя по вынесении приговора суда его осудили не на смерть, но к пене, которая для того, кто пересчитывает средства на сегодняшний день показалась бы смехотворной, однако для людей того времени, которые жили своим трудом и сообразно тому, как они трудились, а особенно для того мужа, который унаследовал бедность от своего отца, штраф этот был суровым и тяжелым, составляя две тысячи ассов. Асс же тогда представлял собой медную монету весом в один фунт, так что весь штраф составил по весу шестнадцать талантов меди. 4. Так как этот штраф возбудил в людях негодование, то они, желая все исправить, отменили денежную пеню и заменили ее штрафом в мелком и крупном скоте, установив максимальное его количество таким, которое впоследствии стало взиматься должностными лицами в штрафах, налагаемых на частных лиц. Из-за этого осуждения Менения патриции получили новый повод для обид на плебеев и не позволяли им ни провести раздел земельных наделов, ни осуществить никаких уступок в их пользу. Спустя немного времени народ раскаялся в принятых решениях, узнав о смерти этого мужа: ведь он перестал общаться с людьми и никто не встречал его в общественных местах. Хотя было решено после уплаты им штрафа не лишать его участия в общественных делах — ведь очень многие из его близких были готовы возместить ему этот штраф, — он же не пожелал этого, но, признав смерть за счастье, все время проводил дома и никого не принимал, наконец, изможденный печалью и воздержанием в пище, он ушел из жизни. Вот таковы были события, происшедшие в том году.

XXVIII. Когда консульскую власть приняли на себя Публий Валерий Попликола и Гай Навций, другой муж, опять-таки из патрициев, Сервий Сервилиий, который в

прошедшем году исполнял консульскую власть, после сложения с себя полномочий был вызван в суд, грозивший ему смертным приговором. Его обвинителями в суде перед народом были двое плебейских трибунов, Луций Цедиций и Тит Стаций, потребовавшие у него отчета не по поводу некоего прегрешения, но из-за вышавшей на его долю судьбы, так как муж сей, бросившись в ходе битвы с тирренами к лагерю врагов более с отвагой, нежели с расчетом, был обращен в бегство находившимися в лагере воинами, которые выступили против него, и из-за этого лишился цвета римской молодежи. 2. Этот процесс патрициям показался самым тяжелым из всех вообще судилищ, и, собираясь между собой, они негодовали и считали ужасным то, что мужество военачальников, не останавливающихся перед лицом опасности, при противодействии им Судьбы станет предметом уголовных обвинений в их адрес. Патриции убеждали, что такие разбирательства станут причиной трусости, нерешительности и отсутствия самостоятельности у военачальников, благодаря чему в итоге и свобода уничтожается, и владычество разрушается. 3. Патриции настойчиво зывали к плебеям, чтобы те не осуждали этого человека, убеждая их, что они очень сильно повредят общему благу, наказывая полководцев за неудачи. 4. Когда же настало время судебного слушания, один из плебейских трибунов, Луций Цедиций, выступил вперед и обвинил Сервия Сервилия в том, что он по глупости и из-за неумения воевать повел войска на очевидную гибель и погубил-таки лучший цвет города, и если бы его коллега вовремя не узнал о несчастье и, со всей поспешностью приведя войска, не оттеснил бы врагов и не спас бы своих, то ничего не помешало бы тому, что и другое войска полностью погибло бы, и в конце концов гражданство сократилось бы наполовину. 5. Сказав это, он начал приводить в подтверждение своих слов свидетелей: оставшихся в живых центурионов и кое-кого из рядовых воинов, которые, стремясь оправдать собственный позор за такое поражение и бегство, обвиняли военачальника за неудачное сражение. Потом обвинитель, вызвав у всех глубокое сострадание к судьбе стольких погибших во время этого несчастья и невероятно преувеличив все остальное, что говорилось публично из ненависти к патрициям и должно было дать отпор тем, кто пожелает защищать этого мужа, с большим презрением к обвиняемому изложил все это, наконец предоставил ему слово.

XXIX. Сервилий же, начав свою защиту, сказал так: «Если вы, о граждане, вызвали меня в суд и требуете отчета в том, как я командовал войском, то я готов защищаться, но если вы вызвали меня, чтобы приговорить к наказанию, решение о котором уже принято, и мне, даже доказав, что я не нанес вам никакого ущерба, уже ничего нельзя будет сделать, то лучше сразу хватайте меня и делайте то, чего так давно добивались. 2. Для меня самого гораздо лучше будет умереть без суда, нежели, получив слово, не убедить вас; ведь может показаться, что я покорюсь вашему решению на основании судебного разбирательства²¹, и на вас будет лежать меньшая вина,

²¹ Разночтение: «не на основании судебного разбирательства».

чем в случае, если вы лишите меня слова, из которого непонятно будет, причинили ли я вам какой-нибудь вред, да еще дадите волю вашему раздражению. Но в ходе слушания мне станет ясным ваше намерение, и по шуму или тишине я догадаюсь, для наказания или правосудия вы вызвали меня в суд». 3. Сказав это, он остановился, но так как воцарилось молчание, а затем многие стали кричать, чтобы он не боялся и говорил то, что хочет, он вновь взял слово и произнес следующее: «Безусловно, о граждане, если я не буду считать вас, судей, врагами, то думаю, смогу легко убедить вас в том, что я не причинял вам никакого вреда. Из моих слов вы сами все узнаете. Я пришел к власти вместе с Вергилием, человеком, прекрасным во всех отношениях, в те времена, когда тиррены, построив против вас укрепление на холме, лежащем за городом, установили свое господство над всей открытой²² местностью и надеялись в скором времени лишиться нас могущества. В городе начался сильный голод и внутренние раздоры, и никто не знал, что нужно делать. 4. Придя к власти в такие вот тревожные и опасные времена, я вместе с моим коллегой в двух битвах разбил противника и вынудил его уйти, оставив укрепления; а спустя немного времени я и голод прекратил, обильно наполнив рынки съестными припасами, и пришедшим после меня консулам я передал наш край свободным от вражеского оружия и исцеленным от всякой общественной хвори, в которую ввергли его демагоги. 5. Так за какое же преступление я несу перед вами ответственность? Разве что победа над врагами нанесла вам вред. Но если кому-то из воинов, успешно сражавшихся на поле брани, выпало на долю погибнуть, в чем Сервилий-то провинился перед народом? Ведь действительно, никто из богов не дает военачальнику ручательства за жизнь бойцов, и мы приняли на себя командование войском не на основе такой договоренности и не на тех условиях, чтобы и всех врагов победить, и ни одного человека из своих не потерять. Ведь кто из простых смертных возьмет на себя ответственность за всякое принятое решение и за то, что относится к воле случая? Ибо великие дела мы оплачиваем ценой великих опасностей».

XXX. «Выступив против врагов, не мне первому выпало на долю испытать такое, но так можно сказать обо всех, кто с немногочисленным войском вступал в тягостную битву с превосходящими силами неприятеля. Ведь кто-то когда-то уже преследовал противника и сам бежал от него, и убивал многих врагов, и еще больше губил своих. 2. Я повторяю, что многие, полностью разгромленные, с великим позором и большими потерями обращались в бегство, но никто из них не подвергся за это наказанию, ведь не удостоиться никакой похвалы само по себе уже достаточно большое несчастье и как ничто другое является для военачальника серьезным и тяжелым наказанием. Однако я со своей стороны далек от того, чтобы говорить то, о чем заявили бы все, кто обладает здравым рассудком, что, мол, справедливо мне вообще не давать отчета за случившееся по воле судьбы, что, хотя никто другой не захотел

²² Т.е. находящейся вне стен.

бы подчиниться такому судилищу, тем не менее я один не отказываюсь от этого, но соглашаюсь испытать свою судьбу не меньше, чем свое намерение, которое я высказал. 3. Я вижу, что человеческие деяния, как несчастные, так и счастливые, судятся не на основании конкретных действий (а они многочисленны и разнообразны), но по их результату. Всякий раз, когда все происходит, как было задумано, если даже случившееся не доставляет никому особой радости, я слышу, как такие деяния превозносятся всеми, восхваляются и считаются счастливыми; но когда они завершаются несчастливо, даже если все, что происходило до этого, было очень удачным, то рассматриваются как не добрая, а злая судьба тех, кто эти деяния совершил. 4. Имея это в виду, вспомните о моей Фортуне в многочисленных войнах. Если вы обнаружите, что я был побежден противником, назовите мою судьбу несчастливой, но если увидите, что побеждал я, то назовите ее доброй. По поводу судьбы я могу сказать и больше, но осозная, что неприятны все те, кто спорит о ней, я не буду говорить об этом».

XXXI. «Но теперь вы обвиняете меня за принятые мной решения, не осмеливаясь при этом упрекнуть меня ни в предательстве, ни в трусости, по поводу которых обычно и ведутся судебные разбирательства в отношении прочих военачальников, но обвиняя меня в неумении вести войну, в необдуманных действиях, в том, что я подвергся ненужному риску, устремившись на лагерь противника. Я хочу и в этом отчитаться перед вами, имея возможность самым решительным образом сказать, что каждого человека очень легко порицать за происшедшее, в то время как рисковать за добрые дела — тяжело, и это удел немногих. Как прошлое не кажется сейчас таким, каким оно является на самом деле, так и то, что произойдет в будущем, ныне представляется не таким, каким оно будет на самом деле; ведь первое мы постигли знанием и страданием, а о втором делаем заключение по прорицаниям и догадкам, в которых много обманчивого. Для тех, кто всегда избегал опасности, легче всего вести словесные войны, что сейчас и делают те, кто обвиняет меня. 2. Но, чтобы наконец оставить все это в покое, скажите мне перед лицом богов, кажется ли вам, что я единственный или первый употребил силу, устремившись к вражескому лагерю и выведя войско к возвышенной местности? Или же я действовал как и остальные ваши военачальники, из которых одни добивались успеха, а другим их предприятия не удавались так, как это было задумано? Так отчего же вы, оправдав остальных, судите только меня, если считаете, что эти действия доказывают неумение быть полководцем и необдуманность поступков? Но насколько еще более дерзкие поступки приходится совершать военачальникам, когда сами обстоятельства требуют отнюдь не осторожности и взвешенности? 3. В самом деле, одни, выхватив значки у своих, кидали их в гущу врагов, дабы понуждением придать мужества нерадивым и робким воинам, которые знали: те, кто не вернет свои значки, с позором умрет от руки военачальников. Другие, вторгшись в земли противника, разрушали мосты на реках, через которые переправались бы в случае отступления. Они лишали себя

надежды на спасение, и это придавало смелости и мужества в битве тем, кто уже подумывал спастись бегством. Третьи, сжигая палатки и обозы, ставили своих воинов перед необходимостью взять на вражеской земле то, в чем они нуждались. 4. Я не буду говорить об остальных случаях, ведь они бесчисленны, сколько еще мы знаем других дерзких поступков и выдумок военачальников (сведения о них мы почерпнули в рассказах, известны они и по нашему опыту), и за это еще никто из тех, кто обманулся в своих надеждах, не подвергался наказанию. Конечно, кто-нибудь из вас мог бы обвинить меня в том, что я, бросив всех остальных на неминуемую гибель, себя самого берег от опасности. Но если я вместе со всеми переношу все испытания, вышел из битвы последним, и разделил с остальными общую участь, то в чем же я провинился? Итак, обо мне рассуждать довольно.

XXXII. Но я хотел бы сказать несколько слов о сенате и о патрициях, так как меня беспокоит охватившая всех вас ненависть к ним за то, что они воспрепятствовали разделу земель, и обвинитель не скрывает этой ненависти, и даже придал ей немалую роль в обвинении. 2. Речь моя будет совершенно откровенной, в противном случае я и не мог бы говорить, да и вам не пристало бы слушать. Ведь вы, плебеи, творите дела несправедливые и неблагочестивые, не испытывая к сенату никакой благодарности за полученные вами от него благодеяния, но если он в чем-то из ваших требований противился вам, то только в том, из-за чего, в случае если бы это было позволено, государство могло бы сильно пострадать, причем делал он это не из-за нерасположения к вам, но на пользу общества, вы же встречали это с раздражением. 3. А нужно было, чтобы вы, принимая решения сената как вынесенные с самыми лучшими намерениями и для общей пользы, отступили бы от своих корыстных стремлений. Если же вы были не в состоянии разумными доводами обуздать вашу вредоносную страсть, то следовало добиваться того же самого путем договоренностей, а не применением силы. 4. Ведь дары, принесенные по доброй воле, для дающих более приятны, чем те, к которым их принудили, да и для получающих они надежнее тех, которые таковыми не являются. Об этом вы, клянусь богами, не задумываетесь, но словно море под ветрами, что дуют одни за другими, вы, возбуждаемые и раздражаемые демагогами, не позволяете отечеству пребывать в тишине и спокойствии даже на малое время. Поэтому-то нам в голову и приходит мысль, что война лучше мира: действительно, когда мы ведем войну, то плохо относимся к врагам, а когда живем в мире — к друзьям. 5. Однако, если вы полагаете, что все решения Курии благи и полезны (а это так и есть), почему же вы не признаете, что и это решение — из их числа? А если вы думаете, что сенат просто ни в чем надлежащем не принимает разумных решений, но негодно, скверно управляет государством, то почему вы каким бы то ни было образом не изгоните его весь целиком и сами не правите, не держите совет, не начинаете войны за первенство, но мучаете сенат и поодиночке уничтожаете знатнейших мужей, истребляя их на судебных процессах? Ведь для всех нас лучше было бы всем вместе подвергнуться войне, нежели каждому по отдельности

становиться жертвами обмыжных обвинений. 6. Но виноваты в этом не вы, как я и говорил, но приводящие вас в иступление демагоги, которые не умеют ни подчиняться, ни править. Сколь часто переворачивался бы ваш корабль из-за их глупости и невежества, но ныне именно сенат, хотя и слышит от них много поношений, исправляет их ошибки, дает гражданству возможность идти с вертикальным килем. 7. И все это, приятно ли оно вам или нет, сказано мной совершенно искренне, почему я и отважился на это. Ведь я предпочел бы умереть, высказав все с полной откровенностью, полезной государству, нежели быть спасенным, болтая лишь ради вашего удовольствия».

XXXIII. Выступив с такой речью, Сервий без сетований, без оплакивания своей несчастной судьбы, не выказав себя малодушным в мольбах и непристойных униженных просьбах, не проявив никаких низких качеств души, передал слово тем, кто желал подтвердить или засвидетельствовать его слова. Много других римлян, вступая на трибуну, защищали его от обвинения, а особенно Вергиний, который в том же году был консулом и которого считали человеком, принесшим победу. Он не только объявил Сервия невинным, но и считал, что все должны его прославлять и почитать как храбрейшего из всех мужей воина и как самого разумного в том, что касается военного командования. 2. Он сказал, что, если собравшиеся полагают, что война получила благополучное завершение, то воздать благодарность нужно им обоим; если же неблагополучное, то следует и покарать обоих: ведь решения, дела и судьба, ниспосланная богами, были у них общими. Убедительной была не только речь этого мужа, но и сама жизнь его, испытанная во всех добрых свершениях. 3. К этому он добавил и то, что вызвало наибольшее сострадание — вызывающее сочувствие выражение его лица, что обычно присуще тем, кто уже испытал нечто ужасное, или тем, кому еще предстоит это испытать. Так что даже близкие погибших в битве, сначала казавшиеся непримиримыми по отношению к виновнику их несчастья, как оказалось, стали более снисходительными и перестали гнаться. И после проведения голосования выяснилось, что ни одна триба не проголосовала против Сервия. Вот такой исход получили опасные обстоятельства, в которых очутился Сервий.

XXXIV. Спустя немного времени римское войско под командованием Публия Валерия, одного из консулов, вышло против тирренов. Ведь вновь собрались воинские силы вейян, а к ним присоединились сабиняне, которые до той поры опасались принять участие вместе с ними в военных действиях, потому что, мол, вейяне желают невозможного. Теперь же, когда сабиняне узнали о бегстве Менения и об укреплении, воздвигнутом на холме близ Рима, они, посчитав, что силы римлян ослабели, а гордыня их государства побеждена, стали помогать тирренам, отправив им большое войско. 2. А вейяне, полагаясь на свои силы и на только что пришедшее войско сабинян и, кроме того, ожидая подкрепления от остальных тирренов, были готовы двинуться войной против Рима с большей частью своего войска в уверенности, что

в бой с ними никто не вступит, но произойдет одно из двух: либо они захватят город приступом, либо голодом принудят его сдаться. 3. Но намерения их упредил Валерий: пока они медлили и поджидали задерживавшихся союзников, он вывел цвет римлян и вспомогательный отряд от союзников, предприняв поход не открыто, но как можно более скрытно от тирренов. А именно, выйдя из Рима ранним вечером и переправившись через Тибр, он сделал привал недалеко от города; затем, около полуночи подняв войско, повел его быстрым шагом и до наступления дня напал на одну из стоянок противника. 4. Ведь было два отдельных лагеря, размещенных недалеко друг от друга: один — тирренов, а в другом месте — сабинян. Сначала консул привел войско к лагерю сабинян, когда большая часть их еще спала, да и охраны сколь-либо серьезной не было, поскольку они находились на дружественной территории и глубоко презирали противника, о котором не приходило никаких известий. Валерий сходу овладевает им. Одни из сабинян были заколоты еще на своих лежанках, другие — когда только вскакивали и нацепляли на себя оружие, а третьи, кто уже был при оружии, — сражаясь разрозненно и не в строю; наконец, большинство, кто пытался спастись бегством в другой лагерь, были настигнуты и уничтожены всадниками.

XXXV. После того как таким образом был захвачен сабинский лагерь, Валерий повел войско к другому, где находились вейяне, которые заняли не вполне надежные позиции. Конечно, римлянам невозможно было подойти к лагерю скрытно: ведь уже рассвело, да и сабинские беглецы сообщили тирренам о своем разгроме и о том, что победители движутся на них. Поэтому пришлось вступить в тяжелый бой с противником. 2. Итак, вслед за тем происходит жестокая сеча, — ибо тиррены очень отважно дрались перед своим укреплением, — и большое кровопролитие с обеих сторон. Долгое время исход битвы был неопределенным, а победа склонялась то к одному, то к другому войску. Но потом тиррены дрогнули, теснимые римской конницей, и отступили в лагерь. Консул стал их преследовать и, когда оказался около укреплений, — а были они плохо обустроены и само место, как я сказал, не вполне надежным, — то штурмовал его во многих частях, продолжая биться всю оставшуюся часть дня, и не прекратил штурма даже с наступлением ночи. 3. А тиррены, устав от непрерывных бедствий, на рассвете оставляют лагерь, и одни из них бежали в свой город, другие рассеялись по ближайшим лесам. Овладев и этим лагерем, консул в тот день дал войску отдых, а на следующий разделил между воинами добычу, которую он захватил в обоих укреплениях, — а была она велика, — и отличившихся в битве наградил, по обычаю, венками. 4. Признали, что храбрее всех сражался Сервилий, обративший в бегство войско вейян, который в прошлом году был консулом и выиграл судебный процесс перед народом, а ныне послан легатом к Валерию. Ввиду такой доблести он был первым, кто получил награды, считавшиеся у римлян величайшими. После этого, сняв доспехи с вражеских трупов и совершив погребение своих воинов, консул отвел войско и, расположив его близ города вейян, стал вызывать на битву тех, кто находился внутри стен. 5. А так как никто не вышел для того, чтобы

принять бой, Валерий, видя, что захватить их, обладавших очень хорошо укрепленным городом, приступом стен — задача трудная, опустошил большую часть их страны и вторгся в землю сабинян. За много дней разграбив и ее, — а была она еще не разоренной, — он, уже нагруженный добычей, повел войско домой. И на значительном расстоянии от Рима народ в венках вышел ему навстречу, воскуря по пути движения ладан и угощая воинов кратерами, полными медового вина; а сенат принял постановление о проведении триумфа.

6. Второй же консул, Гай Навций, которому жребием была назначена охрана союзных латинов и герников, выступил в поход позже: не сомнения или страх перед опасностью удерживали его, но ожидание пока неясного исхода войны против вейян, с тем чтобы, если какая-нибудь беда постигнет армию, ведущую ту войну, хоть какое-то собранное войско иметь у государства наготове, которое помешает противнику вторгнуться в земли римлян, а именно, если они, подобно нападшим на Рим ранее, примутся возводить в некоторых пунктах укрепления против города. 7. А в это время и война против латинов, которую вели с ними эквы и вольски, получила успешное завершение; и прибыли некие люди, которые сообщали, что враги, побежденные в битве, ушли с их земли, и что теперь уже союзникам не нужна никакая помощь. Тем не менее Навций, поскольку дела в Тиррении закончились для римлян хорошо, вывел свое войско. 8. Вторгшись в землю вольсков и пройдя большую часть ее, оставленную безлюдной, рабов и скота он взял совсем немного, а вот пашни их, где уже созрел хлеб, пожег и причинил много другого вреда тому, что было на полях. После этого, поскольку никто сражаться не вышел, он отвел войско. Вот что свершилось при этих консулах.

XXXVI. Сменившие их консулы Авл Манлий и Луций Фурий²³ после решения сената, что один из них поведет войско против вейян, провели жеребьевку по поводу похода, как у римлян было в обычае. Выбранный жребием Манлий спешно вывел войско и встал лагерем близ противника. Вейяне же, оказавшись в осаде, до поры оказывали неприятелю сопротивление и рассылали послов к остальным городам тирренов и к сабинянам, недавно ставшим их союзниками, прося скорее прислать им помощь. 2. А когда во всем их постигла неудача и запасы пищи подошли к концу, самые старшие и самые уважаемые из них, побужденные необходимостью, вышли к консулу с оливковыми ветвями, прося его о прекращении войны. И Манлий приказал им предоставить серебро для содержания войска на год и провиант на два месяца, а после того как они это выполнят, отправить в Рим послов для ведения переговоров с сенатом о мире. Вейяне, согласившись с этим и быстро принеся жалованье для войска и серебро, которое Манлий разрешил дать вместо хлеба, пришли в Рим. Представ перед сенатом, они просили прощения за случившееся и об избавлении от

²³ 474 г. до н.э. (= 472 г. до н.э. по Дионисию). Ливий (II. 54. 1) консула Манлия называет Гаем (примеч. Л.А. Кофанова).

войны на будущее. 3. После того как много было сказано речей по поводу обеих просьб, в сенате победила точка зрения, предлагавшая заключить с вейянами договор об окончании войны, и им было дано перемирие сроком на сорок лет. И они ушли, испытывая глубокую благодарность Риму за мир. А Манлий, вернувшись в город, испросил себе пеший триумф за прекращение войны и получил его. Во время правления этих консулов был также проведен ценз, и граждан, которые дали сведения и о самих себе, и об имуществе, и о детях, находившихся в юношеском возрасте, было немногим более ста трех тысяч.

XXXVII. Принявшие после них консульскую власть в семьдесят седьмую Олимпиаду, в которой в беге на стадий победил аргосец Дандес, а в Афинах архонтом был Харет, Луций Эмилий Мамерк, в третий раз, и Вописк Юлий²⁴ исполняли свои обязанности в условиях чрезвычайно тяжелых и тревожных. Они были свободны от внешних войн, — ведь все споры были улажены, — но из-за распрей внутри государства они и сами подверглись опасностям, и город едва не погубили. Ведь, поскольку плебс отдыхал от военных походов, то он снова пожелал раздела общественных полей. 2. Ибо был в числе плебейских трибунов некий дерзкий и умеющий неплохо разглагольствовать человек, Гней Генуций, разжегший гнев бедняков. Он, по всякому поводу созывая собрание и заискивая перед голытьбой, принуждал консулов исполнить постановления сената по поводу раздачи земель. Но консулы отказывали ему, утверждая, что это дело было поручено сенатом не их власти, но консулам после Кассия и Вергиния: именно для них было записано предварительное сенатское решение. Вместе с тем консулы уверяли, что те постановления, которые принимает сенат, являются не законами, имеющими постоянную силу, но временными мерами, которые действуют лишь в течение одного года. 3. Поскольку консулы приводили такого рода отговорки, Генуций, будучи не в состоянии принудить их, — ведь они обладали большей властью, — обратился к дерзкому средству. А именно, он привлек консулов предыдущего года, Манлия и Луция, к публичному суду и повелел им явиться к народу для оправданий. Он прямо определил причину судебного разбирательства: они причинили народу ущерб, не назначив десятерых человек, о которых сенат принял постановление, для осуществления раздела земельных участков. 4. Он приводил благовидные объяснения, почему не привлекает к суду кого-либо из других консулов, хотя, после того как было записано предварительное постановление, уже сменилось двенадцать консульств, а он только этих людей обвинил за невыполненное обещание. В конце концов, он заявил, что только таким образом можно принудить консулов, находившихся теперь у власти, разделить землю, а именно, если они увидят, как кто-то другой подвергается суду перед народом, и поймут, что им самим придется испытать то же самое.

²⁴ 473 г. до н.э. (= 471 г. до н.э. по Дионисию). Ливий (II. 54. 3) вторым консулом называет Опитера Вергиния, хотя и указывает, что в некоторых летописях вторым консулом значится Вописк Юлий (примеч. Л.Л. Кофанова).

XXXVIII. Сказав это и призвав всех прийти на суд, он поклялся, совершив жертвоприношение, быть верным тому, что решили, и со всем рвением обвинять этих людей, после чего объявил день, в который собирался провести судебное разбирательство. А патрициев, когда они об этом узнали, охватили сильный страх и озабоченность, каким образом сделать так, чтобы и людей этих от обвинения освободить, и наглого демагога сдержать. И они решили: если народ примет какое-нибудь решение в ущерб власти консулов, — не уступать ему и оказать сопротивление с применением силы, а если понадобится, то прибегнуть даже к оружию. 2. Однако ни одно из насильственных средств им не понадобилось, потому что опасность разрешилась быстро и неожиданно, а именно: когда оставался один лишь день до суда, Генуций был найден мертвым в собственной постели, а на теле его не было ни единого признака того, что его зарезали или задушили, или отравили, и ничего другого, что свидетельствовало бы о смерти по злему умыслу. Когда же о несчастье узнали и тело принесли на Форум, то решили, что случившееся есть некое божественное указание на препятствие происходящему, и суд сразу же прекратили. 3. Ведь никто из остальных плебейских трибунов не дерзал призывать к мятежу, и все они даже обвиняли Генуция в полном безумии. И вот, если бы консулы и впредь продолжали особенно ни во что не вмешиваться, а позволили бы распре остаться в том положении, как божество ее усмирило, то они не подверглись бы никакой опасности. Ныне же, став высокомерными и с презрением относясь к плебеям, они, желая показать силу собственной власти, причинили много зла. Ибо, назначив набор войска и принуждая тех, кто не подчинялся, различными наказаниями, в том числе ударами розог, они довели большинство плебеев до полного отчаяния, главным образом, по той причине, что изложена ниже.

XXXIX. Некий человек из числа плебеев, блистательный в военных делах, Валерон Публий, в прошлых походах командовавший центурией, теперь был записан консулами не центурионом, а рядовым воином. А когда он стал противиться, не желая занимать менее почетное положение, тем более что в предыдущих походах он не совершил никаких проступков, консулы, разгневавшись на его прямоту, приказали ликторам сорвать с него одежду и высечь розгами. 2. Молодой человек призвал плебейских трибунов и потребовал, чтобы его, если он в чем-то провинился, судили плебеи. Поскольку же консулы не обращали на него никакого внимания, но настаивали, чтобы ликторы привели его и высекли, он, сочтя, такое оскорбление нестерпимым, сам становится вершителем суда над собой. 3. А именно, он ударил прямо в лицо кулаком первого из подступивших ликторов и, будучи человеком молодым и сильным, поверг его на землю, как и следующего. Когда же консулы разгневались и приказали служителям подойти к нему всем вместе, то присутствующим плебеям это показалось возмутительным. И они, сразу же сплотившись и громкими воплями возбудив ярость друг у друга, вырвали юношу и ударами прогнали ликторов, а под конец ринулись на консулов; и если бы те не спаслись бегством, покинув Форум, толпа совершила бы непоправимое злодеяние. 4. После этого все гражданство

разделилось, а плебейские трибуны, до сих пор остававшиеся спокойными, тогда озлобились и принялись обвинять консулов. Так что возмущение по поводу надления землей перешло в нечто большее из-за борьбы относительно устройства государства. А именно, патриции, которые негодовали вместе с консулами, поскольку, мол, власть тех уничтожается, затребовали сбросить с утеса того, кто поднял руку на служителей. 5. Плебеи же, объединившись, роптали и призывали друг друга не выдавать собственную свободу. Они полагали нужным передать дело в сенат, выдвинуть обвинение против консулов и подвергнуть их тому или иному наказанию, потому что Валерону, воззвавшему к помощи плебейских трибунов и желавшему подвергнуться суду народа, если совершил какой-нибудь проступок, консулы не позволили осуществить ни то ни другое право, но поставили свободного человека и гражданина в положение раба, приказав высечь его. 6. И вот, в противостоянии этих двух сторон, когда ни одна из них не желала уступить другой, было растрачено все оставшееся время этого консульства, не увенчавшего себя ни выдающимися военными деяниями, ни гражданскими, достойными упоминания.

XL. Когда состоялись выборы, консулами были избраны Луций Пинарий и Публий Фурий²⁵. А в самом начале года город был полон плохих предчувствий и объят страхом перед богами, поскольку имели место многочисленные знаки и знамения. Все предсказатели и толкователи священнодействий²⁶ заявляли, что происходящее свидетельствует о гневе богов, потому что какие-то священные обряды исполнялись не благочестиво и не безупречно. 2. И спустя немного времени заразная болезнь и смертность, какой никогда раньше не было, поразили женщин, особенно беременных. Ведь и понесшие преждевременно, и родившие мертвого ребенка умирали вместе с младенцами, и ни моления у храмов и алтарей богов, ни очистительные жертвы, совершаемые и за весь город, и за отдельные дома, не приносили женщинам прекращения их страданий. 3. Пока государство пребывало в столь великой беде, один раб делает донос толкователям священнодействий, что одна из ведающих священными обрядами дев, хранящих бессмертный огонь, Урбиния, утратила девство и совершает общественные жертвоприношения, не будучи чистой. Ее отстранили от совершения священных обрядов и подвергли суду, а когда она оказалась явно изобличенной, приказали высечь ее розгами и, проведя через город, живой закопать в землю. 4. Один из тех, кто совершил нечестивое растление, покончил самоубийством, а другого блюстители священных обрядов схватили и повелели казнить, после того как на Форуме высекали его плетьюми, словно раба. Итак, напасть, поразившая женщин, и большая их смертность после этих действий сразу же прекратились.

XLI. Но продолжавшаяся уже много времени внутренняя борьба в городе, которую плебеи вели с патрициями, возобновилась. Виновником же ее возбуждения, был

²⁵ 472 г. до н.э. (= 470 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. II. 56. 1 (примеч. Л.А. Кофанова).

²⁶ Имеются в виду авгуры и понтифики.

плебейский трибун Публий Волерон, который в прошлом году не повиновался консулам Эмилию и Юлию, когда те записали его рядовым воином, а не центурионом. Скорее всего, бедняки выбрали его защитником народа не за что другое, — ведь и родом он был из людей простых, и вырос в полной неизвестности и нужде, — а поскольку он оказался первым, кто, будучи частным лицом, унизил своим неповиновением консульскую власть, до того времени имевшую почет сродни царскому. Но в еще большей степени он был избран за те обещания, которые давал, добываясь должности, направленные против патрициев, что он, мол, лишит их могущества. 2. После того как гнев богов унялся, он, как только у него появилась возможность вести государственные дела, созвал народ на собрание и внес закон об избрании плебейских трибунов, перенеся голосование по этому вопросу из собрания по фратриям (а такое собрание римляне называют куриатным²⁷) в собрание по филиам²⁸. Каково различие между этими выборами, я покажу. 3. Ведь для того, чтобы голосование по куриям имело законную силу, требовалось, чтобы сенат принял предварительное постановление и плебс подавал голоса по куриям, а после того и другого — чтобы и божественные знамения, и птицегадания ничему не препятствовали. Голосование же по трибам не требует ни предварительного решения сената, ни того, чтобы жрецы и птицегадатели объявили волю божества, но лишь того, чтобы оно было проведено и завершено членами триб в течение одного дня. И из остальных четырех плебейских трибунов было два трибуна, которые вносили этот закон вместе с ним; объединившись с ними, Волерон превзошел число трибунов, выступавших против, которые остались в меньшинстве. 4. Консулы же, сенат и все патриции старались помешать этому закону: явившись во множестве на Форум в день, объявленный плебейскими трибунами для утверждения закона, они начали произносить разные речи — консулы, старейшие члены сената и любой другой, кто этого хотел, перечисляли несуразности, содержащиеся в этом законопроекте. А так как плебейские трибуны стали возражать, а потом в свою очередь консулы тоже, и словопрения растянулись надолго, начавшаяся ночь по необходимости распустила данное собрание. Однако, когда трибуны на третий рыночный день опять назначили рассмотрение закона и туда сошлась еще более многочисленная толпа, произошли почти те же самые события, что и раньше. 5. Поняв это, Публий решил больше не позволять консулам выступать против закона и не разрешать патрициям присутствовать при голосовании. Ведь те по своим сообществам и объединениям вместе со своими клиентами, которых было немало, удерживали Форум во многих его концах, тем самым поощряя противников закона и приводя в замешательство его сторонников, и являя много других свидетельств того, что при голосовании будут беспорядки и насилие.

²⁷ Греческий термин «фратрия» соответствует латинскому «курия» (примеч. Л.Л. Кофанова).

²⁸ Т.е. в собрание по трибам.

XLII. Но его решениям, которые были сродни тираническим, помешало другое обрушившееся на Рим несчастье, ниспосланное богами. Дело в том, что городом овладела заразная болезнь, случившаяся, правда, вообще по всей Италии, но особенно разросшаяся в Риме: и никакая человеческая помощь не облегчала страдания больных, но в равной степени умирали и те, за кем ухаживали с большой заботой, и те, для которых ничего не делали из необходимого. Не помогали тогда ни молитвы богам, ни жертвоприношения, ни то, к чему как к последнему средству вынуждены прибегать люди при столь великих несчастьях, — очистительные жертвы за каждого отдельного человека и за всю общину. Беда не различала ни возраст, ни пол человека, ни его телесную силу или слабость, ни врачебное искусство или какие-нибудь другие средства, что, полагали, облегчит болезнь, но нападала как на женщин, так и на мужчин, как на старых, так и на молодых. 2. Однако продолжалась она недолгое время, благодаря чему не все гражданство было истреблено, но, подобно реке или огню, вся эта охватившая людей болезнь резко нахлынула и быстро отступила. Когда же бедствие прекратилось, Публий, чья власть подходила к концу, а в оставшееся время утвердить закон он не мог, ибо приближались выборы, опять стал добиваться плебейского трибуната на следующий год, много всего суля плебейам; и он вновь назначается ими трибуном вместе с двумя своими коллегами. 3. А патриции в ответ на это принимают меры со своей стороны, чтобы привести к консульству человека сурового и ненавидящего народ, который ни в чем не ослабит аристократию, а именно Аппия Клавдия, сына того Аппия, что больше всех противодействовал возвращению народа²⁹. И, хотя он сильно возражал и даже не захотел явиться на Поле для голосования, они все же приняли о нем предварительное постановление и в его отсутствие назначили консулом.

XLIII. После проведения выборов, прошедших очень легко, потому что бедняки покинули поле, когда слышали имя этого человека, консульскую власть получают Тит Квинций Капитолин и Аппий Клавдий Сабин³⁰, не сходные друг с другом ни характером, ни стремлениями. 2. Ведь целью Аппия было отвлечь на внешние войны праздный и неимущий народ, дабы тот, добывая во вражеской стране собственными усилиями все повседневно необходимое, в чем он более всего нуждался, и в то же время принося пользу государству, стал менее враждебен и недружелюбен к сенаторам, вершащим общественными делами. Он доказывал, что любой предлог для войны будет справедлив для города, который стремится к первенствующему положению и которого все ненавидят. И он считал правильным, по всей вероятности, судить о будущем по тому, что уже произошло, рассуждая, что возмущения, сколько их уже ни произошло в государстве, все случились во время перерыва в войнах. 3. Квинцию же не казалось необходимым вести какую-либо войну. Он доказывал, что следует

²⁹ После первой сессии в 494 г. См.: *Дионисий VI*. 59 и след.

³⁰ 471 г. до н.э. (= 469 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. II. 56. 5 (примеч. Л.Л. Кофанова).

быть довольным, если народ охотно подчиняется, когда его призывают при навязанных, приносимых извне опасностях. Он также поучал, что, если они применяют силу к неповинующимся, то доведут плебс до полного отчаяния, как и поступили консулы до них. А из-за этого они испытают одну из двух крайностей: либо прекратят волнения кровью и резней, либо будут вынуждены позорно прислуживать толпе плебеев. 4. Руководство же в этом месяце принадлежало Квинцию, так что другой консул был обязан ничего не предпринимать без его согласия. Публий и плебейские трибуны, его сторонники, уже без всякого промедления стали вносить закон, который не смогли утвердить в прошлом году, да еще вписали в него и то, что на тех же самых собраниях должна избираться должность эдмлов и все остальное, что понадобится народу сделать и утвердить, точно так же принимается членами триб. Таким образом, это было явным низвержением сената и установлением правления народа.

XLIV. Консулы, узнав об этом, встревожились и стали размышлять о том, как быстро и безопасно уничтожить возмущение и волнение. Так вот, Аппий выдвинул предложение призвать к оружию тех, кто хочет спасти государственное устройство, доставшееся от отцов; а если кто-нибудь поднимет оружие против них, тех считать врагами. 2. Квинций же считал, что плебеев следует уговаривать и переубеждать словами, как людей, по неведению собственных выгод влекомых к губительным для себя решениям. Он говорил, что совершенным безумством представляется желание получить от сограждан против их воли то, что может быть приобретено при их согласии. 3. Так как и остальные члены сената одобрили мнение Квинция, консулы, выйдя на Форум, потребовали у плебейских трибунов дать им слово и назначить для этого время. С трудом получив и то и другое, консулы с наступлением дня, который они испросили у трибунов, явились, выступить против закона. На Форум собралась разношерстная толпа: ведь и та, и другая сторона подготовилась, призвав своих сторонников. 4. Тогда Квинций, и в остальном человек одаренный, и прекрасно умеющий красноречием привлечь народ на свою сторону, попросил слово первым. Он произнес речь искусную и пришедшуюся всем по нраву, так что те, кто выступал в пользу закона, пришли в крайнее замешательство, будучи не в состоянии сказать что-либо более справедливое или разумное. 5. Если бы его коллега по консульству предпочел ни во что более не вмешиваться, то народ, признав свои требования незаконными и несправедливыми, отменил бы закон. Но теперь, как только Аппий произнес речь чванливую и слишком тягостную для ушей бедняков, народ стал в гневе страшен и неумолим, и начался такой раздор, как никогда раньше. 6. Ибо сей человек говорил с ними не как со свободными людьми и согражданами, которые вправе утвердить закон или отвергнуть, но словно властвуя над людьми, лишенными гражданских прав или чужеземцами, или теми, чья свобода сомнительна. Он предъявлял резкие и невыносимые обвинения, порицая их за отмену долгов и упрекая в измене консулам, когда они, похватав священные военные значки, ушли из лагеря,

обрекая себя на добровольное изгнание³¹. Взывал он и к тем клятвам, что они дали, принимая оружие для защиты породившей их страны, чтобы обратить его против этой самой страны. 7. Поэтому, сказал он, в их действиях нет ничего удивительного, если они, ложно поклявшись богами, покинув военачальников, оставив город без людей, насколько это зависело от них, и вернувшись обратно лишь для того, чтобы уничтожить доверие, ниспровергнуть законы и погубить унаследованное от предков государственное устройство, — если после всего этого они не знают меры и не способны вести себя как добрые граждане, но постоянно жаждут какой-нибудь выгоды и беззакония. Они то требуют, чтобы им было позволено выбирать собственные органы власти и делают их неотчетственными и неприкосновенными; то привлекают к судебным процессам тех патрициев, кого им угодно, подвергая их крайней опасности, и переносят законные суды, которым государство раньше передало решение вопросов о смертной казни и изгнании, от честнейшего сената к самой подлой черни; то поденщики и бездомные предлагают тиранические и несправедливые законы против знатных людей и даже лишают сенат права выносить о них предварительные постановления, отнимая у него и эту честь, которую он неоспоримо имел во все времена, управлялась ли община царями или тиранами. 8. Прибавив много другого в том же роде, и не воздержавшись от упоминания хоть одного неприятного дела или оскорбительного слова, под конец он добавил еще (и по поводу последних его слов толпа особенно негодовала), что никогда государство не избавится от раздора по любому поводу, но после старой болезни оно всякий раз будет страдать от какой-нибудь, новой до тех пор пока будет сохраняться власть плебейских трибунов. Он поучал, что необходимо смотреть на начала любого государственного и общественного явления, чтобы они были благочестивыми и справедливыми: ведь от доброго семени обычно рождаются плоды полезные и приносящие счастье, а от дурного — плохие и пагубные.

XLV. «И действительно, — заявил он, — если бы эта должность пришла в государство при общем согласии для всеобщего блага, появившись с добрыми предзнаменованиями и предсказаниями, она стала бы для нас источником многочисленных великих благ, радости, согласия, благозакония, добрых надежд, подаваемых богами, и многого другого. Но сейчас, когда ее привели с собой насилие, беззаконие, раздор, страх перед гражданской войной и все самое ненавистное у людей, то что же полезного или спасительного когда-либо может быть от власти, которая получила такое начало?! Так что нам бесполезно искать исцеления и помощи от зол, из этой власти произрастающих, насколько это зависит от человеческого разума, пока все еще остается дурной корень. 2. И ведь ни конца ни края божественного гнева не будет до тех пор, пока это злобное проклятие, эта внедрившаяся опухоль портит и губит все прекрасное. Но об этом речь пойдет в другой раз и в более подходящий

³¹ Имеется в виду первая сецессия.

срок, а сейчас, когда нужно уладить то, что теперь происходит, я, оставив все увертки, скажу вам вот что: ни этот закон, ни какой-нибудь другой, предварительное решение о котором не примет сенат, во время моего консульства утвержден не будет, но я и словами буду защищать аристократию, и, если потребуется приступить к действиям, то в них я также не уступлю супостатам. И если вы прежде не знали, какую силу имеет власть консулов, то поймете это во время моего правления».

XLVI. Вот что высказал Аппий, а ответить на это поднялся Гай Латорий, из плебейских трибунов старший и пользовавшийся наибольшим уважением, признанный и на войне человеком немалодушным, и способным вести государственные дела. Он произнес длинную речь в защиту народа, начав с незапамятных времен, где утверждал, что бедняки, которых консул оклеветал, участвовали в многочисленных тяжелых походах, завоеывая для отечества свободу и первенство, не только при царях, когда кто-нибудь мог бы назвать причиной принуждение, но и после их изгнания. 2. И никакого вознаграждения они за это от патрициев не получили, и ничем не попользовались из общих благ, но, подобно военнопленным, лишены ими даже свободы. Желая вернуть ее, бедняки вынуждены были оставить отечество, стремясь обрести другую землю, в которой с ними, людьми свободными, не будут поступать столь надменно. И возвращение к своему имуществу они обрели, не силой сенат заставив и не войной принудив, но уступив ему, поскольку тот просил и уговаривал их взять обратно покинутые владения. 3. Он и о клятвах сказал, и договоренности упомянул, что были заключены при возвращении народа: в них содержалось, в первую очередь, прощение за все, затем — право бедняков выбирать органы власти, которые будут их защищать и противодействовать желающим применить силу. 4. Сказав об этом, он изложил законы, которые народ недавно утвердил, — и закон о переносе судебных процессов, которым, мол, сенат дал народу право судить тех патрициев, кого им угодно, и закон о голосовании, который давал власть принимать решения уже не собраниям по центуриям, но собраниям по трибам.

XLVII. Произнеся такую речь в защиту народа, Латорий повернулся к Аппию и воскликнул: «И после этого ты осмеливаешься бранить тех, благодаря которым город стал великим из ничтожного и знаменитым из неизвестного? И ты еще называешь других мятежниками и упрекаешь их за участь изгнанников, как будто все эти люди уже не помнят то, что касается вас, — что предки твои, подняв мятеж против властей и покинув свое отечество, поселились здесь, умоляя о защите?³² Разве вы, Клавдии, оставив свою родину в стремлении к свободе, совершили благородное дело, а римляне, поступив подобно вам, — неблагородное? 2. И ты еще осмеливаешься бранить власть плебейских трибунов, что она-де появилась в государстве на беду его, и призываешь присутствующих уничтожить столь священную и неприкосновенную защиту для бедняков, укрепившуюся, потому что в ней была большая

³² См.: Дионисий. V. 40. 3–5.

потребность и у богов, и у людей, о величайший враг народа и жесточайший тиран?! Следовательно, ты не смог понять даже то, что, говоря это, ты бранишь и сенат, и собственную власть? Ведь и сенат, поднявшись против царей, высокомерность и надменность которых более не считал возможным переносить, установил должность консулов и, прежде чем изгнать из государства царей, облек других царской властью. 3. Так что все, что ты говоришь о плебейском трибунате, будто бы он появился на беду, поскольку возник в результате раздора, ты говоришь и против консулата. Ведь и для его введения не было никакого иного основания, кроме восстания патрициев против царей. 4. Однако, что это я говорю тебе, словно доброму и благоразумному гражданину, тебе, о котором все эти люди знают, что ты человек наследственно грубый, неприятный, враг народа, никогда не имевший силы обуздать свою врожденную дикость?! Но почему я не вступаю с тобой в схватку, предпослав дела словам, и не показываю, какую силу, неведомую тебе, имеет тот народ, которого ты не постыдился обозвать бездомным и грязным, и насколько сильна эта вот власть, уступать и подчиняться которой принуждает тебя закон?! И так, и сам оставив всякие увертки, я возьмусь за дело».

XLVIII. Заявив так, Леторий принес клятву, которая у римлян считалась самой значительной, что он или утвердит закон, или распрощается с жизнью. Когда в толпе воцарилось молчание и напряженное ожидание, что же он собирается делать, он приказал Аппию покинуть собрание. Поскольку же тот не подчинился, но поставил вокруг себя ликторов и толпу, которую он привел из дома, подготовив заранее, и отказался уступить Форум, то Леторий, приказав через глашатаев всем замолчать, объявил, что плебейские трибуны приказывают взять этого консула под стражу. 2. И служитель, получив приказ от трибуна, приблизился, чтобы схватить консула, но первый же ликтор с побоями прогнал его. Среди присутствующих раздались громкие возмущенные крики, Леторий же сам устремляется вперед, повелев толпе помочь ему, а те, кто окружил Аппия, многочисленная и сильная группа молодых людей, оказывают сопротивление. После этого и слова непристойные зазвучали с обеих сторон, и вопли, и взаимные толчки. Наконец, раздор вылился в рукопашную схватку, и все шло уже к метанию камней. 3. А сдержал все это и не дал возмущению продвинуться дальше другой консул, Квинций, который вместе с самыми почтенными членами сената настойчиво упрасивал всех и кидался в самую гущу дерущихся. Происходило это уже на склоне дня, так что сражающиеся, — правда, нехотя, — разошлись. 4. В последующие дни магистраты обрушили друг на друга взаимные обвинения: консул — на плебейских трибунов в том, что те хотели уничтожить его власть, приказав увести консула в темницу, а плебейские трибуны нападали на консула за то, что он, дескать, подверг избиению особ священных и неприкосновенных по закону, — причем Леторий имел на лице еще заметные следы ударов. И весь город, взволнованный и бушующий, разделился. 5. Потом простой народ вместе с трибунами стал охранять Капитолий, не прекращая стражи ни днем, ни ночью;

а сенат, собравшись на заседание, долго и тщательно обдумывал, каким образом следует прекратить распрю, принимая во внимание и размеры опасности, и то обстоятельство, что консулы придерживались разномыслия. Так, Квинций считал, что можно в разумных пределах пойти на уступки народу, а Аппий — что нужно противостоять ему вплоть до смерти.

XLIX. Так как все это не имело конца, Квинций, держа врозь обе стороны — плебейских трибунов и Аппия, — настойчиво упрасивал и тех и других и требовал, чтобы общее благо они рассматривали как более важное по сравнению с частным. Видя, что трибуны уже смягчились, а его коллега продолжает вести себя по-прежнему чванливо, он убеждает Летория и его сотоварищей поручить сенату рассмотрение всех частных и общественных жалоб. 2. Когда же он добился этого, то созвал сенат и, поблагодарив плебейских трибунов и попросив коллегу не противодействовать спасению государства, пригласил тех, кто обычно излагал свое мнение. 3. Спрошенный первым, Публий Валерий Попликола высказал такое суждение: все, в чем друг друга обвиняют и плебейские трибуны, и консулы, что претерпели или сотворили во время беспорядков (поскольку дошли до этого не по причине злонамерения или личной выгоды, а из-за соперничества в управлении государством), — все это следует публично простить и не предпринимать по этому поводу никаких судебных разбирательств; что же касается законопроекта, поскольку консулы Аппий не позволяет вносить закон на рассмотрение народного собрания без предварительного постановления сената, то пусть сенат вынесет о нем решение; а плебейские трибуны вместе с консулами пусть позаботятся о согласии граждан, когда состоится голосование по этому закону, и о порядке. 4. Так как все одобрили его предложение, Квинций тотчас передал сенату голосование о законопроекте, и после многочисленных протестов Аппия и многочисленных же возражений плебейских трибунов большинством голосов победило мнение, согласно которому надлежало внести закон на рассмотрение народного собрания. Как только решение сената было утверждено, личная вражда между магистратами прекратилась, а народ, охотно приняв уступку сената, проголосовал за закон. 5. Начиная с этого времени и вплоть до наших дней по поводу выбора плебейских трибунов и эдилов голосуют собрания по трибам без птицегаданий и любых прочих предзнаменований. Такое вот случилось завершение смуты, охватившей тогда государство.

L. Спустя немного времени римляне решили произвести набор войска и отправить обоих консулов против эквов и вольсков³³. Дело в том, что были получены донесения, что выступили крупные силы от обоих этих народов и грабят римских союзников. После того как войска были быстро подготовлены, консулы по жребию разделили между собой командование, и Квинций отправился воевать с эквами, а Аппий — с вольсками. 2. И каждому из консулов довелось испытать то, что ожидалось. Так, войско, врученное Квинцию, с радостью принимая справедливость и благора-

³³ См.: *Ливий*. II. 58. 3–60. 5.

зумие этого человека, было готово выполнять все его приказы и шло на очень многие опасные дела по собственному побуждению, добывая своему военачальнику славу и почет. Войско его прошло большую часть страны эквов, опустошая ее, потому что враги не решались вступить в сражение, и получило с этой земли значительную добычу и прибыль. Проведя во вражеских краях немного времени, оно, не понеся никаких потерь, прибыло в город во главе с прославленным деяниями полководцем.

3. А войско, вышедшее с Аппием, из-за ненависти к нему нарушило многие завещанные предками обычаи. Ведь на протяжении всего похода оно во всех отношениях намеренно действовало изменнически и третировало своего военачальника, и даже, когда нужно было сразиться с войском вольсков, оно, выстроенное командирами в боевой порядок, не захотело вступить в бой с противником. Напротив, центурионы и передовые бойцы, одни — бросив боевые значки, а другие — покинув строй, побежали в лагерь.

4. И если бы враги, поразившись неожиданному их бегству и испугавшись возможной засады, не отказались от дальнейшего преследования, то большая часть римлян погибла бы. А поступали они так из нерасположения к военачальнику, чтобы этот человек, если совершит какое-нибудь славное деяние, не был удостоен триумфа и прочих почестей.

5. А когда на следующий день консул стал поочередно то упрекать их за позорное бегство, то призывать искупить постыднейшее дело блестящим сражением, то угрожал прибегнуть к помощи законов, если они не будут стойкими перед лицом опасностей, они вовсе перестали повиноваться, но кричали и требовали, чтобы их увели из вражеской страны, потому что они, мол, уже не в состоянии оказывать сопротивление из-за ран: ведь многие из них, будто раненые, перевязывали здоровые части тела. В итоге Аппий был вынужден вывести войско из неприятельской земли, и вольски, преследуя отступающих, многих из них убили.

6. Когда же они оказались в дружественных пределах, консул, созвав воинов на сходку и крепко их выбравив, заявил, что применит кару, предназначенную для покинувших строй. И хотя легаты и прочие командиры горячо упрашивали его соблюсти меру и не нагромождать в гражданстве несчастье на несчастье, он не стал ни с кем из них разговаривать и утвердил наказание.

7. Вслед за тем центурионы, чьи центурии бежали, и передовые бойцы, которые утратили боевые значки, были либо обезглавлены топором, либо забиты до смерти палочными ударами; а из числа прочих один человек из каждой десятки, выбранный по жребию, был казнен за всех остальных. Ведь такое было у римлян установленное обычаем наказание для тех, кто оставил строй или покинул значки. И после этого военачальник, сам ненавидимый всеми, вместе с опозоренной и обесчещенной частью войска, которая еще оставалась, вернулся в отечество, тем более что подошел срок выборов.

II. Когда после них были избраны консулами Луций Валерий, во второй раз, и Тиберий Эмилий³⁴, плебейские трибуны, выждав какое-то краткое время, вновь

³⁴ 470 г. до н.э. (= 468 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. II. 61. 1 (примеч. Л.Л. Кофанова).

стали поднимать вопрос о разделе земли. Приходя к консулам, они убеждали их, прося и настаивая, исполнить обещания народу, что сенат дал в консульство Спурия Кассия и Прокула Вергиния³⁵. 2. И оба консула шли им на встречу: Тиберий Эмилий — питая некую старинную и небеспричинную злобу к сенату за то, что тот не позволил его отцу провести триумф, хотя тот просил об этом; а Валерий — желая погасить гнев народа к себе за смерть Спурия Кассия, которого Валерий, будучи тогда квестором, казнил за стремление к царской власти. А Кассий был самым выдающимся человеком из своих современников как в военном командовании, так и на гражданском поприще, и он первым в государстве использовал меру наделения землей, за что и подвергся ненависти со стороны патрициев как человек, который предпочел им народ. 3. И вот тогда, после того как консулы пообещали им поставить в сенате вопрос о разделе общественных земель и вместе взяться за утверждение закона, плебейские трибуны, доверившись им, пришли в сенат и произнесли умеренные речи. Консулы им ничего не возразили, дабы не приобрести себе славу любителей споров, но попросили старейших сенаторов высказать свое мнение. 4. И первым был спрошен ими Луций Эмилий, отец одного из консулов. Он заявил, что ему представляется справедливым и полезным для государства, если общественные земли принадлежат всем, а не малому числу граждан, и советовал поддержать просьбу народа, для того, чтобы уступка сенаторов стала милостью: ведь и многое другое, не предоставленное народу по доброй воле, сенаторы уступили под давлением необходимости. Он считал, что владельцы земель уже благодарны за то время, в течение которого они тайком пользовались ими, а после запрета не будут держаться за них. 5. И добавил, что по справедливости, силу которой все признают, общественные земли являются общими для всех, а частные принадлежат каждому из тех, кто их приобрел по закону; и что дело стало уже обязательным для исполнения благодаря сенату, который семнадцать лет назад принял решение разделить землю. Он добавил также, что сенат принял тогда это решение для пользы дела, чтобы и земля не оставалась невозделанной, и сидящая в городе толпа бедняков не пребывала в праздности, завидуя, как сейчас, чужому добру, но чтобы для государства молодежь воспитывалась при домашних очагах и на отцовских наделах, имея определенное основание для гордости в силу прекрасного воспитания. 6. Потому что тем, кто не имеет имений и получает скудное пропитание от обработки по найму чужих владений, или вообще не свойственно стремление к рождению детей, или, если оно и присутствует, то приносит потомство дурное и жалкое, являющееся плодом, как обычно, низких браков и воспитанное в нищенской доле. 7. «Итак, я, — сказал он, — объявляю свое мнение, а именно: пусть консулы исполнят то, что решено сенатом и было отложено из-за случившихся за это время неурядиц, и пусть они назначат тех, кто произведет раздел».

³⁵ 486 г. до н.э. См.: Дионисий. VIII. 76; Ливий. II. 41. 1 (примеч. Л.Л. Кофанова).

III. После того как Эмилий это сказал, спрошенный вторым Аппий Клавдий, который бы консулом в прошлом году, высказал противоположное мнение, объясняя, что сенат не имел намерения разделить общественные земли, — ведь тогда его постановления давно были бы выполнены, — но он на время отложил решение, стремясь остановить случившиеся тогда раздоры, которые возбудил, домогаясь тирании, консул, справедливо после того наказанный. 2. Избранные после этого предварительного постановления консулы также не исполнили решения, видя, начало сколь великих бедствий для государства будет положено, если бедняки приучатся делить между собой общественное достояние. И следующие после них пятнадцать консульств, несмотря на то что они подвергались многочисленным опасностям со стороны народа, не решились сделать что-либо во вред общине по той причине, что согласно предварительному постановлению, не им позволено назначать землевладельцев, но тем, первым консулам. 3. «Так что для вас даже, — сказал он, — о Валерий, и ты, Эмилий, нехорошо, поскольку вы имеете добрых предков, и небезопасно вносить вопрос о разделах земли, чего сенат вам не поручал. Так вот, о том предварительном постановлении вполне достаточно сказать то, что вы, ставшие консулами через столько времени после его принятия, им не связаны. 4. А по поводу тех, кто силой или тайно присвоил себе общественные земли, я довольствуюсь краткой речью. Ведь, если кто знает кого-нибудь, пользующегося тем, право владеть чем не может доказать по закону, то пусть сделает донос консулам и обвиняет его на основании тех законов, которые нет нужды записывать заново: ведь они давно написаны, и никакое время их пока не уничтожило. 5. Поскольку же Эмилий говорил и о пользе, мол, наделение землей произойдет для всеобщего блага, то и эту часть его речи я не желаю оставить без возражений. Ибо, по моему мнению, он замечает только то, что есть, но не предвидит будущее, а именно, то, что ему кажется незначительным, — дать праздным и бедным людям что-нибудь из общественного имущества, — это станет причиной многих великих бед. 6. Ведь вводимый тем самым обычай останется в государстве, и всегда будет пагубным и ужасным, потому что осуществление бесчестных стремлений не уничтожает их в душе, но усиливает и делает более бесчестными. И пусть доказательством этого для вас будут их дела. Ведь к чему вам обращать внимание на слова, мои или Эмилия?!

III. Вы, конечно, все знаете, скольких врагов мы одолели, сколько земель разграбили, сколь большую добычу получили из захваченных городков, и что лишенные всего этого враги, до сих пор жившие в достатке, теперь ввергнуты в глубокую нужду. И вы знаете, что те, кто жалуется на бедность, не были лишены чего-либо из названного и при разделе не получили меньше. 2. Ну и что же обнаруживается, улучшили ли они благодаря всем этим приобретениям что-либо в своей прежней участи и достигли ли богатства? Я хотел бы и моли бы богов, чтобы было именно так и чтобы было поменьше, так сказать, вояк на постое, обузы для общества, но нынче вы видите и слышите, как они сетуют, будто дошли до крайней нищеты. Поэтому, даже если

они получают то, что сейчас вожделеют, и даже еще больше сверх того, они все равно не поправят свою жизнь. 3. Ведь нищета гнездится не в их судьбе, а в их образе мыслей: вот его-то не удовлетворяют не только сей скудный надел, но даже все дары царей и тиранов. Если мы и в этом им уступим, то поступим подобно врачам, которые пользуют больных снадобьем, доставляющим приятность. Ведь больная часть государства не будет исцелена, но даже здоровая заразится хворью. Вообще, о сенат, вам следует проявить большую заботу и мудрость, чтобы со всем усердием спасти испорченные нравы общества. 4. Ведь вы видите, до чего докатилось бесчинство народа и что он более не считает обязанным подчиняться консулам: он же не раскаялся в содеянном здесь, но то же самое бесчинство явил и в войске, бросив оружие, покинув строй, оставив врагам боевые значки и обратившись в постыдное бегство еще до того, как вступил в сражение, словно только у меня он отнимет славу победы, но не у отечества ту же сладость торжества над врагами. 5. И вот теперь у вольсков ставятся трофеи над римлянами, и добычей, взятой у нас, украшаются их храмы, и в великой гордыне, как никогда раньше, пребывают их грады, до сих пор упрашивавшие наших военачальников не подвергать их порабощению и разрушению. 6. Так неужели же справедливо или хорошо, чтобы вы испытывали к ним благодарность за подобные успехи и почитали общественными дарами, наделив землей, которой, насколько это от них зависит, владеют враги? Однако, что нам толку упрекать тех, кто в силу невежества и низкого происхождения мало внимания обращает на то, что благородно, если мы видим, как и во всех ваших нравах уже нет древнего духа, но величавость некоторые называют гордыней, справедливость — глупостью, мужество — безрассудством, благоразумие — тупостью? И то, что у предков ненавидели, это теперь и превозносится, и людям испорченным оно кажется удивительно сколь великим благом, то есть трусость, шутовство, злонравие, хитроумие, дерзость во всем и невосприимчивость к чему-либо лучшему — словом, то, что захватило уже много могучих государств и полностью их уничтожило. 7. Слова мои, о сенат, приятно ли вам их слышать или тягостно, сказаны вам со всей правдивостью и откровенностью. Для тех из вас, кого мои слова убедят, — если, конечно, убедят, — это будет и сегодня полезным, и в будущем охранит. А для меня, — того, кто навлекает ненависть лично на себя ради пользы общества, — мои слова станут причиной многочисленных опасностей. Ведь я в силах благодаря разуму предвидеть то, что меня ожидает, и воспринимаю чужие несчастья как пример собственных».

LIV. После того как Аппий это сказал и почти все остальные разделили то же самое мнение, сенат был распущен. Плебейские же трибуны, раздраженные неудачей, удалились и затем стали обдумывать, как покарать этого человека. Итак, после долгого совещания они решили привлечь Аппия к суду, где наказанием назначается смертная казнь. После этого, обвинив Аппия в народном собрании, они стали призывать всех прийти в назначенный день, чтобы проголосовать по поводу него. 2. А собирались они обвинить Аппия в следующем: что он высказывал враждебные

народу мнения и затевал в городе распри; что вопреки священным законам он поднял руку на плебейского трибуна; что, командуя войском, он вернулся с большим уроном и позором. Объявив это плебсу и назначив определенный день, в который, как они сказали, состоится суд, они приказали Аппию явиться в этот день для оправданий. 3. Все патриции негодовали и были готовы со всем усердием спасти его, хотя и призывали Аппию уступить обстоятельствам и переменить свое поведение в соответствии с нынешней обстановкой. Но Аппий ответил, что не будет делать ничего низкого или недостойного его прежних деяний, и что он лучше перенесет тысячи смертей, чем обнимет чьи-нибудь колени. И тем, кто был готов просить за него, он запрещал это, уверяя, что вдвойне стыдился бы, видя, как другие ради него делают то, что он не считает самому приличным делать ради себя же. 4. Говоря им это и много подобного этому, он не переменял одежду, не смягчил надменность взора и ни в чем не отказался от своего образа мыслей. Когда же он увидел, как город взволнован и напряженно ожидает суда, то за несколько дней до него покончили с собой. 5. Впрочем, близкие его утверждали, что причиной смерти стала болезнь. Когда же его тело принесли на Форум, сын его, подойдя к плебейским трибунам и консулам, просил их созвать для него установленную в таких случаях народную сходку и разрешить произнести об отце речь, как было у римлян в обычае говорить при погребении доблестных людей. 6. И хотя консулы уже стали созывать собрание, плебейские трибуны воспротивились и велели юноше унести покойника. Однако народ сдержался и не допустил такого оскорбления, чтобы тело было позорно выброшено, но разрешил юноше воздать отцу установленные почести. Вот такова была смерть Аппия.

LV. А консулы, осуществив набор войска, вывели его из города: Луций Валерий, чтобы вести войну с эквами, Тиберий Эмилий — с сабинянами³⁶. Ведь те во время смуты вторглись на римскую территорию и, опустошив большую часть ее, ушли с огромной добычей. Так вот, эквы много раз вступали в рукопашный бой, но, получив множество ран, бежали в лагерь, расположенный в хорошо защищенном месте, после чего уже не выходили на битву. 2. Валерий попытался взять их лагерь, но ему воспрепятствовало божество. Ведь, когда он стал приближаться и уже принимался за дело, с неба опустился мрак, пошел сильный дождь, засверкали молнии, раздались резкие удары грома. Как только войско рассеялось, буря сразу же прекратилась, и небо над этой местностью стало совершенно чистым. Приняв такое событие за знамение, — да и предсказатели препятствовали ему продолжать осаду укрепления, — консул повернул назад и начал опустошать страну неприятеля. Затем, предоставив воинам всю ту добычу, что захватил, он отвел войско домой. 3. А Тиберию Эмилию, который сначала двигался по вражеской округе с совершеннейшим к врагу презрением и не ожидал уже никакого противодействия, вышло навстречу войско сабинян, и произошла у них битва в боевом строю, начавшаяся примерно около полудня и

³⁶ Ср.: *Ливий*. II. 62 (примеч. Л.Л. Кофинова).

продолжавшаяся до захода солнца. Когда же стало темнеть, войска отступили к своим лагерям, не победив и не уступив. 4. В следующие дни военачальники похоронили своих погибших и возвели частокол вокруг лагерей: оба они имели одно и то же намерение — охранять свое и больше уже не начинать битвы. Затем, со временем, они свернули палатки и отвели войска.

LVI. На следующий после этих консулов год, в семьдесят восьмую Олимпиаду, на которой в беге на стадий победил Парменид из Посейдонии, а в Афинах годичную власть имел Теагенид, консулами в Риме были назначены Авл Вергиний Целимонтан и Тит Нумиций Приск³⁷. И только они вступили в должность, как было получено сообщение, что приближается большое воинство вольсков. А спустя немного времени загорелась одна из римских сторожевых застав, павшая при первом же натиске. Находилась она недалеко от Рима, и дым сообщил жителям города о беде. 2. Поэтому тогда, — а ведь была еще ночь, — консулы, отправив некоторых всадников на разведку и поставив на стенах стражу, сами вместе с наиболее подготовленными воинами выстроились перед воротами и стали ожидать донесений от всадников. Когда же наступил день и к ним присоединилось то войско, что было в городе, они выступили против врагов. А те, разграбив укрепление, сожгли его и быстро отошли. 3. Тогда консулы потушили то, что еще горело, оставили здесь стражу и вернулись в город. Через несколько дней оба они выступили, имея под началом и свои собственные войска, и подкрепления от союзников: Вергиний — на эквов, а Нумиций — на вольсков. И у них обоих военные предприятия удались так, как они задумывали. 4. Так, эквы не отважились вступить в схватку с Вергинием, который разорял их землю. И даже, поставив в лесах в засаде какой-то отряд из отборных воинов, которые собирались напасть на рассеявшихся врагов, они обманулись в надеждах, потому что римляне быстро все обнаружили, и грянула жестокая битва, в которой эквы потеряли много своих. Поэтому они более не предпринимали попыток начать другую битву. 5. И Нумицию, который вел войско против города Анция, что был тогда в числе первых городов у вольсков, также никакая сила не оказала сопротивления, но в каждом случае они были вынуждены защищаться со стен. Тем временем обширная земля их была опустошена, и захвачен какой-то прибрежный городок, который они использовали как гавань и как торжище всем, что необходимо для жизни, доставляя себе большую добычу и от моря, и от грабежей. И так, с согласия консула войско разграбило рабов, деньги, скот и грузы, предназначенные для торговли, а свободных жителей, которых не успела погубить война, увели на продажу. Было захвачено и двадцать два военных корабля анциатов, и другое корабельное вооружение и снаряжение. 6. Вслед за тем по приказу консула римляне подожгли жилища, разрушили верфи и уничтожили стену до основания, так что после их ухода это укрепление уже стало бесполезным для анциатов. Таковы были деяния каждого консула в отдельности, а ими обоими

³⁷ 469 г. до н.э. (= 467 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. II. 63. 1 (примеч. Л.Л. Кофанова).

бы совершен еще и общий набег на земли сабинян. Разорив их, они отвели войско домой. И этот год закончился.

LVII. На следующий год, когда консульскую власть приняли Тит Квинций Капитолин и Квинт Сервилий Приск³⁸, не только собственные римские военные силы все находились в боевой готовности, но и союзные рати добровольно явились раньше, чем от них потребовали войско. И после этого консулы, принеся обеты богам и произведя очищение войска, выступили против врагов. 2. Сабиняне, на которых двинулся Сервилий, не выстроились для битвы и в открытое поле не вышли, но, отсиживаясь в укреплениях, терпеливо сносили, пока разоряли их землю, поджигали дома, а рабы разбежались. Так что римляне очень легко ушли из их страны, нагруженные добычей и преисполненные гордости: поход Сервилия имел такое завершение.

3. А те, кто участвовал в походе с Квинцием против эквов и вольсков, — ведь из обоих народов в одно и то же место сошлись те, кому предстояло сразиться за остальных, и они расположились лагерем перед городом Анцием, — так вот, римляне, продвигаясь быстрым шагом, внезапно появились перед врагами. На небольшом расстоянии от их лагеря в том месте, где впервые противники заметили друг друга, римляне сложили свое снаряжение, хотя место было в низине, желая произвести впечатление, что они не испугались неприятеля, значительно превосходившего их численностью. 4. Когда же у обеих сторон все было готово для сражения, они вышли на равнину и, сойдясь, бились вплоть до полудня, не уступая противнику и не получая перевеса, каждый раз и те, и другие уравнивали положение там, где испытывали трудности, с помощью воинов, расположенных в резерве. Но в этом отношении эквы и вольски, превосходя римлян количеством, легко восстанавливали свои силы и имели преимущество, тогда как их враги не имели численности, равной их рвению. 5. И Квинций, видя многих своих воинов убитыми, а большинство уцелевших ранеными, хотел уже отозвать войско, но, побоявшись дать противнику повод думать о бегстве римлян, решил, что нужно рискнуть. Выбрав лучших всадников, он пришел на помощь своим на правом фланге, который находился в особо трудном положении. 6. И, то упрекая самих командиров за трусость, то напоминая о прошлых сражениях, а еще говоря о том позоре и опасности, которой они подвергнутся во время бегства, в конце концов он удачно сказал неправду, что особенно придало римлянам мужество, а во врагов вселило страх. В частности, он заявил, что другой фланг римлян уже оттеснил неприятеля и сейчас находится вблизи его лагеря. 7. Выкрикнув это, он бросился на врагов и, спрыгнув с лошади, вместе со своими отборными всадниками стал сражаться врукопашную. Вслед за тем какая-то отвага обуяла тех, кто до сих пор терпел поражение, и они кинулись на врагов все вместе, словно стали другими людьми: и вольски — а именно они были поставлены здесь — после долгого сопротивления отступили. После того как Квинций отразил вольсков, он, вскочив на лошадь,

³⁸ 468 г. до н.э. (= 466 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. II. 64. 2 (примеч. Л.Л. Кофанова).

помчался вдоль другого крыла и, указывая находившимся там пешим войскам на побежденную часть врагов, призывал их не уступать другим в доблести.

LVIII. И после этого нигде уже враги не сопротивлялись, но все вместе устремились в лагерь. Однако преследование их продолжалось недолго, но римляне сразу же повернули назад, потому что и тела их ослабели от усталости, и оружие было уже непригодно. По прошествии нескольких дней, на которые было заключено перемирие для погребения своих павших и для ухода за пострадавшими, они восполнили необходимое для войны, после чего сразились в другой битве, уже за римский лагерь. 2. Ведь, когда из окрестных городков, которые находились неподалеку, к вольскам и эквам подошло еще одно войско, их военачальник, вдохновленный тем, что у него силы теперь в пять раз превышают мощь неприятеля, и видя, что лагерь римлян расположен не в безопасном месте, счел случай наилучшим для нападения на них. Придя к такому выводу, он около полуночи повел свое войско к лагерю римлян и, окружив его, стал сторожить, чтобы противник тайно не ушел. 3. А Квинций, увидев толпу врагов, воспринял это с радостью, но дождался наступления дня и того часа, когда рынок более всего многолюден. Затем, понимая, что враги уже страдают от бессонной ночи и от летящих в них стрел, и наступают они не по центуриям и даже не строем, но беспорядочно рассеявшись по разным местам, он открыл ворота лагеря и совершил вылазку вместе с отборными всадниками, а пешеходные воины, сомкнув центурии, следовали за ним. 4. Вольски, уstraшенные их смелостью и каким-то бешеным нападением, продержавшись недолгое время, отступают и одновременно отходят от лагеря. Затем, поскольку недалеко от лагеря был какой-то довольно высокий холм, они, соответственно, бегом взбираются на него, чтобы там отдохнуть и вновь построиться в боевой порядок. Но не удалось им выстроиться и прийти в себя, ведь по пятам за ними следовали враги, сомкнув, насколько было возможно, центурии, чтобы не быть отброшенными при атаке вверх по холму. 5. И большую часть дня длилось ожесточенное сражение, и много убитых полегло с обеих сторон. И вольски, хотя превосходили численностью и обладали дополнительной защитой благодаря местности, не извлекли никакой пользы ни из того, ни из другого, но, вытесненные вением и доблестью римлян, покинули холм, и много их погибло во время бегства к своему лагерю. 6. Ведь римляне не отказались от преследования их, но гнались по пятам и остановились не раньше, чем приступом взяли их лагерь. Захватив всех людей, сколько их было оставлено в лагере, и завладев очень большим количеством лошадей, оружия, пожитков, эту ночь римляне провели здесь. С наступлением дня, подготовив все, что требовалось для осады, консул повел войско против города анциатов, стоявшего не более чем в тридцати стадиях отсюда. 7. У анциатов как раз находились с целью охраны некоторые вспомогательные войска от эквов, которые сторожили стены. Тогда эти стражи, испугавшись отчаянной отваги римлян, попытались сбежать из города. Но анциаты, получив сведения об этом, не давали эквам уйти, и те задумали передать город римлянам во время штурма. 8. Анциаты,

узнав об этом из доноса, уступают обстоятельствам и, посоветовавшись вместе с эквами, передают город Квинцию, причем по договору эквы ушли, а анциаты должны были принять к себе гарнизон и исполнять приказы римлян. Овладев на таких условиях городом и получив с него содержание и остальное, что нужно было для войска, консул оставил там гарнизон и отвел войско. За это сенат вышел к нему навстречу с приветствиями и удостоил триумфального шествия.

ЛХ. После этих консулов на следующий год консулами были Тиберий Эмилий, во второй раз, и Квинт Фабий³⁹, сын одного из трех братьев, что предводительствовали отправленным к Кремере отрядом и погибли там вместе со своими клиентами. Поскольку плебейские трибуны вновь стали подстрекать толпу по поводу наделения землей, причем им помогал один из консулов, Эмилий, то сенат, желая угодить беднякам и вернуть себе их расположение, принял постановление разделить среди них некоторую часть земли анциатов, которой римляне завладели в предшествующем году, захватив ее копьем. 2. А руководителями наделения землей были назначены Тит Квинций Капитолин, которому сдались анциаты, и вместе с ним Луций Фурий и Авл Вергиний. Но этот раздел земли не был привлекателен для многих римских бедняков, будучи похож на изгнание из отечества, и записались лишь немногие. Поскольку число отправляющихся было недостаточным, сенат решил позволить желающим из числа латинов и герников принять участие в выведении этой колонии. Итак, те, кто был отправлен в Анций, разделили землю среди своих, оставив некоторую часть ее анциатам. 3. Тем временем оба консула совершили военные походы: Эмилий — в землю сабинян, а Фабий — в край эквов. И против Эмилия, хотя во вражеской стране он оставался долгое время, не выступило ни одно войско, чтобы сразиться с ним за свою землю, но консул в полной безопасности опустошил эту землю, а когда пришло время избрания должностных лиц, отвел войска. Что касается Фабия, то эквы, прежде чем их к этому принудят гибель войска или захват стен, отправили к нему послов для переговоров о примирении и дружбе. 4. Консул взыскал с них провиант для войска на два месяца, по две тунки на каждого человека и серебро на жалованье за шесть месяцев, а также другое, в чем была потребность, и заключил с ними перемирие до тех пор, пока они не придут в Рим и не получат прекращение войны от сената. Однако сенат, узнав об этом, предоставил Фабию собственной властью прекратить войну с эквами на тех условиях, которые изберет он сам. 5. После этого при посредничестве консула между государствами был заключен договор на таких условиях: эквы подчиняются римлянам, при этом сохраняя свои города и свои земли, и римлянам они ничего не посылают, кроме войска, когда от них его потребуют, снаряжая его на собственные средства. Заключив этот договор, Фабий увел армию и вместе с другим консулом избрал должностных лиц на следующий год.

³⁹ 467 г. до н.э. (= 465 г. до н.э. по Дионисию). Ливий (III. 1. 1) консула Эмилия называет не Тиберием, а Титом (примеч. Л.Л. Кофинова).

ЛХ. После них консулами были избраны Спурий Постумий Альбин и Квинт Сервий Приск, во второй раз⁴⁰. При них показалось, что эквы нарушают недавно заключенный с римлянами договор, и вот по какой причине показалось. 2. Те из анциатов, кто имел дом и земельный участок, остались на земле, возделывая не только выделенные им, но и отнятые колонистами имения за какие-то оговоренные и определенные доли, которые они платили колонистам от своих доходов; а у кого ничего из перечисленного не было, оставили город и, поскольку их благосклонно приняли эквы, стали нападать оттуда и грабить поля латинов. Из-за этого и среди эквов люди дерзкие и бедные помогали им в грабежах. 3. Когда латины стали жаловаться по этому поводу в сенате и просили послать войско или разрешить им самим отразить зачинщиков войны, сенаторы, выслушав, не проголосовали за то, чтобы послать войско, но и латинам не разрешили вывести свои силы. Избрав трех послов, которыми руководил Квинт Фабий, тот, кто заключил с эквами договор, они отправили их, дав им поручение узнать у предводителей этого народа, по общему ли решению те посылают шайки разбойников не только на территорию союзников Рима, но и на собственно римскую, — ведь и на нее направлялись некоторые набег анцийских беглецов, — или же в творившемся нет никакой общей вины; и если те скажут, что все это действия отдельных людей, и что народ не давал на это согласия, то потребовать назад награбленное и добиваться выдачи совершивших преступления. 4. Когда послы прибыли, эквы, выслушав их претензии, дали им уклончивые ответы, оправдываясь, будто это дело произошло не по общему решению, но не желая при этом выдавать виновных, которые, мол, утратив свой город и став скитальцами, молили их в нужде своей о защите. 5. Фабий негодовал на них и взывал к нарушенным с их стороны соглашениям. Когда же он увидел, что эквы хитрят, прося время для обсуждения и задерживая его под предлогом гостеприимства, то остался, желая выведать все, что творится в городе. Обходя всякие и священные, и общественные места под предлогом осмотра достопримечательностей и видя, что все мастерские полны оружия, предназначенного для войны, часть которого уже была полностью изготовлена, а часть еще находилась в работе, он понял их замысел. 6. И, вернувшись в Рим, сообщил сенату все, что он услышал и что он увидел. А тот, несколько уже не колеблясь, постановил отправить жрецов-миротворцев⁴¹, чтобы они объявили эквам войну, если те не прогонят из города беглецов из Анция и не дадут удовлетворения тем, кому причинили вред. Эквы же дали послам весьма дерзкие ответы и согласились, что принимают войну не против своей воли. 7. Однако римлянам не удалось в тот год отправить против них войско, то ли потому, что боже-ство этому воспрепятствовало, то ли из-за болезней, которые большую часть года терзали многих людей. Все же в целях охраны союзников выступило небольшое

⁴⁰ 466 г. до н.э. (= 464 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. III. 2. 1 (примеч. Л.Л. Кофанова).

⁴¹ Имеются в виду фециалы.

воинство под командованием Квинта Сервилия, одного из консулов, которое оставалось в латинских пределах.

8. А в городе его коллега Спурий Постумий освятил храм Юпитера Фидия на Квиринальском холме в месяце июне, в так называемые ноны. Храм был воздвигнут последним царем Тарквинием, но не получил от него освящение, установленное у римлян. Тогда же по решению сената имя Постумия было начертано на храме. Ничего другого достойного упоминания при этих консулах совершено не было.

LXI. В семьдесят девятую Олимпиаду, на которой победили Ксенофонт из Коринфа, когда архонтом в Афинах был Архедемид, консульскую власть получают Тит Квинций Капитолин и Квинт Фабий Вибулан⁴²; Квинций был избран народом на должность в третий раз, а Фабий — во второй. Их обоих сенат отправил в поход, предоставив многочисленные и хорошо снаряженные войска. 2. Итак, Квинций был назначен охранять римскую землю, что граничила с неприятелем, а Фабий — опустошать землю эквов. Фабий обнаруживает эквов, поджидавших его на границе с крупным войском. И после того как обе стороны разбили лагерь в наиболее удобных местах, они выступили на равнину, причем бросили вызов и начали битву эквы. Враги ожесточенно и упорно сражались без перерыва в течение большей части дня, каждый возлагая надежду на победу только на самого себя и ни на кого другого. 3. Когда же мечи у большинства из них вследствие бесчисленных ударов затупились, военачальники дали сигнал к отступлению, и они оттянулись к своим укреплениям. И после этого дела никакого сражения в боевом порядке у них больше не случилось, но лишь всякие перестрелки и постоянные схватки легковооруженных воинов за снабжение водой и продовольствием. Однако в них, как правило, они были равны. 4. Во время всех этих событий часть войска эквов, обойдя по другим дорогам, вторглась на римские поля, которые были наиболее удалены от рубежей и потому не охранялись. Здесь они захватили много людей и богатств и скрытно от дозорных Квинция, что стерегли римскую землю, возвратились домой. Это происходило постоянно и навлекло на консулов большой позор. 5. Затем, узнав от лазутчиков и пленных, что из лагеря эквов выступили лучшие их силы, Фабий оставил в лагере самых старших воинов, а сам вышел ночью, ведя с собой отборных всадников и пехотинцев. И вот эквы, разграбив те местности, в которые они вторглись, уходили с большой добычей. Но не успели они далеко продвинуться, как появляется Фабий, отбирает добычу и громит в битве тех, кто проявил храбрость оказать ему сопротивление; остальные же, рассеявшись, благодаря своему знанию путей скрылись от преследователей и спаслись бегством в лагерь. 6. После того как эквы были остановлены таким неожиданным для них несчастьем, они свернули лагерь и ночью удалились. В оставшееся время они уже не выходили из города, но терпеливо взирали, как враги увозят их хлеб, который тогда уже созрел, угоняют стада скота, расхищают имущество, предают

⁴² 465 г. до н.э. (= 463 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. III. 2. 2 (примеч. Л.Л. Кофанова).

огню жилища и уведат многочисленных пленных. Совершив все это, Фабий, когда надлежало передать власть следующим консулам, поднял войско и увел его домой; то же самое сделал и Квинций.

LXII. Прибыв в Рим, они объявили консулами Авла Постумия Альба и Сервия Фурия¹³. И вот, едва они получили власть, от латинских союзников явились гонцы, поспешно отправленные к римлянам. Они предстали перед сенатом и объяснили, что поведение анциатов ненадежно, так как эквы тайно отправляют к ним послов и в город под предлогом торговли открыто пришло много вольсков, которых привели на помощь те, кто ранее, когда отдавали римлянам земельные надель, по бедности покинул город анциатов и перебежал к эквам, как я уже говорил. 2. И одновременно они сообщили, что вместе с местными жителями соблазну поддалось и большое число колонистов; и если римляне не упредят их замыслы с помощью достаточного гарнизона, то, уверяли они, отсюда также начнется какая-нибудь внезапная для римлян война. Чуть позже них другие вестники, посланные от герников, сообщили, что вышло большое войско эквов и, расположившись лагерем на земле герников, все кругом разоряет, а вместе с эквами в походе участвуют и вольски, составляя большую часть армии. 3. Ввиду этого сенат проголосовал за то, чтобы к анциатам, которые затевают беспорядки, — ведь некоторые из них пришли для оправданий и явно выказали, что они ни о чем здраво не рассуждают, — отправить еще один гарнизон, который должен был обеспечить безопасность города; против же эквов войско поведет второй консул, Сервий Фурий. И оба они без промедления выступили. 4. А эквы, узнав, что римское войско вышло, покинули землю герников и устремились навстречу римлянам. Когда же противники увидели друг друга, то в этот день встали лагерем, разойдясь на небольшое расстояние, а на следующий день враги подошли к укреплению римлян, чтобы выяснить их намерения. 5. Но так как римляне не вышли на битву, то, произведя издалека обстрел лагеря и не сделав ничего достойного упоминания, эквы с гордостью удалились. Однако на следующий день римский консул покинул укрепление (ведь место было не слишком безопасным) и перенес стоянку в более подходящую местность, где и ров вырыл поглубже, и частокол поставил более высокий. Противника, который заметил это, обуяла великая отвага и еще более — когда к ним подошло союзное войско от вольсков и от эквов. Тогда, более уже ничуть не мешкая, они отправились против римского укрепления.

LXIII. А консул, понимая, что его войска не будет достаточно для борьбы с двумя народами, отправляет несколько всадников отвезти в Рим грамоты, в которых он просил, чтобы к ним быстрее пришла помощь, поскольку его войско подвергается опасности быть полностью уничтоженным. 2. Прочитав донесения, коллега Фурия Постумий (а была почти полночь, когда явились всадники) через многочисленных

¹³ 464 г. до н.э. Ср.: Ливий (III. 4. 1) второго консула называет Спурием Фурием Фузом (примеч. А.А. Кофанова).

глашатаев созывает сенаторов из их домов. Еще до наступления дня принимается решение сената, чтобы Тит Квинций, трижды избиравшийся консулом, взял отборных молодых воинов — как пехотинцев, так и всадников — и, получив проконсульскую власть, тотчас двинулся на врагов; и чтобы второй консул, Авл Постумий, собрав остальные силы, для сбора которых требовалось больше времени, выступил на помощь так быстро, насколько это возможно. 3. День уже занимался, когда Квинций собрал около пяти тысяч добровольцев. Немного подождав, он вышел из города. Заподозрив это, эквы остались на месте. Решив, прежде чем к римлянам придет помощь, напасть на их лагерь, чтобы захватить его благодаря своей силе и численности, они выступили все вместе, разделившись на две части. 4. И целый день длится ожесточенное сражение: эквы смело взбирались на внешние укрепления во многих местах, и их не могли сдержать ни непрерывные удары копий, ни выпущенные из луков стрелы, ни брошенные из пращи камни. И вот тогда консул и легат, подбодрив друг друга, открыли одновременно ворота и с лучшими воинами устремились на врагов. Обрушившись на них с двух сторон, они обращают вспять нападавших на лагерь. 5. Когда же началось бегство, консул недолго преследовал тех, кто находился перед ним, после чего вернулся. Но его брат и легат Публий Фурий, увлекаемый отвагой и решимостью, гнал врагов вплоть до их лагеря, преследуя и убивая. А было у него две когорты, в которых насчитывалось не больше тысячи воинов. Увидев это, враги — их было около пяти тысяч — устремяются на него из лагеря: они напали с фронта, а их всадники, обойдя кругом, заходят римлянам в тыл. 6. Таким образом оказавшись в окружении и отрезанные от своих, воины Публия могли бы спастись, если бы сложили оружие: ведь к этому их призывали враги, которые весьма старались захватить тысячу храбрейших пленников из числа римлян, чтобы через них получить для себя подходящие условия окончания войны. Однако римляне, отнесясь к ним с презрением и призвав друг друга не посрамить славу города, вступили в бой и, положив многих врагов, сами все погибли.

LXIV. После их гибели эквы, вдохновленные своей победой, подступили к лагерю римлян, вздымая вверх насаженные на копыта голову Публия, а также остальных выдающихся людей, чтобы устрашить этим засевших в лагере и принудить их сдать им оружие. Конечно, в римлянах пробудилось немалое сострадание к участи погибших, и они оплакивали их судьбу, но, что касается битвы, в них вселилась вдвое большая отвага и благородное стремление или победить, или скорее погибнуть точно так же, как и те, чем попасть в руки врагов. 2. И вот эту ночь, когда враги расположились рядом с лагерем, римляне провели без сна и все время чинили в лагере то, что было повреждено, и подготавливали остальные многочисленные и разнообразные средства, с помощью которых собирались отбиваться от противника, если он вновь попытается штурмовать укрепления. На следующий же день приступы возобновились, и во многих местах стали разрушать палисад. И часто эквов отбрасывали те, кто совершал всей массой вылазки из лагеря, но часто и эквы отбрасывали назад тех,

кто слишком смело выдвигался вперед. 3. И так продолжалось в течение всего дня. Тогда римский консул, пронзенный сквозь щит копьем, получает ранение в бедро, были ранены и многие другие блистательные мужи, которые сражались рядом с ним. Римляне уже изнемогали, когда под вечер неожиданно появляется вблизи Квинций, который вел на подмогу отряд добровольцев из отборных воинов. Увидев их приближение, враги повернули назад, оставив безуспешную осаду, а римляне, сделав вылазку во время их отхода, убивали оставших. 4. Однако же преследовали они врага недолго, потому что многие ослабели от ран, и скоро повернули назад. И после этого обе стороны только оборонялись, долго еще оставаясь в лагерях.

LXV. Затем под покровом ночи вышло еще одно войско эквов и вольсков, считавших, что для них наступил удобный срок для того, чтобы разграбить римскую землю, поскольку лучшие силы римлян выступили в поход. Вторгнувшись в самые отдаленные края, где земледельцам, казалось, нечего было бояться, неприятели захватывают большие богатства и множество пленников. 2. Но в конечном счете их отступление отсюда было бесславным и неудачным. Ведь когда один из консулов, Постумий, во главе собранного войска для помощи осажденным в лагере узнал о действиях врагов, он неожиданно появляется перед ними. 3. Но те не смутились и не испугались при его появлении, а спокойно снесли свои вещи и добычу в одно надежное место и оставили при них достаточную охрану, а остальные, построившись в боевой порядок, двинулись навстречу римлянам. Вступив с теми в бой, они явили достопамятные деяния, хотя сражались малым числом против многочисленного противника (ведь против них с полей стекалось много тех, кого они уже разбили) и с легким вооружением — против воинов, тела которых были целиком защищены. При этом они положили насмерть много римлян и, хотя были застигнуты в чужой земле, едва не поставили трофеев над теми, кто напал на них самих. 4. Но все же консул и вместе с ним отборные римские всадники, атаковав на невзвзданных лошадях те части врагов, что сражалась наиболее упорно и мужественно, разрывают их строй и многих уничтожают. Когда же передовые бойцы погибли, то и остальное войско повернуло назад и обратилось в бегство. Охранники обоза бросили его и, отступая, стали уходить в горы, возвышавшиеся поблизости. В итоге, лишь немногие из них погибли в ходе самой сечи, но большинство пало во время бегства, потому что они и окрестности не знали, и подвергались преследованию римских всадников.

LXVI. Пока все эти события происходили, второй консул, Сервий, узнав, что его коллега спешит к нему на помощь, и опасаясь, как бы враги не выступили тому навстречу и не отрезали путь к нему, решил отвлекать их внимание, совершая нападения на их лагерь. 2. Но враги упредили его: едва они проведали о несчастье, случившемся с их людьми, о чем сообщили спасшиеся после набега на римские земли, то свернули лагерь в первую же ночь после битвы и ушли в город, не исполнив всего, что хотели. 3. Ведь, помимо павших на поле брани и во время набегов, они потеряли гораздо больше, чем раньше, оставших во время тогдашнего бегства.

Ибо те, кто изнемогал от усталости и от ран, с трудом шли вперед и падали, когда силы покидали их, особенно около родников и рек, поскольку мучились от жажды: тогда их настигали и убивали римские всадники. 4. Однако и римляне возвратились, не во всем преуспев на этой войне: ведь они потеряли в битвах много доблестных воинов и легата, который больше всех отличился в сражении. Все же они вернулись, неся городу победу не хуже любой другой. Таковы были события при власти этих консулов.

LXVII. В следующем году, когда должность получили Луций Эбуций и Публий Сервилий Приск⁴⁴, римляне не совершили никакого приснопамятного деяния, ни на войне, ни дома, потому что страдали от хвори столь тяжкой, как никогда доселе. Сначала она поразила табуны коней и стада крупного рогатого скота, от них перекинулась на коз и овец и уничтожила почти весь скот. Потом она напала на пастухов и земледельцев, а после того как распространилась по всей сельской местности, обрушилась и на город. 2. Нелегко было определить количество рабов, поденщиков и бедного люда, которых она погубила. Ведь поначалу умерших кучами отвозили на телегах, а под конец лиц наименее значимых просто сбрасывали в стремнину протекающей рядом реки. Из членов сената погибла, как было подсчитано, четвертая часть, и среди них — оба консула и большинство плебейских трибунов. 3. Итак, болезнь началась примерно в календы месяца сентября, а продолжалась весь этот год, поражая и губя людей без различия пола и возраста. Когда соседям стало известно о постигших Рим бедствиях, эквы и вольски, посчитав, что настала удобная возможность, для того чтобы уничтожить его господство, заключили между собой клятвенный договор о союзе. Подготовив все необходимое для осады, и те и другие со всей поспешностью вывели рати. 4. А чтобы лишить Рим помощи со стороны союзников, они сначала вторглись в земли латинов и герников. В тот именно день, когда от каждого из подвергшихся нападению народов в сенат пришло посольство с просьбой о помощи, один из консулов, Луций Эбуций, скончался, а Публий Сервилий лежал при смерти. Но хотя уже едва дышал, он созвал сенат. 5. Большинство сенаторов полумертвыми было доставлено на носилках. Посоветовавшись, они поручили послам возвестить своим, что сенат предоставляет им собственной доблестью отражать врагов до тех пор, пока не выздоровеет консул и не будет собрано войско для помощи им. 6. После такого ответа, латины убрали с полей в города все, что смогли, и стали охранять стены, остальное же бросили погибать. Но герники, с трудом перенося разорение и разграбление своих полей, взяли оружие и выступили в поход. Сражались они блестяще и, хотя потеряли много своих, но еще больше убили врагов, однако все же были вынуждены бежать за стены и больше уже не пытались вступать в битву.

LXVIII. А эквы и вольски, в полной безопасности опустошив их страну, подошли к землям тускуманцев. Разграбив и их, так как никто им сопротивления не оказывал,

⁴⁴ 463 г. до н.э. (= 461 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. III. 6. 1 (примеч. Л.Л. Кофанова).

они подступили к пределам габийцев. Пройдя и по этой земле без всякого противодействия, они подошли к Риму. 2. Конечно, они привели город в достаточно сильное замешательство, однако же одолеть его не смогли: напротив, римляне, хотя телесно и были крайне слабы и обоих консулов потеряли, — ведь и Сервилий только что умер, — вооружились, превозмогая силы, и встали на стены. В то время окружность города была такой же, как окружность города афинян. Одни части стены, расположенные на холмах и крутых утесах, были укреплены самой природой и не нуждались в многочисленной страже; другие были защищены рекой Тибр, ширина которой примерно четыре пелтра, а глубина позволяет плавать большим судам, течение же быстрое, как ни у какой другой реки, и образует сильные водовороты. Перейти эту реку пешим воинам, кроме как по мосту, было невозможно, а мост в ту пору был один, сделанный из дерева, и его во время войн разбирали. 3. Единственное пространство, которое является наиболее уязвимой частью города, от так называемых Эсквилинских ворот до Коллинских, укреплено искусственно. Так, перед ним вырыт ров, ширина которого в самом узком месте более ста футов, а глубина его около тридцати футов. Кроме того, надо рвом встала стена, к которой с внутренней стороны примыкала земляная насыпь, настолько высокая и широкая, что стену нельзя было ни таранами пробить, ни обрушить, подкопав основания. 4. Этот отрезок в длину примерно семь стадиев, а в ширину пятьдесят футов. Римляне, построив там основные силы, отразили тогда нападение врагов, ведь в то время люди не умели сооружать ни защитных навесов, ни осадных машин, называемых гелеполами. Поэтому враги, оставив надежду захватить город, ушли от стены и, опустошив ту землю, по которой двигались, отвели войска домой.

LXIX. Римляне, выбрав так называемых междуцарей для проведения избрания властей, что обычно делали всякий раз, когда в государстве случалось безвластие, объявили консулами Луция Лукреция и Тита Ветурия Гемина. Во время их правления прекратилась болезнь, и все гражданские жалобы как частные, так и общественные, получили отсрочку. Правда, один из плебейских трибунов, Секст Тиций, вновь попытался поднять вопрос о наделении землей, но народ воспрепятствовал ему и отложил все до более подходящих времен. 2. И всех охватило горячее желание отомстить тем, кто напал на город во время болезни. Немедленно, как только сенат принял решение о войне и народ утвердил его, стали набирать войска, причем никто из тех, кто находился в возрасте, годном для воинской службы, даже если закон освобождал его, не хотел остаться в стороне от этого похода. Войско было разделено на три части, после чего одна, под командованием бывшего консула Квинта Фурия, была оставлена охранять город, а две другие во главе с консулами выступили против эквов и вольсков. 3. И оказалось, что точно так же поступили и враги. Ведь лучшее войско, собравшееся от обоих народов, стояло в поле под началом двух предводителей и намеревалось, начав с земли герников, в которой тогда оно находилось, пройти по всей земле, подвластной римлянам. А менее пригодная часть войска была оставлена

охранять собственные города, чтобы не случилось какого-нибудь внезапного нападения врагов на них. 4. Римские консулы, совещаясь по этому поводу, решили, что правильнее будет сначала напасть на их города, — в силу того соображения, что общее войско противника будет распущено, если каждая сторона узнает, что ее имущество подвергается крайней опасности, ибо войско сочтет, что гораздо лучше спасать свое, чем губить принадлежащее врагу. Поэтому Лукреций вторгся в землю эквов, а Ветурий — в землю вольсков. Эквы же предоставили гибели все, что было вне стен, но охраняли город и укрепления.

LXX. А вольски, побуждаемые дерзостью и самоуверенностью и презирая римское войско, поскольку, мол, оно не может сравниться с их численностью, выступили, чтобы сразиться за свою землю, и устроили лагерь неподалеку от Ветурия. Но, как обычно случается, когда войско недавно набрано и состоит из городской и сельской черни, собравшейся по случаю, в котором было много людей небооруженных и незнакомых с опасностями, оно даже не отважилось вступить в рукопашный бой с противником. 2. При первом же натиске римлян многие вольски были приведены в замешательство и, не выдержав боевого крика и лягга оружия, без оглядки побежали под защиту стен, так что погибло много людей, застигнутых в узких участках дорог, но гораздо больше полегло тех, кто сгрудился у ворот, поскольку их преследовали всадники. 3. Итак, вольски, подвергшись такому разгрому, обвиняли себя в безрассудстве и более уже не пытались рисковать. А предводители вольсков и эквов, которые командовали войсками в поле, узнав, что их собственные земли подвергаются нападению, решили и сами предпринять нечто выдающееся, а именно покинуть пределы герников и латинов и вести войско со всем пылом и как можно быстрее на Рим. Они рассуждали таким образом, что им, дескать, удастся совершить одно из двух славных деяний: или захватить Рим, если он остался без охраны, или изгнать врагов из своей страны, так как консулы, несомненно, будут вынуждены поспешить на помощь своему отечеству, которое подвергается нашествию. 4. Приняв такое решение, они повели войско ускоренным шагом, чтобы неожиданно подойти к городу и тотчас приняться за дело.

LXXI. Дойдя до города Тускула⁴⁵ и узнав о том, что вся стена вокруг Рима полна вооруженных людей и перед воротами поставлено четыре когорты по шестьсот человек в каждой, они свернули с дороги на Рим и, встав лагерем, стали опустошать землю под городом, которую во время предыдущего набега они оставили нетронутой. 2. А когда перед ними появился один из консулов, Луций Лукреций, и недалеко разбил свой лагерь, они сочли миг удобным для того, чтобы завязать бой, прежде чем к Лукрецию на помощь подойдет другое римское войско под командованием Ветурия. Сложив свою поклажу на каком-то холме и приставив к ней два манипула, все остальные вышли на равнину. Вступив в схватку с римлянами, они храбро бились долгое

⁴⁵ Тускул — город в Лации, современный г. Граскати.

время. 3. Но, услышав от стражей в тылу, что по ту сторону холма спускается войско, некоторые догадались, что подходит другой консул с войском, которое находилось под его началом. Испугавшись, как бы не оказаться окруженными с обеих сторон, они более уже не стали удерживать позиции, но обратились в бегство. В этом сражении пали оба их предводителя, явив подвиги, достойные благородных мужей, и многие другие храбрые воины, сражавшиеся рядом с ними. Те же, кто спасся из сражения бегством, рассеявшись, вернулись каждый в свое отечество. 4. Получив вследствие этого полную свободу действий, Лукреций стал разорять землю эквов, а Ветурий — вольсков, пока не пришло время выборов магистратов. Тогда, подняв войска, они отвели их домой, и оба провели победные триумфы: Лукреций — взойдя на квадригу, а Ветурий — войдя в город пешком. Ведь два эти триумфа предоставляет сенат военачальникам, как я говорил. Во всем остальном они равны, а различаются лишь тем, что один триумф конный, а другой — пеший.

Книга X

Консулы, Публий Волумний и Сервилий Сульпиций Камерин. Улаживание ими внутригородских зол — Требование народных трибунов составления закона обо всех государственных и частных делах, предоставленного на рассмотрение народа — Публий Валерий Попликола и Гай Клавдий Сабин принимают консульскую власть — Политическая смута. Распространение плебейскими трибунами ложного слуха о заговоре патрициев — Попытки Аппия Гердония из племени сабинян уничтожить римское владычество пока город переживает внутреннее потрясение — Атака на крепость. Завершение войны с разбойниками — Оказание противодействия плебейским трибунам против их политических нововведений Цезоном Квинцием по принятии им консулата — Внутренняя государственная борьба за политические права вновь избранных консулов. Продолжение внешних войн — Назначение Квинция Цинцинната диктатором в государстве — Победа Квинция над эквами. Его триумф — Новый поход сабинян на Рим — Утверждение сенатом закона, по которому разрешается народу ежегодно избирать десять плебейских трибунов — Новые разногласия плебейских трибунов с вновь избранными консулами — Утверждение закона о разделе земли — Разнообразные и значительные события, произошедшие в год, в котором консулами стали Тит Ромилиий и Гай Ветурий — Препирательства плебеев с патрициями по поводу законопроекта — Разногласия между Ромилием и Сикцием по поводу военной операции — Победа римлян в сражении. Сикций своими военными подвигами стяжает великую славу — Суд над Титом Ромилием и Гаем Ветурием — Постановление сената о посылке послов к аллианам за получением от них писаных законов — Возвращение послов от аллианов с законами. Требование народных трибунов назначения законодателей — Выборы законодателей. Составление законопроекта — Децемвиры получают консульскую власть

I. После этого консульства состоялась восьмидесятая Олимпиада, в которой в беге на стадий победил фессалиец Торимб, архонтом в Афинах был Фрасиклей, а консулами в Риме были избраны Публий Волумний и Сервилий Сумпций Камерин¹. Эти консулы не совершили ни одного похода ни для наказания обидчиков, как своих, так и союзников, ни для охраны своих пределов. Напротив того, они были заняты улаживанием внутригородских бед, а именно, как бы народ, вновь придя в смятение и подняв смуту против сената, не совершил чего-нибудь ужасного, 2. подстрекаемый плебейскими трибунами, которые утверждали, что для свободных людей наилучшей формой государственного устройства является равенство гражданских прав², и требовали, чтобы частные и общественные дела отправлялись согласно законам. Ведь в те времена у римлян не было ни равенства законов, ни равенства прав для всех, и еще не все принципы справедливости были письменно закреплены. В древности их цари выносили судебные решения по просьбе тяжущихся, и это-то записанное царями решение и было законом³. 3. Когда же римляне освободились от царского правления, то на ежегодно сменяемых консулов были возложены среди прочих обязанностей царей разбирательство судебных дел и консулы творили суд для всех тяжущихся. 4. Большая часть этих решений соответствовала нравам властей, избираемых на свои должности исходя из знатности происхождения. Лишь очень немногие правовые установления, имевшие силу закона, были занесены в священные книги⁴. Знанием этих законов владели исключительно патриции благодаря своему постоянному пребыванию в городе. Большинство же жителей, занимающихся торговлей и земледелием, редко возвращаясь в город для покупок, было еще неопытным в делах права. 5. Первым попытался ввести это политическое новшество Гай Теренций⁵, плебейский трибун предыдущего года, но он вынужден был оставить свое начинание незавершенным, поскольку плебеи были в военном походе, а консулы нарочно удерживали войска во враждебной земле, покуда не истечет время их полномочий.

II. Тогда же трибуны во главе с Авлом Вергинием, переняв этот замысел, решили довести его до конца. А консулы, сенат и большинство из влиятельных в городе граждан, дабы этого не случилось и чтобы не быть вынужденными жить в государстве по законам, постоянно изобретали против этого замысла всевозможные средства.

¹ Консулы 461 г. до н.э. (= 459 г. до н.э. по Дионисию). Ср.: *Ливий*. III. 10. 5–11. 5.

² Термин «исегория» дословно означает «равенство свободы слова», однако в данном случае он имеет именно значение «равенство гражданских прав». В этом же значении Дионисий часто использует и термины «исономия» и «исотимия».

³ То есть судебное решение царя, дав прецедент и став обычаем, играло роль закона в тех случаях, когда не хватало писаного закона, принятого в куриатных или центуриатных комициях.

⁴ Под «священными книгами» Дионисий имеет в виду книги понтификов, в которых содержались формулы исков.

⁵ См. об этом: *Ливий*. III. 9.

Проводились многочисленные заседания сената, непрерывные народные собрания и предпринимались всевозможные нападки властей друг на друга. Поэтому всем стало очевидно, что из-за этого препирательства для города может возникнуть великое и непоправимое бедствие. 2. К людским рассуждениям присоединялись и страшные знамения богов. Некоторые из них не обнаруживались прежде в общественных записях и не сохранились в чьей-либо памяти. 3. Ведь многочисленные небесные сияния и вспышки огня, остающиеся на одном месте, мычание и постоянное дрожание земли, носящиеся по воздуху в разных местах разнообразные призраки и голоса, приводящие в смятение умы людей, — все это и тому подобное, как выяснилось, происходило в большей или меньшей степени и в прежние времена. Но то, в чем люди еще не имели опыта и о чем еще не слыхали, но от чего особенно впади в страх, было следующим. С неба на землю пала сильная снежная буря, неся с собой не снег, но большего или меньшего размера куски мяса. 4. Многие кружившиеся в воздухе куски этого мяса унесли в своих клювах стаи всевозможных птиц, а те, что упали на землю и лежали в самом городе и на полях, сохранялись долгое время, не меняя своего цвета на тот, какой имеет залежалая плоть, не разлагались до гнили и не имели дурного запаха. 5. Понять это знамение местные прорицатели оказались не в состоянии, но в Сивилиных пророчествах было найдено, что, когда иноземные враги войдут в городские стены, война охватит город, а положит начало войне с чужеземцами внутренний мятеж, который в самом его зародыше необходимо было изгнать из города и, умиливляя богов жертвоприношениями и молитвами, отворотить эти ужасные события. В этом случае римляне окажутся сильнее своих врагов. 6. Когда народ был извещен об этом толковании, то первым делом совершили жертвоприношения тем богам, кому вменялось попечение об этом, а именно богам исцеляющим и отвращающим несчастья, затем сенаторы, собравшись в Курии, в присутствии плебейских трибунов стали совещаться о безопасности и спасении города.

III. Все соглашались прекратить взаимные обвинения и проявить единодушие в общественном благе, как на том настаивали оракулы. Но то, как это следует сделать и кто именно, начав уступки противоположной стороне, положит конец смуте, вызвало у них немалые затруднения. 2. Консулы и первые лица сената объявляли виновниками этого потрясения плебейских трибунов, вносящих политические новшества и требующих уничтожения отеческого порядка в государстве. Плебейские же трибуны заявили, что сами они не требуют ничего противоречащего справедливости и пользе, стремясь ввести благозаконие и равноправие в высказывании своих мнений, но что патриции станут виновниками смуты, умножая беззаконие и своекорыстие и подражая нравам тиранов. 3. Это и тому подобное в течение многих дней высказывалось обеими сторонами, и время уходило впустую, поскольку в городе ничего не исполнялось ни из государственных, ни из частных дел. Но так как не выходило никакого проку, то плебейские трибуны прекратили прения и обвинения, которыми они занимались

в сенате. Собрав плебеев на сходку, они пообещали придать силу закона своим требованиям. 4. Получив одобрение народа, трибуны без всяких дальнейших проволочек огласили заранее заготовленный текст закона. Главным в его содержании было следующее: пусть народ изберет на законных избирательных собраниях десять мужей, умудренных годами и разумом, из тех, что более всех заботятся о чести и доброй славе. Пусть они, составив законы обо всех государственных и частных делах⁶, представят их народу. Пусть законы, которые предстоит им составить, будут выставлены на Форуме для всех ежегодно избираемых магистратов и частных лиц в качестве свода норм взаимных прав граждан. 5. Представив этот законопроект, они дали право всем желающим подвергать его обсуждению, назначив для него третий рыночный день⁷. Было много весьма значительных людей из сената, старых и молодых, которые осуждали этот закон, изливая по сему поводу старательно заготовленные речи. И это продолжалось много дней. 6. Затем плебейские трибуны, досадуя на потерю времени, прекратили прения и назначили день для утверждения закона. Они призвали всех плебеев собраться в этот день уже не для того, чтобы удручать себя слушаньем длинных разглагольствований, но для проведения голосования по трибам. Посулив это, плебейские трибуны распустили собрание.

IV. После этого консулы и наиболее влиятельные из патрициев начали уже более сурово упрекать плебейских трибунов, говоря, что они не позволят им предлагать законы, еще не получившие предварительного одобрения сената⁸, поскольку-де законы являются общими установлениями государств, а вовсе не какой-то части живущих в государстве людей. Они заявляли, что государства постигает отвратительная и необратимая гибель всякий раз, когда худшие граждане устанавливают законы для лучших. 2. «Какое вы, плебейские трибуны, — вопрошали они, — имеете право вносить и отменять законы? Разве не на определенных условиях получили вы от сената вашу власть, а именно выпросили, чтобы плебейские трибуны оказывали помощь терпящим несправедливые обиды и насилия плебеям, а не затем, чтобы замышлять нововведения? А если и была прежде у вас власть, которую вы получили

⁶ Здесь впервые упоминается начало борьбы плебеев за создание свода писаных законов, которая с большим ожесточением обеих сторон тянулась в течение десяти лет. Следует обратить внимание, что плебеи изначально боролись за создание свода законов как частного, так и публичного права, причем с помощью писаных законов публичного права плебеи надеялись поставить под контроль деятельность патрицианских консулов и сената. Именно об этом пишет и Тит Ливий (III. 9. 5).

⁷ В латинском варианте — «в третий нундины». Нундинами назывались каждые девять дней, в конце которых устраивались рыночные дни, когда в город приезжали земледельцы с сельской округи. Таким образом, на обсуждение закона давалось около месяца.

⁸ Как правило, все законопроекты предварительно обсуждались и формулировались в сенате, однако плебейские трибуны сломали эту практику. Нормы, принятые без предварительного обсуждения в сенате и без его одобрения, получили название «плебисциты», и патриции долгое время отказывались признавать за ними обязательную для всех силу закона.

от нас вопреки справедливости, раз уж сенат был тогда склонен уступать всякому незаконному требованию, то разве не потеряли вы и ее с изменением порядка ваших выборов? 3. Разве решение сената все еще назначает вас на эту должность, разве *фрострис* подадут еще за вас голос, разве жертвоприношения, которые следует совершать согласно законам, совершаются перед вашими собраниями, разве происходит что-либо другое, к чему имеет отношение и закон, связанный со священным страхом перед богами или благочестием перед людьми, раз вы отреклись от всего законного?» 4. Таковые слова внушали плебейским трибунам пожилые патриции, а молодые расхаживали со своими сторонниками по городу и ласковыми умещаниями склоняли на свою сторону более или менее приличных людей из числа плебеев, а несогласных и склонных к волнениям запугивали угрозами, если те не образумятся, а некоторых из самых бедных и презренных, которым не было никакого дела до судьбы государства, но заботила лишь собственная выгода, избивая, словно рабов, изгоняли с *Форума*.

V. Самым влиятельным из тогдашней молодежи и имевшим наибольшее число сторонников был *Цезон Квинций*⁹, сын *Луция Квинция*, прозванного *Цинциннатом*¹⁰. Был он знатного рода и в богатстве не уступал никому. Он был самым красивым из молодых людей, более других славился в военном деле и по природе отличался красноречием. В то время он сильно нападал на плебеев, не жалея слов, которые человеку свободному и слушать неприлично, и не воздерживался от поступков, которые соответствовали его словам. Патриции ценили его за это и просили продолжать действовать дальше, обещая со своей стороны обеспечить ему безнаказанность, плебеи же ненавидели изо всех сил. 2. Плебейские трибуны решили устранить этого мужа, дабы утратить остальных молодых патрициев и заставить их стать благоразумными. Приняв это решение и приготовив обвинения и многочисленных свидетелей, они вменяют ему в вину преступление против народа, требуя в наказание смертной казни. Приказав ему явиться на суд перед народом, трибуны, когда настало время, которое они назначили для судебного разбирательства, созвав собрание, выступили против него с пространными речами, рассказывая о том, сколь много насилия, жертв которого они приводили в качестве свидетелей, он причинил плебеям. 3. Когда они дали слово юноше, он, хотя его призывали выступить в свою защиту, не подчинился, но потребовал права держать ответ перед частными лицами за те преступления, вследствие которых те, по их словам, от него пострадали, причем он требовал разбирательства в присутствии консулов. Его отец, видя, что плебеи негодуют на высокомерие молодого человека, начал оправдывать его, доказывая, что большая часть обвинений против его сына ложна и состряпана по злому умыслу, 4. а те из обвинений, которые нельзя было опровергнуть, незначительны, слабы и недостойны народного гнева. Сын его, — говорил он, — сделал это не по злобе и не из высоко-

⁹ Содержание гл. р.: 5–8 ср.: Ливий (III. 6–13. 10).

¹⁰ В переводе с латыни прозвище «Цинциннат» означает «кудрявый».

мерия, а из-за юношеского честолюбия, которое-де подвигло его совершить в политических стычках много необдуманных поступков, а равным образом заставило и претерпеть много вреда для себя, поскольку он еще не созрел годами и разумом. 5. Он просил плебеев не только не держать на сына зла за то, что он причинил немногим отдельным людям, но также быть благодарными за ту пользу, которую тот принес всем в военное время, добывая для частных лиц свободу, для отечества господство, а для себя самого снисхождение и помощь сограждан, если он не ровен час в чем оступится. И он рассказывал обо всех его военных походах и обо всех сражениях, за которые тот получил награды и венки от полководцев, о том, скольких граждан в битвах он спас, и о том, сколь многие вражеские стены он покорил первым. 6. Под конец он опустился до униженных просьб, вспоминая свою кротость и обходительность по отношению ко всем и свой образ жизни, чистоту которого от всякой клеветы он свидетельствовал, и просил народ об одной лишь милости — сохранить ему его сына.

VI. Народ был весьма убажен его словами и готов был отдать юношу его отцу. Но Вергиний, видя, что в случае если тот не понесет наказания, наглость надменных молодых людей станет несносной, встал и сказал: 2. «В тебе, Квинций, очевидны как вся твоя доблесть, так и твое благомысленное отношение к народу, за что тебя и почитают. Но тяжелый нрав этого юноши и его надменность по отношению ко всем нам не допускают ни извинения, ни прощения. Он, возвращенный в твоих столь народолюбивых и умеренных нравах, как о том мы все знаем, с презрением отверг твой образ жизни и предпочел тираническое высокомерие и варварскую надменность и ввел в наш город, и укоренил в нем стремление к постыдным делам. 3. Так вот, пусть ты раньше не замечал, что он таков. Но теперь, когда ты об этом узнал, ты должен по справедливости исполниться негодования за нанесенные нам обиды, а если ты и прежде знал это и содействовал тем оскорблениям, которыми тот поносил участь бедных сограждан, то и сам ты был негодным человеком, и слава о твоей честности и благородстве досталась тебе не по праву. Но то, что ты не знал, что сын недостойн твоей добродетели, я готов тебе в том свидетельствовать. Однако, освобождая тебя от обвинения в соучастии в несправедливостях против нас, я порицаю тебя за то, что ты не негодуешь сейчас вместе с нами. А чтобы ты лучше понял, какое зло ты незаметно для себя взрастил для нашего отечества — зло жестокое и тираническое и запятнанное убийством сограждан, выслушай рассказ о его честолюбивом деянии и сопоставь с ним его подвиги на войне. И сколь многие из вас только что сочувствовали этому вызывающему сострадание мужу, смотрите, благо ли для вас щадить таких сограждан».

VII. Сказав это, он побудил подняться Марка Волусция одного из своих коллег по трибунату, и поведать все, что тот знает об этом юноше. Когда воцарилось молчание и все напряженно ждали, Волусций, выждав некоторое время, сказал: 2. «Я более всего хотел бы, сограждане, взывать с этого человека мою личную обиду, на что

дает мне право закон, поскольку я претерпел от него ужасные вещи¹¹. Но я не имел возможности добиться этого как из-за своей бедности и бессилия, так и из-за того, что являюсь одним из плебеев. Теперь, когда мне позволяет сделать это положение свидетеля, я взыскиваю с него в этом моем качестве, поскольку я сейчас не могу быть обвинителем. 3. Послушайте, сколь жестокие и непоправимые беды я выстрадал. Был у меня брат Луций, которого я любил больше всех других людей. Как-то раз обедал он вместе со мной у одного нашего друга и после трапезы с наступлением ночи мы поднялись и отправились домой. Когда мы пересекали Форум, нам повстречался вот этот Цезон, справлявший гулянку вместе с другими дерзкими юношами. Они сначала стали шутить и издеваться над нами так, как это делают пьяные и надменные юноши с бедными и скромными людьми, а когда мы вознегодовали на них, то Луций без обиняков высказался в его адрес. Этот Цезон, сочтя себя оскорбленным тем, что услышал не то, что хотел, подскочил к брату и начал его колотить и пинать ногами и, выказывая всю свою жестокость и наглость, убивает его. 4. А когда я закричал и попытался помочь брату, насколько было в моих силах, тот, оставив его уже лежащим бездыханным, начал избивать меня и прекратил не прежде, чем увидел, что я лежу без движения, потеряв дар речи, решив, очевидно, что я мертв. После этого он удалился, радуясь, словно совершил хорошее дело. Прибывшие затем люди поднимают нас, обгаренных кровью, и несут в дом моего брата Луция, как я сказал, его уже мертвого, а меня полумертвого, почти без надежды остаться в живых. 5. Случилось это в консульство Публия Сервилия и Луция Эбуция, когда наш город постиг страшный мор, который коснулся и нас обоих. В то время у меня не было возможности призвать его к ответу, так как оба консула скончались. А когда их преемниками стали Луций Лукреций и Тит Ветурий, война помешала мне призвать его к суду, поскольку оба консула покинули город. 6. Когда же они возвратились из похода, я неоднократно вызывал его на суд, и всякий раз как я подходил к нему — и это знают многие из сограждан, — я получал от него побой. Это то, что претерпел я, о сограждане, и рассказал я вам о том по всей правде».

VIII. После таких слов поднялся крик присутствующих, и у многих возникла жажда тотчас расправиться с виновником. Однако этому воспрепятствовали консулы и большая часть плебейских трибунов, не желавших потакать в городе дурным нравам. Здравая часть народа также не хотела лишать обвиняемых в самых тяжких преступлениях возможности оправдаться. 2. Так вот в тот миг попечение о справедливости сдержало порыв дерзких людей, и судебное разбирательство получило отсрочку. При этом с немалым тщанием обсуждался вопрос, следует ли пока взять обвиняемого под

¹¹ Имеется в виду священный закон о неприкосновенности плебейского трибуна, ставивший вне закона и позволявший безнаказанно убить любого римлянина, поднявшего руку на плебейского трибуна или оскорбившего его. Этот закон был принят вскоре после первой сецессии плебеев, в 493 г. до н.э. См.: Дионисий. VI. 89. 3-4.

стражу или дать ему поручителей, как о том просил его отец. Собравшийся сенат постановил дать ему свободу до суда с предоставлением денежного поручительства. 3. На следующий день плебейские трибуны, созвав плебеев, осудили юношу, поскольку он на суд не явился, и взыскали с его десяти поручителей установленные деньги. 4. Итак, Цезон, подвергнувшись таким нападкам (причем все обвинения были сфабрикованы плебейскими трибунами, а Волусций, как со временем выяснилось, дал ложное свидетельство), бежал в Тиррению. Отец его, продав большую часть своего имущества, заплатил назначенный поручителям денежный залог. Сохранив за собой небольшой участок земли по ту сторону Тибра, где у него была маленькая хижина, он вел там тяжелую от печали и бедности и исполненную трудов жизнь, занимаясь земледелием с помощью нескольких рабов, не глядя в сторону города, не общаясь с друзьями, не принимая никакого участия в праздниках и прочих радостях. 5. Однако плебейские трибуны сильно обманулись в своих надеждах, поскольку рвение юношества нисколько не умерилось несчастьем Цезона, но напротив сделалось больше и сильнее. Словом и делом они противились введению плебейского закона, так что плебейские трибуны не смогли ничего добиться, так как весь срок их полномочий ушел на препирательства. На грядущий год плебеи выбрали тех же самых трибунов¹².

IX. Когда Публий Валерий Попликола и Гай Клавдий Сабин¹³ приняли консульскую власть¹⁴, Рим постигла такая сильная опасность, какая еще не случалась от иноземных вторжений¹⁵. Опасность эту привела в стены города политическая смута, как о том предвещали Сивиллины пророчества¹⁶ и указывали божественные знамения предшествующего года. Я поведаю о причине, по которой пришла эта война, и о том, что было совершено консулами в тогдашней борьбе. 2. Принявшие вторично трибунские полномочия в надежде провести плебейский закон, видя, что один из консулов, Гай Клавдий, из-за врожденной, идущей от предков, равно как и приобретенной ненависти к плебеем всеми способами препятствует происходящему, а наиболее влиятельные из молодых людей, которых невозможно было победить силой, дошли до полного безрассудства, а особенно то, что большая часть народа поддалась угождению со стороны патрициев и уже не радеет как раньше о плебейском законе, решили вступить на куда более смелый путь, с тем чтобы одновременно утратить народ и сбросить консула. 3. Первым делом они подготовили различные слухи, чтобы распространять их по городу. Затем, заседа с самого утра, они целый день совещались на виду у всех, не допуская никого извне к участию в их обсуждениях. Когда же

¹² Ср. этот рассказ о судьбе Цезона с описанием Ливия (III. 14).

¹³ О событиях в гл. 9–13 см.: *Ливий*. III. 15. 1–4.

¹⁴ 460 г. до н.э.

¹⁵ См. ниже, глава 14 этой книги.

¹⁶ О Сивиллиных пророчествах и пророческих книгах см.: *Дионисий*. IV. 62. 1–6.

они решили, что настал удобный момент для осуществления своего замысла, они изготовили письмо и притом сделали вид, что передал им его во время их заседания на Форуме некий неизвестный им человек. Прочитав письмо, они поднимаются, потупив взоры и ударяя себя по лбу. 4. Когда сбежалось множество народа и начали делаться предположения о большом несчастье, содержащимся в этом письме, плебейские трибуны, потребовав тишины, возвестили: «Сограждане, мы находимся в крайней опасности. И если бы благосклонность богов не позаботилась о тех, кому грозит претерпеть несправедливость, мы все оказались бы в ужасной беде. Мы просим вас подождать совсем немного, пока мы не сообщим сенату о полученных известиях и общим разумением не предпримем необходимые меры». 5. Сказав это, они отправились к консулам. Пока собирался сенат, на Форуме роилось множество разнообразных слухов. Одни принародно рассказывали в соответствии с уговором то, что приказали им плебейские трибуны, а другие говорили, что именно то, чего они больше всего боялись, было возвещено трибунам. 6. Некий человек утверждал, что эквы и вольски, приняв к себе осужденного народом Цезона Квинция, избрали его военным диктатором своих племен и, собрав большие силы, намереваются двинуться на Рим, а другой уверял, что Цезон возвращается на родину в сопровождении иноземных войск, чтобы ныне и навсегда разрушить оплот народовластия, третий же наставлял, что не все патриции участвуют в этом заговоре, а лишь молодежь. 7. Некоторые люди осмеливались утверждать, что Цезон прячется в городе и собирается захватить его наиболее удобные места. И в то время, как город сотрясая в ожидании бедствий и все с подозрением и настороженностью взирали друг на друга, консулы созвали сенат, а плебейские трибуны, выступив, предъявили полученные ими известия. От их лица выступил Авл Вергиний и сказал следующее:

Х. «Все это время, пока мы не знали ничего определенного о сообщенных нам опасностях, но носились лишь неопределенные слухи и не было никаких точных сведений, мы не решались, отцы-сенаторы, выносить эти известия на обсуждение, подозревая, что возникнут большие потрясения, как обычно бывает при возникновении страшных слухов, и опасаясь, как бы у вас не сложилось впечатление, что мы даем советы скорее поспешные, нежели обдуманые. 2. Мы отнюдь не пренебрегаем этими вещами, но напротив, насколько в наших силах, занимаемся тщательной проверкой действительного положения дел. Благодаря попечению божества, которое всегда спасает наше государство¹⁷, и, творя добро, выводит на свет скрытые замыслы и нечестивые начинания тех, кто враждует с богами, к нам попала грамота, полученная недавно от чужестранцев, выказывающих к нам благосклонность, которых вы выслушаете позднее, и то, о чем доносят нам в городе, полностью совпадает с известиями, присылаемыми извне. Дело это, находящееся в наших руках, уже не

¹⁷ Видимо, имеется в виду верховный бог римлян Юпитер, знаменами которого римляне особенно часто руководствовались в государственных делах.

допускает ни малейшей отсрочки. Прежде чем вынести этот вопрос на обсуждение народа, мы решили, как того требует справедливость, сначала доложить о нем вам. 3. Так знайте, что против нашего народа очень знатные люди составили заговор, в котором, по слухам, замешаны и многие входящие в этот совет сенаторы, но большую часть заговорщиков составляют находящиеся вне сената всадники, назвать имена которых еще не настало время. 4. Так вот, они собираются, выждав ночь потемнее, напасть на нас, объятых сном, когда мы будем не в состоянии ни предвидеть происходящее, ни защитить себя, не будучи вместе. Ворвавшись в наши дома, они собираются зарезать нас — плебейских трибунов, а из числа плебеев тех, кто прежде противился им, борясь за свободу, или собираются противиться впредь. 5. А когда они убьют нас, тогда уже, как им кажется, они сумеют добиться от вас отмены общим постановлением сената всех ваших соглашений с народом¹⁸. Заговорщики, видя, что для этого им нужен тайно подготовленный и притом значительный отряд наемных солдат, взяли для этого в предводители Цезона Квинция из числа ваших изгнанников, которого, когда он был уличен в убийствах граждан и сеянии раздора в нашем городе, спасли от наказания некоторые из присутствующих здесь и дали ему безнаказанно покинуть город. Они пообещали вернуть его из изгнания и предлагают ему почетные должности и другую плату за его помощь. 6. А тот пообещал им привести подмогу от эквов и вольсков, какая им только потребуется. Скоро он прибудет и сам, ведя самых отчаянных людей, тайно, небольшими группами вводя их в город, а остальное его войско, когда мы, представители народа, будем убиты, нападет на прочих бедняков, если те станут цепляться за свою свободу. 7. Таковы, отцы-сенаторы, их тайные замыслы — страшные и нечестивые, которые они собираются осуществить, не страшась божьего гнева и не стыдясь людского возмущения.

XI. Находясь, словно среди волн, в столь большой опасности, мы просим вас, сенаторы, призывая в свидетели богов и младших божеств, которым мы совместно приносим жертвы, и взывая к памяти о тех больших и многочисленных войнах, в которых мы стояли плечом к плечу вместе с вами, не оставить без внимания нас, претерпевших жестокости и оскорбления от наших врагов, но напротив, помочь и, исполнившись негодования, вместе с нами подвергнуть подобающему наказанию замысливших этот заговор, лучше всего всех заговорщиков, а не буде такой возможности, то по крайней мере зачинщиков преступного замысла. 2. Но прежде всего мы просим вас, сенаторы, принять самое справедливое решение, а именно, чтобы расследование заговора было поручено нам — плебейским трибунам. Ведь это не просто дань справедливости. Самое тщательное расследование может производиться только теми людьми, которые более всего в него вовлечены. 3. А если некоторые из вас и вовсе не способны разумно мыслить, но лишь противопоставляют себя всем

¹⁸ Прежде всего имеется в виду священный закон о плебейских трибунах и эдилах, принятый по соглашению сената и народа в 494 г. до н.э.

выступающим в интересах народа, то я охотно, пожалуй, задам им вопрос. Каким из требований они недовольны и в чем они собираются вас убедить: не производить никакого дознания и не обращать внимания на большое и отвратительное зло, затеваемое против народа? И кто способен счесть, что говорящие так блюдут свою честность, не подверглись продажности и не участвуют в этом заговоре, что в страхе за самих себя (как бы их не разоблачили) они не пытаются отклонить расследование истинных обстоятельств? Смею предположить, что вы совершенно справедливо не станете прислушиваться к мнению подобных лиц. 4. Или эти люди станут утверждать, что не мы должны возглавлять это расследование, а сенат и консулы? Так что же помешает представителям народа утверждать то же самое, если кто-то из плебеев, устроив заговор против консулов и сената, ниспровергнет этот государственный совет, — а именно, что справедливость требует, чтобы следствие над плебейями проводили люди, взявшие на себя защиту народа? И что же из этого выйдет? А выйдет так, что никогда не получится расследование ни о каком тайном деле. 5. Но мы не станем, пожалуй, требовать этого (ведь такое рвение подозрительно), и вы совершите неправильный шаг, обращая внимание на людей, которые требуют подобные вещи в отношении нас, но будете правы, считая их общими врагами нашего города. В этом деле, сенаторы, нет нужды ни в чем ином, кроме быстроты. Ибо угроза остра и промедление с принятием мер безопасности в несчастьях, не знающих промедления, нам не ко времени. Итак, оставив препирательства и долгие словопрения, проголосуйте же за то, что сочтете полезным для общего дела».

ХII. После таких слов ужас и отчаяние охватили сенат. Сенаторы начали размышлять и обсуждать между собой, что то и другое решение опасно: как позволить, так и не позволить плебейским трибунам учинить следствие против сенаторов в общем и важном деле. Один из консулов, Гай Клавдий, подозревая злоумышления плебейских трибунов, высказал следующее: 2. «Я не боюсь, Вергиний, что твои сотоварищи заподозрят меня в причастности к заговору, который, как вы утверждаете, затевается против вас и народа, и что я поднялся, собираясь возразить вам, из опасения за себя или за кого-нибудь из моих близких, замешанного в этих преступлениях. Ибо мой образ жизни освобождает меня от всех таких подозрений. А то, что я считаю полезным для сената и народа, я выскажу из лучших побуждений и без всякой опаски. 3. Вергиний, мне кажется, заблуждается во многом, а скорее даже во всем, если он решил, что кто-то из нас заявит, будто не нужно расследовать столь серьезное и важное дело, или что не следует допускать к участию в следствии людей, взявших на себя начальство над народом. Никто не глуп настолько и не столь враждебен народу, чтобы говорить это. 4. Так вот, если кто-нибудь спросит меня, почему я встал, чтобы спорить с тем, с чем я согласен и что считаю справедливым, я, клянусь Юпитером, скажу вам. Я считаю необходимым, чтобы благоразумные люди подвергали точному исследованию причины и первоосновы всякого дела. Ведь какими они окажутся, такой должна быть и речь о них. 5. Узнайте же от меня, каково основание этого дела

и каков замысел плебейских трибунов. У них не было возможности исполнить что-либо из тех намерений, затеявая которые в прошлом году, они потерпели неудачу. Ведь теперь и мы им препятствуем, как и прежде, и народ уже не в такой мере готов их поддерживать. Поняв это, они стали прикидывать, как бы вынудить вас уступить им вопреки вашим собственным убеждениям, а народ заставить во всем им содействовать. 6. Так вот, им не удавалось найти никакого истинного и справедливого основания, с помощью которого исполнятся оба их намерения. Перепробовав всевозможные способы и то так, то этак вертя это дело, они пришли к такому решению: «А ну-ка заявим, что-де некоторые из видных людей устроили заговор, цель которого — уничтожить народ, и что они-де решили убить тех, кто хранит безопасность плебеев. 7. Заранее распространив эти слухи по городу, когда большинству людей они покажутся правдоподобными, — а они, благодаря страху, именно так и будут восприняты, — мы возьмем и сделаем так, что некий, никому не известный человек передаст нам грамоту в присутствии многочисленных свидетелей. Затем, придя в сенат, мы примемся негодовать и жаловаться, и требовать права расследовать этот донос. 8. Ведь если патриции станут нам противоречить, мы получим повод оклеветать их перед народом, и таким образом озверелый плебс будет готов на все, что только мы пожелаем, а если патриции пойдут на уступки, мы станем преследовать самых знатных из них, а равно и тех, кто более всего нам противился — как из сенаторов, так и из числа молодежи, — словно уже изблещив их причастность к этому преступлению. 9. А те, боясь осуждения, или согласятся ни в чем нам более не перечить, или будут вынуждены покинуть город. Тем самым мы полностью освободимся от наших врагов.

XIII. Такова была их задумка, сенаторы, и в то время, как вам казалось, что они сидят и совещаются, они плели свои коварные сети против лучших из вас, сеть плелась и против благороднейших из всадников. 2. А то, что это именно так, мне нет нужды долго доказывать. Ибо скажите мне, Вергиний, ты и твои сторонники, собирающиеся претерпеть ужасные опасности, от каких таких чужеземцев получили вы ваше письмо? В каком краю они живут и откуда они вас знают, и каким образом проведали они о здешних заговорах? Почему вы медлите и обещаете назвать их после, а не назвали их прежде? Что за человек принес вам это письмо? Отчего вы не выводите его на середину, чтобы мы первым делом с него могли начать расследование, действительно ли дело обстоит таким образом, или, как я утверждаю, является вашей выдумкой? 3. А здешние доносы, подтверждающие чужеземное письмо, — чем они являются и от каких людей они исходят? Почему вы скрываете ваши доказательства, вместо того чтобы вынести их на свет? Однако трудно, я полагаю, найти подтверждение тому, чего не было и не будет. 4. Это показания, сенаторы, не заговора против плебейских трибунов, а коварства и злого умысла против вас, который эти люди тайно вынашивают. Ибо сами дела их вопиют об этом. Мы сами виноваты, с самого начала уступив им и вооружив большой властью их безумную коллегию. Мы виновны, так как позволили в прошлом году осудить по

ложным обвинениям Квинция Цезона и равнодушно взирали, как такого истого защитника аристократии крадут у вас плебейские трибуны. 5. Они и так не знают никакой меры и уже не поодиночке отсекают знатных людей, но, поймав лучших людей скопом, гонят вон из города. И ко всем прочим несчастьям они не позволяют никому из вас давать им отпор. Они подвергают их подозрениям и клевете, словно соучастников тайных дел, запугивают и объявляют народоненавистниками и вызывают на суд народа за все, что обсуждается в сенате. Но говорить об этом будет другой, более подходящий случай, а ныне я ограничу свое выступление и обойдусь без долгих речей. Я призываю вас остерегаться этих людей, приводящих наш город к смутам и владущих начала великих бед. И я не таков, чтобы только здесь говорить об этом, а от народа скрывать. Нет, я и там скажу без всякой оглядки, внушая им, что над ними не висит никакой опасности, кроме дурных и коварных их защитников, которые под видом друзей творят дела врагов». 7. Когда консул сказал это, поднялся сильный одобрительный гам присутствующих, и сенаторы, не дав больше слова плебейским трибунам, распустили заседание. После этого Вергиний, созвав народное собрание, начал обвинять сенат и консулов, а Клавдий выступал с защитой, говоря те же самые слова, которые были произнесены им в сенате. Приличные люди из числа плебеев начали подозревать, что их страх был пустым, а те что понаивней, доверявшие слухам, верили в существование опасности. А что касается людей злонравных и постоянно требующих переворотов, то у них не было никакой заботы о получении доказательств истинности или ложности слухов. Вместо этого они искали повода для раздора и смуты.

XIV. Пока город переживал это потрясение, некий человек из народа сабинян, имевший знатных родителей и богатый, по имени Аппий Гердоний, решил уничтожить римское владычество¹⁹. Возможно, он стремился добыть себе тиранию, либо власть и силу для сабинского племени, либо хотел удостоиться громкой славы. Поделившись со многими из друзей своим намерением и поведав о способе осуществления своего предприятия, он с их согласия начал собирать своих клиентов и тех из числа рабов, кого считал самыми смелыми. Собрав за короткое время войско приблизительно в четыре тысячи человек и приготовив оружие, продовольствие и все прочее, в чем на войне есть нужда, погрузил их на речные суда. 2. Приплыв по реке Тибру, он причалил в том месте Рима, где находится холм Капитолий, отстоящий от реки менее чем на сто стадий. Была полночь и мертвая тишина в городе. Воспользовавшись этим, Аппий Гердоний быстро высадил своих людей и через открытые ворота (ибо на Капитолий ведут священные ворота, которые остаются незапертыми на основании некоего божественного речения и называются Карментальскими) возвел отряд на вершину холма и занял крепость. Двинувшись оттуда к скале — она граничит с Капитолием, — завладел и ею. 3. Была у него мысль: захватив наиболее удобные

¹⁹ Описание заговора Аппия Гердония, данное в 14–16 главах, ср.: *Ливий*. III. 15. 5–18. 11.

места города, принять к себе изгнанников, призвать рабов к свободе, пообещать беднякам прощение долгов, а прочим гражданам, которые, живя в недостатке, с ненавистью и отвращением относились к властям и с удовольствием приняли бы участие в перевороте, разделить полученную добычу. Побуждавшая его дерзость и сбивавшая с пути истинного надежда на успех дела была не чем иным, как политической смутой, из-за которой, как он полагал, у народа уже не возникнет никакой любви и общности с патрициями. 4. А если ничего из этого не выйдет, на этот случай у него было задумано призвать сабинян и вольсков со всеми силами и из прочих живущих округ племен тех, которые захотят избавиться от ненавистной власти римлян.

XV. Случилось так, что он просчитался во всем, на что надеялся, поскольку ни рабы не перешли на его сторону, ни изгнанники не вернулись в Рим, ни люди, лишённые гражданских прав и находящиеся в долгах, не променяли общественную пользу на личную корысть, а внешняя подмога не имела достаточного времени для военных приготовлений, так как все предприятие завершилось всего за три или четыре дня, доставив римлянам большой страх и много потрясений. 2. Ибо когда враги захватили крепость, подняли внезапный крик и люди, жившие в этих местах и уцелевшие от резни, бросились в бегство, большинство римлян не ведало, что случилось. Схватив оружие, начали сбегаться одни на возвышения в городе, другие — на его многочисленные открытые пустоши, третьи — на лежащие у города равнины. Люди пожилые и немощные телом заняли вместе со своими женами крыши домов, чтобы оттуда отражать вторгнувшихся захватчиков, поскольку им казалось, что все охвачено войной. 3. Когда же занялся день и стало известно, что захвачена городская крепость, и о том, кто ее захватил, консулы, взойдя на Форум, начали призывать граждан к оружию. Но плебейские трибуны, скликнув народ на сходку, заявили, что они не противятся пользе государства, но считают справедливым, чтобы народ, собираясь выдержать столь большую битву, вступил в это рискованное предприятие на точно определенных условиях. 4. «Итак, — сказали они, — если патриции обещают вам и согласны дать клятву перед ликом богов, что после окончания этой войны они согласятся назначить для вас законодателей и впредь жить по принципу равноправия, то мы примем вместе с ними участие в освобождении нашего отечества. Но если они не считают для себя возможным выполнить эти умеренные требования, зачем тогда мы станем подвергать себя опасности и класть за них наши жизни, не ожидая получить от этого никаких благ?» 5. Когда они сказали это, народ склонился на их сторону и не желал ждать выступлений с другими предложениями. Клавдий же не считал возможным просить о военной помощи людей, которые готовы поддержать отечество, но не по доброй воле, а за плату и притом немалую. Сами патриции, сказал он, вооружив себя и находящиеся при них клентов, а также и тех других, кто вместе с ними примет участие в этой войне по доброй воле, пойдут на приступ крепости. А если окажется, что этого воинства недостаточно, то они призовут на помощь латинов и герников, а если возникнет необходимость, то пообещают свободу рабам и скорее призовут на

помощь кого угодно, кроме тех, кто в столь ответственный миг собирается мстить им за старые обиды. 6. Второй консул, Валерий, начал на это возражать, полагая, что раздраженный плебс не следует вконец делать врагом патрициев. Он советовал уступить сложившимся обстоятельствам и спорить сурово о правах с внешними врагами, а во внутривполитических раздорах придерживаться умеренного и разумного поведения. 7. Когда у большинства сенаторов сложилось впечатление, что Валерий предлагает наилучшее решение, тот, придя в народное собрание и выступив с подобающей речью, в конце ее принес клятву, что если народ с готовностью разделит участие в этой войне и восстановит пошатнувшиеся устои государства, то он дает согласие плебейским трибунам выставить для народного обсуждения закон, который те вносили по поводу равноправия, и постарается, чтобы за время его полномочий решение народа было выполнено до конца. Но ему не суждено было исполнить обещанное, поскольку смертный час его был уже недалек.

XVI. После роспуска собрания поздним вечером все начали стекаться в назначенные места, внося в списки командиров свои имена и принося воинскую присягу. Они занимались этим в течение дня и всей последующей ночи, а на следующий день консулы стали назначать центурионов и ставить их под священные знамена. В это время народ с полей продолжал прибывать в город. 2. Когда все было быстро подготовлено, консулы, распределив войска, поделили между собой полномочия. Клавдию жребий вручил охрану городских стен, чтобы никакое войско извне не пришло на помощь находящимся внутри неприятелям, поскольку всех охватило предчувствие очень сильного политического потрясения и страх, как бы враги не напали на них сразу все вместе. Валерию же воля божества отвела осаду крепости. 3. И на прочие укрепленные места, какие были внутри города, были назначены командиры, а другие заняли пути, ведущие на Капитолий, чтобы воспрепятствовать переходу на сторону врага рабов и бедноты. А этого римляне боялись более всего. Помощь союзников не подоспела к ним вовремя, кроме отряда из Тускула²⁰, жители которого в первую ночь услышали о происходящем и снарядились в поход. Предводительствовал ими Луций Мамий, человек деятельный, обремененный на тот момент высшей властью в своем городе. И одни только тускуландцы разделили с Валерием опасность и вместе с ним взяли крепость, выказав при этом все свое рвение и благосклонность к римлянам. 4. Приступ крепости начался со всех сторон. Одни прилаживали к пращам сосуды с зажженным асфальтом и смолой и метали их с крыш ближайших домов на холм, другие собирали охапки сухого хвороста, нагромождали под обрывами скалы высокие кучи и поджигали, вручая пламя несущемуся ветру. А самые смелые, построившись по центуриям, плотным строем начали подниматься вверх по искусственно проложенным дорогам. 5. Однако они не извлекали никакого преимущества из своего численного перевеса над врагами, поскольку им приходилось двигаться вверх по

²⁰ О помощи тускуландцев см. также: *Ливий*. III. 18. 1-7.

узкой тропке, заваленной летящими сверху камнями. При таком положении дел незначительный по численности отряд неминуемо должен был сравняться в силе с большим. Не было римлянам пользы и от их мужественной стойкости, которую они приобрели в многочисленных войнах, поскольку им пришлось подниматься на крутые высоты. Ведь им приходилось выказывать отвагу и твердость духа, не сойдясь с врагом в рукопашной битве, а издали метать копья. 6. Удары копий, брошенных снизу вверх, даже если и попадали в цель, оказывались медленными и слабыми, что и было естественно, напротив, удары направленные сверху, были быстрыми и сильными, поскольку броски усиливала собственная тяжесть метательных орудий. Однако натиск осаждавших на укрепления не ослабевал. Претерпевая все трудности, они ни днем, ни ночью не прекращали своего наступления. Наконец, на третий день, когда у осажденных кончились дротики и истощились телесные силы, римляне взяли крепость. 7. В этом сражении они потеряли много храбрых мужей и в том числе консула, оказавшегося, по общему мнению, самым храбрым. Тот, получив множество ран, не покидал поля боя до тех пор, покуда брошенный сверху огромный камень не отнял у него, взбравшегося на укрепления, разом и победу, и жизнь. Во время взятия укреплений Гердоний, отличавшийся силой и мастерски владевший оружием, усеяв пространство вокруг себя телами врагов, погиб под ударами дротиков, а из захваченных вместе с ним крепость лишь немногие были взяты в плен живыми. Большая часть его сторонников закололись сами или бросились вниз со скалы.

XVII. Так завершилась война с разбойниками. После этого плебейские трибуны вновь стали раздувать политическую смуту, требуя от оставшегося в живых консула выполнить обещания погибшего в сражении Валерия и внести плебейский закон. Но Клавдий тянул время, то совершая очищение города, то устраивая благодарственные жертвоприношения богам, то развлекая народ игрищами и зрелищами. 2. Когда же у него были израсходованы все отговорки, он заявил, что необходимо избрать на место погибшего консула другого. Ведь действия, производимые им одним, не будут-де иметь законной силы, а решения обоих консулов, наоборот, станут законными и правомочными. Отделавшись от них под этим предлогом, он назначил день консульских выборов, в который собирался назначить своего коллегу. Тем временем первенствующие в сенате на закрытом совещании договорились между собой, кому они передадут власть. 3. Когда настало время консульских выборов и глашатай вызвал граждан первого имущественного разряда²¹, пришедшие в назначенное место восемнадцать центурий всадников и восемьдесят центурий пеших избирают из числа наиболее почтенных граждан консулом Луция Квинция Цинцинната. Сына его Цезона Квинция плебейские трибуны, обвинив в уголовном преступлении,

²¹ Имеются в виду имущественные разряды римского царя Сервия Туллия, голосование по которым в центуриатных комициях обеспечивало большинство голосов меньшей, но наиболее богатой части граждан. См.: *Дионисий*. IV. 16–19; *Ливий*. I. 42. 1–11; 5–43.

вынудили покинуть город. И уже ни один из имущественных разрядов не был более приглашен к голосованию, поскольку проголосовавших центурий было на три больше оставшихся. Народ разошелся, считая для себя тяжким несчастьем то обстоятельство, что человек, питающий ненависть к плебеям, будет облечен консульской властью. Сенат же отправил посельных, чтобы доставить консула в сенат. 4. Как раз в то время Квинций обрабатывал поле для посева, сам идя за пашущими новь быками. Он был без хитона²², в набедренной повязке и в войлочной шапке на голове. Увидев множество людей, идущих к нему на поле, он остановил свой плуг и долгое время недоумевал, кто они такие и о чем пришли просить его. Затем, когда к нему подбежал кто-то и посоветовал привести себя в порядок, он зайдя в свою хижину и одевшись, вышел навстречу прибывшим. 5. Те приветствовали его, но не по имени, а назвав консулом. Они облачили его в пурпурную одежду и поставили вокруг него секиры и прочие знаки его власти и стали просить его последовать за ними в город. И тот, помолчав немного и прослезившись, сказал: «Незасеянным останется у меня в этот год участок и, похоже, у нас не будет, чем себя прокормить». Затем, поцеловав жену и наказав ей позаботиться о домашних делах, он отправился в город. Я решился рассказать об этом только для того, чтобы всем стало ясно, что за люди стояли тогда во главе римского государства, сколь были они непритязательны и благоразумны, не тяготились честной бедностью и не стремились к царским почестям, но напротив, отказывались, когда им их давали. Ведь тогда станет ясно, что нынешние нисколько на них не похожи²³. Напротив, они ведут совершенно другой образ жизни, за очень малым исключением. Именно благодаря этим немногим еще сохраняется достоинство этого государства и подобие тем великим мужам. Но об этом сказано достаточно.

XVIII. Приняв консульство, Квинций первым делом отрешил плебейских трибунов от участия в государственных делах и запретил им заниматься плебейским законом, заявив, что если они не прекратят устраивать в городе беспорядки, он, объявив войну против вольсков, выведет всех римлян из города. 2. А когда плебейские трибуны начали говорить, что они воспрепятствуют набору войска, Квинций, созвав плебеев на собрание, заявил, что все они приняли воинскую присягу следовать за своими консулами, на какую бы войну те их не позвали, не покидать свой строй и не совершать ничего противоречащего этому закону. Приняв консульские полномочия, он держит плебеев в своей власти, поскольку все они связаны своей присягой. 3. Сказав это и поклявшись, что воспользуется этим законом против ослушников, он повелел вынести из храмов знамена. «И чтобы вы, — сказал он, — во время моего консульства оставили всякую демагогию, я приведу войско назад с войны не прежде,

²² Хитон — греческое название исподней длинной, доходящей до колен рубашки, перевязываемой на поясе. Соответствует римской тунике.

²³ Ср. с рассказом Ливия о назначении Цинцинната диктатором (III. 26. 8–10). Бедность и благородство Цинцинната стали в римской литературе хрестоматийным примером римской доблести.

чем истечет срок моих полномочий. Так вот, приготовьте на это время все необходимое, чтобы провести зиму под открытым небом». Этими словами он совсем запугал плебеев. Увидев, что они ведут себя благопристойнее и просят его отказаться от мысли об этом походе, он сказал, что подарит им передышку от войн на условии, что они ничего более не станут замысливать и позволят ему до конца консульства действовать так, как он хочет, а также разрешать взаимные судебные тяжбы²⁴.

XIX. Когда смятение утихло, Квинций начал по просьбе тяжущихся проводить уже долгое время не проходившие судебные разбирательства и сам, заседаая целыми днями на трибунале, справедливо и беспристрастно разбирал большую часть жалоб. Он был доступен и, человеколюбиво обращаясь со всеми, кто обращался к нему за разрешением судебных дел, добился того, что государственное устройство оказалось настолько аристократическим²⁵, что люди, терпящие обиды от сильнейших из-за своей бедности, низкого происхождения или иного унижительного положения, уже не обращались с просьбами к плебейским трибунам и желающие обрести политическое равноправие уже не стремились к введению новых законов. Напротив, все были довольны и радовались царящему в городе благозаконию. 2. Народ одобрил образ действий Квинция и то, что он, по истечении времени, отведенного для его полномочий, не принял во второй раз предлагаемую ему должность и даже не высказал удовольствия, получив столь высокую почесть. 3. Сенат, обращаясь к Квинцию с многочисленными просьбами, пытался удержать его в консульской должности, чтобы он, поскольку плебейские трибуны в третий раз добились продления своих полномочий, оказывая им противодействие и внушая им стыд и страх, прекратил их политические нововведения, тем более что и народ не был против власти хорошего мужа. Квинций отвечал, что он не одобряет плебейских трибунов за их нежелание сложить свои полномочия и что сам он не хочет навлечь на себя подобную дурную славу. 4. Созвав народное собрание, он обвинил не желающих сложить с себя власть трибунов. Принеся клятву, что он не примет вновь консульства прежде, чем сложит прежнюю власть, Квинций назначил день выборов. Утвердив в этот день консулов, он опять удалился в свою маленькую хижину и стал, как и прежде, проводить свою жизнь в трудах.

XX²⁶. Когда Квинт Фабий Вибулан (это было его третье консульство) и Луций Корнелий, приняв консульские полномочия²⁷, справили установленные предками игры, отборный отряд эквов числом около шести тысяч, снаряженный легким вооружением, выйдя ночью, еще в темноте подходит к городу тускуланцев, принад-

²⁴ Ср. содержание гл. 18 Дионисия с более подробным рассказом Ливия (III. 19. 4–21. 8).

²⁵ Слово «аристократический» здесь употреблено в его дословном значении, как «власть наилучших (граждан)».

²⁶ Содержание 20 главы ср. с Ливием (III. 22–24).

²⁷ 459 г. до н.э.

лежавших к племени латинов. Город находился не менее чем в ста стадиях от Рима. 2. Обнаружив, что ворота, как во время мира, не заперты, а стены не охраняются стражей, они с ходу захватывают город, мстя тускуланцам за их постоянную готовность помогать римскому государству и за оказанное ими единственными содействие в Капитолийской войне²⁸. 3. Во время захвата города эквам не удалось уничтожить большое число жителей, поскольку те, опередив врагов, бежали во время нападения через другие ворота. В городе остались лишь те, кто не в состоянии был спастись из-за хворей или старости. Эквы захватили в рабство женщин, детей и рабов тускуланцев и разграбили их имущество. 4. Когда избежавшие плена донесли в Риме эту ужасную новость, консулы посчитали необходимым оказать беглецам немедленную помощь и вернуть им город. Однако плебейские трибуны попытались оказать противодействие, не позволяя провести набор войска, покуда их законы не будут поставлены на голосование. Сенат негодовал, а выступление в поход затягивалось. В это время прибыли другие посланцы племени латинов с известием, что город анциатов открыто отложился, после того как вольски, коренные жители города, и прибывшие к ним римские поселенцы, договорившись, поделили между собой землю. В то же самое время прибыли послы от герников с известием, что вольски и эквы, выступив с большой ратью, уже находятся на их земле. 5. Когда об этом стало известно, сенаторы решили далее не медлить и отправить со всем войском обоих консулов для оказания помощи, а если кто из римлян или союзников откажется от участия в этом походе, считать их врагами. 6. Плебейские трибуны уступили требованиям. Консулы, набрав в войско все взрослое население и отправив к союзникам требование о присылке вспомогательных сил, оставили для защиты города третью часть римского войска и поспешно выступили из города. 7. Фабий быстрым маршем повел свой отряд против засевших в Тускуме эквов, большая часть которых уже ушла, разграбив город, а небольшая часть осталась для охраны верхней крепости. Цитадель эта была сильно укреплен и не требовала большого гарнизона. Некоторые утверждают, что охрана крепости, завидев выходящее из Рима войско, — пространство между городами хорошо просматривается с высот, — удалилась по своей воле, а другие — что они, осажденные Фабием, заключили договор, сдали крепость и, выговорив для себя личную безопасность, были проведены под ярмом²⁹.

XXI. Возвратив тускуланцам их город, Фабий выступил поздним вечером с войском и насколько мог быстро повел его на противника, слыша, что силы вольсков и эквов собрались вместе около города Альгида. Идя всю ночь быстрым шагом, наутро он

²⁸ То есть за их помощь римлянам в борьбе против Аппия Гердония в 460 г. до н.э. См. выше, гл. 16. 3.

²⁹ Ритуал проведения под ярмом подробно описан Ливием (IX. 5. 11–6. 3). Он означает полную капитуляцию побежденного противника, сдачу им оружия и одежды и принесение клятвы не воевать против победителя. Завершалась процедура капитуляции прохождением побежденных под скрещенными вражескими копьями, что и называлось «провести под ярмом» См.: *Ливий*. III. 28. 11.

появился перед неприятелем. Те стояли лагерем на равнине, не позаботившись даже обнести его частоколом, словно находясь в собственных пределах и презирая противника. 2. Призвав своих воинов к мужеству, Фабий первым вместе со всадниками напал на лагерь врагов. Пешие воины с боевым кличем последовали за ним. Одни из врагов погибали спящими, другие — только что проснувшись и пытаясь сопротивляться, а большая часть рассеялась в бегстве. 3. Захват лагеря не потребовал большого труда. Отдав своим воинам захваченное имущество и пленников, кроме тускуланцев, и пробыв там немного времени, Фабий двинулся с войском к городу Эцетре. Этот город был в те времена наиболее значительным у вольсков и располагался в самом труднодоступном месте³⁰. 4. Он простоял много дней лагерем неподалеку от города в надежде на то, что жители города выйдут на сражение. Так как вражеское войско не выходило, Фабий начал опустошать их округу, богатую людьми и скотом. Вольски не успели увезти свое имущество с полей, поскольку нападение римлян случилось для них неожиданно. Фабий, позволив своим воинам разграбить и эту добычу и потратив несколько дней на заготовку продовольствия, повел войско домой.

5. Второй консул Корнелий, двигаясь против засевших в Анции³¹ римлян и вольсков, наткнулся на поджидавшую его у границ рать. Вступив в сражение, Корнелий многих истребил, а остальных обратил в бегство. Затем он разбил лагерь недалеко от города. Жители его не решались выйти на сражение. Консул сперва начал опустошать их землю, а затем обносить город стеной и валом. Тогда население было вынуждено выступить со всеми силами, представлявшими собой беспорядочную толпу, из города. Сойдясь в битву, они сражались еще хуже, чем в первый раз. Пустившись в позорное и недостойное мужчин бегство, они второй раз оказываются запертыми в городе. 6. Консул, не дав им никакой передышки, приказал подставлять к стенам лестницы и разбивать таранами ворота. Хотя жители с большим трудом отбивались, Корнелий без особых затруднений берет приступом город. Имущество обитателей, состоявшее из золота, серебра и меди, он приказал отправить в государственную казну, а квесторам дал распоряжение распродать рабов и прочую добычу. Воинам консул позволил взять одежду, пропитание и прочий скарб, из которого те могли извлечь для себя пользу. 7. Затем, выделив из числа поселенцев и коренных жителей Анция наиболее знатных и виновных в мятеже — а их оказалось немало, — приказал долго сечь их розгами, а затем обезглавить. Закончив с этим, он также отвел войско домой. 8. Сенат вышел навстречу подходящим к городу консулам и удостоил обоих провести триумф. С эквами, приславшими просить мира, был заключен договор об окончании войны, в котором было записано, что эквы, сохраняя свои города и земли, которыми они владели во время заключения договора, находятся под властью римлян,

³⁰ Этот город находился на самой границе владений вольсков и эквов.

³¹ Город Анций находился на морском побережье Лация на далеко выступающей в море скале.

не платят никакой дани, но присылают, как и прочие союзники, такое число бойцов, какое потребуется. С тем год и подошел к концу.

XXII. На следующий год Гай Навдий, избранный во второй раз, и Луций Минуций, приняв консульские полномочия³², до поры до времени вели в стенах города войну за политические права с плебейскими трибунами во главе с Вергинием, четвертый срок уже удерживающим свои полномочия. 2. Но когда живущие поблизости племена объявили римскому государству войну и римляне опасались, как бы у них не отняли их владычество, консулы с радостью восприняли случившееся и начали военный набор. Разделив собственные и союзнические войска на три части, одну треть они оставили в Риме. Ею командовал Квинт Фабий Вибулан. Сами они, взяв две остальные части, поспешно выступили в поход, а именно, Навдий двинулся против сабинян, а Минуций против эквов. 3. На ту пору оба эти племена отложились от римского господства. Сабиняне сделали это открыто и продвинулись вплоть до города Фидены, находившегося под дланью римлян (между этим городом и Римом расстояние в сорок стадиев). Эквы же, сохраняя на словах условия недавно заключенного мира, на деле вели себя как враги. 4. Они выступили в поход против римских союзников латинов, поскольку, мол, у них не было с теми договора о дружбе. Командовал ими Клелий Грах, человек деятельный, облеченный единоличной властью, которую он превратил в царскую. Дойдя до города Тускула, из которого в прошлом году были изгнаны римлянами занявшие и разграбившие его эквы, они захватили на полях много людей и скота, а созревшие посевы уничтожили. 5. Когда прибыло посольство, которое отправил римский сенат, желавший знать, из-за чего эквы воюют с римскими союзниками вопреки недавно заключенному договору о дружбе, притом что за истекшее время у этих племен не возникло никаких споров, послы убеждали Клелия отпустить захваченных им тускуланских пленников, увести назад свое войско и дать удовлетворение за несправедливости и ущерб, нанесенный жителям Тускула. Грах долго тянул время, не вступая в переговоры с послами, поскольку ему-де недосуг. 6. Когда же он решил выслушать послов и те передали ему поручения сената, он сказал: «Я удивляюсь, римляне, почему вы считаете всех людей своими врагами — людей, от которых вы не претерпели никакого вреда, — но лишь ради вашей тиранической власти, а эквам не позволяете взыскивать наказание с их врагов тускуланцев. При этом, когда мы заключали с вами договор, никаких соглашений о тускуланцах у нас с вами не было. 7. Так вот, если вы утверждаете, что терпите от нас несправедливость и вред, мы готовы дать вам удовлетворение согласно нашим договорам. А если вы пришли взыскать с нас наказание за тускуланцев, то у вас нет для этого никакого основания. Беседуйте тогда вот с этим буком», — и он показал им на растущее поблизости дерево.

³² Консулы 458 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. III. 25. 1.

XXIII. Но римляне, хотя и оскорбленные, не стали тотчас, движимые гневом, выводить свои войска. Напротив того, они отправили к нему второе посольство и послали так называемых священных мужей фециалов³³, призывая в свидетели богов и духов, что если не сумеют добиться справедливости, будут вынуждены начать священную войну. После этого они отправили в поход консула. 2. Когда Гракх узнал о приближении римлян, он снялся с места и стал уводить свои силы дальше, в то время как враги следовали за ним по пятам. Он стремился завести римлян в такие места, где бы он имел над ними преимущество. Именно так и случилось. Достигнув долины, окруженной горами, — когда преследующие его противники вступили в нее, — он поворачивает войско и становится лагерем на дороге, ведущей из долины. 3. В результате этого римлянам пришлось выбрать для лагеря не то место, какое они хотели, а то, какое им дал случай. В этом месте не было возможности раздобыть достаточно сена для лошадей, так как оно было окружено голыми и труднопроходимыми горами, ни для себя собрать продовольствие во вражеской земле, когда закончились принесенные из дома припасы. Переменить расположение также не было возможности, поскольку враги находились напротив и перекрывали выходы из долины. Попытавшись прорвать окружение и вступив в сражение, римляне были отбиты и, понеся значительный урон, оказались запертыми в своем лагере. Окрыленный своим успехом, Клелий начал окружать римлян рвом и валом, питая большие надежды на то, что те, подчинившись голоду, сложат оружие. 4. Когда известие об этом пришло в Рим, Квинт Фабий, оставленный в городе главнокомандующим, выбрав из своего войска самых молодых и сильных, направил их к консулу. Командовал этим отрядом квестор и проконсул Тит Квинций. 5. Отправив письмо второму консулу Навцию, находившемуся с войском у сабинян, он известил его о случившемся с Минуцием и просил прийти как можно скорее. Тот, поручив охрану лагеря своим легатам, бросается с небольшим отрядом всадников в Рим, без усталости погоняя коней. Прибыв в Рим еще глубокой ночью, Навций начал совещаться с Фабием и со старейшими из граждан о том, что следует предпринять. Поскольку всем казалось, что обстоятельства требуют диктаторской власти, они назначают на эту должность Луция Квинция Цинцинната. Сам Навций, устроив дела, возвратился обратно к войску.

XXIV. Префект города Фабий отправил за Квинцием людей, чтобы те привели его и вручили должность. Случилось и в тот раз так, что сей муж возделывал свое поле. Увидя приближающуюся толпу и предположив, что они идут к нему, он оделся попрстойнее и отправился к ним навстречу. 2. Когда он подошел, ему подвели коней, украшенных красивой сбруей, и поставили двадцать четыре секиры вместе с фасциями, вручили пурпурную одежду и прочие знаки отличия, которыми прежде

³³О фециалах — жрецах-дипломатах см.: Дионисий. II. 71; III. 3. 3; IV. 21. 2; Ливий. I. 24. 4–9; 32. 5–14.

украшали свое достоинство цари³⁴. А он, узнав, что назначен диктатором в государстве, не только не обрадовался получению столь большой почести, но даже, не скрывая своего неудовольствия, проворчал: «И в этом году из-за моей занятости погибнет урожай и нам всем придется крепко голодать». 3. Придя затем в город, Квинций первым делом начал ободрять сограждан. Он произнес перед народом речь, которая была способна пробудить в душах благую надежду. Затем, собрав все взрослое население из города и с полей и отправив послов к союзникам за помощью, он назначил начальником конницы Луция Тарквиния³⁵, человека неизвестного по причине бедности, но превосходного в военном деле. Выступив с набранным войском и взяв с собой квестора Тита Квинция, поджидавшего его прибытия, он присоединил его войско к своему и повел на противников. 4. Осмотрев условия местности, в которой стоял лагерь, Квинций расположил часть войска на возвышенности, чтобы эквы не смогли получить подмогу и продовольствие, а остальное войско, построенное в боевой порядок, двинул вперед. Клелий не поддался страху — ведь у него и рать была немалая, и сам он, как казалось, был хорош в делах войны. Он принимает наступление римлян, и завязывается тяжелое сражение. 5. Время шло, но поскольку римляне благодаря своему военному опыту выдерживали ратный труд и конница их постоянно помогала пехоте в том месте, где та была слабее, то Гракх, потерпев поражение, оказывается запертым в своем лагере. После этого Квинций окружил его укрепления валом и высоким частоколом и возведенными неподалеку друг от друга башнями. Когда он заметил, что неприятель страдает от недостатка продовольствия, он сам начинает частые нападения на лагерь эквов и Минуцию приказал наступать со своей стороны. 6. В результате эквы от нехватки съестного и потеряв надежду на помощь союзников, теснимые со всех сторон, отправляют к Квинцию посольство просить о заключении дружбы. Тот отвечал, что с прочими эквами он готов заключить договор и предоставить им, если они сложат оружие и по одному пройдут под ярмом, безопасность. Что же касается их предводителя Гракха и тех, кто вместе с ним замыслил мятеж, то он будет обращаться с ними как с врагами и приказал послам привести их к нему со связанными руками. 7. Поскольку эквы не протестовали, то под конец он приказал им следующее. Раз они обратили в рабство и разграбили союзный римлянам город Тускул, не претерпев от тускуланцев никакого зла, то пусть они предоставят ему точно так же поступить с их городом Корбионом. 8. Получив такой ответ, послы удалились и спустя немного времени вернулись, ведя связанного Гракха и его соратников, а сами эквы, сложив оружие, покинули свой лагерь, проходя, как и приказал

³⁴ Диктатор из царских знаков отличия не имел лишь короны. Данные Дионисия о 24 ликторах диктатора расходятся с описанием Иоанна Лида, согласно которому диктатор имел лишь 12 ликторов (О магистратах. I. 36). К тому же другие античные авторы говорят о том, что даже у римских царей было только 12 ликторов (*Ливий*. I. 8. 2-3; *Плутарх*. Ромул. 26).

³⁵ Ливий (III. 27. 1) дает его имя — Луций Тарквиний.

Квинций, через римский лагерь по одному под ярмом³⁶. Они передали по договору Корбион, выпросив позволение свободному населению покинуть город, обменяв их на тускуланских пленников.

XXV. Овладев Корбионом, Квинций приказал наиболее важную добычу отправить в Рим, а все прочее позволил разделить по центуриям между воинами и теми, кто был послан вместе с квестором Квинцием. А что касается консула Минуция и его бойцов, осажденных в собственном лагере, то он, по его словам, подарил им их собственные тела, принеся спасение от смерти. 2. Исполнив это и отрешив от власти консула Минуция, Квинций вернулся в Рим и провел самый славный триумф. Всего за шестнадцать дней со времени получения полномочий он спас римское войско, уничтожил хорошо подготовленные силы врага, разрушил их город, поставил в нем римский гарнизон и привел в Рим скованного цепями предводителя войны и с ним прочих знатных мужей. 3. И что особенно заслуживает всеобщего удивления — получив свои полномочия на шесть месяцев, он не воспользовался сполна своим правом. Созвав народ на собрание и дав отчет о своих действиях, он сложил с себя власть. И хотя сенат просил его взять себе столько завоеванной земли, сколько пожелает, а также рабов и имущество из добычи, чтобы законным образом поправить свое бедственное положение теми богатствами, которые он добыл у врагов своими славными трудами, Квинций не считал это для себя возможным. И когда друзья и родственники предлагали ему большие подарки и почитали за величайшее благо оказать услугу этому мужу, Квинций, похвалив их рвение, ничего из подношений не принял. Вместо этого он снова удалился на свой крошечный надел и предпочел вместо царской власти свою прежнюю исполненную труда жизнь, выказывая больше достоинства в своей бедности, нежели другие в богатстве. 4. Немного времени спустя и второй консул Навций, одержав в сражении победу над сабинянами и совершив вылазку по их вёсям, повел войско домой.

XXVI. После этих событий состоялась восемьдесят первая Олимпиада, на которой в беге на стадий победил Полимаст из Кирены, а в Афинах архонтом был Калий. В это время консульскую власть в Риме получили Гай Гораций³⁷ и Квинт Минуций³⁸. При этих консулах сабиняне, вновь двинувшись походом на Рим, опустошили значительную часть их владений. В Рим стекались толпы людей, бежавших со своих земельных наделов, которые утверждали, что все пространство от Крустумерия до Фиден³⁹ захвачено сабинянами. 2. Также и эквы, недавно потерпевшие поражение, вновь взяли за оружие. Лучшие их воины, подойдя ночью к городу Корбиону, который в минувшем году они передали римлянам, и обнаружив, что стоящий в нем

³⁶ См. примеч. 29.

³⁷ Ливий называет его Марком Горацием Пульвиллом (III. 30. 1).

³⁸ 457 г. до н.э. (= 455 г. до н.э. по Дионисию).

³⁹ Территория к северу, северо-востоку от Рима.

гарнизон спит, перебили всех, кроме тех, кто опоздал вернуться в город. Остальные эквы, выступив большим отрядом против города Ортоны, принадлежавшего латинскому племени, с ходу захватывают его и то, что они не смогли причинить римлянам, в гневе сотворили их союзникам. 3. Все взрослое население, за исключением бежавших во время приступа, было убито, а женщины, дети и старики обращены в рабство. Поспешно собрав все, что они могли увести с собой, эквы, прежде чем латины пришли на помощь, двинулись в обратный путь. 4. Когда латины и уцелевшие стражники сообщили об этом в Рим, сенат постановил отправить войско во главе с обоими консулами. Однако плебейские трибуны со своим вождем Вергинием, уже пятый год сохранявшие свои полномочия, стали чинить препятствия, как в прежние годы запрещая консулам набирать войско. Они требовали закончить сначала войну внутри стен города, передав народу право принять плебейский закон, внесенный по поводу равноправия. Народ поддерживал трибунов и с ненавистью высказывался в адрес сената. 5. Время шло, и ни консулы не позволяли принять предварительное решение и вынести закон на обсуждение народа, ни плебейские трибуны не желали позволить набор и выступление войска. И пока впустую расточались в народном собрании и в сенате бесчисленные взаимные обвинения, трибуны внесли в сенат другое политическое начинание, которое, введя сенаторов в заблуждение, прекратило разгорающуюся в эту пору смуту, но оказалось причиной многих значительных выгод для народа. Я расскажу, каким образом народ получил и это свое преимущество.

XXVII. Пока земли римлян и их союзников подвергались опустошению и разграблению и враги шагали, словно по пустыне, уповая на то, что из-за царящей в Риме неурядицы никакое войско не выступит против них, консулы стали созывать сенат, чтобы принять окончательное решение о делах в целом. 2. После обильных речей первым предложено было высказать свое мнение Луцию Квинцию, бывшему диктатором в предшествующем году, человеку не только самому способному среди современников в военном деле, но также, как представлялось, самому благоразумному в ведении государственных дел. Тот высказал следующее мнение, а именно, что необходимо всеми силами постараться убедить трибунов и других граждан перенести рассмотрение плебейского закона, который в то время мог подождать, на другое, более удобное время и всеми силами повести военные действия, которые почти приблизились к городу и не взирая с безразличием на то, как позорно и малодушно гибнет римское владычество, добытое столькими тяжкими трудами. 3. А если народ не подчинится, то пусть патриции, вооружившись и взяв своих клиентов и из прочих граждан тех, кто готов был стать в строй в этой самой блистательной борьбе за отечество, выступят со всем пылом в поход, сделав его предводителями богов, хранящих город римлян. 4. Произойдет одно из двух прекрасных и справедливых дел: либо они одержат самую лучшую из тех побед, каких добивались они сами и их отцы, либо погибнут, храбро сражаясь за сладостные плоды победы. Я, добавил Цинциннат, и сам приму участие в этом достойном деянии, сражаясь на равных рядом с самыми

сильными воинами, как и всякий другой из стариков, заботящийся о свободе и доброй славе.

XXVIII. Так как все с ним согласилось и никто не собирався возражать, консулы стали созывать народ на собрание. После того как весь городской плебс сошелся на общие слушания, один из консулов, Гай Гораций, попытался убедить простой народ по своей воле принять участие в походе. Но когда плебейские трибуны начали возражать, а народ готов был к ним прислушаться, второй консул, выступив вперед, произнес: 2. «Хорошее и замечательное дело, Вергиний, сделали вы, оторвав народ от сената. По вашей вине мы потеряли все, что имели, — полученное от наших предков или добытое своими трудами. 3. Но мы не откажемся от нашего достоинства без борьбы. Взяв оружие вместе с теми, кто хочет спасти отечество, мы выступим в бой, выставляя вперед, словно щит, наши благие надежды. И если кто-то из богов наблюдает за честной и справедливой борьбой и благая судьба, с давних времен возвеличившая наш город, еще не совсем его покинула, мы одолеем наших врагов. А если какое-то божество упорно противится спасению нашего государства, то в нас не иссякнет благомыслие и рвение. Напротив, мы изберем для себя самую лучшую смерть за отечество. 4. А вы, прекрасные и благородные защитники нашего государства, оставайтесь здесь и стерегите дома вместе со своими женами, покинув, а скорее, предав нас. Для вас не будет хорошей жизни и если мы победим, и в том случае, если дело обернется иначе. 5. Неужели вы, увлеченные пустой надеждой, полагаете, что враги, уничтожив патрициев, оставят вас в покое, принимая в расчет вашу услугу, и отдадут вам город, свободу, гегемонию и прочие блага, какими вы ныне обладаете. Ведь вы, когда придерживались благомыслия, отняли у них много земли, срыли немало городков, обратив жителей в рабство, и установили множество великих трофеев и памятников вашей с ними вражды, которые не исчезнут во все времена. 6. Но зачем я упрекаю в этом народ, который никогда не становился подлым по доброй воле, а не вас, Вергиний, плебейских трибунов, которые так блестяще заботитесь о делах государства? Так вот, мы — те, кто не имеет право мыслить недостойно, приняли решение, и ничто не помешает нам вступить в борьбу за наше отечество, а вас, бросивших и предавших общее дело, постигнет посланная богами справедливая кара, даже если вам удастся уберечься от людского возмездия. 7. Но этой божьей кары вам избежать не удастся. И не думайте, что я собираюсь вас запугивать. Будьте уверены, что наша стража города, оставленная здесь, в случае если враги возьмут верх, будет мыслить и действовать так, как ей подобает. Ведь даже варварам, которых берут в плен враги, не приходит на ум отдать им своих жен, детей и города. Напротив, они города сжигают, а жен и детей убивают. 8. Так неужели римляне, для которых отеческим заветом является властвовать над другими, будут держаться другого образа мыслей? Они не будут столь трусливы. Напротив, начав с вас — самых враждебных для них, тогда только перейдут они к убийству дорогих для них людей. Имея это в виду, устраивайте ваши собрания и вносите новые законы».

XXIX. Сказав это и многое другое такого же рода, он вывел перед ними самых пожилых из патрициев, обливающихся слезами. Увидев их, многие из плебеев и сами не смогли удержаться от слез. Когда старцы своим возрастом и заслугами вызвали к себе большое сочувствие, консул, помолчав немного, молвил: 2. «Неужели вы не сгораете от стыда, сограждане, и земля не разверзнется у вас под ногами, если вот эти старцы вместо вас, молодых, собираются взяться за оружие, и вы позволите себе бросить этих предводителей, которых вы всегда именуете отцами? О вы, несчастные и недостойные называться гражданами этой земли, которую основали принесшие отцов на своих плечах⁴⁰, которым среди битвы и огня боги дали безопасные пути!» 3. Когда Вергиний заметил, что народ увлекается этими речами, то, боясь, как бы плебеи не согласились участвовать в войне вопреки его мнению, он выступил вперед и воскликнул: «Мы не покидаем и не предаем вас, отцы, и скорее всего будем участвовать вместе с вами, в походе, подобно тому как и прежде мы считали невозможным отказаться от участия в них. Мы предпочитаем и жить вместе с вами, и переносить вместе с вами все, что ниспошлет божество. 4. Всегда выказывая вам свое рвение, мы просим у вас небольшого одолжения, а именно, чтобы нам — подобно тому как мы в равной мере с вами участвуем во всех опасностях — иметь равную долю в делах справедливости, утвердив законы стражами нашей свободы, которой мы все вместе всегда будем пользоваться. 5. А если это претит вам и вы не считаете достойным уделить эту милость своим согражданам и смертью караете стремление дать плебсу равноправие, мы не станем более с вами спорить, но попросим вас о другой милости, получив которую, мы, скорее всего, уже не станем добиваться введения новых законов. Но нас охватывает опасение, что мы не получим и этого благодеяния, от которого и сенату не будет вреда и которое для плебса станет честью и доказательством вашего человеколюбия».

XXX. На это консул отвечал, что если плебейские трибуны позволят сенату осуществить набор войска, то впредь ни в каких умеренных просьбах им не будет отказа и велел разъяснить, о чем они просят. Посовещавшись немного с коллегами, Вергиний заявил, что скажет это в сенате. 2. И когда консулы созвали заседание, выступив с речью и изложив сенату все требования народа, Вергиний стал просить удвоить число представителей народа и назначать на каждый год вместо пятидесяти плебейских трибунов. Одни из сенаторов считали, что это не принесет вреда государству и уговаривали уступить им и не препятствовать. Главным выразителем этого мнения был Луций Квинций, пользовавшийся в ту пору наибольшим влиянием в сенате. 3. Только один сенатор начал возражать — Гай Клавдий, сын Аппия Клавдия, который всегда противился плебейским нововведениям, если они были противоза-

⁴⁰ Здесь имеется в виду троянец Эней, легендарный прародитель римлян и латинов, вынесший на плечах своего отца Анхиза из горящей Трои и переправившийся вместе с троянскими святынями в Лаций. См.: *Вергилий. Энеида*. II. 707 и след.

конны. Гай перенял политические взгляды своего отца, и будучи консулом, воспрепятствовал предоставлению плебейским трибунам расследования дела римских всадников, обвиненных в заговоре. Выступив с продолжительной речью, он доказывал, что народ не станет умереннее, но скорее безумнее и несноснее от того, что число плебейских трибунов удвоится. 4. Ведь впредь назначаемые на эту должность будут получать свои полномочия не на основании неких оговоренных условий, чтобы оставаться в их рамках. Нет, они опять заведут речь о распределении участков земли и о равенстве в занятии почетных должностей и снова станут выискивать, какими речами и делами они смогут умножить влияние народа и уничтожить привилегии сената. Его мнение сильно подействовало на многих. 5. Затем Квинций переубедил их, доказывая, что увеличение числа плебейских трибунов будет в интересах сената. Ведь, став многочисленнее, они станут менее единодушны, и для государства существует лишь одно спасение, которое первым увидел отец Гая Аппий Клавдий, — если в коллегии плебейских трибунов начнутся раздоры и одно и то же решение не будет устраивать всех. 6. Это соображение было принято, и сенат выносит решение: разрешить народу ежегодно избирать десять плебейских трибунов, но так, чтобы среди них не было никого из входивших в то время в коллегию. Получив это постановление сената, плебейские трибуны во главе с Вергинием вынесли его к народу и, утвердив написанный на его основании закон, избрали на следующий год десять своих коллег⁴¹.

7. Когда смута улеглась, консулы, набрав войска, стали по жребию распределять командование. Минуцию досталась война с сабинянами, а Горацию — с эквами, и оба консула без промедлений выступили в поход. Сабиняне, охраняя свои города, оставляли без внимания разграбление и разорение своего имущества на полях, а эквы выслали навстречу римлянам войско. 8. Они храбро дрались, но не смогли одолеть силу римлян и были вынуждены возвратиться в свои города, уступив укрепленное местечко, из-за которого-то и шло сражение. Гораций, обратив врагов в бегство и разорив значительную часть их земель, срыл стены Корбиона, сравнял строения с землей и увел войско домой.

XXXI. На следующий год, когда консульскую власть получили Марк Валерий и Спурий Вергиний⁴², римляне не совершали ни одного похода за пределы своих владений. У плебейских трибунов вновь возникли разногласия с консулами, благодаря которым трибуны отняли у последних некоторую часть их полномочий. Ведь в предшествовавшее время плебейские трибуны были хозяевами только народного собрания и у них не было права созывать сенат и высказывать свое мнение, так как эта почетная привилегия принадлежала консулам⁴³. 2. Но в ту пору плебейские трибуны

⁴¹ Ср.: *Ливий*. III. 30. 5–7.

⁴² 456 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. III. 31. 1.

⁴³ Об этой важной привилегии, завоеванной в 456 г. до н.э. плебейскими трибунами, сообщает только Дионисий.

впервые решились созвать сенат. Вдохновителем этой попытки был Ицилий, возглавлявший коллегию трибунов, деятельный человек и, как римлянин, не лишенный дара красноречия. Он также пытался ввести политическое новшество, выдвигая требование о выделении плебеям в качестве места под застройку домов так называемый Авентин. Это достаточно высокий холм не менее двенадцати стадиев в окружности, находящийся внутри городских укреплений. В ту пору он не был еще полностью застроен, но весь поросший лесом являлся общенародной собственностью. 3. С этим предложением плебейский трибун стал обращаться к консулам и сенату, прося одобрить написанный им законопроект сенатским постановлением и вынести его на народное обсуждение. Пока консулы откладывали рассмотрение и тянули время, Ицилий, отправив к ним своего помощника, приказал им проследовать на место исполнения своей должности и созывать сенат. Но когда один из ликторов по распоряжению консулов прогнал посланника, Ицилий со своими коллегами, придя в негодование, схватил ликтора и повел его, чтобы сбросить вниз со скалы⁴⁴. 4. У консулов не было возможности, применив силу, вырвать ведомого на казнь, хотя они считали, что им наносят страшное оскорбление. Тогда они начали просить помощи у других плебейских трибунов. Ведь никому, кроме другого плебейского трибуна, не позволено задерживать или препятствовать какому-либо решению этой коллегии. 5. С самого начала у плебейских трибунов было решено, чтобы никто из них не вводил от себя никаких политических новшеств, если с этим не согласится вся коллегия, и чтобы никто не противился тому, что будет одобрено мнением всех трибунов. Вступая в свои полномочия и совершая жертвоприношения, они поклялись в этом друг другу, полагая, что власть плебейских трибунов будет труднее всего разрушить, если из их коллегии будет устранена всякая причина для разногласий. 6. Храня эту договоренность, они приказали вести на казнь стража консульской власти и заявили, что это их общее решение. Впрочем, трибуны не стали до конца упорствовать в своем гневе и, уступив просьбам наиболее почтенных сенаторов, отдали им ликтора. Трибуны понимали, что дело это может возбудить против них гнев, поскольку они первыми собирались покарать смертью человека, исполнившего приказ властей, и боялись, что это событие может вынудить патрициев к отчаянным мерам.

XXXII. Когда после этого происшествия собрался сенат, консулы выдвинули серьезные обвинения против плебейских трибунов. Ицилий, взяв слово, стал оправдывать вспышку гнева, обращенную на ликтора, ссылаясь при этом на священные законы⁴⁵, по которым ни магистрату, ни частному лицу не дозволяется ни в чем пре-

⁴⁴ Тарпейская скала на Капитолийском холме, откуда сбрасывали осужденных на смерть преступников.

⁴⁵ «Священные законы», в частности о праве обращения осужденного за защитой к народу, были восстановлены в 494 г. до н.э. в результате победы плебса после первой сецессии (Цицерон. Речь в защиту Корнелия. Фр. 24). Тогда же были приняты и новые священные законы, прежде всего о плебейских трибунах и адилах. См.: Лувий. II. 33. 3; Фест. О значении слов. С. 422.

пятствовать плебейскому трибуну. И по поводу созыва сената он пытался доказывать, что его действия были вполне правомерны. Для этой цели он припас множество разнообразных доказательств. 2. Опровергнув обвинения, он начал предлагать законопроект касательно холма. Содержание закона было следующим: все, что имели частные лица, приобретя законным образом, пусть это остается в их владении, а все то, что построили, захватив место силой или мошенничеством, пусть передадут народу, получив назад затраченные на постройку деньги в том размере, какой определяет посредники. Прочие угодья, которые были общественными, пусть плебс, получив в собственность без всякого выкупа, разделит между собой. 3. Ицилий доказывал, что законопроект будет и во многом другом полезен для государства, и особенно в том отношении, что бедняки перестанут бунтовать из-за имений, находящихся во владении патрициев⁴⁶. Он говорил, что те удовольствуются, получив в удел часть городской территории, поскольку не могут получить доступа к землям городской округи из-за многочисленных влиятельных людей, которые присвоили ее себе. 4. Когда Ицилий закончил свою речь, возражать стал один лишь Гай Клавдий. Большинство сенаторов согласилось, и было принято решение отдать это место плебеям. После этого в присутствии патрициев, авгуров и двух наблюдателей за жертвоприношениями, совершив подобающие случаю обеты и молитвы⁴⁷, созданное консулом центуриатное собрание утвердило закон. Текст его был записан на медной доске, которую поместили на Авентине в храме Дианы. 5. После утверждения закона плебеи разделили по жребию участки земли, сколько каждый смог получить места и стали застраивать их домами. Случалось, что люди по двое и по трое, и в большем количестве в складчину возводили один дом, при этом одни по жребию получали нижнюю часть, а другие верхнюю. Итак, весь тот год ушел на строительство жилья.

XXXIII. Следующий год, в котором консулами стали Тит Ромилий и Гай Ветурий⁴⁸, а плебейскими трибунами были избраны во второй раз подряд прошлогодние во главе с Луцием Ицилием, оказался непростым и богатым разнообразными и значительными событиями. Гражданская распря, которая, казалось, уже лишилась своих сил, вновь получила толчок со стороны плебейских трибунов. Кроме того, возникли войны с соседними племенами. Не причинив государству вреда, они принесли немалую пользу, изъяв из него причину смуты. 2. Ибо для римского государства вошло в постоянную привычку во время войны сохранять единодушие, а в мирное время жить в состоянии раздора. Понимая это, все, кто получал консульскую власть, если

⁴⁶ Речь идет о том, что многие патриции, контролируя в сенате распределение государственных земель, незаконно частным образом владели общественной собственностью, не допуская к ней плебеев.

⁴⁷ Принимаемый закон обычно подкреплялся клятвой всех граждан, начиная с консулов, соблюдать его. Нарушение этой клятвы влекло за собой проклятие нарушителя и всей его семьи вплоть до седьмого колена. Ср.: *Дионисий*. V. 1. 3.

⁴⁸ 455 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. III. 31. 2.

извне грозила война, с радостью принимали ее. А если враги вели себя тихо, то тогда сами консулы подготавливали обиды и поводы к войне, поскольку видели, что благодаря военным действиям государство увеличивается и процветает, а из-за смут теряет блеск и силу. 3. Исходя из подобных соображений, тогдашние консулы решили вывести войско против врагов, опасаясь, как бы праздный и бедный люд, наслаждаясь миром, не начал устраивать общественные потрясения. Они ясно видели, что нужно отвлечь народ внешней войной, но неверно рассчитали последствия этого. Ведь им следовало в условиях, когда государство нездорово, умеренными средствами проводить военный набор. Вместо этого они начали силой принуждать неповинующихся, не давая никому ни прощения, ни снисхождения, беспощадно применяя предусмотренные законом телесные наказания и денежные пени. 4. Их действия дали плебейским трибунам повод вновь начать мутить плебс. Созвав собрание, они начали обвинять консулов среди прочих преступлений в том, что те отправили в темницу многих из граждан, взывающих о помощи к плебейским заступникам. Трибуны заявляли, что имеют законное право освобождать от набора в войско. 5. Но когда они ничего не добились, то видя, что военный набор набрал еще большие обороты, они попытались помешать этому своими действиями. Консулы защищались силой своей власти и поэтому возникали вспышки ярости и дело доходило до драки. На стороне консулов выступала патрицианская молодежь, а плебейских трибунов поддерживала беднота и праздная чернь. 6. В тот день консулы оказались намного сильнее плебейских трибунов. Однако в последующие дни, поскольку в город стекалось много народу с сельской округи, трибуны, сочтя, что у них достаточно сторонников, начали устраивать одно за другим народные сходки. Они показывали своих покалеченных побоями прислужников и заявляли, что сложат с себя власть, если не получат помощи от народа.

XXXIV. Народ возмущался вместе с трибунами. Тогда те стали требовать, чтобы консулы дали отчет в своих действиях перед плебсом. Последние не обращали на это никакого внимания. Тогда трибуны, выступив в сенате, поскольку там обсуждали те же самые вопросы, стали просить не оставлять без внимания их бедственное положение и не допустить, чтобы народ лишился трибунской поддержки. Они рассказывали, сколько обид претерпели они от консулов и от их заговора против заступников народа, причем пострадала не только их власть, но и сами они получили телесные повреждения. 2. Они требовали, чтобы консулы сделали одно из двух: если они отрицают, что причинили плебейским трибунам что-нибудь из того, что запрещают законы⁴⁹, то пусть они принесут клятву в народном собрании; если же они не могут в этом поклясться, то пусть тогда держат ответ перед плебеями, а они, трибуны, поставят это на голосование по трибам. 3. Консулы оправдывали себя, доказывая, что трибуны, ведомые своим высокомерием, первыми обратились к насилию и

⁴⁹ То есть «священные законы» о неприкосновенности плебейских трибунов.

осмелились поднять руку на консулов, что сначала они приказали прислужникам и эдилам вести в тюрьму облеченных высшей властью магистратов, а затем и сами вместе с самыми наглыми из плебеев осмелились напасть на них. 4. Они показывали, насколько власть консулов отличается от трибунской: консульская власть сохраняет силу царского могущества, а власть трибунов была введена для помощи обиженным и у нее совершенно нет права устраивать среди плебеев голосование против консулов, и она не может сделать этого даже в отношении самого распоследнего из патрициев. 5. Целый день спорящие стороны вели такие речи, и сенат не вынес никакого решения, которое могло бы уменьшить власть консулов и увеличить полномочия плебейских трибунов, понимая, что то и другое решение чревато большими опасностями.

XXXV. Когда плебейские трибуны покинули сенат, не найдя там поддержки, то придя к народу, они начали прикидывать, как им поступить. Некоторые наиболее мятежные требовали, чтобы плебеи вновь покинули город, взяв оружие, отправились на Священную гору, где они стали лагерем в первый раз⁵⁰, и затем, наступая оттуда, повели войну с патрициями, поскольку те нарушили свои договоры с народом, открыто упразднив полномочия плебейских трибунов⁵¹. 2. Большинство считало ненужным покидать город и огульно обвинять всех за то, что отдельные лица оскорбили трибунов, в том, разумеется, случае, если трибуны получают удовлетворение по законам, которые предписывают карать смертью нанесение побоев народным заступникам⁵². Самых приличных ни то, ни другое решение не устраивало — ни уход из города, ни казнь без суда, и притом казнь консулов, на которых возложена самая большая власть. Они советовали перенести гнев на политических противников и взыскивать с них наказание по законам. 3. Так вот, если бы в этот день плебейские трибуны, увлекаемые гневом, решились предпринять что-либо против консулов и сената, то уже ничто не помешало бы этому государству погубить самого себя — настолько все были готовы взяться за оружие и вести друг против друга войну. Но, отсрочив в тот момент принятие решения и дав себе время хорошенько подумать, они и сами сделали куда умереннее и охладили гнев толпы. 4. В следующие дни трибуны назначили третий торговый день⁵³, для созыва народного собрания и наложения на консулов денежного штрафа. После этого они распустили сходку. Затем, когда назначенный срок был уже близок, они оставили и это намерение, согласившись, как они утверждали, на просьбы самых пожилых и уважаемых граждан. 5. Созвав после этого

⁵⁰ То есть во время первой сессии 494 г. до н.э. См.: *Дионисий*. VI. 45. 2.

⁵¹ См.: *Дионисий*. VI. 87. 3; 88. 3.

⁵² См.: *Дионисий*. VI. 89. 3.

⁵³ Обычная судебная отсрочка, предоставляемая осужденному должнику до приведения приговора в исполнение, составлявшая около месяца. За этот срок ответчик или его близкие могли попытаться удовлетворить требования истца. См.: *Дионисий*. X. 3. 5; Законы XII таблиц. III. 5–6. По мнению Авла Геллия (*Аттические ночи*. XX. 1. 46), этот срок составлял даже 60 дней.

собрание, они заявили, что по многочисленным просьбам лучших граждан, возражать которым было неблагочестиво, простили все оскорбления на свой счет, но что все несправедливости, совершенные по отношению к народу, они будут преследовать и наказывать. Они же собираются вновь предложить закон о разделе земельных участков, который затягивается уже тридцать лет, а также закон о равноправии, который их предшественники не смогли вынести на голосование.

XXXVI. Пообещав и поклявшись в этом, трибуны назначили дни, в которые они устроят собрание народа и поставят на голосование законы. Когда срок настал, они начали обсуждать закон о разделе земельных участков и в длинных речах призывали желающих из народа поддержать его. 2. Многие выходили вперед, рассказывая о своих военных подвигах, и возмущались тем, что отняв так много земли у врагов, сами не получили даже малой ее части, что они видят, как богатые и влиятельные люди, присвоив себе общее достояние, получают от этого выгоды самым наглым образом⁵⁴. Они требовали, чтобы народ не только переносил опасности за общее дело, но и получал бы от этого удовлетворение и пользу. Народ с радостью внимал этим речам, причем самое большое впечатление произвел Луций Сикций, по прозвищу Дентат⁵⁵, который рассказами о своих многочисленных подвигах добился того, что народ уже не мог терпеть возражений. 3. Человек этот имел примечательную внешность и был в свои пятьдесят восемь лет в расцвете сил. Он был способен подавать дельные советы и, будучи воином, не лишен красноречия. Выступив вперед, он сказал:

«Если я, сограждане, вознамерюсь говорить обо всем, что совершил, то мне и дня не хватит. Но о самом главном я скажу, как смогу, в немногих словах. 4. Исполнилось уже сорок лет, как я участвую в военных походах, и тридцать, как меня постоянно назначают на командные должности. Я командовал то центурией, то целым легионом, начав при консулах Гае Аквиллии и Тите Сикции⁵⁶, при которых сенат постановил начать войну с вольсками. Мне было двадцать семь лет и я стоял еще под началом центуриона⁵⁷. 5. Когда в завязавшемся сражении нам случилось отступить и при этом погиб командир нашей когорты⁵⁸, а наши значки были захвачены врагом, то я один принял на себя общую опасность, спас значки центурии, отбил натиск врагов и на глазах у всех спас наших центурионов от вечного позора, от которого оставшаяся жизнь была бы для них хуже смерти, как они сами то признали, увенчав меня золотым венком, и засвидетельствовал консул Сикций, назначив меня командиром когорты.

⁵⁴ Ср.: *Дионисий*. X. 32. 3 и примечание к этому тексту.

⁵⁵ Дословно «Дентат» по латыни означает «зубастый», в переносном смысле — «язвительный».

⁵⁶ Консулы 487 г. до н.э. См.: *Дионисий*. VIII. 64. 1–3; 67; *Ливий*. II. 40. 14. Строго говоря, они были вторыми консулами, ведущими войну с вольсками.

⁵⁷ То есть был простым солдатом.

⁵⁸ У Дионисия термин *олеіра* обозначает обычно римскую когорту.

6. А когда началось другое сражение, в котором пал примипил⁵⁹ нашего легиона и орел⁶⁰ был захвачен врагами, я точно так же, сражаясь за весь легион, вернул назад орла и спас примипила. Тот в благодарность за мою помощь хотел уступить мне свою должность и передать орла, но я не принял, считая недостойным отнять почести у того, кому спас жизнь, и лишиться его получаемой от них радости. Консул в полном восхищении передал мне должность примипила первого легиона, который погиб в сражении.

XXXVII. Таковы мои подвиги, сограждане, прославившие меня и сделавшие командиром. Когда, стяжав громкую славу, я был уже известен и принимал участие во всех остальных сражениях, стыдясь замарать позором награды и почести за прежние подвиги. И за все прошедшее с той поры время я участвовал в походах, переносил трудности, не испытывая страха и не принимая в расчет опасности. За это я получил от консулов награды, трофеи, венки и прочие почести. 2. А чтобы мне не быть многословным — за сорок лет моего участия в военных походах я сражался примерно в ста двадцати битвах, получил сорок пять ран — все в грудь и ни одной в спину. Из них двенадцать мне довелось получить в один день, когда Гердоний Сабинянин захватил крепость на Капитолии. 3. Из сражений принес я четырнадцать венков за гражданское мужество, которыми увенчали меня спасенные мною на поле брани, три — за взятие городов, когда я захватил вражеские стены, первым взойдя на них, восемь венков я получил в сражениях от наших полководцев. Кроме того, я получил восемьдесят три золотых шейных гривны, сто шестьдесят золотых браслетов, восемнадцать копий, двадцать пять чеканных медалей, <а также добычу от двадцати побежденных мною врагов>⁶¹, девять из которых я победил в рукопашном бою. 4. И вот я, этот самый Сикций, сограждане, я, который столько лет сражаюсь за вас, принял участие в стольких битвах, удостоен стольких наград, я, кто никогда не медлил и не избегал опасности, но <участвовал во всем, как в сражениях>⁶², так и в осадах крепостей, пеший и конный, вместе со всеми и в числе немногих и просто один, весь покрытый ранами, — я добыл для нашего отечества столько тучных нив, отняв ее у тирренов и сабинян, у эквов, вольсков и пометинцев, которой вы сейчас владеете, и не получили при этом даже самой малой ее части, — ни я и никто другой из вас, плебеи, кто перенес тяготы, подобные моим. А самые наглые и бесстыжие

⁵⁹ Примипилом назывался привилегированный центурион, которому доверялся орел легиона. Он являлся членом военного совета и в отсутствие трибуна командовал легионом.

⁶⁰ Здесь Дионисий допускает анахронизм, так как изображение орла в качестве символа легиона было введено лишь Гаем Марием в конце II в. до н.э.

⁶¹ Лакуна, восстановленная Энтоvenes (Entoven) на основе сравнения данного текста с нижеследующим отрывком, где консул Ромилий упрекает Сикция за хвастовство (X. 45. 3).

⁶² Лакуна, признанная Райске (Reiske) и восполненная согласно конъектуре Кисслинга (Kießling) и Смита (Smit).

люди в этом государстве владеют лучшими именьями этой земли и многие годы пользуются ее плодами. Они не получили эту землю в дар от нас и не купили за деньги, и не могут представить никакого законного права на владение ею. 5. И если бы они, перенеся равные с вами труды, захотели получить большую, нежели вы часть земель, которые мы добывали, то им — немногим людям — было бы нескромно присваивать себе общее достояние. Впрочем, алчность этих людей имела бы в этом случае некоторое основание. Но поскольку они не могут представить нам никаких своих подвигов, на основании которых они насильно завладели нашим добром, то кто сможет вытерпеть, когда они в своем бесстыдстве, даже уличенные, не хотят от него отказываться?

XXXVIII. Но, именем Юпитера, если я лгу, пусть кто-нибудь из этих знатных господ, выступив перед вами, покажет, на основании каких таких славных дел он считает себя в праве иметь больше, чем я. Быть может, он больше лет провел в походах или участвовал в большем числе сражений, или получил больше ран, или превосходит числом полученных венков, медалей, трофеев и прочих славных наград? Быть может, благодаря ему враги наши сделались слабее, а родина приобрела славу и земли? Пусть он представит вам хоть десятую часть того, что показал я. 2. Но даже несколько из них не в состоянии предьявить и самой малой толики моих заслуг, а некоторые, как кажется, не испытали трудов в равной мере даже с наихудшими представителями плебса. Доблесть их не во владении оружием, а в речах, и сила их направлена не против врагов, а против друзей. Они не считают, что живут вместе с нами в одном государстве. Нет, они полагают это государство своей собственностью, словно не мы освободили их от тирании, а они получили нас в наследство от тиранов. Но полно, всю прочую их наглость в большом и малом, с которой они измываются над нами, — ведь вы все это знаете, — я обойду молчанием. 3. Но они дошли до такого бесстыдства, что не позволяют никому из нас ни слова сказать о свободе нашего отечества, ни даже рта раскрыть. Первого, кто заговорил о разделе земли, — Спурия Кассия, трижды удостоенного консульского звания, прославленного двумя триумфами, выказавшего столь большие способности в военных и государственных делах, какими не обладал никто из его современников, — этого человека они казнили, сбросив со скалы⁶³. Они обвиняли его в стремлении к тирании, донимая жесвидетельствами только за то, что он любил свою страну и свой народ. А возьмите нашего трибуна Гая Генуция, кто спустя одиннадцать лет пытался возобновить тот же законопроект и отдал под суд консулов предыдущего года⁶⁴, которые полностью пренебрегли постановлением сената, принятым относительно назначения комиссии для раздела земли. Но они не могли расправиться с ним открыто и поэтому тайно устранили его накануне суда. 5. Его преемников охватил сильный страх и никто уже не стал

⁶³ Тарпейская скала. См.: *Дионисий*. VIII. 78. 5.

⁶⁴ См.: *Дионисий*. IX. 37. Дионисий не совсем точен, между осуждением Спурия Кассия (485 г. до н.э.) и трибунатом Гая Генуция (473 г. до н.э.) прошло 12 лет.

подвергать себя такой опасности и уже тридцатый год мы сторонимся этого постановления, потеряв свою власть, словно при правлении тирана.

XXXIX. Прочего я касаться не буду. Но относительно ваших начальников, которых вы своим законом сделали священными и неприкосновенными, — каких только бед не натерпелись они за то, что считают своим долгом приходить на помощь обиженным плебеям? Разве не покинули они Форум, избиваемые и гонимые пинками, подвергаясь всяческим унижениям? И вы сносите все это и терпите? И вы не найдете способа наложить на них наказание, по крайней мере при помощи вашего права голоса⁶⁵, так как только оно позволяет вам доказать ваше право на свободу? 2. Еще сегодня, сограждане, обретя образ мыслей свободных людей, утвердите земельный закон, предлагаемый плебейскими трибунами, и не обращайтесь на тех, кому это претит. 3. А вы, трибуны, беритесь за дело, не дожидаясь приглашения. Ведь вы начали его и хорошо сделали, что не уступили недругам. А если вам будет мешать наглость и распушенность знатных юнцов, если те начнут опрокидывать урны или расхитят камешки для голосов или еще каким-нибудь образом попытаются помешать проведению голосования, покажите им силу, какой обладает ваша коллегия, 4. и поскольку у вас нет права отрешать консулов от их должности, то, призвав к суду частных лиц, руками которых те творят свои насилия, проведите по их поводу голосование в собрании плебеев. Предъявите им обвинение в том, что они вопреки священным законам совершают насилие и пытаются ниспровергнуть вашу власть».

XL. Народ от его слов пришел в такое возбуждение и выказал столько негодования в отношении своих противников, что уже, как я сказал с самого начала, не желал слушать никаких возражений. 2. Однако плебейский трибун Ицилий, встав со своего места, сказал, что мнение Сикция в целом правильно и отозвался о нем с большой похвалой. Но отказать в слове желающим высказать противоположное мнение, продолжил он, несправедливо и не способствует благополучию государства, особенно когда дело касается закона, который должен поставить справедливость выше произвола. Ведь так станут действовать лишь те, кто, не заботясь о равенстве и правосудии для большинства, вновь собирается устраивать смуты и разрушать то, что полезно для государства. 3. Закончив речь и назначив следующий день для желающих оспорить закон, Ицилий распустил собрание. Консулы, созвав специальное заседание, состоящее из самых храбрых и влиятельных в ту пору в городе патрициев, начали убеждать их в необходимости воспрепятствовать принятию закона — сначала словом, а если народ не подчинится, то и делом. Они побуждали всех с утра прийти на Форум, прихватив с собой как можно больше друзей и клиентов. 4. Затем одни должны стать около ораторской трибуны, а другие кучками расположиться в разных частях Форума так, чтобы масса плебеев оказалась разорванной и из-за патрициев не смогла

⁶⁵ Речь идет о праве народа голосовать не только на выборах и при принятии законов, но прежде всего при вынесении важнейших судебных решений по государственным преступлениям.

собраться в одном месте. Это решение показалось самым наилучшим, и прежде чем настал день, патриции заняли большую часть Форума.

XXI. После этого пришли плебейские трибуны и консулы, и глашатай разрешил всем желающим выступить с опровержением закона. И хотя выступало много уважаемых людей, речей их никто не слышал из-за шума и бесчинств участников собрания, поскольку одни старались поддержать и ободрить выступающих, а другие согнать их с трибуны и заглушить своими криками. Ни одобрительные возгласы сочувствующих, ни рев их противников не могли одолеть друг друга. 2. Тогда консулы с возмущением заявили, что народ, не желая прислушиваться к разумным доводам, затевает насилие. Плебейские трибуны начали оправдываться, говоря, что нет ничего удивительного в том, что плебеи, слушая уже пятый год одно и то же, не желают терпеть старые избитые возражения. 3. Когда большая часть дня была растрочена на эти препирательства и народ начал требовать проведения голосования, патрицианская молодежь, решив, что далее ждать нельзя, стала чинить препятствия плебеям, когда те хотели разойтись по своим трибам. Они начали вырывать у прислужников урны с камешками для голосования и, избивая и толкая, гнать с площади тех, кто не хотел их отдавать. 4. Когда трибуны с криком бросились в середину толпы, патриции уступали им дорогу и позволяли им свободно пройти, куда те пожелают, но оттесняли тех из плебеев, которые пытались следовать за трибунами, а также тех, кто в смятении и беспорядке толпились в разных частях Форума. В результате вмешательство трибунов оказалось бесполезным. 5. Под конец патриции взяли верх и не позволили утвердить закон. Те, кто особенно помог консулам, принадлежали к трем домам. Это были Постумии, Семпронии и Клелии, славные своим происхождением, влиянием, богатством, а также громкой известностью и ратными подвигами. По общему мнению, именно они явились главными виновниками того, что закон не получил утверждения.

XXII. На следующий день плебейские трибуны при участии наиболее видных из числа плебеев стали смотреть, как им действовать дальше. Общим решением было отказаться от попытки привлечь консулов к суду, зато вместо них обвинить частных лиц, которые оказывали им помощь. Их осуждение не должно было вызвать громкого отклика среди граждан, как полагал Сикций. Они начали тщательно взвешивать вопрос о количестве предполагаемых обвиняемых, о формулировке обвинения и о том, какой должна быть тяжесть наказания. 2. Люди злобного нрава требовали более значительной и суровой кары, а те, кто порассудительней, напротив, склонялись к более умеренным и человеколюбивым мерам. Главным выразителем этого мнения, одержавшего верх, был Сикций, выступивший в народном собрании с речью по поводу раздела участков земли. 3. Трибуны решили прочих патрициев оставить в покое, а Клелиев, Постумиев и Семпрониев предать суду народа, дабы взыскать с них за то, что они содейали. Обвинить их предполагалось в том, что они, — вопреки священным законам, принятым сенатом и народом о трибунах, которые никому не позволяют чинить насилие плебейским трибунам, равно как и прочим гражданам, — препятствуют

избранникам народа, помешали им довести до конца принятие закона. 4. Что же касается наказания, то решили не требовать смертной казни, изгнания или чего-либо иного, способного возбудить ненависть к плебеям и стать причиной оправдания для обвиняемых⁶⁶. Вместо этого было предложено более умеренное наказание, допускаемое законом — посвящение имущества обвиняемых в собственность храма Цереры. 5. Решение было принято и настало время, когда следовало произвести суд над виновными. Консулы при участии прочих патрициев (а приглашены были самые влиятельные) решили уступить плебейским трибунам и позволить провести суд, чтобы те, раздраженные их сопротивлением, не наделали больших бед, и позволить пришедшим в неистовство плебеям излить свой гнев на имущество обвиняемых, чтобы те, взыскав со своих врагов сколь угодно большой штраф, сами стали покладистее, тем более что денежные пени причиняли осужденным легко поправимый ущерб. Именно так все и случилось. 6. Когда патриции были заочно осуждены, то и народ остудил свою ярость, и сами трибуны сочли, что им возвращена их умеренная гражданская власть и право оказывать поддержку, а патриции возвратили осужденным их имущество, выкупив его за равную цену из государственной казны. С помощью этих мер удалось предотвратить нависшую в тот момент угрозу.

XLIII. Немного времени спустя, когда трибуны вновь начали заводить речь о внесении своего законопроекта, пришло внезапное известие о нападении врагов на Тускул. Оно послужило достаточной причиной помешать действиям трибунов, так как множество жителей Тускула прибыли в Рим с сообщением, что к ним с большим войском вторглись эквы и уже разграбили их округу и в считанные дни, если не придет своевременная помощь, завладеют городом. Сенат дал приказ обоим консулам выступить на помощь, а те, объявив набор войска, стали призывать всех граждан к оружию. 2. Так вот и тогда произошли некоторые трения, поскольку плебейские трибуны начали препятствовать воинскому набору и противиться применению законных мер к послушникам. Однако они ничего не добились, ибо собравшийся сенат постановил, чтобы патриции вместе со своими клиентами выступили на войну, а что касается прочих граждан, то сенат объявил, что боги будут милостивы к тем, кто пожелает участвовать в борьбе за свободу отечества и покарают покинувших своих консулов. 3. Когда постановление сената было зачитано в народном собрании, многие из плебеев по доброй воле согласились участвовать в войне. Наиболее порядочные сделали это из стыда отказать в помощи союзному государству, постоянно терпящему бедствия от врагов из-за своей преданности римлянам. В числе их был и тот самый Сикций, что обвинил в собрании тех плебеев, кто присвоил себе народные земли. Он вел с собой отряд в восемьсот человек⁶⁷, которые, как и он сам, по возрасту уже не обязаны были участвовать в походе и не попадали под статьи закона, но почитая

⁶⁶ Ср.: Дионисий. VII. 64. 6.

⁶⁷ Ливий, описывая этот поход (III. 31. 2–4), ничего не сообщает о Сикции и его отряде.

Сикция за многочисленные значительные услуги, считали справедливым последовать за ним на войну. 4. Отряд этот далеко превосходил все прочее выступившее в поход войско своим опытом ведения войны и отвагой в преодолении опасностей. Большинство же последовало за консулами, движимое благодарностью к старшим по возрасту и их призывам. Некоторые же были готовы претерпеть все опасности ради получаемой в походе добычи. В короткий срок из города выступило достаточное число и хорошо вооруженное войско. 5. Враги, прослышав, что римляне собираются идти на них походом, начали уводить своих воинов домой. Консулы, ведя войско быстрым шагом, настигают их, когда те стояли лагерем на высоком крутом холме неподалеку от города Анция, и разбивают лагерь недалеко от них. 6. До поры до времени оба войска держались в своих укреплениях. Затем эквы стали выказывать презрение к римлянам за то, что те не решаются напасть первыми, полагая при этом, что у них недостаточно сил. Делая вылазки, эквы начали отрезать римлянам подвоз продовольствия. Они внезапно нападали на римских воинов, отправляемых за припасами и травой для лошадей, и на тех, кто спускался за водой, и неоднократно вызывали противников на бой.

XLIV. Консулы, видя это, решили не затягивать далее противостояние. В эти дни право ведения военных действий досталось Ромилию, и он, вручая условленные знаки и строя боевые порядки, был полным хозяином того, в какой момент начинать и заканчивать битву. Приказав дать сигнал к сражению и выведя войско из лагеря, он расставил конницу и пехоту по своим отрядам в удобных для них местах и, вызвав к себе Сикция, сказал ему: 2. «Мы, Сикций, будем сражаться с врагами здесь, а ты, пока мы и враг еще ждем и готовимся к схватке, ступай вон тем обходным путем на гору, где находится стан врагов, и завяжи сражение с находящимися в лагере, чтобы сражающиеся против нас, испугавшись за свои тылы и желая оказать им помощь, показали нам спину и стали легко уязвимыми, что и естественно при поспешном отступлении, когда все стараются протиснуться по одной дороге, — либо, чтобы они, оставаясь здесь, потеряли свой лагерь. 3. Войско, охраняющее лагерь, малочисленно, как можно предполагать, поскольку врагам кажется, что труднодоступный вид места дает им полную безопасность. Отряда, который с тобой, будет вполне достаточно, — ведь все восемьсот прошли через многие войны, — чтобы, напав на приведенных в панику обозных воинов, одолеть их своей храбростью». 4. Но Сикций ответил: «Что касается меня, то я во всем готов тебе служить. Однако дело это не столь легкое, как тебе кажется. Скала, на которой находится укрепление, — высокая и крутая, и я не вижу никакой дороги, ведущей к лагерю, кроме той, по которой будут спускаться против вас враги, и в самом лагере, надо думать, достаточно охраны. И даже если она окажется не слишком большой и слабой, то все равно сможет выдержать натиск намного большего отряда, чем тот, что у меня, и сама местность спасет гарнизон лагеря от захвата. 5. Лучше отказаться от этого намерения — ведь это опасное предприятие. Но если ты бесповоротно решил дать одновременно два сражения, то

прикажи, чтобы за мной с моими стариками следовал отряд отборных воинов. Ведь мы пойдем наверх не с тем, чтобы незаметно овладеть этим местом, но чтобы открыто взять его силой».

XLV. Сикций еще хотел продолжать свои доводы, но консул, прервав его, ответил: «Не нужно много слов, но если ты готов выполнить приказ, ступай как можно скорее и не вмешивайся в полномочия главнокомандующего, а если ты отказываешься и избегаешь опасности, я воспользуюсь в этом деле другими. 2. А ты — участвовавший в ста двадцати сражениях, сорок лет проведенный в походах и весь покрытый ранами, поскольку ты сюда пришел добровольно, уходи прочь, даже не повидавшись с врагами, и вместо оружия вновь оттачивай свои речи, которыми ты в изобилии пользуешься против патрициев. 3. Где же теперь те твои многочисленные награды — гривны и запястья, копья и медали, венки от консулов и трофеи единоборств и вся прочая твоя суровость, которую нам тогда пришлось вынести от твоих речей? Ведь в одном этом деле, подвергаясь испытанию, где была действительная опасность, ты проявил себя таким, каков ты есть — хвастуном, выдающим мужество на словах, а не на деле». 4. А Сикций, раздосадованный этими упреками, ответил: «Знаю, Ромилий, что ты решил одно из двух: либо заживо меня погубить тем, что, ничего не совершив, я стяжаю себе позорную славу труса, либо жалким и бесславным образом отдать на расправу врагов, поскольку оказалось, что и я из числа поборников свободы, — ведь ты посылаешь меня на несомненную гибель. 5. Впрочем, я выполню и этот приказ и попытаюсь, показав, что не слаб духом, или завладеть лагерем, или, обманувшись в надеждах, достойно сложить голову. А вас, мои соратники по оружию, прошу быть моими свидетелями перед лицом остальных сограждан, если узнаете о моей гибели, что меня сгубила моя доблесть и излишняя искренность речей». 6. Дав такой ответ консулу, он, зарывав и попрощавшись со всеми своими знакомыми, двинулся в путь, ведя восемьсот своих сотоварищей — опустивших глаза в землю и залитых слезами, словно идущих на смерть. Остальное войско восприняло это с состраданием, словно им уже не суждено было вновь увидеть этих людей.

XLVI. Сикций не пошел по той дороге, по какой предложи Ромилий, но, повернув на другую, направил свой отряд в обход горы. Затем, приведя своих солдат в густой дубовый лес, он останавливается и говорит: «Как видите, консул отправил нас на погибель. Ведь он думал, что мы пойдем боковым путем, поднимаясь по которому невозможно было остаться незамеченными врагами. Я поведу вас по незаметному для врагов пути, и у меня большая надежда найти тропинки, которые приведут нас на вершину к лагерю. Так что вы не теряйте надежды». 2. Произнеся это, Сикций двинул отряд через дубраву и, пройдя значительную ее часть, случайно находит человека, идущего откуда-то с поля. Приказав самым молодым воинам схватить его, он заставляет его показать дорогу, и тот, ведя их долгое время вокруг горы, приводит на лежащий рядом с частоколом холм, с которого открывался быстрый и легкий путь

к лагерю. 3. В это же самое время войска римлян и эквов сошлись в сражении. Они были равны своей численностью и вооружением и проявляли одинаковое рвение. Долго ни одна из сторон не имела перевеса. Войска то наступали друг на друга, то откатывались назад — конница на конницу, а пехота на пехоту, и с обеих сторон пали отборные воины. 4. Затем сражение вошло в решающую часть, так как Сикций со своим отрядом, оказавшись рядом с лагерем эквов, обнаружил, что эта сторона частокола не охраняется — ведь вся стража, желая посмотреть на битву, перешла на противоположный край, обращенный в сторону сражающихся. Беспрепятственно ворвавшись в лагерь, римляне оказываются над головой у защитников. 5. Затем с боевым криком они бросаются на них, а те, потрясенные неожиданной бедой и полагая, что врагов не столько, сколько было на самом деле, а что пришел второй консул, ведя свое войско, бросились вон из лагеря, в большинстве своем позабыв об оружии, а бойцы Сикция избивали встреченных ими неприятелей. Завладев лагерем, они устремились на тех, кто был на равнине. 6. Эквы, почувствовав по крикам и бегству своих, что их лагерь захвачен, и видя, что в скором времени враги нападут на них с тыла, оставили сопротивление и, расстроив свои ряды, стали спасаться кто куда. Тогда-то и началась самая большая резня. Римляне не прекращали преследование вплоть до самой ночи, убивая всех захваченных врагов. 7. Больше всего эквов уничтожил Сикций, совершив при этом славные подвиги. Когда уже пала темень, он, увидев, что с врагами покончено, повел свой отряд в захваченный им лагерь. Он возвращался туда исполненный большой радости и гордости. 8. А его бойцы, все целые и невредимые, не только не претерпевшие того, что ожидали, но напротив, стяжавшие прекрасную славу, называли Сикция своим отцом, спасителем, богом и приветствовали всеми почетными наименованиями. Они не могли насытиться, обнимаясь с Сикцием и выказывая прочие знаки своей радости. В это время и остальное римское войско вместе с консулами вернулось из погони в свой лагерь.

XLVII. Была середина ночи, когда Сикций, помня свою обиду на консулов, пославших его на смерть, решил отнять у них славу победы. Он поделился замыслом со своими воинами. Когда все одобрили не было никого, кто бы не восхитился уму и отваге Сикция, он, взяв оружие и приказав остальным сделать то же самое, первым делом перебил всех пленных эквов, лошадей и вьючный скот, захваченный в лагере. Затем он поджег палатки, полные оружия, продовольствия, одежды, военного снаряжения и прочего имущества из добычи, захваченной эквами в Тускуле. Когда все сгорело в огне, на рассвете он двинулся в путь, не взяв с собой ничего, кроме оружия. Быстро проделав путь, он прибыл в Рим. Когда там увидели быстро идущих вооруженных людей, распевających победные песни и забрызганных кровью, поднялась большая суматоха. Все стремились увидеть их и услышать об их подвигах. 3. Придя на Форум, они сообщили плебейским трибунам о произошедшем, а те, созвав сходку, приказали им выступить перед всеми. Когда собралась большая толпа, Сикций, выйдя вперед, возвестил о своей победе и рассказал о том, как проходило сражение

и что благодаря личной доблести его и находившихся с ним восьмисот престарелых, которых консулы отправили на смерть, был захвачен лагерь эквов и войско их, вступившее в сражение с консульским войском, вынуждено было искать спасение в бегстве. 4. Сикций просил, чтобы римляне не благодарили за победу никого другого, и под конец сказал следующее: «Мы пришли, сохранив наши жизни и оружие, не принеся с собой ничего из захваченной добычи». 5. Услышав эту речь, народ начал сетовать и плакать, видя возраст этих людей и их доблесть, негодуя и гневаясь на тех, кто попытался лишить их город таких героев. Как Сикций и предполагал, у всех граждан вспыхнула ненависть против консулов. 6. Даже сенат не остался равнодушным, не назначив консулам ни триумфа, ни других почестей за одержанную победу. Когда настал срок выборов, народ назвал Сикция плебейским трибуном, воздавая ему ту почесть, награждать которой было в его власти. Таковы были самые значительные из тогдашних событий.

XLVIII. В следующем году вслед за этими консулами власть принимают Спурий Тарпей и Авл Терминий⁶⁸. Они постоянно во всем угождали народу и утвердили постановлением сената предложение плебейских трибунов, так как видели, что сопротивление не только не приносит патрициям никакого успеха, но даже порождает зависть, ненависть и несчастье для тех, кто самым ревностным образом отстаивает их интересы. 2. Но особенно привело их в ужас недавнее несчастье с консулами минувшего года, пострадавшими от плебеев и не нашедшими помощи у сената. Дело в том, что Сикций, уничтоживший войско эквов вместе с их лагерьем, был в ту пору, как я сказал, избран плебейским трибуном и, совершив в первый день своей власти⁶⁹ установленные законом жертвоприношения, прежде чем взяться за прочие государственные дела, объявил в народном собрании, чтобы Тит Ромилий предстал в определенный день перед судом плебеев по обвинению в преступлении против народа⁷⁰. 3. А Луций⁷¹, плебейский трибун предшествующего года, бывший в то время эдилом, обвинил в таком же преступлении второго из консулов прошлого года — Гая Ветурия. В оставшееся до суда время оба обвиняемых получали сильную поддержку своих сторонников, благодаря чему они во всем полагались на сенат и в грош не ставили грозящую опасность — ведь пожилые патриции и молодежь обещали им не допустить судебного разбирательства. 4. Что же касается плебейских трибунов, то они загодя предусматривали все возможности и не принимали в расчет просьбы, угрозы и опасности. Когда настал срок суда, они начали созывать народ. А простой люд, живущий трудом своих рук, уже заранее собрался в город со своих наделов и, смешавшись с городским населением, заполнил Форум и ведущие к нему улицы.

⁶⁸ 454 г. до н.э. Ливий вместо Авла Терминия называет вторым консулом Авла Атерния (III. 31. 5).

⁶⁹ 10 декабря, т.е. еще до вступления в должность новых консулов.

⁷⁰ У Ливия обвинителем Ромилия является плебейский трибун Гай Кальвий Цицерон (III. 31. 5).

⁷¹ Видимо, это Луций Алиен, упоминаемый также и Ливием (III. 31. 5).

XLIX. Первым начало рассматриваться дело Ромилия. С речью выступил Сикций. Он стал обвинять Ромилия в тех насилиях, которые он, будучи консулом, совершил против плебейских трибунов. В конце выступления он поведал о злом умысле консула против него и его отряда. Он представлял суду в качестве свидетелей самых видных из своих товарищей по походу, причем не только плебеев, но также и патрициев. Среди них был юноша знатного рода, отличавшийся доблестью и знанием военного дела. Звали его Спурий Вергиний. 2. Юноша сказал, что он, желая освободить от участия в этой вылазке своего сверстника и друга Марка Ицилия, который был сыном одного из воинов в когорте Сикция и вместе с отцом отправлялся на смерть, попросил своего дядю Авла Вергиния, участвовавшего в том походе в качестве легата, пойти к консулам и просить их об этой услуге. 3. Консулы отказали в просьбе, и у него, горюющего о печальной судьбе друга, полились слезы, а молодой человек, за которого пытались просить, пришел, узнав об этом, и, попросив слова, сказал, что очень благодарен тем, кто просит за него, но что сам он будет огорчен, если получит снисхождение, способное отнять у него благочестивое отношение к родичам, и что он не покинет своего отца, тем более что тот идет на смерть и все об этом знают. Напротив, он отправится вместе с отцом и будет защищать его, насколько хватит сил, разделив с ним общую судьбу. 4. Когда юноша рассказал об этом, то не было никого, кто не испытал бы сострадания к судьбе этих людей. А когда Ицилий и его сын сами были призваны дать свидетельские показания и рассказали о том, что с ними произошло, то большая часть плебеев уже не могла сдержать слез. 5. Ромилий защищал себя, не унижаясь до просьб и не стараясь прилаживать свои слова к сложившимся обстоятельствам. Речь его была надменной и исполнена гордости от сознания своего консульского достоинства. В результате гнев большинства против Ромилия удвоился, так что, когда началось голосование, его настолько явно признали виновным, что осудили голосами всех триб. Наказанием был денежный штраф в десять тысяч ассов. 6. Сикций, как мне кажется, сделал это не без некоторого умысла, а именно, чтобы патриции не проявили большой заботы об этом человеке и не сорвали голосование, видя, что подсудимому грозит штраф, а не что-нибудь другое, и чтобы плебеи проявили больше рвения, поскольку им не придется лишать жизни или отечества человека консульского достоинства. Спустя несколько дней после приговора над Ромилием был осужден и Ветурий. Ему также был определен денежный штраф в полтора раза больший, чем у Ромилия.

L. Стоявших в то время у власти консулов, размышлявших над происходящим, охватил сильный страх, как бы с ними после окончания консульства не случилось того же самого, и они, не скрывая своих мыслей, открыто блюли интересы плебса. Прежде всего они провели в центуриатном собрании закон, позволявший всем должностным лицам наказывать за оскорбления и противодействие их власти. До той поры из всех такой властью обладали только консулы. 2. Однако право определять меру наказания было отнято у тех, кто его применял. Консулы сами определили эту

меру, ограничив верхний предел двумя быками и тридцатью головами мелкого скота. Этот закон долго сохранял свою силу у римлян⁷². 3. Затем консулы поставили на рассмотрение сената законы, которые плебейские трибуны стремились сделать на вечные времена общими для всего римского народа. Выступали многие из числа наиболее влиятельных людей, причем одни советовали согласиться, а другие призывали воспрепятствовать. Однако неожиданно как для патрициев, так и для плебеев победило мнение Тита Ромилия, предложившего весьма демократическое решение, — ведь все ждали, что человек, недавно осужденный плебеями, будет высказываться в совершенно враждебном народу духе. Но когда до него дошел черед высказать свое мнение — а он был из числа средних по возрасту и достоинству сенаторов, — он, поднявшись со своего места, сказал:

1. «Будет, пожалуй, лишним подробно говорить и притом в присутствии тех, кому это хорошо известно, сенаторы, о том, что претерпел я от народа, не совершая ничего противозаконного и действуя лишь в ваших интересах. Я вынужден упомянуть об этом лишь для того, чтобы вы знали, что я не из угождения потворствую плебеям, которые мне враждебны. Нет, я буду говорить из лучших побуждений. Но пусть никто не удивляется, что я, прежде исповедуя другое мнение, будучи консулом, теперь внезапно переменялся. И не думайте, что я или тогда неверно поступал, или теперь ошибочно изменил свои взгляды. 2. Все то время, сенаторы, пока я считал, что сила на вашей стороне, я презирал плебеев и возвеличивал, как и подобало, аристократию. Но когда мои несчастья вразумили меня большим штрафом, я понял, что ваша сила слабее вашего разума, и видя, что уже многих, кто вступил в борьбу на вашей стороне, вы проводили равнодушным взглядом, позволив народу лишить их самого необходимого, я переменялся в своем мнении. 3. Более всего я бы сейчас хотел, чтобы ни со мной, ни с моим коллегой по консульству не случилось того, за что вы все нам сочувствуете. Но поскольку вопрос с нами исчерпан, можно еще поправить то, что ждет впереди и позаботиться, чтобы другие не испытали того же. Я призываю вас всех вместе и каждого в отдельности разумно действовать в теперешнем положении. Лучше всего устроено то государство, которое приспособляется к обстоятельствам, а наилучшим советником является тот, кто высказывает мнение в целях общей пользы, а не из личной вражды и дружбы. И лучшее решение на грядущее принимают те, кто извлекает примеры для будущего из прошлого. А вы, сенаторы, всякий раз когда у вас возникали споры и распри с народом, всегда терпели поражение — то обретая дурную славу, то теряя видных мужей, осужденных на казни, унижения и изгнания. Однако какое большее несчастье может случиться для государства, чем лишиться (и притом вопреки справедливости) своих лучших пред-

⁷² Закон Тарпея — Атерния о максимальном штрафе, налагаемом магистратами, упоминается также Фестом (О значении слов. С. 270). Он добавляет, что этот закон дал денежную оценку быка в 100 ассов, а барана в 10 ассов.

ставителей? Я призываю вас бережно относиться к ним и не подвергать нынешних консулов или других, от кого есть хоть малая польза государству, очевидной опасности, чтобы потом, покинув их в несчастье, не раскаиваться в этом. 5. Но главное, к чему я вас призываю, — это назначить послов в греческие города Италии и в Афины, чтобы они, испросив у эллинов наилучшие и более всего подходящие к нашему образу жизни законы, доставили их сюда. А когда они возвратятся, то пусть стоящие в тот момент у власти консулы предложат сенату рассмотреть вопрос, кого следует выбрать в законодатели, с какими полномочиями, на какой срок и все прочее, как то сенаторы сочтут для себя полезным. Остерегайтесь враждовать с плебеями, извлекая из этого лишь череду несчастий. В особенности же не следует препираться из-за законов, которые помимо прочего обладают вызывающим уважение достоинством».

ЛII. Когда Ромилий закончил, оба консула, выступив с заранее подготовленными речами, начали его горячо одобрять. К ним присоединились многие из сенаторов и большинство поддержало мнение Ромилия. 2. Когда дело дошло до написания сенатского постановления, встал плебейский трибун Сикций, который вызвал Ромилия на суд, и произнес длинную речь, в которой хвалил бывшего консула за перемену мнения и за то, что он, не ставя личные обиды выше общего блага, от чистого сердца предложил полезные советы. 3. «За это, — сказал он, — я в благодарность освобождаю его от наказания. Я прощаю ему присужденный штраф⁷³ и впредь готов с ним помириться, так как он одерживает над нами верх своей честностью». И остальные трибуны в своих выступлениях соглашались с Сикцием. Ромилий, однако, не принял этого подарка. Похвалив рвение плебейских трибунов, он заявил, что заплатит установленную судом пеню, поскольку это имущество посвящено богам и несправедливо, равно как и неблагочестиво, ему лишать богов того, что отдал им закон⁷⁴. 4. Так он и поступил. Когда постановление сената было составлено, а затем утверждено народным собранием, назначили послов, которые должны были получить у эллинов законы. В посольство вошли Спурий Постумий, Сервий Сульпиций⁷⁵ и Авл Манлий. Для них за счет казны были построены триеры и приготовлено прочее снаряжение, способное показать римское могущество. И так вот завершился этот год.

ЛIII. Во время восьмидесятой второй Олимпиады, в которой в беге на стадий победили фессалиец Лик из города Лариссы, а архонтом в Афинах был Хэрефан и от основания

⁷³ Это прощение едва ли можно понимать буквально, т.е. как разрешение Ромилию не платить штраф, так как он был оштрафован народным собранием, приговор которого не в силах был отменить даже плебейский трибун. Речь идет, скорее, о моральной стороне вопроса.

⁷⁴ Конфискованное народом имущество фактически поступало в распоряжение народных представителей — плебейских трибунов и эллинов, либо в распоряжение сената и консулов, юридически же оно считалось собственностью богов. Движимое имущество хранилось в храмах (особенно в храме Цереры или Сатурна), а недвижимое подвергалось обряду консекрации (посвящения богам) и считалось священным.

⁷⁵ Ливий вместо Сервия Сульпиция называет Публия Сульпиция Камерина (III. 31. 8).

города прошло триста лет, в консульство Публия Горация⁷⁶ и Секста Квинтилия, в Риме вспыхнула моровая болезнь, самая страшная из тех, что упоминались в прежние времена⁷⁷. От этой болезни погибли почти все рабы, а из граждан до половины. У врачей не хватало сил помогать больным, а родственники и друзья отказывались их обслуживать. 2. Ведь желавшие помочь несчастью других, прикасаясь к телам больных и находясь вместе с ними, заражались той же самой болезнью, так что из-за недостатка желающих помочь многие дома опустели. Для города немалой причиной этих бед и долгого продолжения мора было то, что умерших выбрасывали без погребения. 3. Поначалу люди, движимые стыдом и располагая средствами для похорон, сжигали и предавали земле тела мертвецов, но под конец одни — забыв о приличиях, а другие — не имея средств, относили покойников в расположенную под улицами подземную канализацию и там бросали, а еще больше мертвых тел кидали в реку, отчего население города страдало более всего. 4. Тела выносило волной на берег и исходящее от них тяжелое зловонное поветрие настигало еще здоровых людей и вызывало быстрые изменения во внутренностях, а принесенная из реки вода была уже непригодна для питья из-за неприятного запаха и отравляла пищу вредными примесями. 5. Болезнь господствовала не только в городе, но и за его пределами. В особенности пострадало от нее сельское население, поскольку обитало вместе со скотом и прочей домашней живностью. Пока у большинства теплилась надежда, что бог им поможет, все занимались жертвоприношениями и ритуальными очищениями. При этом римляне ввели много неподобающего, что не было прежде в их обычае, в обряды почитания богов. 6. Когда же римляне поняли, что божество не вмешивается и не проявляет никакой заботы о них, они перестали устраивать церемонии богопочитания. Во время этого бедствия умер один из консулов — Секст Квинтилий, а также выбранный после него консулом Спурий Фурий, четверо из плебейских трибунов и многие видные сенаторы. 7. Пока город римлян был охвачен болезнью, эквы решили пойти на них походом и отправили послов к другим враждебным римлянам племенам с призывом принять участие в войне. Однако, они не успели вывести свои войска из городов. Ведь пока они еще готовились к набегу, на них напала та же самая хворь, 8. которая прошла не только по землям эквов, но также вольсков и сабинян и унесла много людей. Это послужило причиной того, что заброшенная и необрабатываемая земля прибавила к болезни голод. Угнетенные мором, римляне не совершили при этих консулах ни в военных, ни в государственных делах ничего такого, что было бы достойно исторического рассказа.

LIV. На следующий год консулами были избраны Луций Менений⁷⁸ и Публий Сестий. Болезнь полностью прекратилась. После этого начали справляться за счет

⁷⁶ 453 г. до н.э. (= 451 г. до н.э. по Дионисию). Ливий вместо Публия Горация называет консулом Публия Куриция (III. 32. 1).

⁷⁷ Ливий добавляет к этому еще и голод и мор среди скота (III. 32. 2).

⁷⁸ 452 г. до н.э. Ливий называет консула Менения Гаем (III. 32. 5).

казны благодарственные жертвоприношения богам и пышные игры, сопровождавшиеся большими расходами, и гражданство, что и естественно, проводило время в пирах и развлечениях. И так прошла вся зима. 2. С наступлением весны из многих мест в город был свезен большой запас хлеба, часть которого была закуплена государством, а часть доставлена купцами, поскольку население сильно страдало от недостатка продовольствия. Ведь из-за болезни и гибели земледельцев земля осталась невозделанной.

3. В это самое время из Афин и греческих городов Италии прибыли послы, везя полученные законы. После этого плебейские трибуны стали просить консулов назначить по решению сената законодателей. Те, не зная, как им отделаться от назойливых требований, были весьма раздосадованы. Им вовсе не хотелось, чтобы в их консульство было упразднено аристократическое правление. Поэтому они воспользовались благовидным предлогом, говоря, что уже скоро наступит время консульских выборов и что им сначала следует назначить новых консулов 4. и что сделают они это вскоре, а когда консулы будут назначены, то они вместе с ними предложат сенату рассмотреть вопрос о законодателях. Трибуны согласились, а консулы, определив срок выборов намного раньше обычного, назначают консулами Аппия Клавдия и Тита Генуция и после этого, сложив с себя всякое попечение о государственных делах, словно другие теперь должны были о них заботиться, уже не обращали на плебейских трибунов внимания, решив в праздности незаметно провести остаток своего консульского срока. 5. Но случилось так, что одного из консулов — Менения — постиг продолжительный недуг, и уже некоторые поговаривали, что возникшее от печали и упадка духа воспаление привело к неизлечимой болезни. Воспользовавшись этим предлогом, что он-де ничего один делать не может, Сестий стал отвергать просьбы трибунов и требовать, чтобы те обращались к новым консулам. 6. А те, оказавшись в безвыходном положении, вынуждены были прибегнуть к помощи Аппия и его коллеги, еще не вступивших в должность. Они просили их и в народных собраниях, и при личных встречах. Наконец, они убедили их, подав им большие надежды на почести и власть, если те встанут на сторону плебеев. 7. А Аппием владело стремление получить новую магистратуру и установить законы для отечества, положить начала единодушия и мира и добиться того, чтобы все считали государство одной общей отчизной. Однако получив огромные полномочия, он не захотел остаться хорошим гражданином. Под конец его, развращенного своим громадным влиянием, охватило неодолимое стремление к владычеству и лишь немного удерживало его от тирании. В свое время я расскажу и об этом.

LV. Итак, он хорошо все обдумал и склонил коллегу на свою сторону. Когда трибуны стали часто звать его в народное собрание, он выступил и произнес длинную, исполненную человеколюбия речь. Главным ее содержанием было следующее: он-де и его коллега более всего хотят назначить законодателей и прекратить споры граждан о равноправии и они не скрывают своего мнения по этому поводу; сами они

не имеют права назначить законодателей, поскольку не вступили еще в должность, но они никоим образом не только не будут препятствовать Менению и его коллеге выполнить постановление сената, но даже наоборот, станут помогать, движимые благодарностью. 2. А если те будут уклоняться, ссылаясь на избрание новых консулов, что-де им нельзя после утверждения новых магистратов назначать еще других с консульской властью, то с их стороны не будет никакого препятствия. Они-де добровольно готовы отказаться от своей консульской власти в пользу тех, кого выберут на их место, если на то будет воля сената. 3. Народ похвалил рвение этих мужей и всей толпой устремился в Курию. Сестий в одиночку вынужден был созвать сенат, поскольку Менений по болезни не в силах был явиться, и предложил обсуждение законов. Много прозвучало речей с обеих сторон, причем одни ратовали за то, чтобы государство управлялось по законам, а другие требовали сохранения обычаев предков⁷⁹. 4. Победило мнение новоизбранных консулов, которое высказал Аппий Клавдий, когда ему первому предложено было слово, а именно: избрать из числа сенаторов десять самых видных мужей; пусть они правят в течение года со дня своих выборов, имея полную власть в государстве, какую имели консулы, а еще раньше цари, а все прочие магистраты должны быть упразднены до тех пор, пока децемвиры будут сохранять свою власть; 5. пусть эти мужи, выбрав из отеческих обычаев и эллинских законов, которые доставили послы, все самое лучшее и пригодное для римского государства, установят законы; пусть написанные децемвирами законопроекты, если их одобрит сенат и утвердит голосованием народ, будут правомочными на все последующие времена, и пусть магистраты, которые впоследствии будут избраны, на основании этих законов разбирают частные тяжбы и заботятся о государственных делах⁸⁰.

LVІ. Получив это сенатское постановление, трибуны пришли в народное собрание и, зачитав его, высказали много похвал в адрес сената и Аппия, предложившего это решение. Когда настало время консульских выборов, трибуны, созвав народное собрание, потребовали, чтобы консулы, явившись, выполнили перед народом свои обещания, и те, выступив вперед, клятвенно сложили с себя свои полномочия. 2. Народ восхищался ими, рассыпаясь в похвалах, и когда настало время подавать голоса, они первыми из прочих были избраны законодателями. Итак, в центуриатном собрании были избраны Аппий Клавдий и Тит Генуций, которым надлежало быть консулами следующего года, а также Публий Сестий, консул текущего года, трое мужей, доставившие эллинские законы — Спурий Постумий, Сервий Сульпиций и Авл Манлий, а также один из консулов предшествующего года — Тит Ромилий, с подачи Сикция осужденный в народном собрании, поскольку казалось, что он перешел

⁷⁹ Т.е. предпочитали жить по неписаным, а значит, известным только патрициям обычаям.

⁸⁰ Это указание Дионисия прямо свидетельствует о том, что законы XII таблиц содержали в себе нормы всего, как частного, так и государственного права. Ср.: *Ливий*. III. 34. 6; *Цицерон*. Об ораторе. I. 193.

на сторону плебеев. Из числа остальных сенаторов были избраны Гай Юлий, Тит Ветурий и Публий Горадий⁸¹ — все бывшие консулы. Коллегии плебейских трибунов, эдилов и квесторов, а также все прочие магистратуры, какие были у римлян, были распушены.

LVII. На следующий год, взявшись за дела государственные, законодатели устанавливают такой порядок: один из них получал фасции и прочие отличия консульской власти; он созывал сенат, утверждал его решения и выполнял все прочее, что подобает первому лицу в государстве; остальные, отказавшись от знаков власти, вызывающих ненависть, одевались на демократический лад и по виду мало чем отличались от большинства. Затем другой из них получает первенство, и так по очереди они менялись в течение года, так как каждый становился главным лицом на определенное число дней. 2. Все они с раннего утра садились разбирать частные и государственные тяжбы, какие возникали с подчиненными народами, римскими союзниками и теми племенами, верность которых Риму была сомнительна. Каждое дело они рассматривали со всей честностью и справедливостью. 3. Казалось, что в тот год римское государство благодаря децемвирам управлялось наилучшим образом. Особенно вызвала похвалы их забота о плебеех и защите слабых от всякого насилия. Многие поговаривали, что впредь-де для государства уже не будет надобности в народных представителях и прочих должностных лиц, поскольку одна коллегия разумно справляется со всеми делами. Все считали, что главой децемвиров является Аппий Клавдий. 4. Именно ему доставалась от народа похвала за деятельность всей коллегии. Ведь не только то, что он самым основательным образом делал вместе с другими, приносило ему славу честного человека, но еще в большей степени то, чем он постоянно занимался сам, благодаря своей приветливости, ласковой обходительности и прочему доброму отношению к беднякам.

5. Эти десять мужей, составив законопроекты как из эллинских законов, так и из местных неписаных установлений, выставили их на десяти таблицах на обозрение всем желающим, принимая любые поправки частных лиц и к общему удовольствию исправляя начертанное. Они провели много времени, заседая вместе с лучшими людьми, и самым тщательным образом проверяли составленные законы. 6. А когда они сочли законопроект удовлетворяющим требованиям, то созвали первым делом собрание. Поскольку никто больше не порицал их законы, они утвердили их постановлением сената. Затем они созвали народ на центуриатное собрание в присутствии понтификов, авгуров и других жреческих коллегий. Совершив установленные законами жертвоприношения, они раздали по центуриям камешки для голосования. 7. Когда народ утвердил законы, они велели вырезать их затем на медных таблицах и поставили их на Форуме, выбрав для этого самое удобное место. И когда оставалось

⁸¹ Вместо Публия Горадия Ливий называет Публия Куриция. Ветурия он называет Луцием, а Сульпиция — Сервием (III. 33. 3).

уже немного времени до истечения их полномочий, децемвиры созвали сенаторов и предложили им рассмотреть вопрос о консульских выборах.

LVIII. После долгих речей верх одержало мнение тех, кто предлагал вновь поручить децемвирам заботу о государстве. Ведь и законодательная их деятельность казалась незаконченной, поскольку производилась в короткое время, и для пользы уже утвержденных законов, чтобы им подчинялись как по доброй воле, так и против желания, казалось необходимым существование некоей неограниченной власти. Особенно же побуждало сенаторов отдать свое предпочтение коллегии децемвиров упразднение плебейских трибунов — то, чего они хотели более всего. 2. Таково было мнение участников общего заседания. Что же касается первых лиц сената, то они отдельно приняли решение добиваться своего избрания в эту коллегию, опасаясь, как бы какие-нибудь смутьяны, получив в свои руки столь большую власть, не причинили государству серьезного ущерба. Народ радостно принял постановление сената и с большой готовностью проголосовал за него. Тогда децемвиры назначили срок для выборов в коллегию, в которых приняли участие самые почтенные и пожилые из патрициев. 3. На выборах все особенно хвалили главу децемвиров Аппия и все плебеи хотели удержать его на этой должности, словно считали, что никто другой не может быть лучше, чем он. А тот поначалу делал вид, что отказывается, и просил освободить его от обременительной и внушающей зависть общественной службы. Наконец, поскольку все неотступно его упрашивали, Аппий согласился участвовать в выборах. Обвинив самых видных из своих соперников в том, что они-де, движимые завистью, недоброжелательно к нему настроены, он открыто поддерживал своих друзей. 4. Центуриатные комиции во второй раз избирают его законодателем. Вместе с ним был избран Квинт Фабий, по прозвищу Вибулан, три раза бывший консулом, человек до той поры безупречный своей добродетелью, а из прочих патрициев те, к кому благоволил Аппий: Марк Корнелий, Марк Сергий, Луций Минуций, Тит Антоний и Марк Рабулей — люди не слишком известные. Из плебеев были избраны Квинт Петелий, Цезон Дуилий и Спурий Опций⁸². Они были приняты Аппием с целью польстить плебеям. Ибо он утверждал, что, мол, справедливо, чтобы в коллегии, которая будет управлять всем, была и частица народа. 5. Создавая себе всем этим уважение и славу самого лучшего из царей и консулов, Аппий вновь получает власть в государстве на следующий год. Такие события произошли у римлян в правление децемвиров, а прочие не заслуживают упоминания.

LIX. На следующий год⁸³ децемвиры во главе с Аппием Клавдием получили в майские иды консульскую власть. Дело в том, что римляне вели счет месяцев по лунному календарю и полнолуние приходилось на иды. 2. Первым делом они тайно от большинства приняли клятвы и заключили промеж себя договор, что никто не будет

⁸² Согласно Ливию, все децемвиры второго срока были патрициями (IV. 3. 17).

⁸³ 450 г. до н.э.

перечить другому и что один из них сочтет справедливым, то все будут считать законным; власть они будут удерживать до конца своей жизни и не будут допускать других к своим делам; все они будут иметь равное достоинство и одни и те же властные полномочия; к решениям совета и народа они будут обращаться редко и лишь по необходимости и большую часть дел будут вершить своей властью. 3. Когда наступил день, в который они должны были принять магистратуру, совершив предписанные законом жертвоприношения богам (а римляне считают этот день священным и особенно избегают тогда услышать или увидеть что-нибудь неприятное), все десять выступили рано утром облеченные знаками царской власти. 4. А народ, когда понял, что децемвиры более не придерживаются умеренной и народолюбивой формы правления и не передают друг другу по очереди знаки царского достоинства, пришел в глубокое уныние и печаль. 5. Его пугали вставленные в фасции секиры, которые несли впереди каждого из десяти мужей двенадцать ликторов, разгонявшие ударами народ, толпившийся на улицах, как это и делалось прежде при царях. Уничтожен был этот обычай сразу после изгнания царей, совершенного сторонником плебеев Публием Валерием, преемником царской власти⁸⁴. Все последующие за ним консулы, считая, что он подал хороший пример, и, подражая ему, не вставляли секиры в фасции, кроме тех случаев, когда они были в походах или по иным поводам покидали город. 6. Но ведя войну за пределами государства или разбирая дела подвластных народов, они добавляли к фасциям секиры, чтобы их устрашающий вид, предназначенный для врагов и рабов, казался для граждан менее тяжким.

LX. И действительно, всех, увидевших то, что они считали признаком царской власти, охватил, как я уже сказал, сильный страх. Им казалось, что они утратили свою свободу и получили десять царей вместо одного. Запугав таким образом плебеев и решив, что впредь им следует править с помощью страха, децемвиры, каждый в отдельности, начали создавать товарищества своих сторонников, набирая в них самых отчаянных и преданных им молодых людей. 2. Так вот, то обстоятельство, что большая часть людей неимущих и низкого происхождения, променявших общую пользу на личные выгоды, оказалась лстивыми приспешниками власти тиранов, не было странным и неожиданным. Но то, что нашлись многие из патрициев — люди, имевшие основание гордиться своим богатством и происхождением, способствовавшие децемвирам в уничтожении свободы отечества, — это всем казалось удивительным. А децемвиры, угождая им всяческими удовольствиями, какие по природе своей способны подчинять себе людей, вполне безбоязненно правили государством, совершенно не считаясь с сенатом и народом, сделавшись сами законодателями и судьями над всеми. Многих из граждан они казнили, а у многих несправедливо отняли имущество. 3. Но чтобы придать приличный вид происходящему, словно все совершается по справедливости, — а все было незаконным и ужасным, — децем-

⁸⁴ Закон Валерия 509 г. до н.э. См.: Дионисий. V. 19. 3.

виры устраивали по каждому поводу судебные разбирательства. Они подсылали обвинителей из числа сторонников их тирании, а судей назначали из числа своих друзей, которые взаимно оказывали друг другу услуги, вынося угодные решения. 4. Много из обвинений, и притом весьма серьезных, разбирали сами децемвиры. В итоге люди, чьи позиции на суде были слабы, вынуждены были присоединяться к группировкам децемвиров, поскольку у них не было иного способа чувствовать себя в безопасности. Со временем развращенная и большая часть общества превысила здоровую. Ведь люди, у которых действия децемвиров вызывали отвращение, не считали для себя возможным далее оставаться в стенах города. Они удалялись в свои усадьбы и дожидались времени консульских выборов, когда децемвиры, по их мнению, по истечении годичного срока должны были, сложив свои полномочия, назначить других должностных лиц. 5. А децемвиры во главе с Аппием, написав недостающие законы на двух таблицах, присоединили их к предыдущим. Среди них был и закон, запрещавший патрициям заключать браки с плебеями — как мне кажется, не имевший иной цели, кроме желания помешать сословиям соединиться с помощью взаимных браков и родственных связей⁸⁵. 6. Когда настало время консульских выборов, децемвиры, забыв об отеческих обычаях и новых законах и не дожидаясь решения сената и народа, удержали за собой свою власть.

⁸⁵ Ср.: *Ливий*. IV. 4. 5; *Цицерон*. О государстве. II. 37.

Книга XI

Введение — Основание для ненависти против олигархии — Децемвиры собирают сенат. Высказывания Луцием Валерием и Марком Горацием своей точки зрения о правлении децемвиров — Предложение Гая Клавдия предоставить право народу решить способ правления — Корнелий в своей речи высмеивает все предложенное противниками — Приверженцев выступления римлян в поход гораздо больше остальных — Предварительное постановление о наборе войска и предоставлении командования в войне децемвирам — Враждебное отношение к децемвирату и патрициев, и плебеев — Воинский набор децемвиров и выступление вместе с союзными войсками против сабинян и эквов — Пагуба, обрушившаяся на воинов с двух сторон — Смерть Сикция и бесчестный поступок Аппия Клавдия, приведшие всех воинов в готовность к бунту против децемвиров — Призыв Вергиния поднять восстание и освободить отечество — Воины, откликнувшись на призыв, выступают из лагеря и закрепляются на холме Авентин — Первые консулы после свержения децемвиров —
Принятие консулами закона. Осуждение и наказание децемвиров — Поход Валерия против эквов и вольсков. Победа римлян — Победа Марка Горация над сабинянами — Постановление сената об отказе триумфа — Консулы впервые в Риме получают право на триумф от народа — Возобновление политических разногласий. Предложение плебейских трибунов ввести новый закон — Разноречивые высказывания в сенате. Предложение избирать военных трибунов — Предоставление народом права домогаться консульской власти патрициям

1. Во время восьмьдесят третьей Олимпиады¹, где победителем стал Крисон из Гимеры, когда архонтом в Афинах был Филиск, римляне свергли власть десяти мужей, которые три года управляли государством. Я постараюсь поведать с самого начала, каким образом они попытались уничтожить это господство, уже укоренившееся, какие люди возглавляли дело свободы и в силу каких причин и предлогов. Ибо я полагаю, что такие сведения необходимы и замечательны почти для всех людей, но особенно для тех, кто подвизается в делах философских изысканий или в политике. 2. Ведь многим не достаточно узнать из истории только то, что Персидскую войну — если завести речь о ней — выиграла афиняне и лакедемоняне, победившие в двух морских и одном сухопутном сражении Варвара², во главе трехсот мириад³, хотя сами вместе с союзниками имели не более одиннадцати мириад. Нет, они желают от истории и узнать о местах, где эти деяния происходили, и услышать о причинах, в силу которых совершали удивительные и необыкновенные подвиги, и выведать, кто командовал войсками как у варваров, так и у эллинов, и не оказаться невеждой, так сказать, ни в одном деле, свершенном в таких предприятиях. 3. Ибо мышление всех людей охотно переходит от слов к делам, и они с удовольствием не только слушают, что говорят, но и наблюдают, что делают. Ведь даже слыша о политических событиях, люди не удовлетворяются тем, что узнают самую суть и исход деяний; например, что афиняне по соглашению с лакедемонянами снесли стены своего города, уничтожили флот, ввели гарнизон в акрополь и вместо отеческой демократии установили для управления государством олигархию, причем даже не вступив с ними в сражение⁴; нет, они тут же жаждут узнать о необходимости, которая вынудила афинское государство подвергнуться столь страшной и жестокой участи, о том, каковы были доводы, убедившие их, и какими людьми они были высказаны, а также все, что сопутствовало этим обстоятельствам. 4. Для людей же, занимающихся государственными делами, среди которых я помещаю и философов, кои почитают философию как упражнение не в словах, а в добрых делах, наслаждение от всестороннего изучения того, что сопутствует делам является общим, как и для остальных людей. Но помимо этого удовольствия их преимущество заключается в огромной помощи своим государствам в трудные времена вследствие такой опытности и в возможности вести их по их собственной воле к пользе через убеждение. 5. Ибо люди легче всего постигают то, что полезно или вредно, когда видят это на множестве

¹ В 447 г. до н.э. Согласно Ливию (III. 51–56), это произошло в 449 г. до н.э.

² Имеется в виду персидский царь Ксеркс, потерпевший поражение от греков в морских сражениях при Саламине (480 г. до н.э.) и мысе Микале (479 г. до н.э.) и сухопутной битве при Платеях (479 г. до н.э.).

³ Три миллиона. Мириада равняется 10 тыс.

⁴ Речь идет о поражении афинян в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н.э.) и установлении олигархического режима «тридцати тиранов» во главе с философом Критием в 404 г. до н.э.

примеров; и тем, кто призывает их к этому, они предлагают в свидетели рассудительность и глубокую мудрость. Именно по этим причинам я решил тщательно изложить все обстоятельства, которые произошли при свержении олигархии⁵, насколько я считаю их достойными упоминания. 6. Начну же я свое изложение об этих делах не с того, что случилось в конце и что многим кажется единственной причиной восстановления свободы, — я говорю о прегрешениях Аппия по отношению к девушке из-за своей страсти (ведь это было только дополнение и лишь последняя капля ненависти плебеев после предшествовавших других без числа), — нет, я начну с того, с чего прежде всего децемвиры начали обижать граждан. Это я осветю перво-наперво и затем перечислю по порядку все беззакония, учиненные при тогдашнем политическом устройстве.

II. Первое же основание для ненависти к олигархии, видимо, состояло в том, что они присоединили второй срок своих полномочий сразу же к предыдущему, проигнорировав народ и презрев сенат. Затем последовали гонения на лучших римлян, которым были не по душе их действия. Часть из них децемвиры изгнали из города, возведя ложные и ужасные обвинения, часть — обрekli на смерть, подсылая им обвинителей из числа личных «друзей»⁶ и сами верша эти судилища. Но более всего — потому, что самым разнуданным из молодежи, которых каждый из децемвиров имел при себе, они позволили разорять и грабить имущество тех, кто сопротивлялся их правлению. 2. Эти юнцы, словно родина была захвачена силой на войне, не только лишали законных владельцев состояний, но даже с женами их, буде они красивы, творили беззакония, оскорбляли их дочерей брачного возраста, а на тех, кто выражал недовольство, обрушивали побои, словно на рабов. В итоге они сделали так, что те, кто считал происходящее невыносимым, покидали свое отечество вместе с женами и детьми и выселялись в соседние города, где их принимали латины по причине принадлежности их к одному народу и герники из-за признания исполитии⁷, недавно дарованной им римлянами. Так что, как водится, в конце концов остались только те, кто был приверженцем тирании и для кого ничего не значило попечение об общем благе⁸. 3. Ведь и патриции не остались в городе, считая недостойным льстить правителям, но не имея возможности оказывать сопротивление их действиям, и записанные в сенат, чье присутствие было необходимо для должностных лиц, но большинство из них также, собравшись, со всем своим скарбом и домочадцами,

⁵ Под «олигархией» Дионисий в данной книге обычно понимает правление децемвиров, т. е. «немногих», в отличие от «аристократии». «Олигархами» он также называет децемвиров.

⁶ «Гетайров» (лат. *sodales*), т. е. членов фамилий, приближенных родством и дружескими связями к наиболее влиятельным римским родам и составлявших их окружение и поддержку.

⁷ Равных прав с римскими гражданами.

⁸ Под τὸ κοινὸν Дионисий обычно понимает как государство, так и общественное процветание, общественную деятельность и управление государством.

оставив жилища пустыми, проживали теперь в сельской местности. 4. Сторонникам же олигархического правления бегство выдающихся мужей доставило радость и по многим другим причинам, но главным образом потому, что весьма усилилось высокомерие у распущенных юношей, так как они не имели перед своими глазами тех, чье присутствие могло бы заставить их устыдиться, предприни они какой-либо наглый поступок.

III. Когда Рим был покинут лучшей частью народа и утратил остатки свободы, соседи, побежденные им на войне, сочли, что они⁹ получили наиболее благоприятную возможность, для того чтобы отомстить за обиды, которые они сами претерпели ранее, и вернуть утраченное, полагая, что государство больно благодаря олигархии и будет не в состоянии отныне ни сплотиться, ни действовать в согласии, ни заниматься общественными делами. Подготовив все для войны, они выводят против Рима огромные войска. 2. В одно и то же время сабиняне, вторгшись в приграничные им земли, овладев значительной добычей и убив множество земледельцев, расположились лагерем в Эрете (этот город, находится на расстоянии ста сорока стадиев от Рима рядом с рекой Тибр), (3) и эквы, вторгшись на земли тускуланцев по соседству со своими и опустошив большую часть их, разбили укрепленный лагерь у города Альгида. Когда же децемвиры услышали о нападении врагов, они в замешательстве стали созывать свои «товарищества» и обсуждать вместе с ними, что следует предпринять. 4. Единодушным мнением было выслать войско за пределы страны, а не ждать, пока воинские силы противника подойдут к самому городу. Но оно же ввергло их в сильное затруднение, прежде всего, призвать ли к оружию всех римлян и даже врагов их правления, затем, каким способом следует произвести набор воинов — то ли жесткими и беспощадными мерами, которые обычно применялись царями и консулами, то ли со снисходительностью и умеренностью. 5. Полагали также, что еще одно дело заслуживает немалого внимания, а именно, кто должен утвердить их решение относительно войны и проголосовать за набор — сенат ли или плебеи в целом, либо ни те ни другие (поскольку они питали подозрение к обоим), но децемвирам следует самим утвердить свое решение. В конце концов, после долгих совещаний децемвиры определили созвать сенат и уговорить его, чтобы тот проголосовал за войну и разрешил им набрать войско. 6. Ведь, если обе эти меры будут утверждены сенатом, то, в первую очередь, полагали они, все станут послушными, в особенности, поскольку уничтожена трибунская власть, которая единственная могла законно противостоять приказаниям могущественных лиц. Кроме того, угрожая сенату и осуществляя его распоряжения, они будут казаться законно получившими власть вести войну.

IV. Приняв эти решения и подготовив из своих друзей и сородичей тех, кто объявит в сенате выгодные им мнения и воспрепятствует тем, кто придерживается иных, децемвиры вышли на Форум и, выставив глашатая, повели ему созывать

⁹ Для глав 3–4 см.: *Ливий*. III. 38. 2–13.

сенаторов поименно. Но никто из людей умеренных не откликнулся на их вызов. 2. Когда же глашатай многократно прокричал и все же никто не явился, кроме приспешников олигархии, в числе которых была наихудшая часть горожан, те, кто оказался в то время на Форуме, изумились, что децемвиры, еще никогда не собиравшие совет ни по какому поводу, тогда впервые признали, что у римлян имеется и некий сенат из достойных людей, чьей обязанностью было радеть об общественном благе. 3. Видя такое положение, децемвиры попытались привести сенаторов прямо из домов, но узнав, что большая часть их оставлена пустыми, они отложили дело на следующий день. За это время они разослали гонцов в сельские имения и вызвали сенаторов оттуда. Когда здание сената заполнилось, выступил Аппий, глава децемвирата, и сообщил, что против Рима ведется война с двух сторон эквами и сабинянами. Он произнес речь, составленную с большой тщательностью, венцом которой было проголосовать за набор войска и спешно отправить его в поход, поскольку положение не терпит промедления. 4. Когда же он это говорил, поднялся Луций Валерий, по прозвищу¹⁰ Потит¹¹, человек, гордый своими предками. Ведь именно его отцом был Валерий, который осадил Гердония Сабинянина¹², захватившего Капитолий, и вновь овладел этим укреплением, но сам при этом пал в битве; дедом же его со стороны отца был Попликола, изгнавший царей и установивший аристократическое правление¹³. 5. Аппий же, заметив его, когда тот еще выходил вперед, и опасаясь, что тот скажет что-либо против него, молвил: «Эта очередь, Валерий, не твоя¹⁴, и не пристало тебе говорить сейчас, но когда те, кто старше и почтеннее тебя, изложат свое мнение, тогда и ты будешь вызван и скажешь, что ты думаешь; теперь же молчи и сядь на место». «Но не об этих делах, — отвечивал Валерий, — поднялся я высказаться, но о других, более значимых и неотложных, о которых, я уверен, сенату следует услышать прежде всего. 6. И из того, что они услышат, они узнают важнее ли для общего блага то, ради чего вы их созвали, или то, о чем поведаю я. Поэтому не лишай слова меня, являющегося сенатором и Валерием, когда

¹⁰ Имеется в виду когномен.

¹¹ Для речи Валерия см.: *Ливий*. III. 39. 2.

¹² Восстание рабов и изгнанников во главе с Аппием Гердонием произошло в 460 г. до н.э. в консульство Публия Валерия Попликолы и Гая Клавдия. Валерий был убит при взятии Капитолия, когда первым вошел в храм Юпитера Капитолийского. См.: *Ливий*. III. 15–18; *Дионисий*. X. 14–16.

¹³ Имеется в виду Публий Валерий, сын Волезия, по прозвищу Попликола («Любимец народа»), консул 509 г. до н.э. Четыре раза был консулом, провел законы о подчинении консульской власти суверенитету народа, первый закон о провокации (праве римского гражданина апеллировать к народному собранию в случае смертного приговора), умер в 503 г. до н.э. См.: *Ливий*. II. 7–15; *Плутарх*. Попликола. 1–5; *Дионисий*. V. 19–22; 32–34; 48.

¹⁴ По римскому обычному праву первым в сенате высказывал свое мнение самый старый, обычно самый почтенный и уважаемый сенатор (*princeps*), чье мнение затем определяло решение всего сената. Затем вызывались сенаторы по старшинству возраста и занимаемой ранее магистратуры.

я желаю вести речь о спасении государства. Если же ты сохранишь свое обычное высокомерное отношение ко всем, то каких плебейских трибунов кликну я на помощь? Ведь эта защита угнетенных сограждан уничтожена вами! 7. Впрочем, куда уж хуже, когда я, Валерий, словно один из самых ничтожных людишек, не имею равноправия и нуждаюсь во власти плебейских трибунов? Однако поскольку мы лишены этой магистратуры, то я призываю на помощь всех вас, кто вместе с ним получил также полномочия и упомянутой должности и правит государством. Конечно, я понимаю, что делаю это напрасно, но желаю, чтобы ваш заговор стал явным для всех, и покажу также, что вы привели в расстройство дела государства и все вы заодно. Скорее уж я взываю только к тебе, Квинт Фабий Вибулан, увенчанному тремя консульствами, если ты еще сохраняешь тот же самый образ мыслей. Так встань же и защити угнетенных, ибо на тебя сенат обращает взоры».

V. Когда он сказал это, Фабий, устыдившись, остался сидеть, ничего не отвечая, Аппий же и остальные децемвиры вскочили скопом и стали мешать ему говорить. После того как в сенате поднялся страшный шум — причем большинство негодовало, «друзья» же децемвиров считали, что те говорили верно, — встал Марк Гораций, по прозвищу Барбат, потомок Горация, кто был консулом вместе с Публием Валерием Попликомой после изгнания царей¹⁵, муж, искусный в делах войны и не лишенный красноречия, давнишний друг Валерия. Не в силах более сдержать свой гнев, он заявил¹⁶: «Очень скоро вы заставите меня, Аппий, порвать узду, ибо уже не соблюдаете меру, а подражаете тому самому Тарквинию, ведь вы даже не позволяете получить слово тем, кто желает говорить о спасении общества. Неужели от вашего разума ускользнуло, что еще сохранились потомки Валериев, изгнавших тиранию¹⁷, остались наследники дома Горациев, у которых существует наследственный обычай бороться с теми, кто намеревается поработить отечество, причем как вместе с другими, так и в одиночку? 3. Или вы предположили и у нас, и у остальных римлян такую трусость, что мы будем довольны, если кто-то позволит нам жить хоть как-нибудь, и мы ничего не скажем и не сделаем ради вольности и свободы слова? Или вы упиваетесь величиной своей власти? Кто вы такие и какую законную должность занимаете, чтобы лишать слова Валерия или кого-либо из прочих сенаторов? Разве не на год вы назначены руководителями государства? И не истек ли срок вашей власти? Разве не стали вы по закону частными лицами? Примите решения вынести эти вопросы к народу. 4. В самом деле, что помешает любому желающему из нас созвать народное собрание и выступить против вашей власти, которую вы имеете вопреки законам?

¹⁵ У Ливия Гораций в рассказе об изгнании царей не фигурирует (кроме Горация Коклеса), но упомянут Дионисием в кн. IV. 85.

¹⁶ О речи Горация см.: *Ливий*. III. 39. 3–10.

¹⁷ Имеется в виду тираническое правление Тарквиния Гордого, который был изгнан из Рима в 510 г. до н.э.

Позвольте гражданам проголосовать именно по этому вопросу, следует ли оставаться вашему децемvirату, или опять избирать отеческие магистратуры? И если народ, сойдя с ума, сохранит первое, тогда имейте опять то же самое политическое устройство и запрещайте всякому высказывать по поводу отечества то, что он желает. Ибо мы заслуживали бы терпеть не только это, но и гораздо худшее, попав под вашу власть и запятнав позорной жизнью доблесть как свою собственную, так и предков».

VI. Еще во время речи¹⁸ децемвиры окружили его, вопя и угрожая трибунской властью, даже грозя сбросить его со скалы¹⁹, если он не замолчит. Все они кричали, чувствуя, что оканчивается их свобода, а сенат был полон негодования и смятения. 2. Однако децемвиры тотчас раскаялись и в запрещении говорить, и в своих угрозах, так как увидели, что сенат раздражен их поведением. Тогда вперед вышел Аппий и попросил тех, кто шумел, ненадолго успокоиться, а после того как умили их волнение, сказал: «Никого из вас, отцы-сенаторы, мы не лишаем слова, лишь бы только он говорил в надлежащее время, но мы препятствуем тем, кто вылезает вперед и встает прежде, чем его вызывают. 3. Поэтому не сердитесь, ибо и Горацию, и Валерию, и всем остальным мы предоставим возможность изложить свою точку зрения в свою очередь по древнему обычаю и заведенному порядку, если только они будут вести речь о том, по поводу чего вы собрались посоветоваться, и ни о чем кроме этого. 4. Но если они будут прибегать к демагогическим приемам в отношении вас и возбуждать раздор в государстве, витийствуя по поводу того, что не относится к делу, то мы никому никогда это не позволим. Что же до власти обуздывать нарушителей порядка, о Марк Гораций, то мы обладаем ею, получив от народа, когда он проголосовал предоставить нам полномочия и консулов, и плебейских трибунов, и срок их отнюдь не истек, как ты считаешь. 5. Ведь мы назначены не на год или какой-либо иной отрезок времени, но до тех пор, пока не уладим все законодательство. Поэтому, когда мы завершим все, что предполагаем, и утвердим оставшиеся законы, тогда мы сложим власть и дадим отчет в своих действиях любому желающему из вас. До тех пор мы ни в чем не умалим ни консульских, ни трибунских полномочий. 6. О войне же, каким способом быстрее и доблестнее всего надлежит отразить врагов, я прошу вас выступить и высказать свое мнение вначале, как обычно и пристойно для вас, наиболее пожилых, затем людей среднего возраста, а последними самых молодых».

VII. Сказав это, он вызвал первым своего дядю Гая Клавдия. Тот, встав, произнес такую речь²⁰: «Поскольку Аппий пожелал, чтобы я объявил свое мнение первым, о сенат, оказав мне эту честь ради нашего родства, как подобает ему, и поскольку мне следует пояснить, что я думаю по поводу войны с эквами и сабинянами, то я, прежде чем изложить свои мысли, хотел бы спросить вас о том, какие надежды вдохновили

¹⁸ Для гл. 6 см.: *Ливий*. III. 40. 1.

¹⁹ Имеется в виду Тарпейская скала.

²⁰ Для гл. 7–15 см.: *Ливий*. III. 40. 2–6.

эквов и сабинян, что они отважились предпринять войну против нас и опустошить, вторгшись, наши поля и нивы²¹, хотя до сих пор они вполне были довольны и испытывали великую благодарность богам за то, что им позволяли сохранять в безопасности свои собственные владения. Ведь если вы поймете это, то поймете и какой способ избавления от войны с ними будет наилучшим. 2. И так, как только они услышали, что наше отеческое государственное устройство уже давно расшатано и хворает и что ни народ, ни патриции не благоволят к предводителям государства, и слышат они это не без основания, ведь действительно дела обстоят таким образом, хотя мне нет нужды говорить что-нибудь об их причинах вам, знающим это, — то они поняли, что если какая-либо война обрушится на нас извне вдобавок к бедствиям внутри стен и власти решат вывести войско для защиты своей земли, то и все граждане не явятся для принесения воинской присяги с тем рвением, как раньше, будучи враждебно настроены к должностным лицам, и полководцы не употребят законных наказаний против не явившихся, опасаясь дать повод к еще большим потрясениям; те же, кто подчинится и возьмет оружие, либо покинут свои знамена, либо, даже если останутся, не захотят сражаться. 3. И ни одна из их надежд не была лишена вероятности: ведь когда сплоченное государство затевает войну и одно и то же представляется выгодным для всех, как для правителей, так и для управляемых, то все с рвением выступают навстречу трудностям и не избегают никаких тягот и опасностей. 4. Но когда государство, подтачиваемое хворью изнутри, сойдется с неприятелем в чистом поле, прежде чем привести в порядок внутренние дела, рядовой массой овладеет мысль, что они терпят лишения не для собственного блага, но для усиления власти других над собой, а полководцами — подозрение, что их собственные воины настроены к ним не менее враждебно, чем неприятель, тогда все приходит в расстройство и любой рати достаточно, чтобы разбить и уничтожить подобное воинство.

VIII. Таковы, сенаторы, рассуждения сабинян и эквов. Уверовав в них, они вторглись на нашу землю. Поэтому, если мы, возмущившись презрением, выдаваемым со стороны их, возгордившихся, в гневе проголосуем вывести воинские силы против них, я боюсь, как бы то, что они предположили, не случилось с нами — вернее, я знаю точно, что это произойдет. 2. Но если мы устроим главное и самое необходимое, то есть хороший порядок для народа и признание всеми, что их интересы одни и те же, изгнав из государства нынешнюю господствующую надменность и корыстолюбие и восстановив древний порядок управления, то оробеют те, кто ныне дерзок, и, выронив из рук оружие, вскоре придут к нам просить прощения²² за причиненный ущерб и для переговоров о мире; и в нашей власти будет то, что желают все, имеющие разум, а именно положить конец войне с ними без применения оружия. 3. Потому-то,

²¹ Греческий емкий термин «хора», употребляемый постоянно Дионисием, означает сельскую территорию полиса, где расположены земельные наделы и усадьбы граждан.

²² Слово неясно, сохранились только последние буквы в рукописях.

я полагаю, что в настоящее время нам надлежит, приняв это во внимание, отложить совещание по поводу войны, пока внутренние дела у нас находятся в беспорядке, и вместо этого позволить любому желающему высказываться по поводу согласия и государственного устройства. Ибо у нас не было возможности, пока к этому не привела война, решать на собрании, созванном данной властью, по поводу положения в государстве, не оказались ли некоторые из предпринятых мер неудовлетворительными. 4. Ибо был бы достоин серьезного порицания тот, кто в подобных обстоятельствах, упустив эту удобную возможность, решил бы говорить только о тех делах; и никто не мог бы определенно сказать, что, упусти мы этот случай как неподходящий, мы сможем найти другой, более благоприятный. Ведь если кто-либо желает судить о будущем по прошлому, то после этого пройдет много времени, в течение которого мы не соберемся для обсуждения каких-либо общественных дел.

IX. Я прошу вас, Аппий, руководителей государства, обязанных заботиться об общем благе всех, а не искать личную выгоду для самих себя, если я говорю нечто истинное с полной откровенностью, а не для вашего удовольствия, не становитесь враждебными ко мне из-за этого, учитывая, что я скажу эти слова не для брани и поношения вашей должности, но чтобы показать, в сколь сильной буре раскачиваются дела государства, и объяснить, что послужит их спасением и исправлением. 2. Ведь всем, пожалуй, кто²³ ... отечеству, необходимо говорить об общественных интересах, но больше всего мне. Прежде всего, поскольку мне было предложено, почета ради, начать изложение мнений: стыдно и весьма глупо, поднявшись первым, не рассказать о том, что следует исправить в первую очередь. Затем, раз уж мне выпало как дяде по отцу Аппия, главы децемвирата, и радоваться больше всех, когда они хорошо управляли общественными делами, и печалиться больше любого другого гражданина, когда не так хорошо. 3. Помимо этого, я унаследовал от предков такое политическое убеждение, чтобы предпочитать благо общества собственной пользе и не принимать во внимание никакой личной опасности, чему я добровольно не изменю и тем самым не обещаю доблесть тех мужей. 4. Итак, по поводу существующего государственного устройства, что оно у нас находится в худом состоянии и почти все недовольны им, пусть следующее станет для вас наивернейшим доказательством, единственным, кое вы не можете не знать: ежедневно из города бегут, оставив отеческие очаги, наиболее достойные из плебеев, одни вместе с женами и детьми переселяются в близлежащие города, другие в сельскую местность, лежащую как можно дальше от города. И даже из патрициев немногие сохраняют свое местопребывание в Риме, как раньше, но и из них большая часть проживает в сельской округе. 5. Да зачем нужно вести речь о других, когда даже из сенаторов лишь немногие, связанные с вами родством или дружбой, остаются в стенах города, остальные же рассматривают уединение предпочтительнее родины? По крайней мере, когда у вас

²³ Далее следует испорченное место.

возникла необходимость созвать сенат, они собрались только вызванные поодиночке из своих поместий — те, для кого установлено предками вкуче с магистратами охранять отечество и ничего не оставлять без внимания из общественных дел. 6. В самом деле, как вы полагаете, люди оставляют свое отечество — убегая от добра или от зла? Я, со своей стороны, считаю, что от зла. А также, как вы думаете, есть ли большее зло для государства, в частности для римского, которое нуждается в многочисленных собственных войнах, если оно намерено прочно удерживать господство над соседями, чем быть покинутым плебеями и оставленным патрициями, причем на него ни война не обрушилась, ни заразная болезнь, ни другое какое-нибудь несчастье, ниспосланное богами?

Х. Итак, желаете ли вы услышать, какие причины вынудили этих людей оставить храмы и гробницы предков, покинуть очаги и имущества отцов и считать любую землю более родной, нежели отечество? Ведь все это не бывает без причины. Что же, я доложу вам и ничего не утаю. 2. Множество порицаний выдвигается против вашей должности, Аппий, и со стороны многих. Правдивы ли они или ложны, я не собираюсь в данный миг никак разбирать, но они все-таки имеют место. Никто, как я сказал, за исключением ваших собственных друзей, не относится благожелательно к настоящему положению дел. Ведь люди благородные и происходящие от благородных, кому подобало быть жрецами и магистратами, а также пользоваться другими знаками почета, которыми обладали их отцы, недовольны тем, что вы лишили их этого и тем самым они утратили достоинство своих предков. 3. Те же, кто имеет в государстве средний разряд и спокойную жизнь в сторонке от общественной деятельности, обвиняют вас в несправедливом грабеже их имущества и жалуется на оскорбления своих законных супругов и пьяные бесчинства в отношении к дочерям-невестам, а также на многие другие тягостные обиды. 4. Беднейшая же часть плебеев, более не имея власти выбирать должностных лиц и голосовать, не созываемая на народные собрания и не участвуя ни в каком другом политическом поприще, вследствие всего этого ненавидит вас и называет вашу власть тиранией.

XI. Итак, как же вам исправить это положение и избежать обвинений со стороны сограждан? Об этом тоже остается поведать. Вы свершите это, если, издав предварительное постановление²⁴ сената, вернете народу право решать, желает ли он вновь избирать консулов, плебейских трибунов и других обычных должностных лиц или же сохранить теперешний способ правления. 2. Ведь если все римляне предпочтут быть под властью олигархии и проголосуют, чтобы вы остались в прежней должности, то вы будете занимать эту магистратуру согласно закону, а не силой; если же они пожелают опять назначать консулов и других магистратов, как в прежние времена, то вы сложите власть по закону и не будет казаться, что вы правите над равными против их воли: ведь последний способ — тиранический, а занимать магистратуры

²⁴ Употребляемый Дионисием термин *пробулеум* соответствует лат. *senatusconsultum* или *decretum*.

с общего согласия — аристократический. 3. И я полагаю, что прежде всего тебе следует стать зачинателем этой политической меры и таким образом положить конец установленной тобой, Аппий, олигархии, которая некогда была для нас полезной, а ныне горестна. Выслушай же, какую выгоду ты обретишь, последовав моему совету и упразднив эту ненавистную власть. 4. Ведь если вся ваша коллегия придет к такому же решению, то все подумают, что именно благодаря тебе, показавшему почин, и остальные децемвиры стали добродетельными. Если же они останутся привязаны к незаконному господству, то все тем более будут благодарны тебе, поскольку ты один восхотел осуществить справедливость, а тех, кто не желает, заставят отказаться от должности с позором и огромным уроном. 5. Если же вы заключили какие-либо соглашения и дали друг другу тайные обеты, призвав в поручители богов, — возможно ведь, что вы совершили и нечто подобное, — считай, что соблюдение их является нечестивым, поскольку они направлены против сограждан и отечества, а нарушение — благочестиво. Боги ведь любят, чтобы их привлекали к достойным и справедливым договорам, а не к постыдным и неправедным.

XII. Однако если ты не решаешься сложить свою власть из-за страха перед врагами, как бы они не вовлекли тебя в какие-нибудь опасности и не принудили дать отчет в содеянном, то ты тревожиться необоснованно. Ибо не столь подлым и неблагодарным будет римский народ, чтобы помнить твои проступки и забыть твои благодеяния, но, сравнивая теперешние заслуги со старыми прегрешениями, последние он станет считать заслуживающими снисхождения, первые же — похвал. 2. У тебя так же будет возможность и напомнить народу о многих прекрасных деяниях, совершенных до установления олигархии, и потребовать в ответ благодарности за это как средство защиты и спасения, а также найти много оправданий на обвинения: например, что не сам совершил поступок, но кто-то другой без твоего ведома; или же что ты не имел возможности воспрепятствовать действиям другого, ибо тот располагал одинаковой с тобой властью; либо же что ты был вынужден стерпеть что-либо против воли ради другого какого-нибудь полезного дела. 3. Впрочем, речь затянута бы, вздумай я перечислять все оправдания. И даже те, кто не имеет никаких оправданий, ни достойных, ни подходящих, все же, признавая вину и умоляя о прощении, смягчают гнев обиженных ими — ссылаясь одни на безрассудство юности, другие на знакомство с дурными людьми, иные на величину своей власти, а все остальные на судьбу, путающую все расчеты людей. 4. Я обещаю тебе, что после сложения полномочий все ваши прегрешения будут прощены и ты примиришься с народом на условиях, соответствующих твоим дурным обстоятельствам.

XIII. Но я боюсь, что все же не опасность является истинным предлогом для отказа сложить власть, по крайней мере, — весьма многим отказавшимся от тирании не пришлось испытать никакого вреда со стороны сограждан, — но что истинными причинами являются пустое честолюбие, которое стремится к подобию добродетели, и желание пагубных наслаждений, которые приносит жизнь тиранов. 2. Однако если

ты желаешь не гнаться за тщетными призраками и тенями почестей и удовольствий, а пользоваться подлинной славой, тогда возврати аристократическое правление отчизне и получай награды от равных себе, удостойся похвалы от последующих поколений и в обмен на бренное тело оставь по себе потомкам бессмертную славу. Ведь именно эти почести являются прочными и истинными, которые не покинут тебя, и самыми приятными, которые не причинят раскаяния. 3. Напитай свою душу, получая удовольствие от благодеяний отечеству, среди которых немалая доля будет считаться твоей, когда избавишь его от тягостного гнета. Возьми за образец этого своих предков, памятуя, что никто из тех мужей не стремился к деспотической власти и не становился рабом постыдных телесных наслаждений. Поэтому и при жизни им доставались почести, и после смерти последующие поколения воздавали им хвалу. 4. Ведь все, несомненно, подтверждают, что они оказались самыми стойкими стражами аристократического правления, которое установило наше государство после изгнания царей. И никоим образом не забывай свои собственные наиболее блистательные слова и деяния. Ведь твои первоначальные устои политической деятельности были благородны и вселили в нас великую надежду на твою доблесть. Все мы просим тебя действовать согласно им и впредь. 5. Вернись, наконец, опять к своей собственной природе, сын Аппий, и в своем выборе политического устройства встань на сторону не тирании, но аристократии, избегай тех, кто жаждет удовольствия, из-за кого ты оставил честный образ жизни и сбился с прямого пути. Ибо нельзя полагать, что с помощью тех, из-за кого кто-либо из хорошего обратился в плохого, он вновь из дурного делается достойным.

XIV. Это я нередко пытался внушить тебе, поговорив с глазу на глаз, отчасти для того, чтобы научить незнающего, а частично, дабы образумить ошибающегося. И я не раз приходил в дом твой, но твои слуги не пускали меня, говоря, что ты не имеешь свободного времени для частных дел, но занимаешься чем-то другим, более важным, если, конечно, что-либо являлось для тебя более неотложным, нежели уважение к своему роду. 2. Возможно, не по твоему приказу, но по своему собственному разумению слуги преграждали мне вход, и мне хотелось бы, чтобы это было правдой. Обстоятельства, однако, вынуждают меня говорить тебе в сенате то, что хотел, раз уж не удалось с глазу на глаз. Ибо, Аппий, обсуждать достойное и полезное удобно везде, а лучше на людях, чем нигде. 3. Итак, воздав тебе то, что причитается нашему роду, я призываю в свидетели богов, чьи храмы и алтари общими жертвами почитаем мы, наследники рода Аппия, и Маны предков²⁵, которым мы сообщаем воздаем почести и благодарствия после богов, но более всех них — землю, которая владеет твоим отцом, а моим братом, что я вручил тебе свою душу и голос с наилучшими советами. Исправляя твои ошибки по мере моих сил, я прошу тебя не лечить плохое плохим, и стремись к слишком многому, не потерять даже то, что есть, а также не оказаться

²⁵ У Дионисия «демоны».

под властью низших и худших, ради того чтобы править равными и лучшими. 4. Я хотел бы поведать тебе еще много и о многом, но не решаюсь. Ведь, если бог ведет тебя к лучшим решениям, то и сказанного более чем достаточно, если же к худшим, то и остальное я расточу впустую. Итак, вы имеете, о сенат и вы, руководители государства, мое мнение и об окончании войны, и об исправлении беспорядков в государстве. Если же кто-либо скажет другое, лучшее этого, пусть лучшее одержит верх».

XV. После того как Клавдий высказал это и внушил сенату большую надежду, что децемвиры сложат власть, Аппий не посчитал необходимым что-либо возразить. Но выступил из остальных олигархов Марк Корнелий и сказал: «Мы, Клавдий, будем сами решать по поводу собственных наших выгод, не нуждаясь ни в каком твоём совете. Ведь мы находимся в возрасте, наилучшем для здравых рассуждений, так что мы не невежды ни в чем из того, что важно для нас, и не испытываем недостаток в друзьях, к кому, если что-нибудь потребуется, мы обратимся за советом. 2. Прекрати же заниматься бесполезным делом, старец, и расточать свои мнения тем, кто не нуждается в подсказках. Что до Аппия, то если ты желаешь что-либо посоветовать ему или побранить (что точнее), побрани, когда ты покинешь здание сената! Теперь же говори, что ты думаешь о войне с эквами и сабинянами, по поводу которой ты вызван поведать свою точку зрения, и прекрати нести вздор о вещах, которые выходят за пределы предмета обсуждения». 3. После него вновь поднялся Клавдий, печальный и с глазами, полными слез, и молвил: «Аппий не считает меня, своего дядю, достойным даже ответа, сенаторы, в вашем присутствии, но, как он запер перед мною свой частный дом, так и это вот здание Сената он делает, насколько это в его силах, недоступным. Если же должно сказать правду, то и из города меня изгоняют. 4. Ведь я более не в состоянии прямо посмотреть на него, ибо он стал недостойным своих предков и подражает беззаконию тиранов. Поэтому я, собрав все свои пожитки и домочадцев, ухожу к сабинянам, чтобы поселиться в городе Регилл²⁶, из коего происходит наш род, и останусь там все оставшееся время, пока эти децемвиры обладают такой почетной должностью. Когда же, как я предсказываю, обстоятельства обернутся против децемвирата (а это вскоре случится), тогда я возвращусь. 5. Впрочем, довольно обо мне. Относительно же войны я высказываю вам, сенаторы, следующее мнение: ничего не голосуйте о каких бы то ни было делах, пока не будут назначены новые магистраты». Сказав это и снискав большое одобрение в сенате за благородство и свободолюбие своих взглядов, он сел. Вслед за ним поднялись Луций Квинций, по прозвищу Цинциннат, Тит Квинций Капитолин, Луций Лукреций и один за другим все первые лица в сенате²⁷ и присоединились к мнению Клавдия.

²⁶ См.: *Ливий*. III. 58. 1.

²⁷ В рукописях дано: «...все десять первенствующих мужей», возможно, из-за путаницы с децемвирами.

XVI. Приведенные этим в смущение, Аппий со своими коллегами²⁸ решили вызывать сенаторов в соответствии уже не с возрастом и положением в сенате²⁹, но исходя из дружбы и преданности себе. И Марк Корнелий, выступив вперед, поднимает своего брата Луция Корнелия, который был коллегой по консульству Квинта Фабия Вибулана в его третий консульский срок, человека предприимчивого и не без способностей в произнесении политических речей. Он встал и сказал следующее: 2. «Было удивительно, сенаторы, и то, что люди, находящиеся в таком возрасте, как те, что высказали свое мнение до меня, и претендующие на первенство в сенате, в силу политической неприязни полагают необходимым поддерживать непримиримую вражду к руководителям государства, хотя им следовало убеждать молодежь участвовать из высших интересов в соревновании с благими усилиями и рассматривать не как врагов, но как друзей, своих соперников в борьбе за общественное процветание. 3. Но еще гораздо более удивительно, что они переносят свою личную ненависть на общественные дела государства и предпочитают скорее погибнуть вместе со своими врагами, нежели спастись со всеми друзьями. Ведь переизбыток глупости и сродни помешательству то, что сотворили председатели нашего сената. 4. Ибо они раздражены тем, что, когда они домогались должности децемвиров, которую они же нынче охаивают, их победили на выборах те, кто оказался более достойным. Поэтому они постоянно ведут против децемвиров непримиримую войну и дошли до такой дурости или, скорее, сумасшествия, что они, лишь бы тех оклеветать перед вами, готовы погубить целое отечество. 5. Видя опустошение врагами наших полей и нив³⁰, видя, что еще немного и враги подступят к самому городу (ведь расстояние между нами невелико), они вместо того чтобы побуждать и поощрять молодежь на бой за отчизну и самим со всем пылом и рвением поспешать на подмогу, конечно, насколько еще имеется сил в людях такого почетного возраста, теперь призывают вас разглагольствовать о государственном устройстве, назначать новых магистратов и делать все прочее, лишь бы не то, что будет во вред врагам. И они даже не могут понять того самого, что они предлагают неуместные суждения, вернее, излагают невыполнимые желания.

XVII. Примите во внимание и вот такое обстоятельство: ну, состоится предва- рительное постановление сената о выборах магистратов, затем децемвиры вынесут это решение на рассмотрение народа, назначив третий рыночный день после этого дня. Ведь как что-то из решений народа способно стать действительно имеющим законную силу, если это произойдет не по закону? Далее, после того как

²⁸ Для гл. 16–18 см.: *Lucius*. III. 40. 8–14.

²⁹ Текст неясен, следует ли читать «в соответствии с положением в сенате» или «в соответствии с способностью давать совет». Слово *βουλῆς* отвергается рядом издателей как интерполяция.

³⁰ Под термином «хора» Дионисий понимает в соответствии с греческими реалиями сельскую округу города-полиса.

трибы³¹ подадут голоса, тогда только новые должностные лица примут власть над государством и предложат вам обсудить вопрос о войне. 2. А если в течение этого достаточно длительного времени до выборов враги подойдут к нашему городу и подступят к стенам, что мы будем делать, а, Клавдий? Мы им заявим, клянусь Зевсом: "Подождите, пока мы назначим других магистратов. Ведь Клавдий уговорил нас не принимать никакого постановления по любому другому вопросу, не вносить его в народное собрание, не набирать воинские силы, пока мы не устроим дела касательно магистратов так, как нам угодно. 3. Поэтому удалитесь, и, когда услышите, что консулы и прочие должностные лица назначены в государстве и все у нас подготовлено к сражению, тогда уж приходите для переговоров о мире, так как вредить нам вы начали, ничего не претерпев ранее с нашей стороны. И какой бы ущерб вы не причинили нам во время набегов в том, что касается имущества, отдайте все полностью по справедливости. 4. Но гибель земледельцев мы не поставим вам в счет, а также насилие и пьяное бесчинство вояк в отношении каких-нибудь свободных женщин, равно как и любое иное ужасное преступление". И в ответ на это наше предложение они проявят умеренность и позволят государству избрать новых магистратов и сделать приготовления к войне, а затем уж придут, неся оливковые ветви вместо оружия, и предадут сами себя нам в руки!

XVIII. О сколь велика глупость тех, кому на ум приходит нести этот вздор, огромно и наше тупоумие, если во время таких разглагольствований, мы не негодуем, но терпеливо выслушиваем, словно мы совещаемся в интересах врагов, а не своих собственных и отечества! 2. Не отбросим в сторону пустую болтовню? Не проголосуем как можно скорее за помощь разоряемым сельским имениям? Не вооружим весь цвет молодежи государства? Не отправимся в поход против вражеских городов? Или же, сидя дома, браня децемвиров, учреждая новые магистратуры и рассуждая о политическом устройстве, словно в мирное время, позволим, чтобы все в сельской округе очутилось у врагов, а в конечном счете подвергнемся опасности порабощения и разрушения города, позволив войне подступить к самим стенам? 3. Такие решения исходят не от здравых людей, о отцы-сенаторы, или от политического благоразумия, которое считает общественное благо важнее личной вражды, но от неуместного спора, неблагоразумной злобы и бесноватой зависти, которая не дает здраво мыслить тем, кто находится в ее власти. Избавьтесь же от тяги к препирательствам этих людей! А вот за какие решения, спасительные для государства, выгодные вам самим и грозные для врагов, следует проголосовать, я попытаюсь изложить. 4. Тотчас утвердите решение о войне против эквов и сабинян и наберите войско с наибольшим усердием и поспешностью, чтобы выступить против тех и других. Когда же дела, связанные с войной, завершатся для нас наилучшим образом

³¹ Анахронизм Дионисия. В период Ранней республики выборами магистратов и объявлением войны ведали центуриатные комиции.

и войска после заключения мира вернутся в город, тогда и рассматривайте вопрос о государственном устройстве и требуйте отчета у децемвиров за все, что случилось при их правлении, и голосуйте за новых магистратов, и устраняйте судебные процессы, и награждайте достойных обеими этими должностями, когда они окажутся в ваших руках, памятуя о том, что не обстоятельства подчинены действиям, а действия — обстоятельствам».

5. Когда Корнелий изложил свое мнение, все поднимавшиеся вслед за ним, за исключением немногих, поддержали его предложение, одни — полагая, что эти меры являются необходимыми и соответствующие настоящему положению дел, другие — покоряясь и прислуживая децемвирам из страха перед их магистратурой. Ведь немалая часть сенаторов в той или иной степени трепетала перед их властью.

XIX. Когда большинство высказало свое мнение и приверженцев объявления войны оказалось гораздо больше остальных, тогда в числе последних вызвали Луция Валерия. Он, как я говорил, с самого начала хотел сказать что-то, но децемвиры помешали ему. Поднявшись, он произнес следующую речь: 2. «Вы видите, отцы-сенаторы, коварство децемвиров, которые вначале не позволили мне высказать перед вами то, что я намеревался, а теперь предоставили слово в последнюю очередь, рассудив, вероятно, что если я присоединюсь к мнению Клавдия, то я ничем не помогу общественному благу, ибо мало кто согласился с ним; с другой же стороны, если я объявлю мнение, противоположное высказанному ими, то какой бы прекрасный совет я ни подал, он окажется переливанием из пустого в порожнее. 3. Ведь легко пересчитать тех, кто поднимется после меня, и даже если все они согласятся со мной, чем это поможет мне, если у меня не будет и малейшей толики тех кто согласился с Корнелием? Все же, подозревая это, я не премину высказать свое собственное суждение. Ибо, лишь когда вы услышите всех, в вашей воле будет выбрать наилучшее решение. 4. Итак, о децемвирате — каким способом он заботится об общественном благе — считайте, что и мною сказано то, что поведал превосходнейший Клавдий, и что следует назначить новых магистратов, прежде чем выносить решение о войне, ведь и это было блестяще изложено Клавдием. 5. Но, поскольку Корнелий попытался отклонить это мнение как невозможное, заявляя, что потребуются длительный промежуток времени для политического обустройства, когда под рукой война, и принялся высмеивать дела, не заслуживающие осмеяния, чем совратил и увлек за собой многих из вас, то я докажу вам и то, что точка зрения Клавдия не является невозможной. Кстати, что она бесполезна, никто даже из тех, кто поносил ее, не отважился заявить. И я покажу вам, как можно обезопасить нашу землю и как посмеявшиеся нанести ей урон сами понесут наказание, как нам вернуть старинный аристократический строй и как все это может произойти одновременно при содействии всех граждан и без противодействия с чьей либо стороны. Я изложу это вам без каких-либо премудростей, но приводя в качестве доказательства деяния, свершенные вами самими. Ведь где опыт учит пользе, что за нужда там в догадках?»

XX. Вспомните, что войска тех же самых народов, что и сейчас, уже вторгались: одни в нашу землю, другие в земли наших союзников, оба в одно и то же время, когда консулами были Гай Навций и Луций Минуций, я думаю, это было где-то около восьми или девяти лет назад³². 2. Когда из-за этого вы послали против обоих народов многочисленную и доблестную молодежь, то одному из консулов, вынужденному разбить лагерь в неудобной местности, не удалось ничего совершить. Напротив, он был осажден в лагере и подвергался опасности быть захваченным из-за недостатка продовольствия. Навцию же, расположившемуся лагерем против сабинян, пришлось непрерывно сражаться с ними же, и он даже не мог прийти на помощь согражданам, попавшим в беду. И не было сомнения, что если войско против эквов будет уничтожено, то и другое, воевавшее с сабинянами, не сумеет выстоять, когда оба противника соединятся. 3. Когда государство окружили столь великие бедствия и даже внутри стен не было согласия, какое же спасение вы нашли, причем именно то, что, по общему признанию, принесло пользу всем делам и выправило государство, которое несло к бесславному крушению? Собравшись около полуночи в здании сената, вы назначили единственное должностное лицо с полной властью в вопросах войны и мира, прекратив полномочия всех остальных должностных лиц, и до начала дня был провозглашен диктатором блистательный Луций Квинций³³, хотя он был тогда даже не в городе, а в поле. 4. Без сомнения, вы помните деяния, совершенные затем этим человеком, — что он снарядил боеспособные войска, спас лагерь, находившийся в опасности, наказал врагов и поманил их военачальника. И как исполнив все это лишь за четырнадцать дней и исправив то, что еще было испорчено в государстве, он сложил фасции. Так что ничто не стало препятствием, когда захотели за один день создать новую магистратуру. 5. Именно этому примеру, я полагаю, нам нужно последовать, поскольку ничего другого мы не в состоянии сделать, и избрать диктатора, прежде чем разойтись отсюда. Ведь, если мы упустим этот случай, никогда уже децемвиры не соберут нас для обсуждения чего-либо. А чтобы провозглашение диктатора также произошло в соответствии с законами, следует избрать междуцаря³⁴, выбрав наиболее подходящего из граждан. Так поступать — обычное дело для вас, когда вы не имеете ни царей, ни консулов и никаких других законных магистратов, подобно тому как не имеете и сейчас. Ведь срок правления этих мужей окончен, и закон отобрал у них фасции. 6. Таковым является то, что я советую вам сделать, отцы-сенаторы, оно и полезно, и осуществимо. А вот мнение, предложенное Корнелием, по общему признанию является уничтожением вашей аристократии. Ибо если однажды децемвиры возьмут оружие под этим вот предлогом войны, боюсь, как бы

³² Это было девять лет ранее (в 458 г. до н.э. = 456 г. до н.э. по хронологии Дионисия). См. кн. X. 22 и след.

³³ Имеется в виду Луций Квинций Цинциннат.

³⁴ Т.е. интеррекса.

они не воспользовались им против нас. Ведь если они не желают сложить фасции, разве они сложат оружие? Взвесив все это, остерегайтесь этих людей и предусмотрите все их хитрости. Ведь лучше предвидение, чем раскаяние, и благоразумнее не доверять дурным людям, чем упрекать себя за прежнее доверие».

XXI. Это мнение, представленное Валерием³⁵, понравилось большинству сенаторов, как нетрудно было догадаться по их возгласам, и поднимавшиеся после него (осталась та часть сената, что была младшего возраста) считали, исключая немногих, что оно является наилучшим. Когда все высказали свое мнение и обсуждение должно было окончиться, Валерий попросил децемвиров определить итог по мнениям, вызвав вновь с самого начала всех сенаторов, и это предложение показалось убедительным многим из них, желавшим изменить предыдущее решение. 2. Но Корнелий, который предлагал вручить командование в войне децемвирам, стал упорно сопротивляться, заявляя, что дело уже решено и получило законное завершение, ибо все подали свои голоса, и требовал подсчитать мнения и никаких новшеств уже не затевать. 3. Каждый высказывал это посреди жарких споров и криков, и сенат разделился на две части, причем одна, пожелавшая исправить беспорядок в управлении государством, помогала Валерию, а другая, избрав худшее и предлагая, что им грозит какая-то опасность от перемен, поддерживала Корнелия. Децемвиры же, вследствие смуты в сенате получив возможность поступать так, как угодно им, присоединились к мнению Корнелия. 4. И один из них, Аппий, выступил вперед и сказал: «Мы созвали вас, о сенат, чтобы принять решение по поводу войны с эквами и сабинянами и предоставили слово всем желающим, вызывая каждого от первых лиц до самых младших в надлежащем порядке. Трое представили различные мнения — Клавдий, Корнелий и напоследок Валерий, остальные же из вас определились относительно них и каждый, выйдя, объявил во всеулышание, чье мнение он поддерживает. 5. Итак, все было совершено по закону, а поскольку большинство из вас решило, что наилучшее посоветовал Корнелий, его мы и объявили победителем и, записав, обнародуем предложенное им мнение. Валерий же и те, кто примкнул к нему, когда они сами получают консульскую власть, пусть заново рассмотрят уже завершенные дела, если им угодно, и объявят принятые всеми вами решения недействительными». 6. Сказав это и приказав государственному писцу зачитать предварительное постановление, в котором предписывалось возложить на децемвиров набор войска и командование в войне, Аппий распустил собрание.

XXII. После этого члены олигархического содружества расхаживали гордые и дерзкие, словно одержав победу над противниками и добившись того, что их господство уже не будет низвержено, поскольку они разом получили распоряжение над оружием и войском. 2. Те же, кто помышлял об общественном благе, погрузились в печаль и страх, что никогда, мол, они уже не будут распоряжаться государственными делами.

³⁵ См.: *Ливий*. III. 41. 1–6.

Они разделились на множество групп: менее благородные из них по духу посчитали необходимым во всем покориться победителям и присоединиться к сторонникам олигархов, не столь робкие оставили заботу о государстве в обмен на праздную жизнь. Те же, кто был самого благородного нрава, снаряжали собственные отряды и сплачивались для взаимной охраны и для изменения политического устройства. 3. Вождями этих группировок были те, кто первыми отважились в сенате высказаться за уничтожение децемвирата, — Луций Валерий и Марк Гораций: они окружили свои дома вооруженными людьми и держали вокруг себя усиленную стражу из рабов и клиентов, чтобы не пострадать ни от насилия, ни от коварства. 4. Те же, кто не желал ни прислуживать власти победителей, ни пренебрегать общественными делами, и даже не считал достойным прозябать в праздном спокойствии, а силой бороться с властью им казалось бессмысленным (ведь было непросто низвергнуть столь мощное господство), те покинули город. Во главе их был известнейший человек — дядя Аппия, руководителя децемвирата, Гай Клавдий, который выполнил обещание, данное им в сенате племяннику, когда требовал от него сложить власть, но не сумел уговорить. 5. Его сопровождала огромная толпа друзей и не меньшее количество клиентов. Вслед за ним покинули отечество и многие другие граждане, уже не тайно и небольшими группами, но открыто и все вместе, забрав с собой детей и жен. Аппий вместе со своим окружением, недовольные происходящим, попытались было воспрепятствовать этому, закрыв ворота и схватив некоторых людей. Но затем, так как ими овладел страх, как бы люди, встретив препятствие, не обратились к защите, и правильно полагая самым лучшим для самих себя, чтобы враги очутились подальше от них, а не причиняли беспокойство, оставаясь на месте, они отворили ворота и позволили желающим удалиться. Жилища же их, земельные наделы и все прочее, что те оставили, будучи не в состоянии унести с собой в изгнание, децемвиры отобрали на словах в казну, обвинив владельцев в уклонении от военной службы, на деле же одарили ими собственных друзей, заявляя, что те якобы приобрели это у казны. 6. Эти обиды, добавленные к прежним, настроили гораздо враждебнее к децемвирату и патрициев, и плебеев. Конечно, если бы децемвиры не прибавили еще новых преступлений к тому, о чем уже сказано, я полагаю, они пребывали бы в своей должности еще долгое время. Ведь распря, поддерживавшая их господство, еще оставалась в городе, умножаясь по многим причинам и в течение длительного времени, благодаря чему обе стороны радовались бедам друг друга. 7. Так, плебеи видели, что высокомерие патрициев унижено, а сенат уже не распоряжается никакими общественными делами, патриции же — что плебс лишен свободы и не имеет ни малейшей силы, после того как децемвиры отняли у него должность плебейских трибунов. Но, относясь к обеим сторонам с огромным высокомерием, не соблюдая умеренности в войске и не проявляя здравомыслия в городе, децемвиры вынудили их всех прийти к согласию и упразднить децемвират, раз уж оружие по причине войны оказалось в их руках. 8. Последние преступления децемвиров, в результате которых они были

свергнуты плебсом (ведь именно его они более всего ожесточили своими оскорблениями), таковы.

XXIII. После того как они утвердили постановление о войне³⁶, децемвиры быстро набрали войска и разделили силы на три части. Два легиона³⁷ оставили в городе для охраны того, что внутри стен; возглавили эти два легиона Аппий Клавдий, глава олигархии, и вместе с ними Спурий Опций. Три же вывели против сабинян Квинт Фабий, Квинт Петелий и Маний Рабулей. 2. Взяв оставшиеся пять легионов, Марк Корнелий, Луций Минуций, Марк Сергий, Тит Антоний и, наконец, Цезон Дуилий выступили в поход против эквов; вместе с ними отправилось вспомогательное войско из латинов и других союзников, численностью не уступавшее римским силам. Но ничто не удавалось им в соответствии с замыслами, несмотря на то что они возглавляли столь большое войско и из граждан, и из союзников. 3. Дело в том, что противники, презирая их, поскольку воины были новобранцами, разбили лагерь неподалеку и отнимали подвозимые съестные припасы, устраивая засады на дорогах, и нападали на них, когда они выходили за фуражом, и когда бы конница не сходилась в сражении с конницей, пехота с пехотой и фаланга против фаланги, повсюду победителями уходили сабиняне, так как немало римлян намеренно уступало в схватках, не подчинялось командирам и не желало вступать в бой с врагами. 4. Поэтому те, кто сражался против сабинян, образумившись среди меньших бедствий, решили по собственной воле оставить укрепления. Поднявшись около полуночи, они увели войско из вражеской земли в свою собственную, сделав отступление из лагеря подобным бегству, пока не прибыли в город Крустумерий, расположенный недалеко от Рима. Те же, кто разбил лагерь у Альгида в земле эквов, хотя и сами получали много ударов от врагов, все-таки полагали возможным остаться среди опасностей, чтобы возместить потери, но претерпели весьма большие несчастья. 5. Ибо неприятель, предприняв натиск и сбросив с укреплений их защитников, овладел валом. Захватив лагерь, некоторых эквы убили в сражении, но больше уничтожили во время преследования. Спасшиеся бегством, в большинстве своем раненые и без оружия, добрались до города Тускул; но их палатки, тягловый скот, деньги, рабов, и все другое военное снаряжение разграбили враги. 6. Когда весть об этом достигла римлян, все — и кто был врагом олигархии, и кто доселе скрывал свою ненависть, — тогда проявили себя, радуясь неудачам полководцев; и теперь Горация и Валерия, которые, как я сказал, были вождями аристократических группировок, окружала большая толпа.

XXIV. Аппий со товарищи доставляли своим коллегам в лагере оружие, деньги, зерно и все остальное, что требовалось, нагло забирая и общественное, и частное имущество, а для возмещения потерь записали в войско из всех триб тех, кто был

³⁶ См. для глав 23–24: *Ливий*. III. 41. 7–42. 7.

³⁷ Под термином *túcca* обычно понимается римский легион, но для периода Ранней республики это словоупотребление представляет экстраполяцию более позднего понятия на центуриатный строй.

способен носить оружие, и отправили их, чтобы пополнить центурии. И городские дела они держали под надежным присмотром, заняв караулами наиболее важные пункты, чтобы сторонники Валерия не устроили скрытно от них мятеж. 2. Они также втайне поручили своим коллегам в войске уничтожить их противников: знатных скрытно, а людей низшего положения даже явно, постоянно используя какие-нибудь предлоги, чтобы их смерть казалась оправданной. Так оно и происходило: ведь одних, отправленных командующими за фуражом, других сопровождать доставку продовольствия, третьих исполнять какие-либо иные военные обязанности, как только они оказывались за пределами лагеря, нигде больше не видели. 3. Воины самого низкого звания, обвиненные в том, что они первыми обратились в бегство или выдали секреты противнику, либо покинули свое место в строю были умерщвлены публично для устрашения остальных. Таким образом, воины гибли по двум причинам: приверженцы олигархии погибали в схватках с неприятелем, а сторонников аристократического правления убивали по приказу военачальников.

XXV. Множество подобных злодеяний было совершено Аппием и его коллегой в городе³⁸. В итоге, хотя гибель весьма многих прочих граждан имела мало значения для простонародья, но жестокая и нечестивая смерть одного достойнейшего мужа из плебеев, явившего множество доблестей в ратных трудах, случившаяся в одном из двух лагерей, а именно в том, где было трое военачальников, склонила там всех к бунту. 2. Убит был Сикций³⁹, который участвовал в ста двадцати сражениях и во всех был отмечен наградами. Я говорил, что он, уже освобожденный от воинской службы по возрасту, добровольно принял участие в войне с эквами во главе когорты численностью в восемьсот воинов, уже отбывших законный срок службы и преданных ему. Посланный с ними по приказу одного из консулов против лагеря противника на явную гибель, как все полагали, он завладел укреплением и обеспечил консулам полную победу. 3. Вот сего-то человека, произносившего в городе множество речей против военачальников, мол, что они малодушны и несведущи в военном искусстве, Аппий и его коллега поспешили устранить. Они пригласили его на дружескую беседу, предложили порассуждать вместе с ними о делах в лагере и просили подсказать, каким образом можно исправить просчеты полководцев, а в конце концов уговорили его отправиться в лагерь под Крустумерием в чине легата. Должность легата является наиболее священной и почетной из всех у римлян, ведь она имеет не только силу и власть магистрата, но и неприкосновенность и почет жреца. 4. Когда Сикций прибыл, военачальники там радушно встретили его и предложили остаться, чтобы вместе командовать, и даже какие-то дары ему либо сразу подносили, либо посулили.

³⁸ О гл. 25–27 см.: *Ливий*. III. 43.

³⁹ Имеется в виду Луций Сикций Дентат, легендарный герой плебса, прозванный «римским Ахиллесом», воплотивший в себе мужество и самоотверженность плебеев. См.: *Дионисий*. X. 36 и след.; 43 и след. Ср.: *Геллий*. Аттические ночи. II. 11. 1.

Он был обманут подлыми людьми и не заметил в силу коварства речей, что все происходило со злым умыслом, будучи человеком военным и безыскусным по праву. Он дал им разные советы, которые ему казались полезными, и прежде всего он порекомендовал передвинуть лагерь со своей собственной земли на вражескую, подробно исчисляя ущерб, который они тогда несли, и взвешивая выгоды, которые они могут получить от перемещения лагеря.

XXVI. Полководцы же, заявив, что они охотно принимают его советы, предложили: «Так почему бы тебе самому не возглавить перенос лагеря, предварительно разведав подходящее место? Ты достаточно знаком с окрестностями после столь многих походов, а мы дадим тебе центурию⁴⁰ из отборных юношей, снабженную легким вооружением, ты же, в силу своего возраста, получишь лошадь и оружие, подходящие для этого». 2. После того как Сикций согласился и попросил сотню отборных легковооруженных воинов, не теряя времени, они отправили его, хотя еще была ночь. Вместе с ним они послали сто человек из числа своих собственных друзей, выбрав наиболее решительных, которым приказали убить Сикция, пообещав огромное вознаграждение за душегубство. Когда они далеко отошли от лагеря и углубились в холмистую местность с узким проходом, где лошади трудно было двигаться, кроме как подниматься шагом, вследствие неровности поверхности холмов, то, подав друг другу знак, они сомкнули строй, чтобы всем вместе гурьбой навалиться на него. Но слуга Сикция, бывший у него щитоносцем, отменный в военных делах, догадался об их намерении и предупредил хозяина. 3. Сикций же, обнаружив, что заперт в неудобной теснине, где он не мог пустить лошадь во весь опор, спешился и, прижавшись к скале, чтобы не быть окруженным врагами, с одним только щитоносцем поджидал нападавших. Когда они всем скопом одновременно устремились на него, он уложил около пятнадцати человек, а ранил даже вдвое больше. И казалось, что в схватке он мог бы убить и всех остальных, если они сойдутся врукопашную. 4. Но они, сообразив, что он совершенно непобедим и им не одолеть его в ближнем бою, отказались от рукопашной. Отступив подальше, они засыпали его дротиками, камнями и палицами а некоторые из них, вскарабкавшись на холм сбоку и оказавшись над его головой, стали скатывать сверху огромные валуны до тех пор, пока он не погиб из-за тучи метательного оружия спереди и тяжести камней, валившихся сверху. Такой вот конец был уготован Сикцию.

XXVII. Те, кто учинил это кровопролитие, вернулись в лагерь, неся раненых, и распространили слух, будто отряд врагов, появившийся перед ними, убил Сикция и остальных воинов, которые первыми с ними столкнулись, они же, получив множество ран, с трудом ускользнули от неприятеля. И всем показалось, что они говорят правду. И все же их злодеяние не осталось втайне, но, хотя убийство произошло в пустынной местности и без свидетелей, все же благодаря самой судьбе и той спра-

⁴⁰ Греческий термин «лох» обычно у Дионисия означал центурию.

ведливости, что надзирает над всеми деяниями смертных, они были изблечены неоспоримыми доказательствами. 2. Поскольку воины в лагере считали его достойным погребения на общественный счет и особой почести по сравнению с остальными людьми, — по многим разным причинам, но больше всего потому, что он, будучи пожилым человеком и освобожденный в силу возраста от военных баталлий, добровольно подверг себя опасности ради общественного блага, то они проголосовали выделенным из трех легионов⁴¹ воинам выступить на поиски его тела, чтобы привезти его в лагерь в полной сохранности и с почетом. Командующие согласились из опасения вызвать к себе какое-нибудь подозрение в злоумышлении по поводу этого дела, если будут препятствовать благородному и подобающему деянию, после чего воины, взяв оружие, вышли из лагеря. 3. Прибыв на место, они не увидели ни лесных чащ, ни ущелий, ни другого участка, где обычно устраивают засады, но только голый и открытый со всех сторон утес с узкой дорогой. Поэтому ими тотчас овладело подозрение по поводу того, что случилось. Затем, подойдя к трупам и увидев самого Сикция и всех остальных, разбросанных вокруг, но не ограбленных, они были удивлены, тем, что враги, одолев противника, ни оружия не забрали, ни одежду не сняли. 4. Обыскав все вокруг и не обнаружив никаких следов лошадей или людей кроме тех, что были на дороге, они сочли невозможным делом, чтобы враги появились незаметно для их товарищей, словно у них были крылья или они упали с неба. Но сверх всего этого и остального наибольшим доказательством для них того, что Сикций был убит не врагами, но друзьями, явилось отсутствие трупов неприятелей. 5. Ведь они не могли допустить, чтобы Сикций погиб без борьбы — человек, неодолимый телом и духом, и даже его щитоносец или остальные, павшие вместе с ним, в особенности, поскольку схватка перешла врукопашную. Это они заключили по виду ранений. Ибо сам Сикций имел множество ран частично от камней, частично от дротиков, а частично от мечей, как и его щитоносец, в то время как все остальные имели раны от мечей, и ни один от метательного оружия. От этого всех охватило негодование, раздались стенания и бурные рыдания. оплавав несчастье, воины подняли тело и принесли его в лагерь, громогласно обвиняя полководцев, и больше всего они желали казнить убийц по военному закону, если же нет, то назначить им немедленно гражданский суд: и много было желающих выступить их обвинителями. 7. Когда же полководцы совершенно не стали прислушиваться к ним, но даже спрятали убийц и отложили судебное разбирательство, заявив, что те в Риме дадут отчет всем желающим обвинить их, то воины, поняв, что козни исходили от командующих, погребли Сикция, организовав великолепное шествие и соорудив огромный погребальный костер, куда каждый приносил жертвы в соответствии со своими возможностями от всего того, что по закону приносят в качестве последней почести для доблестных людей. К децемвирату же все прониклись отчуждением и имели намерение взбунтоваться.

⁴¹ У Ливия для этих целей была выделена одна когорта. См.: *Ливий*. III. 43. 6.

Итак, войско у Крустумерия и Фиден из-за гибели легата Сикция было враждебно тем, кто стоял во главе государственных дел.

XXVIII. Другое войско, находившееся у Альгида на земле эквов⁴², как и весь плебс в городе, прониклись ненавистью к децемвирам по следующим причинам. Один из плебеев, Луций Вергиний, никому не уступавший в военных делах, командовал центурией в одном из пяти легионов, направленных для боевых действий против эквов. 2. Ему посчастливилось иметь дочь, прекраснейшую из девушек Рима, носившую его родовое имя, которая была помолвлена с Луцием, одним из бывших плебейских трибунов, сыном того Ицилия, кто первым учредил трибунскую должность и первым получил ее. 3. Эту-то деву, бывшую уже на выданье, увидел Аппий Клавдий, предводитель децемвирата, когда она занималась чтением в школе⁴³ (ведь тогда школы для детей находились рядом с Форумом), и тотчас же был пленен красотой девочки. И еще более он потерял голову, будучи вынужден часто проходить мимо школы, уже одолеваемый страстью. 4. Но в жены он не мог ее взять, видя, что она помолвлена с другим, да и сам имея законную жену, а кроме того, даже не желая брать жену из плебейского рода как из презрения к этому сословию, так и поскольку это было против закона, который он сам же и записал в Двенадцати таблицах. Поэтому он вначале попытался прельстить девушку деньгами и постоянно подсылал неких женщин к ее кормилицам (ведь у нее не было матери), давая им крупные суммы и обещая еще больше даденного. Он наказал тем, кто соблазнял кормилиц, не называть имя влюбленного в девушку, но только то, что он из тех, в чьей власти оказать благодеяния и причинить вред тем, кому он захочет. 5. Когда они претерпели в этом неудачу и он заметил, что охрану девушки сочли необходимым сделать даже надежней, чем раньше, то, сжигаемый похотью, он задумал пойти более бесстыдным путем. 5. Итак, он послал за одним из своих клиентов, Марком Клавдием, человеком дерзким и готовым ко всякой услуге, и поведал ему о своей страсти. Разъяснив, каких слов и дел он от него хочет, Аппий отправил его в сопровождении множества отпетых негодяев. 6. Клавдий, явившись в школу, схватил девушку⁴⁴ и попытался увести ее на глазах у всех через Форум. Но поскольку поднялся крик и сбегалась большая толпа, ему воспрепятствовали увести девушку, куда он хотел, и он обратился к магистрату. А в то время на три-

⁴² О гл. 28–37 см.: *Ливий*. III. 44–48. 6.

⁴³ Использование Дионисием для характеристики «девы» Вергинии синонимов *юбра*, *παῖς*, *παρθένος* и т. д. не должно удивлять, ибо означает разный социальный статус девушки как свободнорожденной гражданки, дочери и девственницы брачного возраста. Последний наступал в Раннем Риме в двенадцать лет, чем и объясняется факт обучения Вергинии в школе грамматика. Учтем, что официально первая публичная школа была открыта в Риме в III в. до н.э., а до этого дети обучались грамоте дома.

⁴⁴ Имеется в виду обряд «наложения руки» на вещь или лицо, которое объявляется юридически собственностью наложившего руку.

бунале⁴⁵ восседал один Аппий, выслушивая просителей и вынося решения. Когда тот попытался говорить, крик и негодование раздалось в обступившей толпе: все требовали подождать, пока не явятся родственники девицы. Аппий повелел, чтобы так и сделали. 7. Через небольшой промежуток времени прибежал Публий Нумиторий, дядя девы со стороны матери, муж выдающийся среди плебеев, в сопровождении множества друзей и родственников, а несколько позже Луций, который был обручен отцом с девушкой, окруженный сильной ватагой плебейской молодежи. Как только он приблизился к трибуналу, еще тяжело дыша, то прерывающимся голосом потребовал сказать, кто тот, осмелившийся прикоснуться к девушке-гражданке, и чего он хочет.

XXIX. Когда воцарилось молчание, Марк Клавдий, который наложил руку на девушку, завел следующую речь: «Я не совершил ничего необдуманного или насильственного по отношению к девице, Аппий Клавдий, но, являясь ее господином, я увожу ее согласно законам. Узнайте же, по какой причине она является моей. 2. Есть у меня рабыня, которая принадлежала моему отцу и служила в течение очень многих лет. Ее беременную подговорила жена Вергиния, с которой та была знакома и общалась, чтобы после родов отдала младенца ей. И она, выполняя обещание, когда у нее родилась эта дочь, обманула нас, что родила мертвого, а младенца отдала Нумитории. Та же, взяв его, выдала за своего и воспитала, хотя не была матерью никакого ребенка, ни мужского, ни женского пола. 3. Раньше всего этого я знать не знал, ныне же, получив донос и имея множество свидетелей, достойных доверия, а также допросив рабыню, я прибегаю к закону, общему для всех, который утверждает, что потомство принадлежит не тем, кто выдал чужих детей за своих, но тем, кто является матерями, — от свободных рождаются свободные, а от рабынь рабы, имея тех же хозяев, кто владел и их матерями. 4. По этому закону я хочу увести дочь моей рабыни, желая требовать удовлетворения, а если кто-то будет оспаривать, то предоставляю надежных поручителей, что я приведу ее на суд. Если же кто-то желает ускорить разбирательство, я готов защищаться перед тобой прямо сейчас, соответственно не давать поручительства за ее личность и не откладывать дело. Пусть же они выберут, какой из двух способов они предпочтут».

XXX. После того как Клавдий произнес это и прибавил настоятельную просьбу, чтобы он не оказался в худшем положении по сравнению со своими противниками, раз он клиент и низкого рода, слово взял дядя девушки и высказал то, что приличествует говорить перед магистратом. Он заявил, что отцом девицы является Вергиний, из плебеев, который находится вне пределов страны, сражаясь за родину; матерью же является Нумитория, его собственная сестра, женщина разумная и добродетельная, которая скончалась за несколько лет до того; сама же дева, будучи воспитана как приличествует свободнорожденной гражданке, законно помолвлена с Ицилием, и

⁴⁵ Трибунал — четырехугольное возвышение, на котором восседали в курульном кресле должностные лица при отправлении обязанностей.

вскоре состоялось бы их бракосочетание, не опереди его война с эквами. 2. И в течение сего времени, а прошло не менее пятнадцати лет, — продолжил он, — Клавдий ничего такого не пытался сказать в отношении них, теперь же, как только дитя достигло брачного возраста и распространилась молва о ее красоте, он выступил со своими обвинениями, возведя бесстыдную напраслину не по собственному разумению, но науськанный человеком, возмнившим, что он любым способом может удовлетворять все свои желания. 3. Что же касается судебного разбирательства, говорил Нумиторий, то отец сам будет защищать дело своей дочери, когда возвратится из войска; относительно же притязания на ее личность, которое требуется по законам, то он сам, как дядя девушки, сделает это и подвергнется суду, не требуя ничего необычного или не предоставленного в качестве права также всем другим римским гражданам (если вообще не всем людям), а именно, если человек переводится в рабское состояние из свободного, то не отнимающий свободу, а защищающий ее, обладает властью над этим человеком вплоть до суда⁴⁶. 4. Он также сказал, что по многим причинам Аппию подобает охранять это право: прежде всего потому, что этот закон вместе с другими он начертал на Двенадцати таблицах; далее, поскольку он глава децемвирата; кроме того, потому что, кроме консульской власти, он приобрел и трибунскую, чьей наиглавнейшей заботой является оказывать помощь слабым и нуждающимся гражданам. 5. Он попросил затем, чтобы Аппий проявил сострадание к обратившейся к нему за помощью девушке, которая давно уже лишилась матери, а в настоящее время оторвана от отца и подвергается опасности потерять не только наследственное имущество, но и супруга, отечество и то, что считается наибольшим из всех человеческих благ, — личную свободу. Оплакав несчастья, которым дитя могло подвергнуться, и возбудив сильное сострадание среди присутствующих, он в конце сказал о времени судебного разбирательства: 6. «Так как Клавдий желает произвести судебное разбирательство по ее поводу как можно быстрее, хотя в течение пятнадцати лет он не заявлял ни о каких нарушениях, любой другой, кто судился бы по столь важным делам, заявил бы, что с ним обошлись жестоко и, естественно, возмущался бы, требуя провести суд только после заключения мира и возвращения всех, кто сейчас находится в лагере, то есть, когда у обоих судящихся сторон будет избыток свидетелей, друзей и судей — предложение гражданственное и умеренное, обычное для римского государственного устройства. 7. Но мы, — продолжил он, — не нуждаемся ни в речах, ни в мире, ни в большом количестве друзей и судей, и мы не откладываем дело на разрешенный срок; напротив, даже во время войны при недостатке друзей и при неравном числе судей мы готовы вести свою защиту без промедления, испросив у тебя столько времени, Аппий, сколько будет достаточно, чтобы отец девушки, вернувшись из лагеря, оплакал свою несчастную судьбу и самолично принял участие в заседании суда».

⁴⁶ Имеется в виду принцип «благоволения свободе» (*favor libertatis*), по которому вопрос о статусе человека решался в пользу свободы в спорных случаях.

XXXI. После того как Нумиторий высказался таким образом и окружавшая толпа громким криком показала, что его требования справедливы, Аппий, помедлив краткое время, сказал: «Я не невежда в законе касательно поручительства за тех, кого пытаются обратить в рабство, который не позволяет, чтобы человек находился до суда во власти тех, кто желает лишить его свободы, и я не нарушу по своей воле то, что сам же начертал. Конечно, я считаю это справедливым, чтобы при наличии двух притязателей, хозяина и отца, если бы оба они присутствовали, власть над ее личностью вручить отцу вплоть до суда. 2. Поскольку же тот отсутствует, то ее уведет с собой хозяин, предоставив надежных поручителей, что он приведет ее к магистрату, когда вернется ее отец. Относительно же поручителей и величины залога, а также чтобы вы не понесли никакого ущерба в ходе процесса, о Нумиторий, я проявлю величайшую заботу. Теперь же отдай девуцу!»⁴⁷ 3. Когда Аппий объявил это решение, девушка и женщины вокруг нее подняли страшный плач и стали бить себя в грудь, а также громкий гул и ропот негодования раздался в толпе, обступившей трибунал. Ицилий же, который намеревался жениться на девушке, прижал ее к себе и воскликнул: 4. «Пока я жив, Аппий, никто не уведет ее. Но если ты вознамерился уничтожить законы, нарушить права и лишить нас свободы, более не отрицай тиранию, в которой вас упрекают, но после того как ты обезглавишь меня, уводи и ее, куда тебе угодно, и всех остальных девушек и женщин, чтобы наконец-то римляне поняли, что они из свободных обратились в рабов и более не могут помыслить о лучшей участи. 5. Что же ты все еще медлишь? Почему не проливаешь мою кровь перед трибуналом на глазах у всех? Но знай наверняка, что моя смерть будет для римлян началом или великих бедствий, или великих благ».

XXXII. Но, хотя он был намерен говорить дальше, ликторы по велению магистрата оттеснили всех от трибунала и приказали повиноваться решению. Клавдий же, наложив руку на девочку, державшуюся за дядю жениха, попытался ее увести. Но, увидав ее непритворное горе, все столпившиеся вокруг трибунала единодушно возопили и, ни во что ни ставя власть правителя, обступили тех, кто попытался применить насилие, так что Клавдий, опасаясь их нападения, отпустил девушку и бросился в поисках спасения к ногам военачальника⁴⁸. 2. Аппий же вначале пришел в крайнее замешательство, видя всех в ярости, и долгое время пребывал в сомнении, как следует поступить. Затем, призвав Клавдия к трибуналу и немного переговорив с ним, как казалось, он дал знак окружавшим успокоится и сказал так: 3. «Я смягчаю строгое толкование, плебеи, относительно поручительства за личность, поскольку вижу, что вы раздражены против решения. Желая сделать вам приятное, я убедил своего клиента согласиться, чтобы поручительство дали родственники девушки, пока не прибудет ее

⁴⁷Юристы позднего римского права не сомневались в том, что действия Аппия Клавдия были неправомочны, в том числе по законам Двенадцати таблиц. См.: D. 1. 2. 2. 24.

⁴⁸Аппий Клавдий оставался в Риме одним из командующих легионом.

отец. 4. Уводите же, Нумиторий, девицу и признайте свое ручательство за ее явку завтра. Ибо сего времени достаточно для вас и сообщить Вергинию сегодня же, и доставить его сюда из лагеря к трем или четырем часам завтра». Когда же они стали просить о более длительном сроке, он встал, ничего более не ответив, и приказал убрать курьельное кресло.

XXXIII. Когда Аппий покинул Форум, мучимый и терзаемый похотью, то решил более не оставлять девушку ее родственникам, но, когда она будет представлена в силу поручительства, увести ее силой, для чего расставить вокруг себя более многочисленную стражу, чтобы не претерпеть никакого насилия от черни, и предварительно занять пространство вокруг трибунала толпой друзей и клиентов. 2. Чтобы осуществить это под личиной законности, буде отец ради поручительства не явится, он отрядил двоих наиболее доверенных всадников с письмом в лагерь к Антонию, командующему легионом, в котором служил Вергиний, прося держать этого человека под надежной охраной, дабы он остался в неведении о событиях вокруг дочери и тайно не ускользнул из лагеря. 3. Но его опередили двое родственников девушки, а именно сын Нумитория и брат Ицилия, которые были отправлены остальными заранее еще в самом начале событий. Будучи молодыми и исполненными отваги, они, отпустив поводья, гнали лошадей во весь опор плетками и, проделав путь первыми, сообщили Вергинию о случившемся. 4. Скрыв от Антония истинную причину, Вергиний заявил ему, что получил весть о кончине некоего близкого родственника, чьи похороны по закону он обязан осуществить. Отпущенный, он выехал вечером около времени зажжения огней в сопровождении юношей и по другой тропе, так как опасался погони и из лагеря, и из города. Так оно и произошло. 5. Ведь Антоний, получив письмо примерно около времени первой стражи, выслал отряд всадников за ним вдогонку, в то время как другие всадники, отправленные из города, всю ночь подстерегали его на дороге, ведущей из лагеря. Когда кто-то сообщил Аппию о неожиданном прибытии Вергиния, тот выйдя из себя, явился к трибуналу вместе с густой гурьбой приверженцев и повелел привести родственников девушки. 6. Когда они пришли, Клавдий повторил уже сказанное им ранее и попросил Аппия стать судьей в деле уже без всякой отсрочки, говоря, что доносчик и свидетели присутствуют, и представив саму рабыню. 6. Помимо всего этого имело место его громкое притворное сетование, будто бы он не получит равенства с другими, как ранее, потому-де что является его клиентом, а также призыв к Аппию поддерживать не тех, чьи речи жалобнее, но тех, чьи требования справедливее.

XXXIV. Отец девушки и остальные родственники вели защиту против обвинения в подмене, приводя много справедливых и правдивых доводов, мол, не было никакой разумной причины для сестры Нумитория, жены Вергиния, подменять ребенка, так как она девственницей вышла замуж за молодого мужчину и спустя немного времени после замужества родила; и опять же, если она так сильно желала ввести чужую кровь в собственный дом, зачем было ей брать ребенка от чужой рабыни, а не от

свободнорожденной женщины, связанной с ней кровным родством или дружбой, от которой она могла бы обладать взятым ребенком наверняка и надежно. 2. Кроме того, имея возможность получить того, кого хотела, она выбрала бы скорее ребенка мужского, а не женского пола. Ведь родительнице, желающей иметь детей, по необходимости приходится любить и кормить то, что произвела природа, подменившая же ребенка, естественно, возьмет более сильный пол, нежели более слабый. 3. Против же доносчика и свидетелей, которых Клавдий, как он сказал, представит во множестве и добросовестных, они приводили доказательства, исходя из предположения, что Нумитория никогда не совершила бы открыто и в присутствии свободнорожденных свидетелей деяние, нуждающееся в сокрытии и способное быть исполнено для нее одним лицом, ведь иначе вскормленная девочка была бы отнята хозяевами матери. 4. И само время, продолжали они, является немалым свидетельством того, что в словах обвинителя нет ничего истинного; ведь ни доносчик, ни свидетели не держали бы подмену в тайне в течение пятнадцати лет, но уже раньше рассказали бы. 5. Разоблачая свидетельства обвинителей как неправдоподобные и невероятные, они просили сопоставить с теми и их собственные доказательства, называя многих небезызвестных женщин, которые, по их словам, знали, что Нумитория стала беременной, по величине ее живота. Кроме того, они представили женщин, которые в силу кровного родства присутствовали при родах и наблюдали рождение ребенка. Их они также требовали допросить. 6. Но наиболее очевидным доказательством из всех, засвидетельствованным многими мужчинами и женщинами, не только свободными, но и рабами, было то, что они сказали в конце, а именно, что мать кормила младенца молоком: невозможно же для неродившей женщины иметь груди, полные млеком!

XXXV. В то время как они приводили эти и многие другие доказательства, равным образом весомые и никакими противными доводами неопровержимые, и проливали потоки скорби по поводу несчастий девы, все остальные, кто слышал их слова, испытывали сострадание к красоте ее, когда взирали на девушку 2. (ведь даже в грязной одежде, с потупленным взором и заплаканными глазами она притягивала взгляды всех, столь сверхчеловеческой была в ней красота и прелесть), и оплакивали превратности судьбы — каким обидам и оскорблениям подверглась она после такого благополучия. 3. И в них закрадывалась мысль, что, поскольку закон о свободе нарушен, ничто не помешает и их собственным женам и дочерям претерпеть то же, что и эта дева. Раздумывая об этом и о многом тому подобном, а также разговаривая об этом друг с другом, они плакали. 4. Но Аппий, поскольку по природе не был человеком здравомыслящим, к тому же испорченный непомерностью своей власти, терзаясь душой и кипя сердцем из-за страсти к девице, не обращал внимания на речи защитников, и не был тронут ее слезами, сочувствие же присутствующих воспринимал с гневом, как будто он сам заслуживал большей жалости и испытывал более страшные муки от поработившей его красоты. 5. Приведенный в бешенство всем этим, он имел наглость не только произнести бесстыдную речь, из которой

тем, кто подозревал уже, стало окончательно ясно, что клевета на девушку порождена им самим, но и осмелился совершить тираническое и жестокосердное деяние.

XXXVI. Так, еще во время их речи он приказал установить тишину, когда же стало тихо и вся толпа на Форуме начала напирать, горя желанием узнать, что он собирается сообщить, он, то и дело бросая взгляды туда и сюда, подсчитывал глазами количество друзей, которые были размещены в разных углах Форума, после чего изрек следующее: 2. «Я не сегодня впервые услышал об этом деле, Вергиний и вы, пришедшие с ним, но гораздо раньше — еще до того, как я получил эту должность. Внемлите же, каким образом узнал я об этом. Отец присутствующего здесь Марка Клавдия перед смертью попросил меня быть опекуном его сына, которого он оставляет еще ребенком: они ведь являются наследственными клиентами нашей семьи. 3. Во время опекуинства мне поступило сообщение о девочке, что Нумитория выдала ее за свою, взяв от рабыни Клавдия. Расследовав все обстоятельства, я установил, что это произошло именно так. Итак, можно было захватить то, что по праву принадлежало мне, но я счел лучшим оставить право выбора моему подопечному, чтобы он, став совершеннолетним, решил, увести ли девушку-рабыню или договориться с воспитавшими ее, получив деньги или подарив ее. 4. Впоследствии я, вовлеченный в государственные дела, уже не помышлял ни о каких заботах Клавдия. По-видимому, когда он подсчитывал свое имущество, ему также сделали донос о девушке-рабыне, как ранее мне. Он, следовательно, не требует ничего несправедного, желая увести дочь своей собственной рабыни. 5. Теперь же, если бы они сами договорились друг с другом, это было бы прекрасно. Но поскольку дело вылилось в спор, я свидетельствую в его пользу и объявляю, что он является хозяином девушки-рабыни».

XXXVII. Когда это услышали, то те, кто был неиспорчен и заступался за говорящих справедливые вещи, воздвигли руки к небу и подняли крик, смешанный с плачем и негодованием, прихлебатели же олигархии — ободряющий гам, который помог бы придать смелости властителям. Форум бурлил и полнился выкриками и всплесками чувств разного толка, Аппий же, приказав восстановить тишину, сказал: 2. «Если не прекратите раскалывать государство и воевать против нас, вы, возмутители порядка, бесполезные везде — и в мирное время, и на войне, — то вы покоритесь, вразумленные принуждением. Не воображайте, что все эти стражи на Капитолии и в крепости приготовлены нами только против внешних врагов, а вас, притаившихся внутри и портящих все государственные дела, мы не тронем. 3. Смиритесь же с решением, лучшим, чем то, что у вас на уме сейчас, и удалитесь, у кого здесь нет никакого дела, да и занимайтесь каждый своими делами, если вы благоразумны. Ты же, Клавдий, веди рабыню без всякого опасения через Форум, ибо двенадцать секир Аппия будут сопровождать тебя». 4. После того как он изрек это, все остальные стали покидать Форум, стеная и ударяя себя по лбу, не в силах сдерживать слезы. Клавдий же повлек девушку, прильнувшую к отцу, лобзавшую его и заклинавшую самыми ласковыми словами. Находясь в бедственном положении, Вергиний задумал

в сердце деяние ужасное и горькое для отца, но достойное человека свободнорожденного и сильного духом. 5. А именно, он испросил позволения обнять свою дочь в последний раз как свободную, и сказать ей наедине то, что он хочет, прежде чем ее уведут с Форума. Получив согласие военачальника, он, когда недруги его немного отошли, взял дочь, ослабевшую и не стоявшую на ногах, и, поддерживая ее, некоторое время называл по имени, целовал и утирал ручки слез; затем понемногу отводил ее, а когда приблизились к мясной лавке⁴⁹, он схватил с прилавка нож и поразил дочь в самое чрево, воскликнув: 6. «Свободной и благонравной я отправляю тебя, дитя мое, к твоим предкам под землей; ибо живой нельзя было тебе обладать обоими этими достоинствами из-за тирана!» Когда поднялся крик, он, сжимая в руке окровавленный жертвенный нож и сам в крови, которой обагрился при заклании девы, двинулся через город, словно невменяемый, призывая граждан к свободе. 7. Затем, проложив себе путь через ворота, он вскочил на коня, приготовленного для него, и устремился в лагерь, сопровождаемый и на сей раз юношами Ицилием и Нумиторием, которые привезли его из лагеря. За ними последовала еще одна немалая толпа плебеев, в целом около четырехсот.

XXXVIII. Когда Аппий услышал об участии девушки⁵⁰, то вскочил с кресла и хотел преследовать Вергиния, говоря и делая много дурного. Но, окруженный друзьями, уговаривавшими его не предпринимать никаких опрометчивых поступков, он удалился, негодуя на всех. 2. Когда он уже был дома, некоторые друзья передали ему, что, стоя вокруг тела девушки, ее жених Ицилий и дядя Нумиторий вместе с другими сторонниками и родственниками говорят против него то, что можно и нельзя, и призывают плебеев к свободе. 3. И в гневе, в котором он пребывал, Аппий послал некоторых ликторов с приказом заключить в темницу крикунов и унести тело с Форума, совершая особенно неразумный поступок, менее всего соответствовавший тогдашним обстоятельствам. Ведь хотя ему надлежало искать расположения плебеев, которые получили законный повод для гнева, уступив им на то время, а позднее в чем-то оправдываясь, за что-то прося прощения, что-то возмещая иными какими-нибудь благодеяниями, он тем не менее прибег к насилию и вынудил их впасть в отчаяние. 4. Поэтому они не стали терпеть, когда ликторы попытались утащить тело или увести людей в темницу, но, криком подбадривая друг друга, в ответ на попытку применить силу пинками и ударами вытолкали тех с Форума. Так что Аппий, услышав об этом, был вынужден отправиться на Форум вместе с многочисленными друзьями и клиентами, приказав им бить и оттеснять с дороги тех, кто окажется на улицах. 5. Но Валерий и Гораций, главные, как я сказал⁵¹, вожак ревнителей

⁴⁹ Лавки на северной стороне Форума. Они сгорели в 210 г. до н.э. и вновь отстроены в 192 г. до н.э. (*Фест.* О значении слов. С. 258) и получили название «Новые» (*Варрон.* О латинском языке. 59).

⁵⁰ О главе 38 и след. см.: *Ливий.* III. 48. 7–49. 8.

⁵¹ См. гл. 22. 3.

свободы, узнав о цели его выхода, встали перед телом вместе с большой и отважной толпой молодежи. И когда Аппий и его сообщники приблизились к ним, они вначале осыпали обидными и оскорбительными словами власть децемвиров, а затем присовокупили и дела, подобные словам, нанося удары и сбивая с ног нападавших.

XXXIX. Аппий же, тяжело уязвленный неожиданным препятствием и не зная, как поступить с этими людьми, принял решение идти по наиболее гибельному пути. Ведь, полагая, что народ настроен все еще благосклонно к нему, он поднялся к святилищу Вулкана и созвал народ на собрание, где попытался обвинить тех людей в нарушении законов и бесчинстве, вдохновляемый трибунской властью и тщетной надеждой, что народ вознегодует вместе с ним и позволит сбросить этих людей со скалы⁵². 2. Но Валерий со своими сторонниками занял другую часть Форума и, поместив тело девушки там, откуда всем можно было его видеть, созвал другое собрание и выдвинул серьезные обвинения против Аппия и остальных олигархов. 3. И случилось то, что и следовало: некоторых привело достоинство мужей, других жалость к девушке, которая претерпела ужасные и более чем ужасные страдания по вине несчастной красы, а иных само стремление к восстановлению старинного государственного устройства, — но в это собрание стеклось больше людей, чем в другое, так что совсем немногие остались вокруг Аппия, а именно собственно сторонники олигархии, среди которых были и те, кто по многим причинам уже более не повиновался децемвирам, но, если бы положение противников упрочилось, с радостью ушел бы к тем. 4. Ведь, что он покинут, Аппий вынужден был изменить свое мнение и оставить Форум, что в наибольшей мере принесло ему пользу. Потому что если бы он подвергся нападению толпы плебеев, то понес бы от них подобающее наказание. 5. После этого Валерий и его сторонники, получив власть, какую хотели, обратились к речам против олигархии и переубедили еще колеблющихся. Недовольство массы сограждан было еще более усилено родственниками девушки, которые доставили ее носилки на Форум и, приготовив все украшения для похоронных обрядов как можно пышнее, пронесли затем тело по самым главным улицам города, где его могло видеть наибольшее количество людей. 6. Женщины и девушки выбегали из домов, оплакивая ее участь, одни бросали цветы и венки на погребальные носилки, другие пояса или головные повязки, а третьи — девичьи игрушки, некоторые даже, возможно, отрезанные пряди волос; 7. и очень многие мужчины, покупая украшения в соседних лавках или получая их в подарок, приносили соответствующие дары погребальной процессии. Так что похороны стали широко известны по всему городу и всех охватило желание свергнуть олигархов. Но сторонники олигархии, будучи вооружены, внушали им немалый страх, а Валерий и его приверженцы не хотели решать спор кровопролитием сограждан.

⁵² Т.е. Тарпейской скалы.

XL. Итак, дела в городе находились в таком смятении⁵³. Вергиний же, который, как я рассказал, своей рукой убил собственную дочь, гнал лошадь с отпущенными поводьями, и вечером, около времени зажжения огней, прибыл в лагерь под Альгидом, все еще в том виде, в каком он бежал из города: весь забрызганный кровью и сжимая в руке мясницкий нож. 2. Стоявшие на страже перед лагерем, увидев его, были в недоумении, что с ним стряслось, и последовали за ним, чтобы услышать о важном и страшном деле. Вергиний же по пути рыдал и жестами побуждал всех встречных ступать за ним. Из палаток, мимо которых он проходил, выбегали воины все вместе, как раз тогда ужинавшие, с факелами и светильниками. Преисполненные тревоги и беспокойства, они окружили его, двигаясь следом. 3. Когда же он добрался до открытого пространства лагеря⁵⁴, то, поднявшись на какое-то возвышение, так, чтобы все его видели, поведал о случившихся с ним несчастьях, предъявив в свидетели своих слов тех, кто вместе с ним явился из города.

Когда он заметил, что многие горько причитают и рыдают, то перешел к мольбам и просьбам, заклиная их не допустить, чтобы он остался неотмщенным, а отечество — оскорбленным. Еще когда он говорил это, всех охватило страстное желание слушать и его поощряли продолжать. 4. Поэтому он теперь уже смелее обрушился на олигархию, подробно рассказывая, что многих децемвиры лишили имущества, у многих тела опозорены плетью, весьма многих ни в чем неповинных вынудили бежать из отчизны, а также перечисляя обиды, нанесенные женам, и похищения девушек на выданье, оскорбления свободнорожденным мальчикам, и перечисляя другие их бесчинства и жестокости. 5. «И эти оскорбления, — продолжал он, — мы терпим от людей, имеющих власть не по закону, ибо получили они ее не в силу постановления сената или с позволения народа (ведь истек у них годичный срок полномочий, по окончании которого они обязаны передать бразды правления другим), но самым насильственным способом, предполагая у нас большое малодушие и трусость, словно у женщин. 6. Пусть каждый из вас поразмыслит о том, что он сам испытал и что знает о других пострадавших; и если кто-то из вас, соблазняемый какими-либо удовольствиями или благодеяниями от них, не боится олигархии и не опасается, что бедствия когда-нибудь со временем обрушатся и на него самого, узнав, что у тиранов не существует никакой верности и что даже не из благосклонности даруются кому-то милости власть имущих, узнав и все остальное такого же рода, пусть он изменит свое мнение. 7. И вы все в едином порыве, освободите от тиранов отчизну, где находятся храмы ваших богов и могилы предков, коих вы почитаете после богов, и где живут ваши престарелые отцы, ожидающие высоких наград, равных понесенным трудам, жены обрученные по закону, дочери на выданье, требующие от родителей немалых забот,

⁵³ Для глав 40–44 см.: *Ливий*. III. 50 и след.

⁵⁴ Имеется в виду преторий — площадь перед палаткой полководца, служившая для сбора войска на смотр и произнесения приказов и речей военачальниками.

и дети мужского пола, кому причитаются права природы и предков. 8. Я умалчиваю, правда, о ваших домах, земельных наделах и добре, которое тяжким трудом накоплено вашими отцами и вами самими: ничем из этого вы не можете надежно обладать, пока находитесь под тиранией децемвиров.

XLII. Не дело для разумных и благородных людей доблестью приобретать чужое, но из-за малодушия позволять гибнуть своему собственному, или же вести длительные и непрерывные войны за власть и господство с эквами, вольсками, сабинянами и всеми прочими соседями, но не желать поднять оружие против ваших незаконных правителей за свою безопасность и свободу. 2. Неужели вы не возродите высокий дух отечества? Неужели вы не придете к решению, достойному мужества предков, которые из-за бесчестия, причиненного одной-единственной женщине одним из сыновей Тарквиния, вследствие этого позора умертвившей себя, были столь возмущены ее несчастьем и столь рассержены, сочтя это бесчестье общим для всех, что они не только изгнали Тарквиния из государства, но и упразднили царскую власть и запретили впредь кому-либо править римлянами пожизненно и неподотчетно, сами поклявшись самой страшной клятвой и призвав проклятия на потомков, если что-либо совершат вопреки этому? 3. И вот при том, что они не снесли тираническое бесчинство, содеянное одним распущенным юнцом против одной свободной личности, вы станете терпеть многоглавую тиранию, которая позволяет себе всякое злодеяние и бесстыдство и будет позволять еще больше, раз уж вы ныне сносите? 4. Не мне одному досталась дочь, отличающаяся красотой среди других, которую Аппий открыто пытался обесчестить и опозорить, но и многие из вас имеют либо дочерей, либо жен, либо миловидных юных отроков. И что помешает им испытать то же самое со стороны какого-нибудь другого из десяти тиранов или самого Аппия? Если, конечно, существует кто-то из богов, который поручится, что, если вы оставите эти мои горести неотмщенными, то те же самые беды не обрушатся на многих из вас, но, коснувшись только моей дочери, вождение тиранов остановится и в отношении остальных лиц — как детей, так и девушек, — образумится. 5. Знайте же достоверно, что было бы, конечно, великой глупостью и невежеством говорить, что эти предполагаемые преступления не произойдут. Ибо желания тиранов, естественно, не имеют границ, поскольку ни закон не служит им препятствием, ни страх. Итак, совершая для меня справедливое отмщение и обеспечивая для самих себя безопасность, чтобы вам не испытать то же самое, порвите, наконец-то, ваши путы, о несчастные; взгляните на свободу открытыми глазами! 6. Какая другая причина более возмутит вас, чем то, что дочерей граждан, как рабынь, уводят тираны и под бичами ведут к себе в качестве невест? И в какой другой миг вы вновь обретете дух свободы, если пропустите нынешний, когда тела ваши прикрыты доспехами?»

XLIII. Когда он еще только говорил, большинство воинов подняли крик, обещая отомстить за него, и стали выкликать по именам центурионов, требуя взяться за дело. И многие, выходя вперед, отваживались открыто рассказывать, если сами испытали

что-нибудь ужасное. 2. Узнав о случившемся, пять человек, которые, о чем я сказал⁵⁵, командовали легионами, испугались, как бы толпа не совершила какое-нибудь нападение на них, и все сбежались в шатер полководца⁵⁶, где стали обдумывать со своими друзьями, окружив себя верными воинами, каким образом прекратить мятеж. 3. Но, когда они получили известия, что воины возвращаются в свои палатки и что волнение успокоилось и прекратилось, то, не подозревая, что большинство центурионов на тайном совещании договорились поднять восстание и совместно освободить отечество, они решили, как только наступит день, схватить возмутителя черни Вергиния и держать его под стражей, а самим, подняв войска, вывести их из лагеря на врагов, и, расположишись в лучшем их краю, опустошать его, таким образом удерживая своих воинов от дальнейшего вмешательства в любые дела, которые творятся в городе, посредством как военной добычи, так и сражений, которые они будут всякий раз вести ради самих же себя. 4. Но ничего из задуманного им не удалось, ибо центурионы не позволили Вергинию пойти в шатер полководца, когда его туда вызвали, подозревая, что он может потерпеть какой-либо вред, более того, они с презрением отнеслись к полученному сообщению, что полководцы собираются вывести центурии против врагов, заявив: «Насколько искусно вы командовали нами ранее, чтобы и ныне, получив надежду, мы последовали за вами — за теми, кто, собрав из самого города и из союзников такое войско, как никакой другой римский военачальник прежде, не только [не одержали хоть какую-то победу над врагом или причинили ему ущерб]⁵⁷, но, напротив, [выказали] отсутствие храбрости и опытности, [плохо] расположив лагерь. А позволив разорить нашу собственную территорию вы сделали нас нищими и бедными во всем, благодаря чему [мы, намного превосходя противников в вооружении,] побеждали в сражениях, когда у нас были более искусные полководцы, чем вы! А теперь враги водружают трофеи по поводу нас и, отняв у нас палатки, рабов, оружие и деньги, владеют всем нашим».

XLIII. Вергиний же в гневе и более уже не страшась полководцев, стал яростнее нападать на них, обзывая их опустошителями и погубителями отечества и побуждая всех центурионов, взяв знамена, вести войско на Рим. 2. Но большинство все еще страшилось двинуть священные знамена, да и считало нечестивым и небезопасным для всех оставить своих командиров и военачальников: ведь и воинская присяга, которую римляне соблюдают более всего сурово повелевает воинам следовать за военачальниками, куда бы они их ни повели, и закон давал командирам власть осуждать на смерть без суда неповинующихся или оставивших знамена. 3. Поэтому, когда

⁵⁵ См. гл. 23. 2.

⁵⁶ Имеется в виду преторий.

⁵⁷ Слова, заключенные здесь и далее в квадратные скобки, отсутствуют в рукописях L и V, где обычно оставляются лакуны, но содержатся в рукописях худшего качества (С и М) и представляют собой не всегда точные интерпретации переписчиков. Здесь они сохранены для связности текста.

Вергиний увидел, что это держит их в страхе, он стал доказывать, что закон освободил их от присяги, поскольку командовать войсками должен полководец, назначенный по закону, в то время как власть децемвиров незаконна, раз истек годичный срок, на который она была предоставлена. А продолжать повиноваться тем, кто правит не по закону, является не послушанием и благочестием, но безумием и сумасшествием. 4. Услышав это, воины признали его правоту: ободряя друг друга и в чем-то черпая мужество в поддержке божества, они подняли знамена и выступили из лагеря. Как бывает при разнообразных нравах, когда не все придерживаются наилучшего, должно было остаться с олигархами и некоторое число рядовых воинов и центурионов, хотя и не столь много, как других, а гораздо меньше. 5. Отправившиеся из лагеря шагали целый день и с наступлением вечера прибыли в город, никого не известив о своем приходе, чем привели горожан в смятение, так как те подумали, что подступают полчища врагов: по всему городу поднялся крик и началась беспорядочная беготня. Но все же смятение длилось не столь долго, чтобы из-за него произошло что-либо дурное. Ведь воины, проходя по улицам, восклицали, что они друзья и пришли ради блага государства, и подкрепляли слова делами, никому не причиняя вреда. 6. Проследовав на холм, называвшийся Авентин⁵⁸ (именно он из всех входящих в Рим холмов был наиболее пригоден, чтобы разбить там лагерь), они положили оружие около храма Дианы. А на следующий день, укрепив лагерь и назначив десять тысячников⁵⁹ руководить общими делами, главой которых стал Марк Опций, они пребывали в спокойствии.

XLIV. Вскоре к ним прибыли в подмогу также из войска у Фиден доблестнейшие центурионы из трех легионов, приведя с собой крупные силы. Они уже давно находились в состоянии вражды со своими полководцами, после того как те убили легата Сикция, о чем я уже говорил⁶⁰, но ранее опасались начать восстание, ибо полагали, что пять легионов у Альгида дружественно расположены к децемвирату. Теперь же, узнав об их мятеже, они охотно приняли от судьбы, то что случилось. 2. Начальниками и этих легионов были десять тысячников, назначенных по дороге, наиболее выдающимся из которых был Секст Малий⁶¹. Когда они соединились друг с другом, то, положив оружие, поручили двадцати тысячникам во всех вопросах говорить и действовать от имени общества. Из этих двадцати они назначили уполномоченными двух наиболее видных представителей, Марка Опция и Секста Малия: те организо-

⁵⁸ Авентин — холм в южной части Рима, включен в городскую черту (померий) при Анке Марции в конце VII в. до н.э., традиционно считался местом расселения плебеев, где стоял их главный храм Дианы, покровительницы плебеев.

⁵⁹ Под «тысячниками» (греч. «хилиархи») Дионисий подразумевает военных трибунов, которые первоначально были командирами отрядов фаланги из тысячи человек.

⁶⁰ См. об убийстве Сикция гл. 25–27 кн. XI.

⁶¹ Ливий (III. 51. 10) дает его имя Манилий.

вали совет из всех центурионов, вместе с которыми постоянно занимались всеми делами. 3. Хотя намерения их были еще неясны многим, Аппий, поскольку считал себя причиной этого возмущения и ожидавшихся из-за него будущих зол, более не желал исполнять никакие общественные дела, но заперся в своем доме. Назначенный же вместе с ним командовать в городе Спурий Опций и сам вначале встревожился, полагая, что враги немедленно нападут на них и для этого они явились сюда, но после того как проведал, что они не затевают никакого переворота, освободился от страха и созвал сенаторов в здании сената, посылая за каждым лично домой. 4. Еще когда они собирались, от войска под Фиденами прибыли командующие, возмущаясь, что оба лагеря оставлены воинами, и убеждавшие сенат отнестись к тем с негодованием, которого дело заслуживает. Когда же каждый должен был высказать свое мнение, Луций Корнелий заявил, что тем, кто занял Авентин, следует в тот же самый день возвратиться в свои лагеря и исполнять приказы военачальников, не понеся никакой кары за содеянное за исключением зачинщиков бунта: их подвергнут наказанию военачальники. 5. Если же они не выполнят это, то сенату решать вопрос о них как о тех, кто оставил боевые порядки, в которые были назначены командирами, и кощунственно нарушили воинскую присягу. Луций же Валерий...⁶²

.....

6. Но не подобало мне как вообще не упомянуть ни единого слова о римских законах, которые мы нашли записанными на Двенадцати таблицах⁶³, так как они столь почитаемы и столь отличаются от греческих законодательств, так и продолжать, затягивая рассказ о них сверх необходимого.

XLV. После свержения децемвирата⁶⁴ первыми получили консульскую власть от народа на центуриатных комициях, как я уже сказал, Луций Валерий Потит и Марк Гораций Барбат, которые и сами по своему нраву были расположены к плебеям и восприняли эти политические взгляды от предков. Выполняя обещания, которые они дали плебеям, когда уговаривали их сложить оружие, что государственными делами они будут управлять с учетом всех интересов плебеев, они утвердили на центуриатных комициях законы, которыми патриции были недовольны, однако стыдились выступить против, — некоторые другие мне нет необходимости упоминать, но в том числе закон, повелевавший, чтобы законы, принятые плебеями на трибунных комициях⁶⁵, в равной степени относились ко всем римлянам, имея ту же силу, что и

⁶² Далее следует большая лакуна. В утраченном тексте рассказывалось о сессии плебеев и свержении власти децемвиров. Об этом см.: *Ливий*. III. 52–54.

⁶³ Вероятно, в утраченном тексте Дионисий подробно рассказывал о содержании статей первого римского кодекса писаного права — Законах XII таблиц.

⁶⁴ В 449 г. до н.э. Для гл. 45 см.: *Ливий*. III. 52–54.

⁶⁵ См.: *Дионисий*. IV. 20. 2–5; 21. 1; VII. 59. 8; VIII. 82. 6.

будущие постановления цензуриатных комиций. Наказанием для тех, кто отменил бы или нарушил этот закон, в случае признания виновным, были назначены смерть и конфискация имущества. 2. Этот закон покончил с возражениями патрициев, которые они выдвигали ранее против плебеев, не желая подчиняться законам, принятым теми, и вообще считая утвержденные на трибутных собраниях законы не общими для всего государства, но частными решениями только для самих плебеев. А то, что решило цензуриатное собрание, это они полагали установленным не только для них самих, но и для остальных граждан. 3. Ранее уже отмечалось, что в трибутных собраниях плебеи и бедняки были сильнее патрициев, в то время как в цензуриатных комициях патриции превосходили плебеев, будучи гораздо малочисленнее остальных.

XLVI. Когда этот закон⁶⁶ вместе с некоторыми другими, проплебейского характера, был утвержден консулами, тотчас плебейские трибуны, полагая, что пришло подходящее время для наказания Аппия и его окружения, решили, что следует выдвинуть обвинения против них, но не одновременно всех подвергнуть суду, а по одному, чтобы они не смогли оказать никакой помощи друг другу: трибуны думали, что таким способом с ними будет легче справиться. 2. Обдумывая, с кого было бы удобнее начать, они решили первым обвинить Аппия, ибо он был ненавидим народом как за прочие преступления, так и за недавние беззакония, учиненные по отношению к девушке. Они ведь полагали, что, осудив его, они и остальных легко одолеют, а если начать с лиц более низкого положения, то, по их мнению, гнев сограждан, всегда более суровый на ранних стадиях судебного процесса, смягчится в отношении наиболее знатных, если их судить в конце, как это не раз уже бывало. 3. Приняв такое решение, они заключили децемвиров под стражу и назначили без жребия Вергинию обвинять Аппия. После этого Аппий был вызван к народу обвиненный Вергинием перед народным собранием, и попросил время для подготовки защиты. Заключенный в темницу, чтобы содержаться под стражей вплоть до суда (так как ему было отказано в поручительстве), Аппий умер в тюрьме до наступления назначенного дня судебного заседания, — как подозревали многие, по приказу плебейских трибунов, но, как утверждали те, кто желал снять с них это обвинение, он сам повесился в петле. 4. После него на суд к народу другим трибуном, Публием Нумиторием, был призван Спурий Опций и после защиты осужден всеми голосами и в тот же день казнен в тюрьме. Остальные децемвиры до предъявления обвинений осудили сами себя на изгнание. Имущество казненных и изгнанников⁶⁷ государственные казначеи⁶⁸ изъяли в казну. 5. Марк Клавдий, который пытался увести девушку как свою рабыню, был привлечен к суду Ицилием, ее женихом. Однако, переложив ответственность на Аппия, который

⁶⁶ См.: *Ливий*. III. 55–59.

⁶⁷ Слово неясно: в рукописи М: λεφευούτων; в рукописи L — лакуна; Кисслинг предлагает ἀποφυγόντων. Т.е. либо «тех, кто бежал», либо «тех, кого изгнали».

⁶⁸ Т.е. квесторы.

приказал ему совершить преступление, он все же избежал смерти, но был приговорен к бессрочному изгнанию. Из прочих пособников олигархов в тех или иных злодеяниях ни один не предстал перед публичным судом, но всем была дарована безнаказанность⁶⁹. Эту политическую меру предложил плебейский трибун Марк Дуллий, поскольку граждане были уже утомлены, да и ожидалось нападение врагов⁷⁰.

XLVII. После того как смута в государстве прекратилась⁷¹, консулы, созвав сенат, утвердили предварительное постановление отправить побыстрее войско против врагов. После утверждения народом постановления сената один из консулов, Валерий, с половиной войска вышел в поход против эквов и вольсков: оба народа ведь объединили силы. 2. Понимая, что эквы вследствие прежних успехов возгордились и с огромным презрением стали относиться к мощи римлян, он вознамерился еще больше усилить их самомнение и сделать более дерзкими, создав ложное представление, будто он боится вступать с ними в бой, и во всем он поступал с робостью. 3. Так, он выбрал для лагеря неприступную возвышенность, окружил глубоким рвом и укрепил высоким частоколом. И хотя враги постоянно вызывали его на бой и упрекали в трусости, консул терпеливо все это сносил, оставаясь в спокойствии. Но, когда он узнал, что лучшие силы противника отправлены для грабежа земель герников и латинов, а в лагере осталась немногочисленная и слабая стража, то, сочтя этот случай подходящим, вывел войско в боевых порядках и выстроил его для битвы. 4. Но поскольку никто не вышел против него, то он пропустил этот день, а на следующий напал на их лагерь, не слишком надежно укрепленный. Когда ушедшие за фуражом узнали, что их лагерь осажден, они поспешно вернулись, но не в боевом строю и одновременно, а разрозненно и небольшими группами, кто как сумел собраться. Оставшиеся же в лагере, увидев, что подходят свои, воспряли духом и все вместе сделали вылазку. 5. И разразилась ожесточенная битва с безмерным кровопролитием с обеих сторон, в которой римляне, одержав победу, обратили в бегство тех, кто сражался в сомкнутых рядах, и, преследуя бегущих, одних убили, а других взяли в плен; завладев вражеским лагерем они захватили большое количество денег и богатую добычу. Покончив с этим, Валерий уже беспрепятственно напал на вражеские поля, опустошая их.

XLVIII. Марк Гораций, посланный на войну против сабинян, когда узнал о подвигах коллеги, сам также вывел войска из лагеря и поскорее направил [все] свои силы на сабинян, не уступавших ему в численности и [весьма опытных] в военных делах. [Они же проявили] высокомерие и великую дерзость [в отношении неприятеля]

⁶⁹ Греч. ἄδεια, т.е. «прощение проступка», «освобождение от ответственности» — своего рода амнистия, что неравнозначно оправданию.

⁷⁰ Здесь текст испорчен и допускает разные толкования: «стремясь обратить внимание врагов», «ожидая прихода врагов» или более точное по контексту восстановление Гертлайна и Каппса: «предполагая, что должно произойти нападение врагов».

⁷¹ О главах 47–50 см. также: *Ливий*. III. 60–63.

вследствие прежних удач, — [и все в целом, и их военачальник лично]⁷². Он был не только хорошим полководцем, но и добестным воином в единоборстве. 2. Поскольку всадники явили огромное рвение, Горацій одержал блестящую победу, многих врагов убив, но еще гораздо больше [взяв] в плен, а также овладев их брошенным лагерем, где нашли не только значительную собственную поклажу неприятеля, но и все добро, награбленное на римской земле, и спасли весьма много своих людей, попавших в плен. Дело в том, что сабиняне из-за пренебрежения к римлянам не уложили и не увезли заранее свою добычу. 3. Имуущество врагов консул позволили воинам взять себе как военную добычу, отделив прежде из него то, что намеревался посвятить богам; но захваченное добро он возвратил прежним владельцам.

XLIX. Окончив эти предприятия, он отвел войска в Рим, куда в то же самое время подошел и Валерий. Оба консула весьма гордились своими победами и надеялись провести славные триумфы. 2. Однако события не оправдали их ожиданий. Ибо сенат, собранный по их поводу, в то время как они расположились лагерем за чертой города в месте, называемом Марсовым полем, и уведомленный о подвигах обоих консулов, не дал им разрешения совершить жертвоприношения в честь победы. Многие из сенаторов открыто выступили против них, 3. и больше всех Гай Клавдий, дядя, как я говорил⁷³, того самого Аппия, что основал олигархию и недавно был погублен плебейскими трибунами. Он упрекал их за утвержденные ими законы, благодаря которым они умалили власть сената, и за остальной политической курс, которому оба следовали в управлении. Под конец он упомянул гибель либо лишение имущества децемвиров, которых они выдали плебейским трибунам, что, мол, совершено вопреки клятвам и договоренностям: 4. (было ведь заключено священное соглашение между патрициями и плебеями о прощении всех и забвении прошлого). Он утверждал также, что смерть Аппия последовала не от собственной руки, но по злому умыслу трибунов накануне разбирательства, чтобы тот, подвергаясь суду, не имел возможности получить слово или милость, как обычно происходит, если, конечно, на суд явился человек, предъявляющий в свою пользу благородство происхождения и множество добрых дел, свершенных ради общества, взывая к клятвам и ручательствам, на которые люди полагаются при заключении договоров, [выставляя детей и родственников], [принимая] сам этот жалкий вид и прибегая ко многим другим приемам, которые вызывают сострадание у толпы. 5. Когда [Гай Клавдий высказал] все эти обвинения против консулов и все присутствующие [поддержали его], то было решено, что консулы должны быть довольны, если хотя бы не подвергнутся наказанию, а получить празднование триумфа или другие подобного рода уступки они недостойны даже в малейшей степени.

⁷²Текст в данном месте испорчен и реконструирован публикаторами. По смыслу следующие слова — «был хорошим военачальником» — относятся к римскому консулу.

⁷³В гл. 7. 1 кн. XI.

Л. Когда сенат постановил отказать в триумфе, Валерий и его коллега вознегодовали, воспринимая это как оскорбление, и создали плебс на народное собрание. Там они выдвинули много обвинений против сената, а плебейские трибуны поддержали их и предложили закон, по которому консулы получили право на триумф от народа, первыми из всех римлян введя такой обычай. 2. И это вновь привело к упрекам и ссорам плебеев с патрициями. Трибуны подстрекали их, ежедневно созывая сходки и яростно нападая на сенат. А более всего многих беспокоило подозрение, которое старались укрепить и трибуны, усиленное туманными слухами и многочисленными предположениями, что, мол, патриции собираются упразднить законы, которые утвердили Валерий и его коллега. И многими серьезно овладело это мнение, став почти что уверенностью. Таковы были события при этих консулах.

LI. В следующем году⁷⁴ консулами были Ларс Герминий и Тит Вергиний, а после них должность получили Марк Геганий...

.....
.....

LII. Когда они⁷⁵ не дали никакого ответа, но продолжали возмущаться, Скаптий вновь вышел к трибуналу и сказал: «Вы получите признание, о граждане, от самих соперников, что они оспаривают нашу землю, не имеющую к ним никакого отношения. Принимая это во внимание, подайте голос за то, что является справедливым и соответствует клятвам». 2. При таких словах Скаптия стыд овладел консулами, понимающими, что исход судебного заседания не будет ни справедливым, ни благопристойным, если римский народ, избранный в третейские судьи, присудит себе какую-либо оспариваемую другими землю, отняв ее у спорящих сторон, при том что никогда ранее не предъявлял притязаний на нее. И очень много речей было произнесено консулами и руководителями сената, чтобы отклонить это решение, но тщетно. 3. Ведь люди, вызванные для голосования, заявляли, что большая глупость позволять другим владеть тем, что принадлежит им, и считали, что вынесут несправедливое решение, если объявят арицийцев либо ардеатов владельцами спорной земли, раз они присягнули присудить ее тому, кому, как они признают, она принадлежит. И они гневались на судящиеся стороны за то, что те решили сделать судьями их, кто сам был лишен этой земли, с той целью чтобы им даже позже нельзя было уже вернуть свою собственность, которую они сами, рассудив под клятвой, признали чужой. Поразмыслив так и возмущаясь, они приказали поставить в каждой трибе третью

⁷⁴ Текст гл. 51 утрачен, о ее содержании см.: *Ливий*. III. 65–70. У Ливия преномен Герминия Спурий.

⁷⁵ Имеются в виду арицийцы. См. об этом эпизоде (446 г. до н.э.): *Ливий*. III. 71 и след. Речь идет о тяжбе между ардеатами и арицийцами по поводу спорных земель, арбитром в которой обе стороны согласились пригласить Рим. Публий Скаптий — престарелый плебей, воевавший в тех краях в молодости и якобы помнящий, что данные спорные владения Кориол по праву победителя перешли в собственность римского народа.

урну, для римского государства, в которую они будут складывать свои камешки и всеми голосами римский народ был признан владельцем спорной земли. Это произошло при данных консулах.

ЛIII. Когда Марк Генуций и Гай Квинций получили должность⁷⁶, возобновились политические разногласия, а именно, плебеи требовали, чтобы всем римлянам было позволено занимать консульскую должность: ведь до тех пор лишь патриции имели право на нее, избираемые на центуриатных комициях. И, подготовив закон о консульских выборах, плебейские трибуны этого года внесли его — за исключением Гая Фурния все остальные были согласны в этом. В нем народ наделялся правом каждый год решать, желает ли он, чтобы консульства добивались патриции, либо плебеи. 2. Члены сената возмущались этим, усматривая в нем низвержение своего собственного господства, и думали, что им следует предпринять все возможное, лишь бы воспрепятствовать утверждению закона. Взаимное раздражение, обвинения и противодействие постоянно происходили и на частных сходках, и на общественных собраниях, ибо все патриции стали враждебны ко всем плебеям. 3. Множество речей также было сказано в сенате и множество на комициях предводителями аристократии — более умеренные со стороны тех, кто полагал, что плебеи заблуждаются по незнанию своей выгоды, а более резкие со стороны тех, кто считал, что это дело обусловлено кознями и завистью к ним.

ЛIV. Пока время проходило впустую, в город прибыли гонцы от союзников с сообщением, что вольски и эквы готовятся выступить против них с огромным войском, и умоляли немедленно отправить к ним военную помощь, так как они находятся на пути войны. 2. Говорили, что и тиррены, называемые вейянами, готовятся к отпадению, да и ардеаты более не покорны им, гневаясь по поводу спорной земли, которую римский народ, избранный третьей судьей, присудил в минувшем году самому себе. 3. Сенат, узнав об этом, постановил набрать войско и обоим консулам вывести в поход воинские силы. Но их решениям воспротивились те, кто вносил закон (ведь плебейские трибуны имеют право противодействовать консулам), освобождая граждан, приводимых консулами к воинской присяге и запрещая накладывать какое-либо наказание на неповинующихся. 4. Но, хотя сенат настоятельно просил прекратить соперничество в настоящее время, а лишь когда наступит конец военным действиям, тогда и предлагать закон о выборах магистратов, они настолько не желали уступить обстоятельствам, что заявляли, будто, мол, будут препятствовать и другим решениям сената и не позволят утвердить никакого постановления по любому делу, покуда сенат не примет предварительное постановление о законе, который они вносят. 5. И трибуны увлеклись настолько, что таким образом угрожали консулам не только в сенате, но и в народном собрании, дав величайшие клятвы, какие у них есть, а

⁷⁶ В 445 г. до н.э. Для гл. 53–61 см.: *Ливий*. IV. 1–7. 1. Ливий дает имя коллеги Генуция как Гай Курций.

именно собственной верностью, чтобы даже если они убедятся в своей ошибке, им нельзя было отменить ни одного из своих решений.

LV. Среди подобных угроз обсуждали, что следует делать, старейшие и наиболее выдающиеся вожди аристократии, собранные консулами на частное совещание сами по себе. 2. Итак, Гай Клавдий, который менее всего благоволил к плебеям и унаследовал такие политические убеждения от предков, предложил более самонадеянное мнение не уступать народу ни консульской власти, ни других магистратур вообще; а тем, кто попытается противодействовать, воспрепятствовать оружием, если их не убедят слова, не щадя никого, ни частное лицо, ни должностное. Ведь все, сказал он, кто пытается поколебать отеческие обычаи и испортить древний государственный порядок, являются чужаками и врагами гражданства. 3. Но Тит Квинций возражал против сдерживания противника силой и против общения с плебсом с помощью оружия и через пролитие крови соплеменников, в особенности потому, что им будут противодействовать плебейские трибуны, — «которых наши отцы постановили считать священными и неприкосновенными, сделав богов и младших божеств поручителями договора и призвав величайшими клятвами проклятие и на самих себя, и на свое потомство, если хоть что-нибудь нарушат в соглашении».

LVI. Когда к этому мнению присоединились и остальные приглашенные на совещание, слово взял Клавдий и сказал: «От меня не скрыто, основание сколь великих бед для всех нас будет положено, если мы разрешим народу проголосовать по поводу этого закона. Но не зная, что следует делать, и будучи не в состоянии в одиночку противостоять многим, я уступаю вашим намерениям. 2. Ведь справедливо, чтобы каждый объявлял, что ему кажется полезным для общества, но подчинялся при этом решениям большинства. Однако я могу дать вам следующий совет, ибо вы находитесь в тяжелых и неприятных обстоятельствах, — не уступать консульство ни сейчас, ни в будущем никому, кроме патрициев, которым одним по священному и человеческому праву дозволено получать его. 3. Когда же вы окажетесь перед необходимостью, как ныне, поделитесь и с остальными гражданами высшей властью и магистратурой, назначайте военных трибунов⁷⁷ вместо консулов, ограничив их число тем, сколько нужно — я думаю вполне достаточно восьми или шести — и среди них пусть патрициев будет не меньше, чем плебеев. Ведь, поступая так, вы не уроните власть консулов в руки низменных и недостойных людей, но и не будет казаться, что вы подготавливаете для себя несправедливое господство, не предоставляя плебеям никакой магистратуры». 4. Когда все одобрили его мнение и никто не стал возражать, он сказал: «Послушайте, что я могу посоветовать и вам, консулам. Назначив день, когда вы будете утверждать предварительное постановление и решения сената, дайте слово сторонникам закона и его противникам. После произнесения всех речей, когда настанет время испрашивать мнения, начните не с меня и не с Квинция, здесь при-

⁷⁷ Имеются в виду военные трибуны числом шесть, которые командовали легионом.

существующего, и не с кого-либо другого из старших сенаторов, но с Луция Валерия, который из сенаторов более всех благоволил к плебеям, а вслед за ним вызовите Горация, если он пожелает что-нибудь сказать. Когда же выясните их мнения, тогда только вызывайте говорить нас, стариков. 5. Я в свою очередь выскажу суждение, противоположное предложению трибунов, используя полную свободу слова — ведь именно это на пользу общества. Что же до предложения о военных трибунах, если вам угодно, то пусть его вынесет Тит Генуций: ведь это мнение окажется наиболее подходящим и вызовет наименьше подозрений, если его выскажет твой брат, о Марк Генуций». 6. И этот совет был признан правильным, после чего они разошлись с совещания. На трибунов же напал страх из-за тайной встречи сенаторов, как бы она не оказалась во вред и весьма большой пагубой для народа, поскольку они заседали в частном доме, а не открыто, и никого из руководителей народа не допустили к участию в совещании. И после этой сходки они, в свою очередь собрав самых рьяных сторонников плебея, стали изобретать средства защиты и предосторожности против козней, которые они подозревали против себя со стороны патрициев.

LVII. Когда наступило время принятия предварительного постановления, консулы собрали сенат и, настоятельно призвав к согласию и порядку, предоставили плебейским трибунам, предложившим закон, высказаться первыми. 2. Выступил вперед один из них, Гай Канулей, и не стал доказывать и даже упоминать, что закон справедлив и полезен, но сказал, что он удивляется консулам, поскольку они, уже обсудив и решив между собой, как следует поступить, взялись представлять дело сенату, будто бы оно не обсуждено и нуждается в рассмотрении, и предоставили желающим говорить о нем, прибегая к обману, который не подобает их возрасту и не соответствует величию их власти. 3. Он заявил, что те кладут начало дурным средствам управления, собирая тайные совещания в частных домах и даже не всех сенаторов созывая на них, но только наиболее расположенных к ним. Далее Канулей добавил, что меньше удивлен, если другие сенаторы исключены из этого домашнего сената, но его изумляет, что Марк Гораций и Луций Валерий, ниспровергатели олигархии, мужи консульского достоинства, не менее способные, любого другого, решать общественные дела, оказались недостойны приглашения на совещание. Он не в состоянии понять, на каком законном основании это случилось, но подозревает единственную причину: намереваясь выдвинуть дурные и вредные предложения, направленные против плебеев, консулы не хотели приглашать на сборища такого рода самых больших друзей плебеев, которые обязательно высказали бы свое возмущение и не допустили бы никакого несправедливого решения против плебеев.

LVIII. Поскольку Канулей высказал это с сильным негодованием и сенаторы, не приглашенные на совещание, с гневом восприняли данное обстоятельство, вперед выступил второй из консулов, Генуций, и попытался оправдаться и успокоить их раздражение, доказывая, что они собрали только друзей и не для того, чтобы затеять что-нибудь против народа, но дабы посоветоваться с наиболее близкими людьми, как

поступить, дабы не обидеть ни одну из сторон, то есть внести ли закон на рассмотрение сената сразу или же позднее. 2. Что до Валерия и Горация, сказал он, то не было никакой иной причины не приглашать их на совет, но лишь то, чтобы у плебеев не возникло каких-нибудь неоправданных подозрений на их счет, будто бы они изменили своим политическим убеждениям, а именно, если бы они примкнули к другому мнению, предлагавшему отложить рассмотрение закона на другой, более подходящий, срок. Но так как все приглашенные решили, что предпочтительнее более быстрое рассмотрение, чем перенесение его, то консулы поступают так, как объявлено ими. 3. Сказав это и поклявшись богами, что он действительно говорит правду, а также призвав в свидетели сенаторов, которые были приглашены на собрание, он заявил, что очистится от всякого подозрения не словами, но делами. 4. Ведь после того как желающие отклонить или поддержать закон выскажут свои доводы, он вызовет первыми для объявления своего мнения не самых старших и почтенных сенаторов, кому и эта почесть предоставлена по отеческим обычаям, и не тех, кто находится под подозрением у плебеев, мол, что ничего не говорят и не замышляют полезного для них, но тех из более молодых, кто слывет расположенным к плебеям.

LIX. Пообещав это, он дал разрешение желающим говорить. После того как никто не вышел ни отвергнуть закон, ни защитить его, он вновь выступил вперед и первым спросил Валерия, что полезно для общества и за какое предварительное постановление он советует сенаторам проголосовать. 2. Тот, поднявшись, произнес длинную речь касательно как самого себя, так и предков, которые, по его словам, защищали плебейскую сторону ради блага государства. Он перечислил с самого начала все опасности, которые обрушивались на государство из-за тех, кто преследовал противоположные цели, и показал, что ненависть по отношению к плебеям оказалась невыгодной для всех, кто был враждебен плебсу. Далее он высказал много похвал народу, заявив, что для государства он стал главной причиной не только свободы, но и владычества. Произнеся это и тому подобное, он завершил, что не может быть свободным государство, из которого изгнано равенство. 3. И он сказал, что ему кажется справедливым закон, который предоставляет участие в консульской власти всем римлянам — конечно, тем, кто провел безупречную жизнь и явил деяния, достойные такой чести, — но он думает, что данный случай не является подходящим для рассмотрения этого закона, когда государство находится среди военных затруднений. 4. Он советовал плебейским трибунам позволить запись воинов и не препятствовать выходу в поход набранным войскам; консулам же, когда они наилучшим образом завершат войну, прежде всего внести в народное собрание предварительное постановление о законе. Это должно быть сразу же записано и одобрено всеми сторонами. 5. Данное мнение Валерия и вслед за ним Горация (ведь ему второму консулы предоставили слово) вызвало у всех присутствующих одинаковое чувство. Ибо те, кто хотел покончить с законом, с удовольствием услышали совет о переносе его рассмотрения, но тяжело восприняли необходимость после войны принимать им

по его поводу предварительное постановление. Другие же, кто предпочитал, чтобы закон уже был одобрен сенатом, рады были слышать о признании его справедливым, но с раздражением относились к переносу предварительного постановления на другое время.

LX. Когда в результате этого предложения поднялся, как обычно, шум, ибо обе стороны не были удовлетворены всеми частями его, консул, выступив вперед, спросил третьим Гая Клавдия, который слыл наиболее надменным и могущественным из вождей другой партии, противостоящей плебеям. 2. Он произнес подготовленную речь против плебеев, припомнив все, что, по его мнению, было когда-либо сделано народом вопреки превосходным отеческим установлениям. Сутью, увенчавшей его речь, было то, чтобы консулы вообще не давали сенату рассматривать этот закон, ни в настоящее время, ни позже, поскольку он предложен с целью свержения аристократии и приведет к нарушению всего порядка управления. 3. Когда же после его предложения шум еще больше усилился, четвертым по вызову консулов встал Тит Генуций, брат одного из консулов. Он рассказал вкратце об опасностях, угрожавших городу, что, мол, неизбежно на него обрушится одно из двух тяжелейших бедствий: либо их гражданские распри и соперничество укрепят положение врагов, либо, желая отвести внешнее нападение, они позорно прекратят гражданскую войну. 4. Он заявил, что хотя имеются два бедствия, одному из которых они неизбежно будут вынуждены подчиниться, но ему кажется более выгодным то, чтобы сенат уступил плебеям присвоить некоторую часть установленного порядка отеческого государственного устройства, нежели превратить государство в посмешище для иноземцев и врагов. 5. Произнеся это, он внес предложение, которое уже было одобрено присутствовавшими на собрании в частном доме, то, которое сделал Клавдий, как я упоминал⁷⁸, а именно, вместо консулов назначить военных трибунов — трех из патрициев и трех из плебеев — с консульской властью; когда же истечет срок их полномочий и наступит время назначать новых должностных лиц, чтобы сенат и народ собрались опять и решили, желают ли они отдать власть консулам или военным трибунам, и чье предложение встретит согласие всех голосующих, то и будет иметь силу; а предварительное постановление принимать каждый год.

LXI. Это мнение, предложенное Генуцием, встретило широкое одобрение со стороны всех, и почти все, поднимавшиеся после него, соглашались, что это наилучший выход. По приказу консулов было записано предварительное постановление, и плебейские трибуны, с огромной радостью получив его, проследовали на Форум. Затем, созвав плебс на собрание, они воздали много похвал сенату и убеждали тех из плебеев, кто хотел этого, бороться за магистратуру вместе с патрициями. 2. Но настолько непостоянной вещью является желание без благоразумия и столь быстро оно меняется в другую сторону, особенно применительно к черни, что те, кто до сих пор рассма-

⁷⁸ См. выше гл. 56. 3.

тривал как дело высшей важности получить участие в магистратуре и, если оно не будет даровано им патрициями, был готов покинуть город, как прежде, или добыть его оружием, теперь, когда они добились уступки, сразу оставили свое вождение и переменяли рвение в обратную сторону. 3. Во всяком случае, хотя множество плебеев пытались добиться военного трибуната и прибегали к самым настоятельным просьбам, плебеи никого не сочли достойным такой почести, но, получив право голосовать, избрали военными трибунами соискателей из патрициев, выдающихся мужей Авла Семпрония Атратина, Луция Атилия Луска и Тита Клелия Сикула.

LXII. Они первыми, получили проконсульскую власть⁷⁹, на третьем году восьмидесяти четвертой Олимпиады⁸⁰, когда архонтом в Афинах был Дифил. Но, попользовавшись ею только семьдесят три дня, они добровольно отказались от нее в соответствии с древним обычаем, поскольку исполнять общественные обязанности им помешали некоторые небесные знамения. 2. После того как они сложили свою власть, собрался сенат и избрал интеррексов. Они, назначив выборы должностных лиц, предоставили решение народу — желает ли он избрать военных трибунов или консулов. Поскольку народ решил придерживаться древних обычаев, они предоставили желающим из патрициев домогаться консульской власти. Вновь были избраны консулы из патрициев, а именно, Луций Папирий Мугиллан и Луций Семпроний Атратин, брат одного из отказавшихся от военного трибуната. 3. Эти две магистратуры, обе облеченные высшими полномочиями, были у римлян в течение того же самого года. Однако обе они отмечены не во всех римских летописях, но в некоторых только военные трибуны, в других — консулы, в немногих же — оба вида. Мы согласны с последними и не без причины, но опираясь на свидетельства из священных и тайных книг⁸¹. 4. Никаких других событий, военных или гражданских, достойных упоминания в истории, во время их правления не произошло, кроме договора о дружбе и союзе, заключенного с городом ардеатов: ведь они прекратили свои жалобы по поводу земли и отправили послов, прося принять их в число друзей и союзников римлян. Этот договор был утвержден властью консулов.

LXIII. На следующий год⁸², когда народ вновь проголосовал за назначение консулов, консульскую власть в декабрьские иды получили Марк Геганий Мацерин, во второй раз, и Тит Квинций Капитолин, в пятый раз. 2. Они указали сенату, что много разнообразных дел было оставлено без внимания по причине постоянных военных походов консулов, и особенно самое необходимое из всех — установленная законом оценка имущества⁸³, по которой определялось число лиц, достигших возраста, годного

⁷⁹ См.: *Ливий*. IV. 7.

⁸⁰ Т.е. в 441 г. до н.э.

⁸¹ Возможно, имеются в виду *Libri Linteii*, цитируемые Лицинием Макром, согласно Ливию (IV. 7. 12).

⁸² Т.е. 443 г. до н.э. Об этом см.: *Ливий*. IV. 8.

⁸³ Имеется в виду ценз.

к военной службе, и размеры имущества, с которого каждый должен был уплачивать налоги на ведение войны. Никакой оценки не совершалось в течение семнадцати лет, со времени [консульства] Луция Корнелия и Квинта Фабия⁸⁴, [так что] ... самые дурные и безнравственные из римлян останутся, но переменят место на то, в котором им достанется вести жизнь, какую они для себя выбрали⁸⁵.

---

⁸⁴ О них см.: *Дионисий*. X. 20 и след. Однако там нет упоминаний о проведении ценза.

⁸⁵ Здесь лакуна примерно в двадцать букв, которая затрудняет понимание текста. В рукописи М наиболее полное восстановление: «Так что добропорядочные и полезные граждане будут в почете и обладать военным командованием, но самые безнравственные и дурные останутся презируемыми и перейдут на другое место, в котором им останется вести жизнь, которую выбрали себе».

Книга XII

О заговоре Спурия Мелия — Сенат наделяет властью диктатора Луция Квинция Цинцинната —
Сведения о смерти Мелия — Эпизод сражения трибуна Авла Корнелия с Толумнием —
Эпизоды событий, произошедших в Риме в различные времена при разных правителях

1. Когда в Риме разразился сильный голод, некий человек (и рода не известного, и по деньгам из числа самых состоятельных), Спурий Мелий¹, по прозвищу «Счастливец», полученному за большое богатство, недавно унаследовавший имущество отца, в силу же возраста и принадлежности к всадническому сословию не имевший права занимать должности или исполнять какую-нибудь иную общественную обязанность, прославленный, как никто другой, в военных делах и украшенный многочисленными наградами за доблесть, счел момент наиболее удобным для установления тирании и обратился к заискиванию перед толпой — наиболее легкому из всех путей, ведущих к тирании. 2. Так вот, имея много друзей и клиентов, он разослал их в разные стороны, дав денег из личных средств для закупки продуктов питания, да и сам отправился в Этрурию. Доставив за короткое время благодаря своим усилиям и помощи друзей большое количество продовольствия, он стал раздавать его согражданам, отмеривая модий² за два денария³ вместо двенадцати, а тех, кто, как он понимал, совершенно неимущ и не в состоянии предоставить плату даже за ежедневное пропитание, снабжал безвозмездно. 3. Расположив к себе народ такой благотворительностью и стяжав удивительно великую славу, он опять отправился, чтобы закупить дополнительное продовольствие, и немного погодя вернулся со множеством речных судов, сплошь заполненных съестными припасами, и тем же самым образом стал раздавать их согражданам.

4. Патриции же, видя эти дела, начали относиться к нему с подозрением, полагая, что ничего хорошего не изведать им от чрезмерной щедрости этого человека, и, собираясь вместе на Форуме, обсуждали, каким наиболее подходящим безопасным способом следует заставить его отказаться от подобных мероприятий. Сначала они встречались и беседовали друг с другом тайно и в небольшом числе, затем стали и открыто обвинять, поскольку тот был тягостен и невыносим, совершая деяния, преисполненные гордыни, и самоуверенно разглагольствуя о себе самом. 5. А именно, во-первых, он, сидя на заметном возвышении, каков обычай у должностных лиц, в течение дня давал проходящим к нему ответы по поводу раздачи хлеба, лишая этой чести назначенного сенатом префекта⁴. 6. Далее, он постоянно проводил народные сходки, хотя не было у римлян заведено, чтобы частное лицо созывало народную сходку, и перед народом много обвинял Минуция, что тот, мол, только носит имя власти, но не совершил никакого полезного беднякам дела. Сильно упрекал он перед

¹ О заговоре Спурия Мелия также см.: *Ливий*. IV. 12. 6–16. События имели место в 440–438 гг. до н.э.

² Модий составлял 8, 754 литра.

³ Дионисий употребил греческое название серебряной монеты (драхма). В действительности во второй половине V в. до н.э. в Риме использовались медные ассы в виде брусков. Денарии появились в 269 г. до н.э. и равнялись 10 ассам. Согласно сообщению Ливия (IV. 16. 2), после убийства Спурия Мелия принадлежавший ему хлеб был распродан по одному ассу за модий.

⁴ Луций Минуций. При Республике это была чрезвычайная должность, лишь при Августе с 6 г. н.э. стал постоянно назначаться префект по снабжению Рима продовольствием (*praefectus annonae*).

народом и патрициев, утверждая, что они совершают такие действия, вследствие которых народ будет иметь малое значение или вообще никакого, и даже при нехватке хлеба не проявляют никакой заботы о неимущих, — ни все вместе, ни влиятельные граждане лично, — хотя более всего было необходимо, чтобы они, подобно ему, пожертвовав деньгами и собой, отовсюду привезли в город продовольствие. 7. Он просил сравнить свершенное им самим с делами тех, патрициев, насколько они целиком и полностью разнятся друг от друга: ведь те, ничего не тратя для общества из собственных средств, еще и общественную землю присвоили, пользуясь ею уже длительное время; напротив, он, ничего не имея из общественной собственности, еще и отчее имущество расходует на помощь беднякам, а когда заканчиваются наличные средства, делает займы у друзей, ничего не получая взамен за подобную щедрость, за исключением благоволения сограждан, дороже чего он не ценит никакое богатство на свете. 8. Сторонники постоянно называли его спасителем, отцом и основателем отечества. Они заявляли, что если предоставить ему консульскую власть, это окажется благодарностью, несопоставимой с величиной его деяний, и предлагали удостоить его какой-нибудь другой почести, более значительной и величественной, которой будут обладать и его потомки. 9. Когда же он совершил и третью поездку на побережье Италии, из которой вернулся обратно в Остию, порт Рима, со множеством грузовых судов с хлебом из Кум⁵ и из гаваней около Мизен⁶ и завалил город продуктами питания, так что никакого уже не стало отличия от прежнего изобилия, весь народ был готов, как только получит возможность голосовать на выборах должностных лиц, — будет ли тот добиваться консульства или какой-нибудь иной почести, — предоставить ему это, не обращая никакого внимания ни на преграды закона, ни на противодействия человека. 10. Видя это, вожди аристократии, не желая потворствовать и не имея силы воспрепятствовать, находились все в совершенном отчаянии. И они были приведены в еще большее замешательство, когда и плебейские трибуны, и консулы стали запрещать ему созывать народные сходки и выступать с речами, но народ, собравшись, прогнал их с Форума, чем обеспечил Мелию значительную уверенность и силу.

11. Итак, когда город находился в таком вот положении, назначенный префект по снабжению продовольствием злился на оскорбления в речах, которыми Мелий не переставал поносить его на народных сходках, но и опасался его больше всех остальных, как бы тот, если получит какую-нибудь должность, не поставил себя выше⁷ аристократии или, подстрекнув против него народ, не замыслил и не осуществил

⁵ Кумы — см. примеч. 12 к кн. VII.

⁶ Мизены — мыс и город в Кампании приблизительно в 9 км к югу от Кум, в северной части Неаполитанского залива. Август основал здесь постоянную военно-морскую базу.

⁷ Текст далее вызывает сомнения. Конъектуры, предложенные Постом (Post), дают следующий перевод: «как бы тот ... не произвел (на нем) первое испытание аристократии, или подстрекнув против него народ, или замыслив в отношении него какой-нибудь план с помощью своих сторонников».

в отношении него какой-нибудь план с помощью своих сторонников. Возмущаясь по обеим этим причинам и стремясь избавиться от человека, имеющего большую власть, чем положено частному лицу, он стал проводить тщательное расследование и его слов, и его дел. 12. А поскольку имелось много таких, кого этот человек использовал как помощников в своих тайных намерениях, и они не были одинаковы по природе и близки во взглядах, нашелся некто, кто, по всей вероятности, не оказался его верным другом — или из-за страха, или из-за личной выгоды. Предоставив ему гарантии, что никому не расскажет о нем, Минуций узнал обо всех замыслах Мелия и их подготовке. 13. Когда же он получил бесспорные доказательства и узнал, что опасность уже налицо, то сообщает об этом консулам. А те, не желая проводить расследование столь серьезного дела только собственными силами, подумали, что вопрос следует доложить сенату, и тотчас созвали его заседание, как будто намереваясь посоветоваться о какой-то внешней войне. 14. Когда же сенат быстро собрался, один из них выступил и рассказал, что им сообщили о подготовленном против государства заговоре, требующем весьма серьезных и немедленных мер предосторожности в силу величины опасности. Далее он поведал, что сообщивший об этом является не каким-нибудь простым гражданином, но тем, кого они сами за доблесть назначили на величайшую и очень важную для общества должность, испытав его честность и рвение в общественных делах по его поведению на протяжении всей жизни. 15. Итак, когда взволнованный сенат замер в ожидании, он призвал Минуция, и тот сказал: [Ищи в разделе о публичных выступлениях.]⁸ *Esc.*

II. Когда же сенату было это сообщено, они назначают диктатора, а он — начальника конницы ...⁹ и приказал тому прибыть к нему вместе со всадниками около полуночи, а сенаторам — еще на рассвете собраться на Капитолии, Минуцию же — взяв доносчика и позаботившись о прочих доказательствах, явиться к ораторскому возвышению, и всем — хранить решения в тайне от тех, кто не входит в сенат, говоря, что есть только одно условие безопасности, а именно, если Мелий ничего не узнает о сказанном и сделанном в его отношении. 2. Распорядившись и об остальном, в чем была необходимость, он всех задержал в здании сената до захода солнца, а распустил собрание, когда уже стемнело. Когда же наступила полночь, отправившись из дома ...¹⁰ он вышел на заре во главе отборных воинов обоих консулов и в сопровождении самих консулов. 3. Итак, вместе с сенаторами они на рассвете заняли Капитолий и взяли его под охрану.

Мелий, ничего не зная об этом, вышел на Форум, когда начался день, и, восседая на ораторском возвышении, давал советы тем, кто просил. А немного погодя к нему

⁸ Здесь и далее в квадратных скобках в конце некоторых глав в книгах XII—XIX приводятся имеющиеся в рукописях отсылки.

⁹ Мюллер (Müller) считает, что здесь лакуна, а пропущено слово «назначив» или «назвав».

¹⁰ Издатели признают здесь лакуну.

подошел начальник конницы Сервилий вместе с лучшими из всадников, имевшими под одеждой мечи¹¹, и, остановившись подле него, произносит: 4. «Диктатор приказывает тебе, Мелий, явиться к нему». А тот, возразив, сказал: «Что за диктатор приказывает мне, Сервилий, прийти к нему? Как и когда он появился?» И в то же время в замешательстве он оглядел стоявших вокруг возвышения. Поскольку же всех охватило молчание, ввиду того что никто не был осведомлен о действиях сената, снова заговорил Сервилий: «Вчера сенату было доложено о тебе, о Мелий, что ты готовишь переворот, — возможно, неверно: ведь недостойно осуждать кого-либо заранее на основании одного только обвинения. 5. Сенат, решив изучить этот доклад, заявил, что обстоятельства требуют диктатора, поскольку он подвергается немалой опасности, и наделил этой властью Луция Квинция Цинцинната, которого и ты, конечно, знаешь как наилучшего из патрициев и дважды уже безупречно занимавшего названную должность. 6. Вот что за человек, желая устроить для тебя судебный процесс и предоставить там тебе слово, отправил нас, — меня как начальника конницы вместе с этими вот мужами, — чтобы привести тебя в безопасности для оправданий. Если же ты убежден, что ничего противозаконного не совершал, то иди и защищай свои права перед человеком, любящим свою родину, который не захочет избавиться от тебя ни вследствие всеобщей ненависти, ни под каким-нибудь другим несправедливым предлогом». 7. Но когда Мелий услышал это, то вскочил и громко закричал: «Плебеи, помогите мне, похищаемому власть имущими из-за благосклонности к вам! Ведь не на суд они приглашают меня, но вызывают на смерть!» А когда вокруг возвышения поднялся крик и страшный переполох, Мелий, осознав, что тех, кто намерен схватить его, больше, чем тех, кто спешит на помощь, и, кроме того, недалеко находятся с оружием другие, быстро спрыгнул с возвышения и поспешно бросился бегом через площадь спасаться домой. 8. Но, настигаемый всадниками, он вбегает в мясную лавку и, схватив нож, используемый рубшиками мяса, наносит удар первому приблизившемуся к нему. Затем, когда ворвалась большая толпа, он продолжал защищаться и на короткое время оказал сопротивление, но кем-то у него была отсечена рука, он падает и погибает, изрубленный, подобно дикому зверю.

9. Итак, Мелию, возжелавшему великих дел, которому весьма немного не хватило, чтобы захватить власть над римлянами, выпал на долю столь незавидный и горький конец. А когда тело было вынесено на Форум и оказалось на виду у всех, то были и беготня, и крик, и переполох среди всех находившихся на площади — одни скорбели, другие же негодовали, а третьи порывались напасть на содевших это. 10. Когда же началось такое волнение, диктатор понял, что всадники осуществили порученное им

¹¹ Дионисий употребил греческий термин «гиматии» (см. примеч. 23 к кн. VII). Вероятно, имелись в виду тоги — верхняя мужская одежда в Риме из драпированного куска шерстяной ткани размером около 5,5 x 2,5 м (в классическом варианте).

дело, и спустился из крепости на Форум, сопровождаемый всеми сенаторами и окруженный всадниками, показывавшими обнаженные мечи. Выступив перед народом на собрании, он распустил толпу. *Esc.*

III. (1) «... имея вокруг себя людей, набранных из всех видов порока, кого он вскармливал, подобно диким зверям, против родины¹². Конечно, если бы он послушался меня и показал себя уважающим законы, это дало бы ему величайший вес при защите и было бы немалым доказательством, что он ничего не замышлял против родины. Ныне же, терзаемый совестью, он испытал то, что терпят все возымевшие нечестивые намерения против самых близких себе. Он решил избежать расследования и попытался прогнать явившихся за ним всадников, нанося удары мясницким ножом ...» *Ambr.*

IV. А из плебеев те, кто не участвовал в замыслах по уничтожению государственного строя, возмущались и с гневом воспринимали попытку этого человека, другие же, кто принял участие в заговоре, освобожденные от страха, притворно радовались и восхваляли сенат за принятые меры. И лишь немногие из них, самые порочные, осмеливались в ближайшие дни болтать, что, мол, Мелий устранил власть имущими, и пытались взбунтовать народ. Тайно казнив их, диктатор после прекращения смуты слагает с себя власть.

2. Именно таким образом рассказывали те, чьи сведения о смерти Мелия представляются мне наиболее заслуживающими доверия. Однако пусть будет высказано и мнение, кажущееся мне менее убедительным, которого придерживались Цинций¹³ и Кальпурний¹⁴, местные историки. Они говорят, что ни Квинция сенат не назначал диктатором, ни Квинций Сервилия — начальником конницы. 3. А именно, когда Минуцием было сделано сообщение, присутствующие в сенате, поверив в истинность сказанного, согласились с предложением одного из старших сенаторов немедленно казнить указанного человека без суда и, соответственно, поручили это дело Сервилию, поскольку тот был молод и на руку смел. 4. Он, говорят, взяв подмышку небольшой меч, пошел к Мелию, когда тот уходил с Форума, и, подойдя, сказал, что хочет переговорить с ним о деле тайном и важном. Когда же Мелий приказал тем, кто находился рядом с ним, немного отойти, Сервилий, как только увидел, что тот остался один, без охраны, сразу обнажил меч и вонзил ему в горло. Совершив это,

¹² По всей видимости, это отрывок из речи диктатора Цинцинната перед народным собранием. Ср.: *Ливий*. IV. 15.

¹³ Луций Цинций Алимент (вторая половина III в. до н.э.) — претор 210 г. до н.э., автор римской истории «Анналы» на греческом языке, представитель так называемой «старшей анналистики».

¹⁴ Луций Кальпурний Пизон Фруги (вторая половина II в. до н.э.) — плебейский трибун 149 г. до н.э., консул 133 г. до н.э., цензор 120 г. до н.э. Представитель так называемой «средней анналистики», автор римской истории «Анналы» на латинском языке в семи книгах, которой широко пользовались более поздние историки. Изложил события от Энея до современной ему эпохи.

он бегом бросился к зданию сената, где еще заседали сенаторы, потрясая окровавленным мечом и крича преследователям, что уничтожили тирана по приказу сената. 5. А те, хотя были готовы бить его и бросать в него камни, услышав упоминание сената, отказались от этого и ничего противозаконного против него не совершили. За это, говорят, и было ему дано прозвище «Ала» (Аhala), поскольку он пошел к Мелию, имея меч под мышкой: ведь римляне называют подмышки «ала» (ala).

6. Когда же этот человек тем или иным способом был убит, сенат, собравшись, постановил обратить его имущество в общественную собственность и скрыть до основания его дом. Это место еще и в мое время одно было оставлено незастроенным среди многочисленных обступающих зданий, называясь у римлян Эквимелий (Aequimelium) или, как сказали бы мы, «равнина Мелия»: ведь «экон» (aequum) у римлян называется то, что не имеет никакого выступа. Следовательно, некое место, вначале названное «Экон Мелий», позднее, когда слова слились друг с другом в единое произношение, назвали «Эквимелий»¹⁵. А Минуцию, предоставившему сведения насчет Мелия, сенат постановил воздвигнуть статую. *Esc.*; (р. 214, лл. 12–18) *Ambr.*

V. (2) Когда тиррены, фиденяне¹⁶ и вейяне вели войну с римлянами¹⁷ и Ларс Толумний, царь тирренов, причинил римлянам страшный урон, один римский военный трибун, Авл Корнелий, по прозвищу Косс, погнал своего коня против Толумния, и, когда оказался рядом, они направляют копья друг против друга. 2. И вот Толумний наносит удар в грудь вражеского коня, который, встав на дыбы, сбрасывает всадника. А Корнелий, вонзив копье сквозь щит и панцирь в бок, опрокидывает Толумния с коня и, когда тот еще поднимался, бьет мечом в пах. 3. Убив его и сняв доспехи, он не только отогнал нападавших на него всадников и пеших воинов, но и поверг в отчаяние и страх тех, кто оказывал сопротивление на обоих флангах. *Ambr.*

VI. (3) Когда консулами были Авл Корнелий Косс, второй раз, и Тит Квинций¹⁸, страна пострадала от сильной засухи, испытывав нехватку всякой влаги — не только дождевой, но и проточной. И от этого падеж мелкого, вьючного и крупного рогатого скота стал всеобщим, а на людей обрушились многочисленные и разнообразные болезни, особенно же так называемая чесотка, причинявшая коже страшные муки вследствие зуда и свирепствовавшая еще больше из-за нагноений, — мучение из числа тех, которые вызывают наибольшее сострадание, и причина самой скорой гибели.

¹⁵ Эквимелий (Aequimelium) — пустырь к юго-востоку от Капитолия. Варрон (О латинском языке. V. 157) производит это название от aequata Maeli domus («скрытый до основания дом Мелия»), а Цицерон (О своем доме. 101) — от aequum («справедливо») и Maelio («на Мелия») было наложено это наказание).

¹⁶ Фиденяне — римская колония в 8 км к северу от Рима, в 438 г. до н.э. перешедшая на сторону Вей (*Ливий*. IV. 17.1–7).

¹⁷ В 437 г. до н.э. О подвиге Косса ср.: *Ливий*. IV. 19. 1–5. О значении его подвига см.: *Ливий*. IV. 20.

¹⁸ В 428 г. до н.э. Ливий называет Квинция, а не Косса, консулом во второй раз. Ср.: *Ливий*. IV. 30. 4–11.

(4) 2. Руководители сената не считали правильным сохранять глубокий мир и длительный отдых, зная, что вместе с миром в государства входят праздность и распушенность, и одновременно опасаясь гражданских смут. И ведь эти смуты, тяжкие и непрерывные, после прекращения внешних войн возникали по всякому поводу.

3. Лучше превосходить врагов в человеколюбии, чем в мести: благодаря ему, даже если нет ничего другого, все же, несомненно, у людей становятся более сладостными упования на милости от богов. *Ambr.*

(5) 4. Когда он заметил подходящих с тыла врагов¹⁹, то окруженный противником со всех сторон оставил надежду повернуть назад, понимая, что все подвергнутся опасности погибнуть самым позорным образом, не совершив никакого благородного деяния, ибо придется сражаться в меньшем числе с превосходящими силами и тяжеловооруженным против легковооруженных. Увидев же какой-то достаточно высокий холм, который находился недалеко от него, он решил занять его. *Ambr.*

(6) 5. Агриппа Менений, Публий Лукреций и Сервий Навций, удостоенные избрания в военные трибуны, раскрыли некий заговор против государства, организованный рабами²⁰. 6. Намеревались же участники заговора ночью поджечь дома во многих местах одновременно и затем, когда увидят, что все бросились на помощь горящим зданиям, захватить Капитолий и прочие укрепленные места, а завладев городскими укреплениями, — призвать к свободе остальных рабов и вместе с ними, умертвив господ, присвоить себе жен и имущество убитых. 7. Когда же дело стало известным, зачинщики заговора были схвачены и после бичевания распяты на крестах. А каждый из тех, кто донес на них, — было их двое, — получил свободу и по тысяче²¹ денариев из казны. *Ambr.*

VII. (7) Римский военный трибун очень старался завершить войну за несколько дней, поскольку, мол, дело это, несомненно, легкое и в его силах будет одной битвой подчинить врагов. 2. Но вражеский командующий, зная и военный опыт римлян, и стойкость среди опасностей, решил не вступать с ними в равное и открытое сражение в боевом порядке, а вести войну с помощью каких-нибудь уловок и хитростей и подстергать, не предоставят ли те сами в отношении себя какую-нибудь выгоду ему. *Ambr.*

Раненый и чуть было не умерший. *Ambr.*

VIII. (8) В Риме была суровая зима, и там, где выпало меньше всего снега, он был глубиной не менее семи футов²². И случилось так, что от непогоды погибли и некоторые люди, а также много мелкого рогатого скота и немалая часть прочих

¹⁹ Видимо, об этом же эпизоде рассказывает и Ливий (IV. 39. 4).

²⁰ В 419 г. до н. э. Ливий дает имя Спурий Навций. Ср.: *Ливий*. IV. 44. 13; 45. 1–2.

²¹ Слово «тысяча», отсутствующее в рукописи, добавил Мэй (Mai). У Ливия (IV. 45. 2) названа сумма в десять тысяч тяжелых ассов каждому.

²² Ср.: *Ливий*. V. 13. 1. Греческий фут (ступня) составлял 30, 8 см.

домашних животных и вьючного скота, одни — получив обморожения, другие же из-за нехватки привычного корма. 2. А те из плодовых деревьев, которые по природе не могли переносить избыток снега, одни полностью засохли, другие же, чьи завязи были обожжены морозом, стали бесплодными на длительное время. Было повреждено и множество домов, а некоторые даже полностью разрушены, особенно те, что из камня, вследствие оттепели и таяния снега. 3. Мы не имеем сведений в исторических повествованиях касательно этих земель, чтобы подобное несчастье когда-либо случилось раньше или позже вплоть до нашего времени, ведь земли эти лишь немного севернее средней зоны²³, на параллели, рисуемой над Афоном²⁴ через Геллеспонт. А тогда первый и единственный раз состояние атмосферы данной местности отклонилось от обычной температуры. *Ambr.*

IX. (9) По приказу Сивилиных оракулов²⁵ римляне проводили праздник, называемый на местном языке словом «ложе»²⁶. А к рассмотрению оракулов их побудило начало какой-то заразной болезни, ниспосланной богами и неизлечимой человеческим искусством. 2. Они украсили три ложа, как приказали оракулы, одно — для Аполлона и Латоны, другое — для Геркулеса и Дианы, а третье — для Меркурия и Нептуна²⁷. И в течение семи дней все непрерывно приносили жертвы, от лица общества и от себя лично, каждый жертвуя богам первинки сообразно собственным возможностям, а также устраивая весьма пышные угощения и принимая у себя проживавших там иноземцев. (10) 3. А Пизон²⁸, бывший цензор, в своем сочинении «Анналы» добавляет еще и такое: хотя рабы, которых господа раньше держали в оковах, были от них избавлены, и город был переполнен толпой иноземцев, и дома были открыты днем и ночью, и всякий, кто хотел, беспрепятственно входил в них, никто не пожаловался, что пропало какое-нибудь имущество или кто-либо кем-либо был обижен, в то время, как обычно, праздничные дни из-за попок приносят много дурных и противозаконных деяний. *Ambr.*

²³ Греческие географы делили известный им обитаемый мир на несколько зон (*climata*). Средняя проходила по параллели острова Родос.

²⁴ Конъектура Поста (*Post*). Рукописи дают «Афины». Рим, действительно, располагался примерно лишь на 2° севернее обозначенной здесь параллели, которая проходила чуть севернее границы средней зоны (см.: *Страбон*. II. 5. 40).

²⁵ См. примеч. 39 к кн. VIII.

²⁶ В 399 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. V. 13. 4–8. Обряд назывался *lectisternium* (от латинских слов *lectus* — «ложе» и *sternere* — «стлать»). Это был первый случай публичного осуществления данного обряда, состоявшего в том, что на ложах выставлялись изображения богов, а перед ними — столы с угощением.

²⁷ У Дионисия названы греческие боги: Аполлон (бог света, искусства, прорицания и врачевания), Лето (его мать), Геракл (ставший богом за свои подвиги), Артемида (сестра Аполлона, покровительница охоты, лесов и плодородия, в том числе деторождения), Гермес (вестник богов, покровитель торговли и путешественников, сопровождал души умерших в подземное царство) и Посейдон (бог морей и влаги в целом, а также покровитель коневодства).

²⁸ См. примеч. 14.

Х. (11) Во время осады римлянами вейян²⁹, около восхода Собачьей звезды (Сириуса), когда в наибольшей степени пересыхают и водоемы, и все реки, за исключением одного египетского Нила, некое озеро, находящееся от Рима на расстоянии не менее ста двадцати стадиев в горах, именуемых Альбанскими, рядом с которым в древности располагалась метрополия римлян, — это озеро, хотя не было ни дождей, ни снегопадов, ни по какой-нибудь иной причине, видимой людям, получило такой прирост воды от своих источников, что затопило значительную часть территории близ гор и разрушило многие сельские жилища, а в конце концов даже пробило ущелье между горами и разлилось могучей рекой на расположенные ниже равнины. (12) 2. Узнав об этом, римляне в уверенности, что какое-то божество гневается на их государство, сначала постановили умилостивить жертвами богов и младших божеств, которые властвуют над этим краем, и спросили местных гадалей, не могут ли они что-нибудь сказать. Но так как ни озеро не возвращалось к своему прежнему состоянию, ни гадалки не говорили ничего определенного, лишь советовали обратиться к богу, римляне отправили послов к Дельфийскому оракулу³⁰. *Ambr.*

XI. (13) В это же время некоему вейянину, сведущему благодаря своим предкам в местном гадании, случилось стоять на страже на стене, а один центурион из Рима был его давним знакомым. Этот центурион, оказавшись однажды рядом со стеной и сказав тому человеку обычные приветствия, заметил, что жалеет его по поводу несчастья, которое обрушится на него и других, если город будет захвачен. 2. И тиррен, слышав уже о разливе Альбанского озера и зная древние пророчества о нем, рассмеялся и сказал: «Какое благо заранее знать будущее! Вы же из-за неведения того, что предстоит, терпите бесконечную войну и напрасные труды, рассчитывая разрушить город вейян. А если бы кто-нибудь открыл вам, что этому городу суждено быть взятым лишь тогда, когда озеро возле Альбанской горы, испытав нехватку собственных источников, не будет больше смешиваться с морем, то вы прекратили бы и себя изнурять, и нас беспокоить». 3. Услышав это, римлянин серьезно задумался про себя, но в тот раз ушел. (14) А на следующий день, предварительно доложив военным трибунам, что он задумал, явился на то же самое место без оружия, так что насчет него тиррен не возмел никаких подозрений по поводу замысла. Поприветствовав, как обычно, он сначала поведал другое о постигшем римский лагерь затруднении, чем полагал порадовать тиррена, а затем попросил истолковать ему некоторые знаки и предзнаменования, недавно явленные военным трибунам. 4. Предсказатель доверился его словам, не опасаясь никакого обмана, и, приказав стоявшим рядом с ним отойти, сам в одиночку последовал за центурионом. А римлянин,

²⁹ О событиях, изложенных в главах X—XII, также см.: *Ливий*. V. 15; 16. 1; 8—11; 17. 1; 19. 1; *Цицерон*. О дивинации. I. 100; II. 69; *Плутарх*. Камилл. 3—4.

³⁰ Оракул Аполлона в средней Греции, в Фокиде, расцвет славы и могущества которого приходился как раз на V в. до н.э.

заманивая его затейной для обмана беседой все дальше и дальше от стены, как только оказался рядом с укреплениями, обхватил его посередине обеими руками, поднял и унес к римскому лагерю. *Ambr.*

XII. (15) Военные трибуны, и словами обхаживая этого человека, и запугивая угрозами пыток, побудили его рассказать все, что он скрывал по поводу Альбанского озера. Затем они отправляют его к сенату. Однако у членов сената сложилось не однозначное мнение, но одним тиррен казался каким-то мошенником и шарманом, который приписывает божеству свое толкование оракула, а другим — что он сказал вполне искренно. (16) 2. И когда сенат находился в таком замешательстве, прибыли отправленные ранее в Дельфы послы, везя с собой оракулы, совпадающие с тем, что уже сообщили тиррен, а именно: боги и младшие божества, которые получили в удел город вейян, обещают им хранить незыблемым доставшееся от предков благоденствие столько времени, сколько потоки озера у Альбанской горы будут разливаться и течь до моря; 3. но когда те, утратив свой собственный природный характер и старинные пути, отклонятся на другие, так что уже не будут смешиваться с морем, тогда и будет разрушен их город; и это вскоре произойдет благодаря римлянам, если с помощью прорытых в различных местах каналов они отведут излишние воды на равнины вдали от моря. Узнав это, римляне тут же для указанных дел назначили мастеров. *Ambr.*

XIII. (17) Когда же вейяне услышали об этом от одного пленника, они пожелали отправить к осаждающим вестников по поводу прекращения войны, прежде чем город будет захвачен приступом, и послами назначают старейших граждан. 2. А после того как римский сенат отклонил примирение, все послы молча вышли из здания сената, но один, самый знаменитый из них и опытнейший в искусстве гадания, задержавшись у дверей и окинув взглядом всех присутствовавших в сенате, сказал: «Прекрасное, о римляне, и великолепное решение вы объявили, вы, претендующие на власть над соседями в силу доблести, если отказываетесь иметь в подчинении город не малый и не безвестный, хотя он слагает оружие и сдается вам, но предпочитаете с корнем уничтожить его, не опасаясь гнева со стороны божества и не обращая внимания на осуждение со стороны людей! 3. За это настигнет вас от богов справедливое возмездие, которое покарает таким же образом: ибо, лишив вейян родины, вы немного погодя потеряете собственную». *Ambr.*

(18) 4. А когда вскоре город³¹ был взят, одни жители, оказавшись смелыми мужами, бросились на врагов и были изрублены, при этом сами многих убили, другие же погибли, заколов себя собственноручно. Кому же в силу трусости и низости души все ужасы казались приемлемее смерти, те, бросив оружие, сдавались победителям. *Ambr.*

XIV. (19) Диктатор Камилл³², под чьим командованием Вейи были взяты, встав вместе с самыми выдающимися римлянами на какой-то возвышенности, откуда был

³¹ Вейи. Ср.: *Ливий*. V. 21. 12–14.

³² Об истории, изложенной в главах XIV и XVI, также см.: *Ливий*. V. 21. 14–16; *Плутарх*. Камилл. 5.

виден весь город, сначала поздравил себя с этим успехом, поскольку ему удалось без особого труда захватить великий и преуспевающий город, который являлся не самой незначительной частью Тиррении, — в то время процветавшей и наиболее могущественной среди живших в Италии народов, — напротив, он постоянно оспаривал у римлян власть и выдержал много войн вплоть до десятого поколения, а с тех пор как начал эту войну и подвергся непрерывной осаде, терпел осаду в течение десяти лет, испытал всякую судьбу. (20) 2. Затем, поразмыслив, что человеческое счастье зависит от незначительного колебания и никакое благо не является постоянным, он воздел к небу руки и взмолился Юпитеру и остальным богам — прежде всего, чтобы нынешнее счастье не вызвало зависти к нему самому и к родине, а если какому-нибудь несчастью в противовес этим благам суждено обрушиться на римское государство в целом или на его собственную жизнь, пусть оно окажется наименьшим и самым умеренным. *Ambr.*

XV. (21) Был же город веянн для проживания ничем не хуже Рима, имея много плодородной земли, частично холмистой, частично равнинной, а также очень чистый и благоприятный для здоровья людей воздух, поскольку вблизи не было никаких болот, откуда распространяются тяжкие и зловонные испарения, и ни от какой реки не веяло на рассвете холодным ветром, к тому же источники воды не были скудными или заимствуемыми извне, но собственными, обильными и наилучшими для питья. *Ambr.*

XVI. (22) Говорят, что Эней³³, сын Анхиза и Афродиты, когда приплыл в Италию и решил совершить жертвоприношение кому-то из богов, заметил, собираясь после молитвы принести в жертву приготовленное для обряда животное, приближающегося издали кого-то из ахейцев, то ли Одиссея, когда тот хотел обратиться к оракулу около Авернского озера³⁴, то ли Диомеда, когда тот явился к Давну³⁵ как союзник. 2. Будучи раздосадован совпадением и желая отворотить как дурное предзнаменование появившийся во время священнодействий вражеский облик, он закутался и отвернулся, а после ухода врага, омыв опять руки, завершил жертвоприношение. 3. А поскольку жертвы оказались благоприятнее, он обрадовался случившемуся и этот же обычай соблюдал при каждой молитве, и его потомки также сохраняют его как одно из установлений касательно священнодействий. (23) 4. Следуя, несомненно, отеческим обычаям, Камилл, после того как вознес молитву и натянул на голову плащ, хотел повернуться, но у него подвернулась нога, и он, не сумев удержаться, падает навзничь. 5. Хотя такое предзнаменование не требовало разъяснения и не вызывало сомнения, но и для самого простого человека легко было истолковать его,

³³Троянский царевич, легендарный прародитель римлян. См.: *Дионисий*. I. 45–64.

³⁴См. примеч. 26 к кн. VII.

³⁵Мифический царь северной Апулии, отец или предок царя племени рутулов Турна, главного врага Энея после его прибытия в Италию.

что было совершенно неизбежно тому упасть неподобающим образом, он все же не считал необходимыми ни меры предосторожности, ни сакральное искупление, а обратил это в удобный себе смысл — мол, боги прислушались к его молитвам и устроили так, чтобы зло оказалось совсем незначительным. *Ambr.*

Книга XIII

Рассказ об осаде Камиллом города фалисков — События, произошедшие во время правления консулов после Камилла — Взятие города галлами, кроме Капитолия — Осада Капитолия — Переговоры галлов с римлянами о выкупе города — Причина прихода галлов в Италию

I. (1) Когда Камилл осаждал город фалисков¹, один из жителей, то ли отчаявшись в спасении города, то ли стремясь к личной выгоде, обманул детей из самых видных семейств, — а был он школьным учителем, — и вывел их из города будто бы прогуляться перед крепостной стеной и посмотреть на римский лагерь². 2. Понемногу увлекая их все дальше от города, он приводит детей к римскому сторожевому посту и передает выбежавшим воинам. Доставленный ими к Камиллу, он сказал, что уже давно замыслил подчинить город римлянам, но не имея никакой власти — ни над крепостью, ни над воротами, ни над оружием, — придумал такой способ: отдать в их руки сыновей знатнейших граждан, посчитав, что неизбежная необходимость заставит их отцов, озабоченных спасением детей, быстрее сдать город римлянам. 3. Несомненно, он говорил это, имея большие надежды получить какую-нибудь отменную награду за предательство. *Ambr.*

II. (2) Но Камилл, передав учителя и детей под стражу, о случившемся уведомил письмом сенат и спросил, что следует делать. 2. Когда же сенат предоставил ему поступать так, как ему самому покажется наилучшим, он вывел учителя вместе с детьми из лагеря и распорядился установить полководческое кресло неподалеку от городских ворот. Как только сбежалась большая толпа, — одни на стены, другие к воротам, — Камилл сначала сообщил фалискам, какое преступление решился совершить против них учитель, а затем приказал служителям сорвать одежду с этого человека и бичевать его тело множеством ударов. 3. Когда же он счел, что этого наказания достаточно, то раздал детям розги и приказал гнать того в город со связанными сзади руками, избивая и всячески издеваясь. Фалиски же, получив обратно своих детей и достойно наказав учителя за преступный замысел, сдали город Камиллу. *Ambr.*

III. (3) Тот же самый Камилл, когда вел войну против города вейян, дал обет Юноне-Царице вейян, если овладеет городом, воздвигнуть в Риме ее изваяние и учредить для нее пышное почитание³. 2. И после взятия города он отправил самых выдающихся всадников, чтобы снять статую с пьедестала. Когда же посланцы вошли в храм и кто-то из них, то ли в шутку и смеха ради, то ли желая предзнаменования, спросил, хочет ли богиня перейти в Рим, изваяние произнесло громким голосом, что хочет. Это произошло даже дважды: ведь юноши, не веря, что именно изваяние издало звук, снова спросили то же самое и услышали тот же самый ответ. *Ambr.*

¹ В 394 г. до н.э. Город — Фалерии в южной Этрурии в 45 км к северу от Рима. Фалиски — народ, родственник как этрускам, так и латинам, постоянный союзник Вей в борьбе с Римом.

² История, изложенная в главах I и II, была весьма популярна у античных авторов, в частности, см.: *Ливий*. V. 27; *Плутарх*. Камилл. 10; *Флор*. I. 12. 5–6; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. XXIII. 1–2.

³ Ср.: *Ливий*. V. 21. 3; 22. 3–7; *Плутарх*. Камилл. 6; *Валерий Максим*. I. 8. 3.

IV. (4) Во время правления консулов, что были после Камилла⁴, на Рим обрушилась заразная болезнь, начало которой положили отсутствие дождей и суровая засуха, от чего пострадали и древесные насаждения, и хлебная нива, принеся людям урожай скудный и нездоровый, а скоту — скудный и скверный корм. 2. Так что погибло бесчисленное количество мелкого рогатого и рабочего скота, которому не хватало не только прокорма, но и воды: столь значительным оказался недостаток речных и прочих источников именно тогда, когда все живое более всего страдает от жажды. 3. Людей же погибло немного, — кое-кто, употребивший пищу, которую раньше никогда не пробовал, — а почти все остальные подверглись страшным болезням, начинавшимся с маленькой сыпи, что появлялась на наружных покровах, но развивавшимся в большие нарывы, подобные раковым язвам, скверные на вид и причинявшие ужасную боль. 4. И не было для страждущих никакого средства от сильной боли, разве что, непрерывно расчесывая и расцарапывая, терзать кожу, пока не обнажатся кости. *Ambr.*

V. (5) А немного погодя плебейские трибуны⁵, возненавидев Камилла, создали против него народное собрание и присудили его к штрафу в сто тысяч ассов, хотя не были в неведении, что имущество у него составляет совсем незначительную долю от величины штрафа, но для того лишь, чтобы тот, кто успешно завершил самые славные войны, подвергся бесчестью, будучи отведен плебейскими трибунами в тюрьму. Все же его клиенты и родственники внесли деньги из собственных средств и заплатили штраф, так что никакому оскорблению он не подвергся. Но Камилл, считая обиду нестерпимой, решил покинуть город. (6) 2. А когда он подошел к воротам и попрощался с сопровождавшими, которые горевали и рыдали, ибо им предстояло расстаться с таким человеком, то, пролив много слез, стекавших по щекам, и пожаловавшись на постигшее его бесчестье, Камилл произнес: «О боги и младшие божества, блюстители человеческих дел, я заклинаю вас стать судьями и за мои общественные деяния для отечества, и за всю мою прошлую жизнь! 3. Соответственно, если вы сочтете меня виновным в тех преступлениях, за которые народ меня осудил, — прошу послать дурной и постыдный конец моей жизни. Но если на всех постах, что родина вверила мне и в мирное, и в военное время, вы найдете меня благочестивым, справедливым и чистым от всякого позорного подозрения, то прошу стать мстителями за меня, наслав на моих обидчиков такие невзгоды и ужасы, из-за которых они будут вынуждены, не видя никакой иной надежды на спасение, обратиться за помощью ко мне». Сказав это, он удалился в город Ардея⁶. *Ambr.*

⁴ В 392 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. V. 31. 5.

⁵ В 391 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. V. 32. 7–9; *Плутарх*. Камилл. 11–13; *Флор*. I. 22. 4; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. XXIII. 4.

⁶ Главный город племени рутулов в Лации, в 30 км к югу от Рима.

VI. (7) Боги прислушались к его мольбам, и вскоре город был взят галлами, за исключением Капитолия⁷. А когда граждане поименнее нашли на нем убежище и были осаждены галлами, — ведь остальная толпа убежала и рассеялась по италийским городам, — те римляне, что бежали к городу вейян, ставят начальником лагеря некоего Цедиция. В свою очередь, тот назначает Камилла, хотя и в его отсутствие, главнокомандующим с неограниченной властью в военных и мирных делах. 2. И возглавив посольство, он призвал Камилла примириться с отчизной, приняв во внимание беды, что приключились с ней, из-за которых она решилась обратиться за помощью к оскорбленному ею человеку. (8) 3. Камилл же, прервав его, сказал: «Я не нуждаюсь в увещевании, Цедиций, ведь я сам, если бы вы не опередили с просьбой ко мне принять участие в событиях, был готов явиться к вам во главе вот этого войска, которое вы видите здесь у меня. Вам же, о боги и младшие божества, что надзираете за человеческой жизнью, я весьма благодарен за те почести, коих вы уже удостоили меня, а по поводу будущего молю, чтобы мое возвращение оказалось для родины прекрасным и счастливым. 4. Если было бы возможно для человека предвидеть, что произойдет в грядущем, никогда бы я не попросил, чтобы отечество, подвергшись таким бедствиям, стало нуждаться во мне. Напротив, я бы тысячекратно предпочел, чтобы последующая моя жизнь оказалась незавидной и презираемой, чем увидеть Рим во власти дикости варваров, возлагающим на одного меня оставшие надежды на спасение». 5. Сказав это и взяв войско, он внезапно появляется перед галлами и обращает их в бегство: напав на них, когда они были в беспорядке и замешательстве, он перерезал их словно овец. *Amb.*

VII. (9) Так вот, когда бежавшие на Капитолий еще были осаждены, некий юноша, отправленный римлянами из города вейян к тем, кто находился на Капитолии, поднялся незаметно для стороживших там галлов и, сказав, что следовало, ночью опять ушел⁸. 2. Когда же начался день, кто-то из галлов, увидев следы, сообщает об этом царю, а тот созвал самых мужественных воинов и показал им, где взойшел римлянин. Затем он предложил им выказать такую же отвагу, что и римлянин, и попытаться подняться к крепости, обещая многочисленные дары тем, кто поднимется. После того как многие дали согласие, он приказал дозорным соблюдать тишину, чтобы римляне, решив, что те заснули, и сами отошли ко сну. (10) 3. И уже первые галлы взойшли и поджидали отставших, чтобы тогда, когда их станет больше, зарезать стоявших на сторожевых постах и захватить укрепление, но никто из людей так и не заметил их. Однако некие священные гуси Юноны, которые содержались в святилище, становятся вестниками беды, гогоча все вместе и бросаясь на варваров. 4. И вследствие этого началось смятение, крик, беготня всех, при-

⁷ 42 В 390 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. V. 45. 7; 46. 4–11; *Плутарх*. Камилл. 23–24.

⁸ О событиях, рассказанных в главах 7 и 8, также см.: *Ливий*. V. 46. 8–11; 47; *Плутарх*. Камилл. 25–27.

зывавших друг друга к оружию, и галлы, которых стало уже больше, двинулись вперед. *Ambr.*

VIII. (11) Тут один из тех, кто раньше занимал консульскую должность, Марк Манлий⁹, схватив оружие и вступив в бой с варварами, первому поднявшемуся и уже занесшему меч над его головой наносит, опередив, удар по руке и отсекает руку по локоть. 2. А следующего за ним, прежде чем тот схватился врукопашную, он, ударив в лицо поднятым вверх щитом, опрокидывает и лежащего добивает. Затем, тесня остальных, уже приведенных в замешательство, одних он убил, а других рассеял, преследуя по склону. За этот подвиг он получил соответствовавший тогдашнему моменту дар от защитников Капитолия — однодневную меру вина и полбы от каждого человека. (12) 3. А когда был рассмотрен вопрос, как следует поступить с теми, кто покинул сторожевой пост на том месте, через которое поднялись галлы, сенат приговорил всех их к смерти, но народ, оказавшись умереннее, удовлетворился наказанием одного их командира. 4. И чтобы казнь стала видна варварам, его со связанными сзади руками сбрасывают к ним с утеса. После его наказания больше уже не наблюдалось никакой беспечности у тех, кто стоял на сторожевых постах, но всю ночь напролет все бодрствовали, так что галлы, оставив надежду захватить крепость обманом или хитростью, начали вести переговоры о выкупе, после уплаты которого варварам римляне смогут вернуть себе город. *Ambr.*

IX. (13) Когда же они заключили клятвенный договор и римляне принесли золото, то вес его, что должны были получить галлы, составлял двадцать пять талантов¹⁰. Но когда установили весы, сначала галл явился с самым талантом тяжелее надлежащего, затем, когда римляне стали этим возмущаться, он оказался настолько далек от сдержанности и справедливости, что, сняв меч вместе с ножнами и поясом, кинул и его на весы. 2. На вопрос же квестора, что означает это действие, он ответил такими словами: «Горе побежденным!» И поскольку из-за жадности галла обусловленный вес не набирался, но не хватало еще третьей части, римляне ушли, попросив время, чтобы раздобыть недостающее золото. Снесли же они такое высокомерие варваров, поскольку ничего не знали о происходящем в лагере у Цедидия и Камилла, о чем мы сообщали. *Ambr.*

X. (14) А причина прихода галлов в Италию была таковой¹¹. Некий Лукумон, правитель тирренов, будучи при смерти, поручил верному человеку по имени Аррунт опекунство над своим сыном. Когда же тиррен умер, Аррунт, приняв на себя попечение о ребенке, оказался заботливым и справедливым блюстителем верности и предоставил мальчику после его возмужания все оставленное отцом состояние.

⁹ В 392 г. до н.э.

¹⁰ Талант — греческая мера веса, около 26,2 кг. Об этих событиях более подробно см.: *Ливий*. V. 48; *Плутарх*. Камилл. 28; *Флор*. I. 13. 17.

¹¹ Ср.: *Ливий*. V. 33. 2–11; 34; 35. 1–3; *Плутарх*. Камилл. 15–16.

За это от юноши он получил несоответствующую благодарность. (15) 2. Дело в том, что у Аррунта была красивая и молодая жена, отношениями с которой он очень дорожил, всегда скромная до того времени. Влюбившись, юноша совратил вместе с телом и душу женщины и желал общаться с ней уже не тайком, но открыто. Конечно, Аррунт страдал от разрыва с женой и негодовал из-за тех оскорблений, что они оба нанесли ему, но не мог им отомстить. И тогда он отправился за границу под предлогом поездки по торговым делам. 3. А поскольку юноша с удовольствием отнесся к его отъезду и предоставил все, что требовалось для торговли, то Аррунт, нагрузив повозки множеством бурдюков с вином и оливковым маслом и множеством корзин со смоквами, повез их в Галлию. *Ambr.*

XI. (16) Галлы в то время не знали ни виноградного вина, ни масла такого, какое дают наши оливковые деревья, но использовали в качестве вина зловонный напиток из ячменя, подвергнутого брожению в воде, а в качестве масла — старое свиное сало со странным запахом и вкусом. Тогда же, впервые отведав плодов, которых еще не пробовали, они получили удивительно большое наслаждение от всего и стали расспрашивать чужеземца, каким образом производится каждый продукт и у каких людей. (17) 2. А тиррен говорит им в ответ, что земля, производящая такие плоды, велика и обильна, населяет же ее немного людей, и в военных делах они ничем не лучше женщин. И он посоветовал им впредь получать эти продукты не путем покупки у других, но, изгнав тогдашних хозяев, пользоваться как собственными. Такие речи убедили галлов, и те пришли в Италию и, в частности, к тирренам, именуемым клузийцами¹², откуда был и тот, кто склонил их к войне. *Ambr.*

XII. (18) Когда из Рима были отправлены послы к галлам¹³, то один из послов, Квинт Фабий, услышав, что варвары вышли на заготовку кормов, вступает с ними в бой и убивает вождя галлов. Варвары, отправив в Рим посольство, потребовали выдать им этого человека и его брата, чтобы подвергнуть их наказанию за погибших. (19) 2. А поскольку сенат стал тянуть с ответом, то галлы по необходимости перенесли войну к Риму. Римляне же, услышав об этом, вышли из города с четырьмя полными легионами из отборных воинов, опытных в ратном деле, но числом их превосходили те из остальных граждан, кто вел жизнь домашнюю и досужую и меньше участвовал в войнах¹⁴. Итак, обратив их в бегство, галлы покорили и весь Рим, за исключением Капитолия. *Ambr.*

* * *

¹² Клузий — город в Этрурии, в 120 км к северо-западу от Рима. Его царь Порсена пытался восстановить в Риме власть изгнанного Тарквиния Гордого.

¹³ Ср.: *Ливий*. V. 35. 4–6; 36–38; *Плутарх*. Камилл. 17–18.

¹⁴ У Плутарха (Камилл. 18) названа общая цифра 40 тысяч. Четыре легиона опытных воинов составляли около 17–20 тысяч человек.

Непет¹⁵, город Италии: Дионисий в тринадцатой книге «Римских древностей». Народ¹⁶ непетинский. *Stephanus Byz.*

---

¹⁵ Этрусский город. В 383 г. до н.э. туда было выведено римское поселение. Ср.: *Ливий*. V. 19. 7; VI. 9. 3; 12; 10. 1–5; 21. 4; *Веллей Патеркул*. I. 14. 2.

¹⁶ Здесь и далее под «народом» во фрагментах из Стефана Византийского имеются в виду жители того или иного города.

Книга XIV

Месторасположение Кельтики — Рассуждения о характере и поступках римлян —
О походе галлов против римлян — О знамении, произошедшем в Риме — Рассказ об одной
истории, во время осады Марцием привернатов

1. (1) Кельтика¹ расположена в той части Европы, что простирается к западу между северным полюсом и равноденственным закатом. Имея четырехугольную форму, она на востоке примыкает к Альпам, самым высокими горам Европы, на юге, откуда ветер Нот, — к Пиренеям, на западе — к морю за Геракловыми столпами, а к скифскому и фракийскому племени — по направлению к северному ветру Борею и реке Истр², которая стекает с Альпийских гор, являясь крупнейшей из здешних рек, течет через весь континент, что лежит под Медведицами³, и впадает в Понтийское море. (2) 2. Размеры же ее таковы, что, говорят, немного не хватает до четверти Европы. Страна изобильна водой, тучная, богата плодами и весьма хороша для выпаса скота. Она разделяется посередине рекой Рейн, которая считается самой крупной из рек Европы после Истра. 3. Часть по эту сторону Рейна, граничащая со скифами и фракийцами, называется Германией, простираясь до Герцинского леса⁴ и Рипейских гор⁵. А часть по другую сторону, обращенную на юг вплоть до Пиренейской гряды, окружающая Гальский залив⁶, названа Галлией, как и море. (3) 4. Общим же именем вся она зовется эллинами Кельтика: как говорят некоторые, от имени какого-то гиганта Кельта, правившего здесь. Другие же рассказывают миф, что от Геракла и дочери Атланта Астеропы⁷ родились два мальчика, Ибер и Кельт, которые дали свои собственные имена землям, где тот и другой управляли⁸. 5. Третьи утверждают, что есть какая-то река Кельт, берущая начало в Пиренеях, по имени которой была названа Кельтикой сначала ближняя, а затем, со временем, и остальная страна. Также некоторые передают, что, когда первые эллины переправлялись в эту землю, их суда, гонимые сильным ветром, причалили у Гальского залива, а люди, после того как достигли побережья, назвали страну Кельсикой соответственно приключившемуся с ними событию⁹. Потомки, изменив одну букву, стали именовать ее Кельтикой. *Ambr.*

¹ Дионисий постоянно называет галлов кельтами, хотя иногда употребляет термин «Галатия». Тем не менее использован перевод «галлы», поскольку, как видно ниже, Дионисий включает в Кельтику, помимо собственно Галлии, еще и Германию. Ливий (V. 34. 1) и Цезарь (Записки о Гальской войне. I. 1. 1) различают кельтов и галлов, считая первых частью гальского мира.

² Дунай.

³ Созвездия Большой и Малой Медведицы.

⁴ Лесистые горы в южной Германии и Чехии от Рейна до Карпат.

⁵ Их местоположение четко не определялось. Первоначально под Рипейскими горами понимали водораздел, который отделял южные реки Европы от северных. Затем их название было перенесено на Уральские горы.

⁶ Бискайский залив.

⁷ Атлант — в греческой мифологии титан, брат Прометея, в наказание вынужденный держать на своих плечах небесный свод. Отец семи Плеяд (в том числе Астеропы), вознесенных Зевсом на небо в виде созвездия.

⁸ Иберия — Пиренейский полуостров.

⁹ Дионисий производит название страны от глагола «причаливать» (κέλευσι — инфинитив аориста от κέλλειν).

II. (4) В Афинах некая священная олива у гробницы земнородного Эрехтея¹⁰, посаженная Афиной во время спора, случившегося у нее с Посейдоном по поводу этой страны¹¹, была сожжена варварами вместе со всем остальным, что имелось в святилище, когда они захватили Акрополь¹², но на следующий день после сожжения пустила из пня росток размером в локоть¹³. Тем самым боги хотели показать всем, что город скоро восстановится и породит новые ростки взамен старых. (5) 2. И в Риме была полностью сожжена вместе с окружающими домами некая посвященная Марсу хижина, сооруженная рядом с вершиной Палатина¹⁴. Но, когда очищали пожарище под новое строительство, в середине горячего пепла там сохранился невредимым символ основания города — палка, загнутая с одного конца, нечто вроде тех, что носят волопасы и пастухи, одни называя их калавропами, а другие — лагоболами. Ромул, гадая по птицам, размечал ею пространство для предзнаменований, когда готовился основать город.

3. С войском, готовым к битве¹⁵ и ничего, кроме оружия, не несущим.

Когда раздались аплодисменты, как при самом великолепном зрелище и при этом самом прекрасном для слуха, и те, кто несомненно находился в затруднительном положении, и те, кто изображал крайне затруднительное положение¹⁶... *Ambr.*

III. (8) Что Марк Фурий, диктатор¹⁷, из своих современников был самым выдающимся человеком в военных делах и самым разумным — в гражданских. *Vales.*

IV. (6) Отличившийся, когда римляне спасались на Капитолии, Манлий¹⁸, подвергаясь опасности лишиться жизни за попытку установления тирании, взглянул на Капитолий и, протянув руки к храму Юпитера на нем, воскликнул: «И даже это место не будет в состоянии спасти меня, место, которое я сохранил для вас, когда оно было захвачено варварами?! Но я и тогда за вас погибал, и ныне погибну от ваших рук». В итоге, в тот раз его отпустили из сочувствия, но позднее он был сброшен с утеса¹⁹. *Ambr.*

¹⁰ Мифический афинский царь, принесший в Аттику культуру пшеницы. Его могила находилась в храме Эрехтейон на Акрополе. Сам храм был посвящен Афине, а построен, считалось, на месте дворца Эрехтея.

¹¹ Из-за власти над Аттикой.

¹² Во время греко-персидских войн персы дважды (в 480 и 479 гг. до н.э.) захватывали Афины.

¹³ Ср.: *Павсаний*. I. 27. 2.

¹⁴ Хижина Ромула, сына Марса. Ср.: *Плутарх*. Ромул. 22; Камилл. 32; *Цицерон*. О дивинации. I. 30. Вершина называлась Гермал (*Варрон*. О латинском языке. V. 54).

¹⁵ Можно перевести «с легковооруженным войском», но такой перевод, на наш взгляд, хуже сочетается со второй частью фразы.

¹⁶ Из-за неясности контекста выбран наиболее общий вариант, но возможен и более конкретный смысл: «и несомненно бедные, и изображающие крайнюю бедность».

¹⁷ Ср.: *Ливий*. V. 23. 1.

¹⁸ Ср.: *Ливий*. VI. 20. 1–12; *Плутарх*. Камилл. 36; *Флор*. I. 26. 8; *Аврелий Виктор*. О знаменитых людях. XXIV. 6–7.

¹⁹ См. примеч. 47 к кн. VII.

V. (7) Одолев врагов и завалив войско добычей, Тит Квинций, будучи диктатором, за девять дней взял девять вражеских городов²⁰.

Застигнутые с обеих сторон, эти ненавидимые богам люди были перерезаны, как стадо. *Ambr.*

VI. (8) Что римляне великодушны. Ведь в то время, как почти все остальные люди и в общественных делах своих государств, и в частной жизни изменяют свои взгляды в соответствии с ближайшими обстоятельствами и часто прекращают серьезную вражду из-за случайных добрых дел, а продолжительную дружбу разрушают из-за мелких и ничтожных обид, римляне полагали, что в отношении друзей следует поступать наоборот и в благодарность за старинные благодеяния отказываться от гнева на недавние поводы для обвинений. (9) 2. Достоинство восхищения, несомненно, и это у римлян: говорю же я о том, что они не стали мстить никому из тускуланцев, но всех преступников отпустили без наказания²¹. А еще гораздо удивительнее этого те милости, что римляне предоставили им после прощения вины. Ведь обсуждая средства, с тем чтобы впредь ничего подобного не происходило в том городе и чтобы никто не получал основания для мятежа, они не сочли необходимым ввести гарнизон в их крепость или взять заложников от самых знатных людей, или отнять оружие у тех, кто его имеет, или каким-нибудь другим способом указать на то, что их дружба не пользуется доверием. 3. Но, полагая, что лишь одно дело объединяет всех связанных друг с другом родством или дружбой — равное участие в благах, они решили предоставить побежденным гражданство, уступив долю во всем, что имелось у коренных римлян. (10) Они восприняли не такой же образ мыслей, как у тех, кто притязал на власть в Элладе, то есть у афинян и лакедемонян: 4. ведь какая необходимость говорить об остальных эллинах? Ибо афиняне в отношении самосцев²², своих собственных переселенцев, а лакедемоняне — мессенцев²³, ничем не отличавшихся от братьев, когда те в чем-то оскорбили их, они, разорвав родственные узы, поступили столь жестоко и дико после подчинения их городов, что и самым свирепым варварам не превзойти этого беззакония в отношении соплеменников. (11) 5. Кто-нибудь, пожалуй, сможет назвать тысячи подобного рода преступлений у этих городов, что я обхожу молчанием, поскольку упоминание и данных случаев огорчает меня: ведь я считал, что эллины отличаются от варваров не по имени и не из-за языка, но умом и выбором в пользу достойного образа жизни, а более всего

²⁰ В 380 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. VI. 28. 3; 29.

²¹ В 381 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. VI. 25–26; *Плутарх*. Камилл. 38.

²² Афиняне вмешались в войну между своими союзниками Милетом и Самосом на стороне Милета и в 439 г. до н.э. захватили Самос. У побежденных были срыты стены, отобран флот и взяты заложники в обеспечение уплаты наложенной на них контрибуции. Самосцы, как и афиняне, были ионийцами.

²³ Лакедемоняне (спартанцы) и их соседи мессенцы были дорийцами. В ходе II Мессенской войны (вторая половина VII в. до н.э.) спартанцы захватили Мессению и превратили ее жителей в бесправных илотов (общественных рабов).

тем, что не совершают в отношении друг друга никаких беззаконий, противоречащих человеческой природе. Поэтому, у кого в характере преобладали эти качества, тех, я полагаю, следует называть эллинами, а у кого противоположные — варварами. 6. Также их благоразумные и человеколюбивые мысли и поступки я считаю эллинскими, а жестокие и дикие, в особенности если они затрагивают родственников и друзей, — варварскими. Так вот, тускуланцы ушли, не только ничего не лишившись из собственных владений после взятия их города, но и сверх того, получив блага, что имелись у победителей. *Vales*.

VII. Что Сутьпидий, по прозвищу Руф²⁴, был человеком выдающимся в военных делах и придерживавшимся среднего курса в управлении государством. *Vales*.

VIII. (12) Галлы, отправившись в поход против Рима во второй раз, стали опустошать альбанскую область²⁵. Здесь все они насыщались большим количеством пищи, пили много неразбавленного вина²⁶, — а производимое там вино самое сладкое из вин после фалернского²⁷, более всего похожее на смесь с медом, — предавались сну больше обычного и часто проводили время в тени. В итоге, они стали настолько тучными и изнеженными и так ослабили свои силы, что, когда принимались тренировать тело и упражняться с оружием, их дыхание прерывалось постоянной одышкой, а члены обливались сильным потом, и они отказывались от трудов прежде, чем им приказывали командиры. *Ambr*.

IX. (13) Узнав об этом, римский диктатор Камилл созвал своих воинов и сказал им много такого, что побуждало к отваге, в том числе и следующее: 2. «У нас приготовлено оружие лучше, чем у варваров, — панцири, шлемы, поножи, крепкие щиты, благодаря чему мы защищаем все тело, а также обоюдоострые мечи и вместо копья дротик²⁸, метательный снаряд, от которого не скроешься, — одно оружие оборонительное, такое, что нелегко поддастся ударам, а другое наступательное, что пробьет любую защиту. У тех же головы обнажены, и обнажены грудь и бока, обнажены также бедра и голени вплоть до ступней, и никакой другой защиты, кроме щитов, а наступательное оружие — копья и очень длинные рубящие клинки²⁹. (14) 3. И местность,

²⁴ См.: *Ливий*. VI. 4. 7; 18. 1.

²⁵ Для глав VIII–X ср.: *Ливий*. VI. 42. 4–8; *Плутарх*. Камилл. 40–41.

²⁶ Пить неразбавленное вино считалось признаком варварства. Римляне, как и греки, разбавляли вино на $\frac{1}{3}$ ($\frac{1}{4}$) водой.

²⁷ Вино, произведенное в Фалернской области на северо-востоке Кампании, считалось лучшим итальянским вином.

²⁸ По всей видимости, речь идет о тяжелом дротике (пидум) с длинным наконечником, который составлял половину общей длины дротика. Даже вонзившись не в противника, а в его щит, пидум приносил немалую пользу: длинный наконечник из незакаленного железа изгибался, что делало невозможным его извлечение, так что дротик становился помехой движению вперед, при этом утяжеляя щит врага.

²⁹ В эпоху Камилла, как показывают данные археологии, галльские мечи нельзя назвать «очень длинными» — их длина составляла около 60 см. Длиннее мечи галлов стали с конца III в. до н.э.

на которой мы устроим сражение, окажется нашим союзником, ибо мы будем спускаться сверху вниз, а для них — враждебной, поскольку они будут вынуждены двигаться снизу вверх. И пусть никто из вас не боится ни количества врагов, ни их высокого роста, и пусть никто, глядя на эти их преимущества, не станет малодушнее перед битвой. Пусть каждый, напротив, обратит внимание, во-первых, что меньшее войско, хорошо знающее, что следует делать, сильнее, чем большое, но несведущее. Далее — что тем, кто сражается за свое собственное, сама природа придает определенную храбрость перед лицом опасностей и вызывает неистовое воодушевление, как у одержимых божеством, а у тех, кто стремится присвоить чужое, обычно перед лицом опасностей отвага становится слабее. (15) 4. Впрочем, и того, чем они устрашают врагов и пугают, прежде чем схватиться врукопашную, нам не следует бояться, как будто мы неопытны в военном деле. Ведь что ужасного для идущих в бой смогут сделать косматые волосы, суровость в их взорах и грозный внешний вид? Ну, а эти их неуклюжие прыжки и пустое потрясение оружием, и частые удары по щитам, и сколько другого расточается и движениями, и звуками среди угроз врагам из-за варварского и неразумного бахвальства, — какую пользу по самой своей природе способно это принести тем, кто нападает безрассудно, или какой страх внушить тем, кто сознательно стоит среди опасностей? (16) 5. Итак, поразмыслив об этом, и те из вас, кто участвовал в прошлой войне с галлами, и те, кто из-за молодости не был там, первые — чтобы не опозорить тогдашнюю доблесть нынешней трусостью, а другие — чтобы оказаться ничем не хуже старших в свершении прекрасных деяний, идите, о благородные сыны и ревностные последователи славных отцов, идите неустрашимо против врага, имея помощниками богов, которые предоставят вам возможность взыскать со своих злейших врагов такое возмещение, какого вы желали, и со мной в качестве полководца, чье значительное здравомыслие и большое счастье вы сами удостоверяете! 6. С этого времени блаженную жизнь будут вести те, кому удастся принести с собой самый почетный для родины венок³⁰, но прекрасную и бессмертную славу оставят вместо смертного тела своим малым детям и престарелым родителям те, кто обретет такой конец жизни. Не знаю, о чем следует больше говорить: ведь движется уже варварское войско, направляясь против нас. Расходитесь же и становитесь в строй». *Ambr.*

Х. (17) Конечно, способ сражаться у варваров, имея во многом звероподобный и бешеный характер, был беспорядочным и непричастным к военному искусству. Ведь они то поднимали мечи вверх и на манер диких кабанов³¹ наносили удары, наваливаясь всем своим телом подобно каким-то дровосекам или землекопам, то направляли неприцельные удары сбоку, словно намереваясь разрубить вместе с

³⁰ Речь идет о наградном венке (см. примеч. 77 к кн. VII), но здесь, видимо, употреблено образное выражение в смысле «венки за спасение родины», которого не существовало.

³¹ Конъектура Поста (Post), в рукописи: «диким способом».

самими доспехами все тело противника. Затем острия своих мечей они отводили в сторону. (18) 2. У римлян же оборона и их боевые приемы против варваров были надежны³² и обеспечивали значительную безопасность. Ведь когда варвары еще только заносили свои мечи, они, поднырнув под их руки и поднимая вверх щиты, а затем ссутулившись и пригнувшись, делали их удары бесполезными и напрасными, поскольку направлялись те слишком высоко. Сами же они, держа мечи прямо, били врагов в пах, пронзали бока и поражали внутренние органы ударами в грудь. А у кого видели эти части тела защищенными, тем подрезали сухожилия под коленями или на лодыжках и опрокидывали их на землю — скрежещущих зубами, кусающих щиты и издающих крик, похожий на рев, как дикие звери. (19) 3. И многих варваров покидали силы, поскольку члены тела слабели от усталости, и часть оружия притупилась, а часть сломалась, частично же оно не могло быть далее полезным: ведь помимо текущей из ран крови, пот, лившийся по всему телу, не позволял сжимать мечи и удерживать щиты, ибо пальцы скользили по рукояткам и уже не имели крепкой хватки. Римляне же, привыкшие к многочисленным трудам вследствие бесконечных и постоянных военных походов, мужественно переносили все опасности. *Ambr.*

XI. (20) В Риме произошло много и других ниспосланных богами знамений³³, но величайшим из всех было такое: почти в центре Форума разверзся участок земли на бездонную глубину, и так оставалось в течение многих дней. По решению сената хранители Сивиллиных оракулов справились в книгах и сказали, что земля сомкнется и к тому же породит в будущем большое изобилие всех благ, если она получит самое ценное у римского народа. 2. Когда они это объявили, каждый стал бросать в пропасть первинки тех благ, которые он полагал необходимыми для родины, — и жертвенные пироги из плодов, и первинки из своих денег. (21) 3. Но некий Марк Курций, считавшийся среди первых из юношей за рассудительность и военную доблесть, попросил доступ к сенату и сказал, что из всех благ самой прекрасной вещью и самой необходимой римскому государству является доблесть мужей: если же и от нее земля получит какие-то первинки и тот, кто окажет родине эту услугу, будет добровольцем, то земля породит много доблестных мужей. 4. Сказав так и заявив, что никому другому не уступит эту честь, он вооружился и сел на боевого коня. Когда же посмотреть собралась толпа горожан, он сначала взмолился богам исполнить предсказания и даровать, чтобы в римском государстве появилось много мужей, подобных ему. Затем, отпустив коню поводья и пришпорив его, он кинулся в пропасть. 5. А вслед за ним в пропасть было брошено на общественный счет много жертвенных животных, много плодов, много денег, много нарядных одеяний, множество первинков от всех ремесел: и тотчас земля сомкнулась. *Ambr.*

³² Конъектура Поста (Post), Мэй (Mai) предлагает: «хорошо отработаны».

³³ В 362 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. VII. 6. 1–6.

ХII. (22) Галл был огромен телом, намного превосходя обычные размеры³⁴. *Ambr.*

Лициний Столон³⁵, бывший десять раз плебейским трибуном и предложивший законы, из-за которых произошла десятилетняя смута, был на суде признан виновным и приговорен народом к денежному штрафу, после чего он сказал, что нет зверя кровожаднее народа, который не щадит даже тех, кто кормит его. *Ambr.*

ХIII. (23) Когда во время осады консулом Марцием привернатов³⁶ у тех не оставалось уже никакой надежды на спасение, они отправили к нему посольство. А на его вопрос: «Скажите мне, как вы сами наказываете ваших домашних рабов, когда те убегают?» — посол ответил ему так: «Как следует наказывать тех, кто страстно стремится вернуть свою исконную свободу». 2. И Марций, одоблив его прямоту, сказал: «Ладно, ну, а если мы даже послушаемся вас и откажемся от гнева, какую поруку вы дадите, что больше не совершите никакого враждебного деяния?» В свою очередь посол ответил: «Это находится в твоей власти и власти остальных римлян, Марций! Ведь получив обратно вместе с родиной и свободу, мы всегда будем вам верными друзьями, но вынужденные стать рабами — никогда». В итоге, Марций восхитился величием духа этих людей и прекратил осаду. *Ambr.*

³⁴ Ср.: *Ливий*. VII. 10. 7; 26. 1.

³⁵ Ср.: *Ливий*. VII. 16. 9. Лициний был одним из инициаторов законов, принятых в 367 г. до н. э. Первый закон устанавливал максимальный размер земли из общественного фонда, которую можно было занимать (этот закон и нарушил Лициний). Второй регулировал долговой вопрос, а третий допускал плебеев к консульской должности.

³⁶ В 329 г. до н.э. У Ливия эта история рассказана несколько иначе и с иными действующими лицами (ср.: *Ливий*. VIII. 20. 5–6; 9–12; 21. 1–10). Привери — город вольсков в Лациии.

Книга XV

Взаимоотношения римлян с кампанцами — Заговор римлян против кампанцев, раскрытый Марцием — Постановление сената об отправке к неаполитанцам послов — Различные мнения сенаторов по поводу отправки послов — Постановление о войне

I. (1) Когда галлы воевали с Римом и какой-то царь стал вызывать на единоборство любого римлянина, кто настоящий мужчина, сразиться с галлом вышел Марк Валерий¹, один из военных трибунов, потомок Валерия Попликолы, который участвовал в освобождении государства от царей. 2. Когда же они сошлись врукопашную, на шлем Валерия сел ворон и грозно каркнул, глядя на варвара. И всякий раз, когда тот собирался нанести удар, ворон, налетая на него, то царапал когтями его щеки, то клювом бил по глазам, так что галл совершенно обезумел, будучи не в состоянии сообразить, как отбиваться от человека и при этом защищаться от ворона. (2) 3. Так битва продолжалась долгое время, и вот галл направил меч против Валерия, намереваясь, пробив защиту, вонзить его в бок, но затем, поскольку ворон налетел на него и стал клевать глаза, он поднял свой щит, чтобы отогнать птицу. Римлянин же, приблизившись, еще когда тот поднимал оружие, просовывает меч снизу и убивает галла. 4. А полководец Камилл наградил его золотым венком и дал ему прозвище Корвин² в честь животного, сражавшегося в единоборстве на его стороне, ведь римляне называют воронов *корвами*. И сам он с этого времени стал постоянно украшать свой шлем символом ворона, и на всех его изображениях скульпторы и художники помещали это животное на его голове. *Ambr.*

II. (3) Они разоряли имения на полях, наполненные большими богатствами.

Люди были телесно измучены войной и за исключением того, что дышали, в остальном были подобны трупам.

Как говорится, когда прах погибшего еще не остыл.

2. Он погибнет самым жалким образом от рук врага, подпитывающего свою ненависть кровью сограждан.

Он предоставлял не самую малую часть добычи воинам, так что завалил богатством каждого бедняка.

Они опустошили их поля, уже созревшие для жатвы, и разграбили самые плодородные земли. *Ambr.*

III. Когда консулами были Квинт Сервилий, третий раз, и Гай Марций Рутил³, Рим подвергся тяжелым и неожиданным опасностям, и если бы их не рассеяло некое божественное провидение, то на него обрушилось бы одно из двух зол — либо приобрести позорнейшую славу за убийство гостеприимцев, либо совершить убийство сограждан. А по какой причине он подвергся таким опасностям, я попытаюсь вкратце рассказать, повторив немного более ранние события.

2. В предшествовавшем году римляне, предприняв ради всей Кампании Самнитскую войну⁴ и одолев противника в трех битвах, хотели отвести все свои войска

¹ Эта история случилась в 349 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. VII. 26. 1–10.

² Ливий (VII. 26. 12) называет его Корв (лат. *corvus* — «ворон»), но в двух местах (32. 15; 40. 3) — Корвин.

³ В 342 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. VII. 38–42.

⁴ Речь идет о I Самнитской войне (343–341 гг. до н.э.). См.: *Ливий*. VII. 29–37; 38. 1–3.

обратно, поскольку сочли, что никакой уже угрозы для городов не оставалось. Но когда кампанцы стали просить не бросать их одних, без союзников, поскольку, мол, самниты нападут на них, если они не будут иметь никакой помощи со стороны, то в Риме решили, чтобы консул Марк Валерий, избавивший кампанские города от войны, оставил в них такое войско, какое они сами согласятся содержать. 3. Став во главе такой власти, консул размещает в городах тех, у кого было желание получать продовольствие и плату за гарнизонную службу: среди них наибольшую часть составляли люди бездомные и обремененные долгами, охотно бегущие от бедности и безвестности дома. 4. Кампанцы, принимая их в своих домах, встречали пышными застольями и оказывали гостеприимство с прочими изъявлениями дружелюбия. Ведь и сейчас жизнь у обитателей Кампании достаточно роскошная и изнеженная, и тогда была, и будет такой все остальное время, ибо они населяют равнину, обильную плодами и скотом и наиболее полезную для здоровья людей, занимающихся земледелием.

5. Итак, сначала войны гарнизонов с удовольствием принимали гостеприимство этих людей. Затем, когда их души стали развращаться от пресыщения благами, они начали понемногу приходить к дурным помышлениям и, встречаясь друг с другом, говорить, что поступят как неразумные люди, если, оставив такое благополучие, вернуться к жизни в Риме, где земля скудна, а налоги многочисленны, и нет никакого перерыва в войнах и бедствиях, награды же за общие труды — у немногих. 6. А те, кто был небогат средствами к жизни и нуждался в повседневном пропитании, и еще более те, кто не мог уплатить долги заимодавцам и считал свои затруднения достаточным советчиком по поводу собственных интересов без учета добродетели, так вот, они заявляли, что даже если все законы и власти будут угрожать им самыми суровыми наказаниями, они все равно больше не оставят кампанцам их нынешнее благополучие. И в конце концов, они дошли до такой степени безумия, что осмеливались даже говорить: 7. «Что же страшного, действительно, мы совершим, если, изгнав кампанцев, захватим их города? Ведь они сами ранее захватили эту землю, приобретя ее не по праву, но, найдя приют у населявших ее тирренов, уничтожили всех мужчин и забрали себе их жен, имущество, города и оспариваемую землю⁵, так что все, что бы они ни испытали, они испытают по справедливости, сами став зачинщиками беззакония против других. 8. Что же, в самом деле, воспрепятствует нам всегда пользоваться этими благами? По крайней мере, самниты, сидицины,

⁵ Кампанцы представляли собой смешанное население из коренных жителей, греков, этрусков, а позднее и самнитов. Последние захватили во второй половине V в. до н.э. главный город Кампании — этрусскую (тирренскую) Капую. Ливий (IV. 37. 1–2) относит это событие к 423 г. до н.э. Затем пали и греческие Кумы. Самниты быстро ассимилировались с этрусками и греками и усвоили их культуру. Именно об этих кампанцах, уже не имевших почти ничего общего с горными самнитами, идет здесь речь.

авзоны⁶, да и все соседи, мстя кампанцам, будут настолько далеки от мысли о походе против нас именно, что сочтут достаточным для себя, если мы позволим каждому из них владеть своим собственным имуществом. 9. Римляне же, пожалуй, воспримут содеянное даже как исполнение желаемого, ибо они хотят, чтобы вся Италия подчинялась их собственным поселениям. Но если они, притворяясь негодующими, признают нас врагами, они не причинят нам столько вреда, сколько испытают от нас. Ведь мы разорим столько их земли, сколько нам будет угодно, отпустим узников на полях, освободим рабов и станем на сторону злейших их врагов — вольсков, тирренов, самнитов, а также латинов, чье повиновение римлянам еще непрочно. Для людей, по необходимости подвергающихся крайней опасности ради своей жизни, не существует никаких трудностей или препятствий».

10. Ведя такие разговоры друг с другом, сначала немногие, затем все больше, они решили напасть на города и стали давать взаимные клятвы в верности. Но их нападение опередил донос, выведя все на свет. Его сделали некоторые из участников заговора Марцию, одному из консулов, которому жребий определил войну с самнитами, — в тот момент, когда он уже взял набранные в Риме войска и находился в пути. Консул же, услышав о неожиданном и ужасном деле, решил не объявлять о нем и не подавать виду, что знает, но воспрепятствовать осуществлению замыслов против городов с помощью какой-нибудь уловки и военной хитрости. 11. Итак, еще до своего появления он отправил в города вместе с доносчиками некоторых наученных им людей и распорядился вести разговоры в присутствии тех, кто стоял на зимних квартирах, что он решил сохранить в городах имеющиеся гарнизоны, поскольку кампанцам угодно их оставить, а сам собирается воевать против самнитов с войском, пришедшим вместе с ним из Рима. И он убедил всех поверить в это. 12. А явившись со всем войском в Кампанию, он входил в каждый город и, вызывая тех, кто служил в гарнизонах, среди них отбирал участников заговора. Затем, дружелюбно разговаривая со всеми, одних он отпустил из-под знамен, как будто даруя освобождение от военной службы, других же спровадил, передав легату и военному трибуну под предлогом тех или иных военных нужд: эти были самыми испорченными и не соглашались на увольнение с военной службы. Сопровождающим он поручил доставить их в Рим и, отделив друг от друга, держать под негласным наблюдением, пока он сам не придет.

13. Но эти люди, обратив внимание, что всех основных главарей заговора либо отпускают из-под знамен, либо отсылают в разные места отдельно от остальных, пришли к выводу, что их заговор стал известен, и после этого испугались, как бы им, если окажутся врозь друг с другом и сложат оружие, не подвергнуться наказанию, когда их отведут в Рим. Собираясь в небольшом числе, они обсуждали, что следует

⁶ Авзоны и сидицины — родственные самнитам племена, соседи кампанцев. Сидицины в данный момент были союзниками кампанцев (см.: *Ливий*. VIII. 16. 1–2).

делать. 14. Затем, когда некоторые внесли предложение о мятеже, они одобрили это решение и дали друг другу тайные клятвы в верности, после чего те, кто был уволен с военной службы, разбивают лагерь около города Таррацина⁷ на подходящем месте у самой дороги. 15. Позднее те, кого отправляли с легатом и военными трибунами, покинув своих командиров и даже уговорив отпасть некоторых из сопровождавших их воинов, располагаются рядом с тем же самым местом. Когда же они разом захватили все окрестные дороги, к ним ежедневно стало приходить много людей, и вокруг них собрался сильный отряд. Затем ими были открыты тюрьмы, что находились на полях, и стали стекаться ... *Esc.*

IV. Римские консулы беспрепятственно прошли всю промежуточную территорию, поскольку одни жители не оказывали сопротивления, а другие даже сопровождали их, хотя на дороге, ведущей из Рима в Кампанию, имеется много неудобных мест, преграждавших путь и горами, и болотами, и морскими заливами, и судоходными реками, которые нелегко было преодолеть, если бы их заранее заняли враги. 2. И также они переправились по деревянному мосту, который построили за три дня, через некую реку по имени Волтурн шириной не менее четырех плетров⁸, что течет через область и город казилинцев в тридцати стадиях⁹ от Капуи. Они проделали такой путь, чтобы у тех кампанцев, которые были на стороне римлян, появилась уверенность, что они сделали наилучший выбор, а у тех, кто настроен враждебно, — страх. 3. Миновав город, они располагаются лагерем в сорока стадиях¹⁰ от Капуи, поставив укрепление на возвышенности, где оставались, ожидая от самнитов продовольствие и союзные войска. А те, действительно, обещали им более чем достаточно, но не оказывали никакой помощи, достойной хотя бы упоминания, и тянули время, ссылаясь на то, что собирают армию из всех городов. 4. И вот, оставив надежду на помощь с той стороны и видя, что собственные войска не получили за это время никакого дополнительного подкрепления, а войска врагов стали гораздо более многочисленными, консулы решили взяться за дело. 5. Однако они сознавали, что значительная часть армии трудноуправляема и не слушается приказов командиров, как она это продемонстрировала и во многих прочих случаях, и последний раз во время зимовки в Кампании, после которой некоторые из них дошли до такой степени безумия, что напали на города, покинули консула и подняли оружие против родины. Поэтому они полагали, что в первую очередь следует внушить этим людям большее благоразумие, сделав для них порицание от командиров страшнее, чем опасность со стороны врагов. 6. С этой целью они созвали собрание, и Манлий

⁷ Город вольсков (другое название — Анкур) на побережье южного Лация в 90 км к юго-востоку от Рима.

⁸ Более 120 м (1 плетр=30, 85 м).

⁹ Немного более 5 км. Через Казилин вскоре была проведена древнейшая римская дорога (Аппиева).

¹⁰ Около 7 км.

сказал: [Ищи в разделе о военных приемах и публичных выступлениях. О сыне Манлия, сразившемся в единоборстве.] *Esc.*

V. (4) ... но и в силу того, что они причиняли их друзьям кампанцам много серьезного вреда¹¹. Римский сенат, поскольку кампанцы часто указывали и жаловались на неаполитанцев¹², постановил отправить к неаполитанцам послов, чтобы они потребовали от тех не совершать никаких беззаконий в отношении подчиненных римской власти, но и отдавать, и получать то, что полагается по праву; и если все-таки у них есть разногласия друг с другом, то решать¹³ их не оружием, а словами, предварительно заключив с ними договор; и впредь соблюдать мир со всеми жителями побережья Тирренского моря, и сами не совершая деяний, которые не подобают эллинам, и не помогая совершающим; но в особенности, чтобы послы, если смогут, подготовили, обхаживая влиятельных лиц, отпадение города от самнитов и установление дружественных отношений с ними, римлянами. (5) 2. Случилось же так, что в это самое время к неаполитанцам явились послы, отправленные тарентинцами¹⁴, люди известные и наследственные гостеприимцы неаполитанцев. Пришли и другие, от ноланцев¹⁵, которые были соседями и с большим дружелюбием относились к эллинам, чтобы попросить неаполитанцев об обратном — не заключать договор с римлянами или их подданными и не расторгать дружбу с самнитами. 3. Если же, мол, римляне используют ее как повод для войны, то пусть неаполитанцы не страшатся и не пугаются силы римлян, как будто она есть нечто непобедимое, но держатся благородно и воюют, как подобает эллинам, полагаясь и на свое войско, и на помощь, которая придет от самнитов, и еще они получают, помимо собственного, значительный и превосходный морской флот, который отправят тарентинцы, если только и в нем у них возникнет нужда. *Ursin.*

VI. (6) Когда же собрался сенат¹⁶ и в нем произнесли много речей, которые высказали и посольства, и те, кто их поддерживал, мнения сенаторов разделились, хотя все же самые образованные, по всей видимости, были на стороне римлян. 2. Итак, в этот день не было вынесено никакого предварительного постановления, а решение по поводу посольств было отложено на другое, повторное заседание. Тогда в Неаполь явилось много самых влиятельных самнитов, которые, склонив на свою сторону руководителей государства, обхаживая их разными способами, убедили

¹¹ 328 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. VIII. 22. 5–10.

¹² Неаполь — крупный греческий город на побережье Кампании, в 25 км к югу от союзной римлянам Капуи, основанный около 600 г. до н.э. выходцами из соседних Кум.

¹³ В рукописях глагол отсутствует.

¹⁴ Тарент — крупный греческий город на юго-востоке Италии, основанный в конце VIII в. до н.э. выходцами из Спарты.

¹⁵ Нола — самнитский город в Кампании в 25 км к северо-востоку от Неаполя.

¹⁶ Неаполитанский сенат.

сенат предоставить народу выбор того, что принесет пользу. 3. И выступив на народном собрании, они, во-первых, стали перечислять собственные благодеяния, затем много обвиняли римское государство в том, что оно вероломно и коварно, а в конце речи дали неаполитанцам замечательные обещания: самниты заявили, что если те вступят в войну, то они пошлют для охраны их городских стен войско, какое неаполитанцам потребуется, и предоставят воинов для кораблей и все команды гребцов, полностью оплачивая расходы на войну не только собственных войск, но и неаполитанцев; 4. кроме того, в случае изгнания неаполитанцами римской армии, они вернут им Кумы, которыми двумя поколениями раньше завладели кампанцы, изгнав куманцев¹⁷, и восстановят в правах на свое имущество еще оставшихся куманцев, кого неаполитанцы приняли у себя после изгнания из родного города и дали участие во всех собственных благаях, и передадут неаполитанцам территорию без городов¹⁸ из той, что удерживают кампанцы. (7) 5. Так вот, та часть неаполитанцев, которая была благоразумной и способной задолго предвидеть бедствия, что обрушатся на государство вследствие войны, хотела соблюдать мир, но та, что была склонна к новшествам и искала выгод в смутной обстановке, содействовала войне. Происходили взаимные громкие обвинения и стычки, и спор дошел до метания камней. В конце концов, худшие одолели лучших, так что римские послы удалились, ничего не добившись. По этим причинам римский сенат постановил отправить войско против неаполитанцев. *Ursin*.

VII. (8) Римляне, узнав, что самниты собирают войско, сначала отправили послов¹⁹. Эти послы, выбранные из сенаторов, пришли к представителям самнитов и заявили: 2. «Вы поступаете несправедливо, самниты, нарушая соглашения, которые вы заключили с нами, и хотя прикрываетесь именем союзников, но дела творите врагов. Победенные римлянами во многих сражениях, вы добились своей настоятельной просьбой прекращения войны и получили мир, какого желали, а в конце концов выразили готовность стать друзьями и союзниками нашего государства и поклялись иметь тех же самых врагов и друзей, что и римляне. (9) 3. Забыв обо всем этом и ни во что не ставя клятвы, вы бросили нас во время войны, завязавшейся с латинами и с вольсками²⁰, которых мы из-за вас рассматриваем как врагов, не желая помогать им в войне против вас. А в прошлом году, хотя неаполитанцы боялись объявить нам войну, вы, приложив все свое рвение и усердие, воодушевили их, а скорее — заста-

¹⁷ В 421 г. до н.э., т.е. почти сто лет назад. Речь идет о самнитах, захвативших Капую и Кумы (см. примеч. 5).

¹⁸ Конъектура Поста (Post). Райске (Reiske) предлагает «весьма значительную».

¹⁹ В 327 г. до н.э. Для глав VII–X ср.: *Ливий*. VIII. 23. 1–10.

²⁰ Имеется в виду II Латинская война (340–338 гг. до н.э.), где римлянам противостояла коалиция латинов, вольсков, аврунков и кампанцев. Война закончилась полной победой римлян. В результате нее были окончательно подчинены латины и вольски. См.: *Ливий*. VIII. 2–14.

вили, кроме того, оплачиваете расходы и охраняете их город своими собственными силами. 4. Ныне же вы снаряжаете армию, собирая ее со всех сторон под разными предложениями, но в действительности решив двинуться против наших переселенцев²¹, и приглашаете к этой несправедливой наживе фунданцев, формианцев²² и некоторых других, которым мы предоставили гражданство. (10) 5. Но, хотя вы столь явно и бесстыдно нарушаете клятвенный договор о дружбе и союзе, мы, поступая справедливо, решили сначала отправить к вам посольство и не приступать к действиям, пока не испробованы речи. А то, к чему мы призываем вас и полагаем, получив это, утолить свой гнев на прошлые ваши деяния, таково: во-первых, мы требуем от вас увести обратно отправленное неаполитанцам союзное войско, затем — никакого войска не посылать против наших переселенцев и не приглашать тех, кто подчинен нам, к участию в любой наживе, 6. а если кто-то совершил это не по общему вашему решению, но по собственной воле, — выдать этих людей нам на суд. Получив это, мы будем удовлетворены, а не получив — призовем в свидетели богов и младшие божества, которыми вы поклялись при заключении соглашения, и для этого мы пришли вместе со жрецами-миротворцами²³. *Ursin*.

VIII. (11) После того как римлянин высказался в таком духе, представители самнитов, посоветовавшись между собой, объявили следующий ответ: 2. «Что касается опоздания нашего войска на войну против латинов, то не общество виновато, ведь мы приняли постановление отправить вам войско, но военачальники, потерявшие слишком много времени при подготовке, да и вы сами, слишком быстро бросившись в битву. По крайней мере, через три или четыре дня после сражения отправленные нами воины явились. 3. А по поводу города неаполитанцев, в котором находятся некоторые наши силы, то мы настолько далеки от причинения вам обиды, если предоставляем от лица общества какую-нибудь помощь для обеспечения безопасности тем, кто подвергается опасности, что сами считаем себя весьма обиженными с вашей стороны. Ведь, хотя этот город стал нашим другом и союзником не совсем уж недавно и даже не с того времени, как мы заключили соглашения с вами, но двумя поколениями ранее²⁴ за многочисленные великие благодеяния, вы поработили его, не будучи ничем обижены с его стороны. (12) 4. Тем не менее даже в этом деле не самнитское общество нанесло вам обиду, а есть, насколько мы знаем, некоторые

²¹ Имеются в виду жители Фрегелл (см. примеч. 25).

²² Жители вольских городов Фунды и Формии в южном Лацин получили римское гражданство в 338 г. до н.э., после II Латинской войны, за верность римлянам (см.: *Ливий*. VIII. 14. 10). Впрочем, в 330 г. до н.э. фунданцы оказались замешанными в антиримском выступлении (см.: *Ливий*. VIII. 19. 4; 9–14).

²³ Речь идет о фециалах, которые осуществляли религиозные обряды при объявлении войны, заключении договоров и при других внешнеполитических актах (см.: *Дионисий*. II. 72).

²⁴ Т.е. сто лет назад.

частные гостеприимцы и друзья неаполитанцев, которые по собственному почину помогают этому городу, и также есть кое-кто, кто служит за плату, вероятно, из-за скудости жизненных средств. Тайно же отнимать ваших подданных нам вообще нет никакой необходимости: ведь и без фунданцев с формианцами мы в состоянии помочь себе, если окажемся перед необходимостью воевать. 5. А приготовления нашего войска осуществляются не для того, чтобы отнять собственность у ваших переселенцев, но чтобы свое имущество держать под охраной. И мы, в свою очередь, призываем вас, если хотите поступать справедливо, уйти из Фрегелл, которые недавно мы захватили на войне, что является справедливейшим основанием владения, но вы присвоили безо всякого права и удерживаете уже второй год²⁵. Получив это, мы не будем считать себя в чем-то обиженными». *Ursin*.

IX. (13) После этого взял слово римский жрец-миротворец²⁶ и сказал: «Более нет никакого препятствия, ибо настолько явно вы нарушили клятвенный договор о мире ... [и не]²⁷ вздумайте обвинить римский народ. Ведь во всем он поступил по священным и установленным предками законам — и по отношению к богам благочестиво, и в отношении людей справедливо, — а кто из нас остался верен соглашению, будут решать боги, чей удел — надзор за войнами». 2. Собираясь удалиться, он натянул одеяние на голову и, воздев, по обычаю, руки к небу, взмолился богам: если римское государство взялось за дела, терпя несправедливость со стороны самнитов и будучи не в состоянии уладить разногласия с помощью слова и судебного разбирательства, то пусть боги и младшие божества внушат ему хорошие решения и даруют удачу его действиям во всех войнах; но если оно само нарушает в чем-нибудь клятвенный договор о дружбе и выдумывает лживые основания для вражды, то пусть они не направляют ни его решения, ни его действия. *Ursin*.

X. (14) Когда они разошлись из собрания и каждая сторона сообщила в своих городах о том, что было сказано, обе они сделали обратные предположения по поводу друг друга: самниты — считая, что римские войска будут более медлительны, как они обычно поступают, когда собираются начать войну, а римляне — думая, что самнитское войско вскоре устремится против их переселенцев фрегелланцев. 2. Впоследствии им пришлось испытать то, что следовало. Ведь первые, собираясь и мешкая, упустили удобный момент для действий, римляне же, имея все снаряжение наготове, как только услышали об ответах самнитов, сразу приняли постановление о войне

²⁵ Фрегеллы — город вольсков в 90 км к юго-западу от Рима, контролировавший переправу через реку Лирус. Самниты захватили его и полностью разрушили, что облегчило римлянам выведение сюда поселения в 328 г. до н.э. См.: *Ливий*. VIII. 22. 1–2. При принятом у античных авторов счете лет включительно получается как раз два года.

²⁶ Имеются в виду фециалы.

²⁷ Слова в квадратных скобках не восстанавливают полностью лакуну: логично было бы добавить нечто вроде «и ничто более не препятствует римскому народу объявить войну» (ср.: *Дионисий*. II. 72. 9).

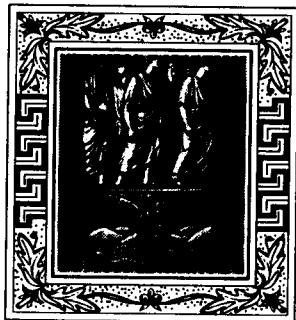

и отправили в поход обоих консулов. И прежде чем враги узнали о походе, войско — и недавно набранное, и зимовавшее у вольсков, — которым командовал Корнелий, было уже в самнитских пределах. *Ursin.*

* * *

Фунды²⁸, город Италии; граждане — фунданцы: Дионисий в пятнадцатой книге «Римских древностей». *Steph. Byz.*

Калы, авзонийский город²⁹: Дионисий в пятнадцатой книге «Римских древностей». Народ калийский: он же. *Steph. Byz.*

---

²⁸ См. примеч. 22.

²⁹ См. примеч. 6. Калы находились в 20 км к северо-западу от Капуи. Ср.: *Ливий*. VIII. 16.

Книга XVI

Предвещание коренной перемены перед отправкой римлян на последнюю войну с самнитами —
Упоминание Дионисием случая, из которого ясно, сколь велика была тогда в Риме ненависть
к пороку и суровость в отношении тех, кто нарушает всеобщие законы человеческой природы

I. (1) Когда римляне отправлялись на свою последнюю войну с самнитами, молния, ударив в самое заметное место, убила пять воинов и уничтожила два знамени, а много оружия либо сожгла, либо оставила на нем следы. Молнии (*kegaunoí*), обрушившись вниз, заслуженно носят это имя, соответствующее их воздействию, ибо они производят некоторые разрушения (*kegaismoí*) и изменения в том, что лежит внизу, переворачивая человеческие судьбы. 2. Ведь, в первую очередь, сам огонь молнии, устремляясь вниз, вынужден изменить своей собственной природе, происходит ли он из верхних, эфирных, или нижних, околосемных, слоев воздуха, ибо, несомненно, в силу его собственной природы ему свойственно не притягиваться к земле, но возноситься от земли вверх, поскольку источники божественного огня — в эфире. (2) 3. А доказывает это и тот огонь, что есть у нас, дар то ли Прометея, то ли Гефеста¹: всякий раз, когда он разрывает узы, в которых вынужден пребывать, он по воздуху устремляется вверх к тому родственному огню, который обнимает кругом всю природу мироздания. Итак, этот огонь, божественный и отделенный от тленной материи, который носится по эфиру², когда он обрушивается вниз на землю в силу какой-то могучей необходимости, предвещает изменения и коренные перемены. (3) 4. По крайней мере, когда и в то время случилось нечто подобное и римляне пренебрегли этим, то в итоге они, запертые самнитом Понтием на неудобных позициях, откуда не было выхода, а гибель от голода стала уже неизбежной, сдались врагам, числом будучи около сорока тысяч³. Оставив оружие и имущество, все они прошли под ярмом⁴: это является знаком подчинения. Но немного спустя и Понтий испытал от римлян то же самое, и под ярмом прошли и он сам, и те, кто был с ним. *Ambr.*

II. (4) «Мы, уже поверженные и став ничем, только это одно просим у тебя — не добавлять к нашим несчастьям никакого оскорбления в отношении нас и не попирасть тяжелой ногой нашу жалкую участь».

2. «Разве ты не знаешь, что многие из наших потеряли в войнах сыновей, многие — братьев, а многие — друзей? Почему, как ты думаешь, у них у всех расцветет в сердцах безмерный гнев, если кто-то воспрепятствует им почтить тех, кто под землей, таким же количеством вражеских душ, которые одни считаются почестью для усопших? (5) 3. Скажи-ка, а если даже, поддавшись на уговоры или по принуждению, или по какой-нибудь другой причине, они уступят в этом и оставят врагам жизнь, неужели ты думаешь про них, что они позволят врагам еще и имущество сохранить, и уйти, когда тем будет угодно, не изведав никакого позора, словно каким-то

¹ В греческой мифологии Прометей — мудрый титан, двоюродный брат Зевса, покровитель и, по одной из версий мифов, создатель людей. Он дарует им огонь, украв его в мастерской Гефеста — олимпийского бога огня и кузнечного дела, сына Зевса.

² Конъектура Поста (*Post*). В рукописи — «воздух».

³ Поражение в Кавдинском ущелье в 321 г. до н. э. Ср.: *Ливий*. IX. 1–15.

⁴ Сооружение в виде бугров II из трех копий, похожее на ярмо, в которое запрягали волов.

героям, явившимся на благо этой земли, или же, напротив, подобно диким зверям обступят и растерзают меня, как только осмелюсь высказать такое предложение? 4. Разве ты не видишь, что и охотничьи собаки, когда загнанный ими в сети зверь пойман, окружают охотников, требуя причитающуюся им часть добычи, и если тотчас не получают крови или внутренностей, то бегут за охотником, рыча и кусая его, и их не отогнать ни криками, ни ударами?» *Ambr.*

III. (6) Сражаясь весь день, они стойко переносили тяготы, но, когда тьма лишила их возможности различать друзей и врагов, отошли в свои лагеря.

Аппий Клавдий, допустив какие-то нарушения в жертвоприношениях, ослеп и был прозван Цек⁵: ведь так римляне называют слепых.

2. Настенные рисунки были и в линиях весьма тщательны, и приятны смешением красок, обладая пестротой, лишенной всякой так называемой вычурности.

Новолуния римляне называют календами, первую лунную четверть — нонами, а полнолуния — идами⁶. *Ambr.*

(7) 3. А на сражавшихся в центре фаланги, неплотной и неглубокой, скопом обрушились те, кто был построен в этом месте, и оттеснили их с позиции.

Внутренняя война, ниспосланная небесами, губила цвет государства.

Лиц, везущих жертвенные дары и удостоенных чести нести священную утварь.

Человек, полный безрассудного рвения и обладающий безумной дерзостью, считавшийся только с собственным мнением и подчинивший себе все, что касалось войны.

4. «После этого ты осмеливаешься обвинять судьбу за то, что дела пошли плохо, когда ты сам⁷ сел на перевернувшийся корабль? Ты⁸ столь глуп?»

Одни члены тела еще нуждались во врачебном уходе, а на других раны только что стали зарубцовываться. *Ambr.*

IV. (8) 1. [Как говорит Дионисий,] я упомяну еще один касающийся граждан случай, достойный восхваления со стороны всех людей, из которого элинам станет ясно, сколь велика была тогда в Риме ненависть к пороку и суровость в отношении тех, кто нарушает всеобщие законы человеческой природы. 2. Гай Леторий, по прозвищу Мерг, человек из славного рода и не трус в военных делах, назначенный трибуном одного из легионов во время Самнитской войны, уговаривал, до опреде-

⁵ По преданию, Аппий Клавдий, цензор 312 г. до н.э., был наказан слепотой за то, что передал общественным рабам те жертвоприношения Геркулесу, которые род Потидиев осуществлял у Великого алтаря.

⁶ Календы — первый день каждого месяца в римском лунном календаре. В марте, мае, июле и октябре ноны приходились на седьмой день, а иды — на пятнадцатый, в остальные месяцы, соответственно, — на пятый и тринадцатый.

⁷ Конъектура Струве (Struve). В рукописи: «посадил ее».

⁸ Конъектура Струве (Struve). В рукописи: «она была столь глупа?»

ленного времени, некоего юношу, выделявшегося внешностью среди прочих живших с ним в одной палатке, добровольно уступить ему юный цвет своего тела. Но поскольку ни дарами, ни другими услугами юношу не удалось соблазнить, Леторий, будучи не в состоянии сдерживать свою страсть, решил применить силу. 3. Когда же бесчинство этого человека стало известно всем в лагере, плебейские трибуны, сочтя, что такое преступление касается всего общества, выдвигают против него обвинение от лица государства. И народ всеми голосами осудил Летория, а наказанием по суду назначил смерть, не желая, чтобы находящиеся у власти⁹ подвергали ужасным и противоречащим мужской природе оскорблениям людей свободных и воюющих в защиту свободы остальных граждан. *Vales.; Suidas s.v. Gaius Laetorius; Ambr.*

V. (9) А еще удивительнее этого они поступили немного раньше, хотя дурное обращение имело место в отношении раба. А именно, сын Публия¹⁰, одного из тех военных трибунов, что сдали армию самнитам и прошли под ярмом, оставленный в крайней бедности, был вынужден взять в долг на погребение отца, рассчитывая получить помощь от родственников. Но, обманувшись в этой надежде, был отдан в уплату за долги, когда истек срок. А был он совершенно юн и миловиден. 2. Он терпеливо исполнял все прочие обязанности, которые обычай установил для рабов в отношении господ, но, принуждаемый уступить юный цвет своего тела, стал возмущаться и всячески сопротивляться. Получив за это много ударов плетью, он выбежал на Форум и, став на каком-то высоком месте, где рассчитывал обрести много свидетелей дурного с ним обращения, рассказал о разнузданности ростовщика и показал шрамы от плетей. 3. Когда же народ возмутился и признал дело заслуживающим общественного осуждения, а плебейские трибуны предъявили обвинение на суде, ростовщик был приговорен к смерти. И вследствие этого случая все римляне, порабощенные за долги, получили обратно прежнюю свободу благодаря утвержденному тогда закону¹¹. *Vales.; Suidas s.v. Gaius Laetorius.*

VI. (10) Требуя, чтобы сенат в пользу бедных и должников ...

Плоть только что забитых жертвенных животных продолжает дрожать и трепетать до тех пор, пока имеющийся в ней врожденный дух, прорвавшись через поры, не исчерпается полностью. 2. Нечто подобное является причиной землетрясений и в Риме: ведь город, весь пронизанный длинными и непрерывными подземными каналами, по которым отводится вода, и имеющий многочисленные отверстия наподобие рта, испускает через них заключенный в нем дух. И это как раз то, что

⁹ Конъектура Поста (Post). В рукописях: «находящиеся на других должностях». Райске (Raiske) предлагает «находящиеся на военных и других должностях», Смит (Smit) — «находящиеся на высоких должностях», Якоби (Jacoby) — «находящиеся на почетных постах и должностях».

¹⁰ У Ливия (VIII. 28) — Публилий; у Валерия Максима (VI. 1. 9) — Ветурий, сын консула, заключившего позорный договор.

¹¹ Закон Петелия-Папирия 326 или 313 г. до н.э., запрещающий долговую кабалу для римских граждан.

сотрясает его и разрывает земную поверхность, когда запертый здесь мощный и сильный дух встречает препятствия. *Ambr.*

* * *

Фрегеллы¹², город Италии, который первоначально принадлежал оскам¹³, а затем оказался у вольсков. Народ фрегелланский, как у Дионисия в шестнадцатой книге «Римских древностей» и у очень многих других. *Steph. Byz.*

Минтурны¹⁴, город самнитов в Италии: Дионисий в шестнадцатой книге. Народ минтурнский. *Steph. Byz.*

Экал, крепость в Италии: Дионисий в шестнадцатой книге «Римских древностей». *Steph. Byz.*

Иапиды, гальское племя около Иллирии¹⁵: Дионисий в шестнадцатой книге. *Steph. Byz.*

¹² См. примеч. 25 к кн. XV.

¹³ Оски — племена, родственные самнитам. Греки называли их опиками. Проживали в основном в Кампании.

¹⁴ Ср.: *Ливий*. VIII. 10. 9; IX. 25. 4; X. 21. 7. Вернее, этот город принадлежал авнонам. Располагался близ устья реки Лирис. В 296 г. до н.э. туда была выведена римская колония.

¹⁵ Иллирия — область на северо-западе Балканского полуострова, примыкавшая к Адриатическому морю.

Книги XVII – XVIII

Самнитская война. Причины начавшейся войны — Консул Постумий. Обстоятельства, принесшие Постумию неприязнь — Привлечение Постумия к публичному суду

I. (16, 11) Опять разгорелась самнитская война, начавшись по следующей причине¹. После договора, который самниты заключили с римским государством, они, выждав немного времени, предприняли поход на луканов², своих соседей, побужденные какой-то старинной враждой. 2. Итак, сначала луканы вели войну, полагаясь на свои собственные силы. Однако, уступая во всех сражениях и потеряв уже много земель, а также подвергаясь опасности в отношении всей остальной территории, они были вынуждены обратиться за помощью к римлянам. Они сознавали, что сами вероломно нарушили соглашения, заключенные с римлянами ранее, в которых договорились о дружбе и союзе³, но не оставили надежду уговорить их, если отправят вместе с послами самых знатных мальчиков из всех городов в качестве заложников. Именно так и вышло. (12) 3. Ведь когда послы прибыли и обратились с настойчивыми просьбами, сенат решил принять заложников и завязать с луканами дружественные отношения, а народ утвердил его постановления. 4. После заключения договора с посланцами луканов старейшие и самые уважаемые римляне, избранные сенатом в послы, отправились к общему собранию самнитов, чтобы сообщить им, что луканы являются друзьями и союзниками римлян, и призвать их вернуть землю, которую они на тот момент отняли у луканов, и не совершать впредь никаких враждебных действий, поскольку римское государство не позволит изгнать из собственной страны тех, кто умоляет его о помощи. *Ursin*.

II. (16, 13) Самниты, выслушав послов, стали возмущаться и возражать, утверждая, во-первых, что соглашения о мире заключены не на том условии, чтобы никого не считать ни своим другом, ни врагом, если римляне того не прикажут; затем, что луканов римляне объявили друзьями не заранее, но недавно, когда те уже были врагами самнитов, — тем самым измышляя и несправедливый, и неблагоприятный предлог для расторжения договора. 2. Римляне же отвечали, что те, кто покорился, согласившись повиноваться, и на этом условии прекратил войну⁴, должны во всем подчиняться тем, кто получил над ними власть, и угрожали начать с ними войну, если они не выполнят приказаний добровольно. 3. После этого самниты, сочтя невыносимым высокомерие Рима, приказали послам немедленно удалиться, а сами приняли постановление и всем вместе, и по отдельным городам сделать необходимые приготовления для войны. *Ursin*.

III. (16, 14) Итак, внешним поводом для Самнитской войны и достаточно благоприятным, чтобы объявить всем, стало оказание помощи обратившимся к ним луканам,

¹ Речь идет о III Самнитской войне (298–290 гг. до н.э.). Для глав 1–3 ср.: *Ливий*. X. 11. 11–13; 12. 1–3.

² Луканы — родственные самнитам италийские племена, населявшие область южнее Кампании.

³ Эти соглашения были заключены в 326 г. до н.э. по инициативе самих луканов (*Ливий*. VIII. 25. 3), но тут же ими нарушены (*Ливий*. VIII. 27. 4–10).

⁴ Имеется в виду договор 304 г. до н.э., завершивший II Самнитскую войну (328–304 гг. до н.э.). См.: *Ливий*. IX. 45. 1–4.

поскольку, мол, это некий общий и унаследованный от предков обычай у римского государства помогать обижаемым и обращающимся к нему. Но скрытым поводом, который скорее вынуждал их разорвать дружественные отношения, было могущество самнитов, ставшее уже значительным и обещавшее возрасти еще больше, если после подчинения луканов и, вследствие этого, их соседей последовать им соберутся граничившие с ними варварские племена. Так что после возвращения послов договор был немедленно расторгнут, и стали набирать две армии. *Ursin.*

IV. (16, 15) Консул Постумий, когда приблизилось получение им наследства, стал высоко мнить о себе и по причине знатности рода, и в силу того, что был уже украшен двумя консульствами⁵. 2. Его сотоварищ по консульству⁶ сначала возмущался этим, поскольку, мол, лишен равенства, и часто в сенате говорил ему о своих правах. Но позднее, признав, что и по достоинству предков, и по количеству друзей, и по остальным возможностям он слабее, — ибо был плебеем, к тому же из тех, кто лишь недавно достиг известности, — он уступил сотоварищу по консульству и отдал ему командование в Самнитской войне. 3. Итак, это было первое обстоятельство, которое принесло Постумию неприязнь, случившееся вследствие его чрезмерного самомнения, и потом к нему добавилось другое, более тягостное, чем подобает римскому военачальнику. А именно, выбрав из своего войска около двух тысяч человек, он отправил их в собственное поместье, приказав им вырубить лес без топоров, и долго держал этих людей в поле, заставляя выполнять обязанности батраков и слуг⁷. (16) 4. Проявив такое высокомерие перед походом, он показал себя еще более несносным в своих действиях во время самого похода, чем предоставил сенату и народу основания для справедливой ненависти. Ведь, хотя сенат постановил, чтобы Фабий, консул прошлого года и победитель тех самнитов, которые называются пен-тры, оставался в лагере и вел войну с этой частью самнитов, имея проконсульскую власть, Постумий отправил ему письмо и приказал уйти из Самнии, поскольку, мол, командование принадлежит только ему одному. 5. И послам, отправленным от сенаторов с требованием не препятствовать проконсулу оставаться в лагере и не противодействовать их постановлениям, он дал надменный ответ в духе тиранов, заявив, что не сенат властвует над ним, пока он консул, но он — над сенатом. 6. Отпустив послов, он повел войско против Фабия, намереваясь, раз тот не желает добровольно уступить власть, принудить его с помощью оружия. Застав Фабия во время осады города Коминий⁸, он выгнал его из лагеря, демонстрируя полное пренебрежение древними обычаями и неслыханное высокомерие. В итоге, Фабий, уступив его безумию, отказался от командования. *Vales.; Suidas s.v. Postumius.*

⁵ В 291 г. до н.э. Два предыдущих консульства — 305 и 294 гг. до н.э.

⁶ Гай Юний Бубульк Брут. Он стал еще раз консулом в 277 г. до н.э.

⁷ Ср.: *Ливий*. Перипоха к кн. XI.

⁸ Город в Самнии.

V. (16, 17) Тот же самый Постумий сначала в результате осады захватил Коминий, потратив на приступы немного времени, затем — густонаселенную Венузию⁹ и очень много других городов, из жителей которых десять тысяч были убиты, а шесть тысяч двести сдали оружие. 2. Совершив это, он не только не был удостоен какой-нибудь благодарности или почести от сената, но и потерял прежнее уважение. А именно, когда отправляли двадцать тысяч поселенцев в один из захваченных им городов — в так называемую Венузию, то выбраны были другие руководители переселения, а человек, завоевавший город и внесший предложение об отправке колонистов, не показался достойным даже этой чести. (18) 3. Все же, если бы он перенес случившееся с благоразумной расчетливостью и попытался смягчить суровость сената с помощью добрых слов и дел, то не испытал бы больше никакого несчастья, ведущего к бесчестию. Теперь же, в свою очередь возмущенный и раздраженный, он предоставил воинам всю добычу, что захватил у врагов, и прежде, чем был отправлен преемник его власти, распустил войска из-под знамен, а в конце концов по своей собственной воле справил триумф, на который ни сенат, ни народ не дали ему согласия. 4. Вследствие всего этого разгорелась еще большая ненависть со стороны всех, и как только он передал власть консулам — своим преемникам, два плебейских трибуна привлекли его к публичному суду. Обвиненный перед народом, он был осужден всеми трибами, обвинение же предусматривало денежный штраф в пятьдесят тысяч серебра¹⁰. *Vales.*

* * *

Ферентин, город самнитов в Италии. Народ ферентанский¹¹. Называется также Ференции, как у Дионисия в семнадцатой книге «Римских древностей». *Steph. Byz.*

Милония¹², известнейший город самнитов: Дионисий в семнадцатой книге. Народ милоннатский. *Steph. Byz.*

Неквин¹³, город умбров: Дионисий в семнадцатой книге «Римских древностей». Народ неквинатский. *Steph. Byz.*

⁹ Город в Апулии (юго-восток Италии) на границе с Луканией, недалеко от реки Ауфид. Позднее через него прошла Аппиева дорога.

¹⁰ Неясно, какая серебряная монета имеется в виду — денарий или, что менее вероятно, сестерций (¼ денария).

¹¹ Такой город известен у этрусков и герников, но не у самнитов. Возможно, речь идет о самнитском племени френтаны, жившем на побережье Адриатического моря. Ср.: *Дионисий*. XIX. 12. 1; 3.

¹² Должно быть «Милония». Ср.: *Ливий*. X. 3. 5; 34. 1–3.

¹³ Находился в 60 км к северу от Рима. Ср.: *Ливий*. X. 9. 8; 10. 1–5.

Нарния, город самнитов¹⁴, назван по протекающей мимо реке Нар, как у Дионисия в восемнадцатой книге «Римских древностей». Народ нарнийский. *Steph. Byz.*

Окрикул, город тирренов¹⁵: Дионисий в восемнадцатой книге «Римских древностей». Народ окрикуланский, как он же говорит. *Steph. Byz.*

---

¹⁴ Возможно, сабинян? Ведь Нарния была колонией латинского права, построенной на месте Неввина (см.: *Ливий*. X. 9. 8; 10. 5).

¹⁵ Вернее, умбров (см.: *Ливий*. IX. 41. 20). Находился в южной Умбрии на берегу реки Тибр, на самой границе с Тирренией (Этрурией). Позднее через него и Нарнию прошла Фламиниева дорога.

Книга XIX

История возникновения города Таранта — Предания о возникновении в Италии места под названием «Регий» — Предание о поселении Левкиппа Лакедемонянина и его спутников — О том, как Постумий был отправлен послом к тарентинцам — Взаимные приветствия царя Пирра и Публия Валерия — Эпизод сражения самого Пирра с ферентандцем Облаком — Переговоры римских послов с Пирром — Обращение царя Пирра лично к Фабрицию — Ответ Фабриция — Пирр, восхитившись благородством души Фабриция, выражает готовность примирения и освобождения пленных без выкупа

1. (17, 1) Город Кротон находится в Италии, как и Сибарис¹, названный так по протекающей мимо реке.

2. Когда лакедемоняне воевали с Мессенией² и Спарта была покинута мужчинами, женщины и особенно девушки цветущего возраста просили не допустить, чтобы они остались не только незамужними, но и бездетными. Поэтому постоянно посылали тех или иных юношей поочередно из лагеря для соития с женщинами, и они сходились с кем придется. От этих беспорядочных связей родились мальчики, которых, когда они повзрослели, лакедемоняне, среди прочих унижений, называли партениями («детьми девушек»). (2) 3. Подняв восстание, партении потерпели поражение и добровольно ушли из Спарты. Обратившись в Дельфы, они получили оракул плыть в Италию, а найдя местность Сатирий в Япигии³ и реку Тарант, поселиться там, где увидят козла, окунающего в море свою бороду. 4. Совершив плавание, они нашли реку и увидели виноградную лозу, ниспадающую с какой-то дикой смоковницы, выросшей рядом с морем. Один из побегов лозы, свесившись, касался моря. Решив, что это и есть тот козел⁴, о котором возвестил им бог, что увидят его окунающим бороду в море, они остались здесь и начали войну с япигами⁵. И построили они город, названный по реке Тарант⁶. *Aubr.*

II. (17, 3) Артимед Халкидянин получил изречение оракула остаться там, где найдет мужчину, взятого в жены женщиной, и дальше уже не плыть. Совершив плавание вокруг Паллантия в Италии и увидев виноградную лозу, [обвиняющуюся вокруг дикого смоковничьего дерева, он решил, что лоза означает женщину⁷,] дерево — мужчину⁸, а их сращивание — совокупление, и счел оракул исполненным. Изгнав владевших этим местом варваров, он поселяется там. 2. Место это называется Регий⁹ — или потому, что там был *обрывистый* утес, или поскольку земля в этом месте *раскололась*¹⁰ и отделила от Италии противлежащую Сицилию, или в честь правителя, имевшего такое имя. *Aubr.*

¹ Кротон и Сибарис — греческие колонии на юге Италии, основанные в конце VIII в. до н.э. В 510 г. до н.э. кротонцы захватили и полностью уничтожили Сибарис. Роскошь и изнеженность жителей Сибариса (сибаритов) вошла в поговорку.

² Первая Мессенская война (вторая половина VIII в. до н.э.), длившаяся около 20 лет.

³ Япигия — область в юго-восточной Италии, позднее — античная Калабрия.

⁴ В древнегреческом языке слова «козел» и «побег» (лозы) — почти омонимы.

⁵ Племя иллирийского происхождения (см. примеч. 15 к кн. XVI). Иллирийский язык — индоевропейский, вымер вскоре после начала нашей эры.

⁶ Греческое название Тарента. Основан в 706 г. до н.э.

⁷ Слова в квадратных скобках, отсутствующие в рукописях, взяты из схожего рассказа историка I в. до н.э. Диодора Сицилийского (VIII. 21. 3).

⁸ В древнегреческом языке «лоза» — женского рода, а «смоковница» — мужского.

⁹ Греческая колония на крайнем юго-западе Италии, на берегу современного Мессинского пролива. Основана в 720 г. до н.э. выходцами из города Халкида на острове Эвбея в Греции.

¹⁰ Два этих объяснения связывают название «Регий» с корнем глагола *ρηγύναι* («разрывать», «раскалывать»).

III. (17, 4) Левкиппу Лакедемонянину на вопрос, где суждено поселиться ему и его спутникам, бог возвестил плыть в Италию, а заселить ту землю, где они, причалив, останутся день и ночь. Так вот, экспедиция причалила около Каллиполиса, гавани тарентинцев, и Левкипп, восхитившись природой местности, уговорил тарентинцев позволить им провести там день и ночь. 2. Когда же прошло больше дней и тарентинцы потребовали от них уйти, Левкипп не стал обращать на тех никакого внимания, утверждая, что по соглашению он получил у тарентинцев землю на день и на ночь, а пока будет либо то, либо другое, он не откажется от этой земли. В итоге, осознав, что их обманули, тарентинцы разрешили им остаться. *Ambr.*

IV. (17, 5) Локры, поселившиеся на мысе Зефирий¹¹ в Италии, были названы зефирийскими.

Они решили, чтобы он оставался на том месте, где был, и сдерживал надвигающуюся с той стороны войну.

Они были рассеяны по лесам, ущельям и горам.

(6) 2. Некий тарентинец, человек бесстыдный¹² и невоздержанный в отношении всех удовольствий, назывался Таидой¹³ за свою красоту, распутную и в дурном смысле общедоступную среди мальчиков¹⁴.

Записав плебе в войско, они ушли.

Самые легкомысленные и разнузданные среди горожан. *Ambr.*

V. (17, 7) Как Постумий был отправлен послом к тарентинцам. И когда он излагал какую-то речь, тарентинцы не только не стали уделять ему внимание или предаваться размышлениям, свойственным людям благоразумным и совещающимся о своем государстве, которое подвергается опасности, но даже отмечали и смеялись, если что-нибудь произносилось им не в соответствии с самыми строгими правилами греческого языка, и раздражались от его высокомерия, называя варварским, а в конце концов были готовы прогнать его из театра. 2. Когда же римляне уходили, один из стоявших в проходе тарентинцев, по имени Филонид, человек легкомысленный, прозванный Котила («Чаша») из-за пьянства, коему предавался в течение всей своей жизни, — так вот, когда послы оказались рядом, он, будучи полон еще вчерашнего вина, задрал одежду и, приняв вид как можно непристойнее, забрызгал священное одеяние посла нечистотами, которые даже назвать неприлично.

¹¹ Греческая колония на юго-западе Италии, на берегу Ионического моря. Основана в 70-е годы VII в. до н.э. выходцами из области Локриды в Средней Греции. Здесь была произведена древнейшая в греческом мире (за исключением острова Крит) письменная кодификация законов.

¹² Конъектура Поста (Post). В рукописи: собственное имя «Энесий» (или «Энисий»). Мэй (Mai) предлагает читать «нечестивый».

¹³ Таис (Таида) — имя знаменитой афинской гетеры, участвовавшей в походе Александра Македонского против Персии. Была любовницей, а затем женой Птолемея, первого македонского царя Египта. См.: *Плутарх. Александр*. 38.

¹⁴ Согласно конъектуре Поста (Post): «среди всех».

(8) 3. Со стороны всего театра раздался смех, а самые дерзкие стали рукоплескать, Постумий же, взглянув на Филонида, сказал: «Мы примем¹⁵ это знамение, о легкомысленный человек, что вы отдаете нам и то, чего мы не требуем». Потом он повернулся к толпе, показывая оскверненное одеяние, но когда заметил, что всеобщий смех стал еще сильнее, и услышал возгласы некоторых из тех, кто радовался и восхвалял это глумление, он произнес: 4. «Смейтесь, пока вам позволено, тарентинские мужи, смейтесь! Ибо затем вам придется долгое время рыдать». А когда из-за его угрозы некоторые разошлись, он добавил: «И чтобы вы еще больше рассердились, мы говорим вам и то, что эту одежду вы отмоете большой кровью». 5. Подвергшись таким оскорблениям от тарентинцев — и от частных лиц, и со стороны государства — и произнеся такие пророческие слова, римские послы отплыли из их города. *Ursin.*; (p. 346, ll. 10-17) *Ambr.*

VI. (17, 9) Эмилий, по прозвищу Барбула¹⁶, только что принял власть, когда прибыли отправленные в Тарент вместе с Постумием послы, не доставив никакого ответа, но рассказывая об оскорблениях, которым они подверглись там, и в подтверждение своих слов показывая одежду Постумия. Поднялось всеобщее сильное негодование, а Эмилий и второй консул собрали сенат и стали обсуждать, что следует делать, начав заседание на рассвете и вплоть до захода солнца: и занимались этим в течение многих дней. (10) 2. Рассмотрению же подвергся вопрос не о том, нарушили ли тарентинцы соглашения о мире, ибо в этом все были согласны, но о времени отправки против них войска. Ведь были такие, кто убеждал пока не начинать эту войну в условиях, когда отпали луканы, бруттии¹⁷, а также большое и воинственное племя самнитов, и Тиррения, находясь у самых ворот, еще не покорена, но начать ее лишь тогда, когда эти народы подчинятся, предпочтительно — все, если же невозможно — то хотя бы те, что располагаются к востоку и рядом с Тарентом. Но другим представлялось, что выгодно противоположное этому, а именно, не откладывая ни на мгновение, немедленно проголосовать о войне. 3. Когда же стали подсчитывать голоса, последних оказалось больше, чем тех, кто убеждал отложить войну на другое время. И народ утвердил решение сената. [Ищи в разделе о военных приемах.] *Ursin.*

VII. (17, 11) ... для желающих сохранить собственное имущество добрым знаменем по природе являются птицы, которые кружатся вокруг одного и того же места в относительно спокойном полете, а для добывающихся чужого — те, что мчатся вперед стремительно и быстро: ведь они добытчики и охотники за тем, чего у них нет, а первые — блюстители и стражи того, что имеется в наличии. *Ambr.*

(12) 2. Он прошел всю вражескую страну, предавая огню поля, где уже созрел урожай хлеба, и вырубая плодовые деревья.

¹⁵ Согласно конъектуре Силбурга (*Sylburg*): «принимаем».

¹⁶ 281 г. до н.э.

¹⁷ Луканы — см. примеч. 2 к кн. XVII (XVIII). Бруттии — родственные луканам племена, жившие южнее их на крайнем юго-западе Италии (современная Калабрия).

Нечто подобное морям испытывают и демократические государства: ведь и те волнуются ветрами, будучи по природе спокойными, и эти сотрясаются демагогами, сами по себе не имея никакого порока. *Ambrosius*.

VIII. (17, 13) Когда тарентинцы намеревались пригласить Пирра¹⁸ из Эпира для войны против римлян¹⁹ и изгоняли тех, кто возражал, некий Метон²⁰, сам тарентинец, чтобы привлечь внимание и показать им, какие бедствия вместе с царской властью войдут в свободный и живущий в роскоши город, явился в театр, где сидела толпа, украшенный венком, как будто с пирушки, и в обнимку с юной девушкой-флейтисткой, которая наигрывала на флейте застольные мелодии. (14) 2. Когда же всеобщая серьезность разразилась смехом и одни стали предлагать ему спеть, а другие — сплясать, он, оглядевшись вокруг и подав рукой знак обеспечить ему тишину, сказал после того, как унял шум: «Граждане, из тех моих дел, что вы ныне видите, ничего не будет позволено вам совершать, если разрешите царю и гарнизону войти в город». 3. А когда он увидел, что многие взволнованно внимают ему и велят говорить дальше, он, продолжая притворяться пьяным, стал перечислять бедствия, которые произойдут с ними. Но еще во время его речи виновники этих бедствий хватают его и выбрасывают головой вперед из театра. *Ambrosius*.

IX. (17, 15) «Царь эпиротов Пирр, сын царя Эакида, приветствует Публия Валерия, консула римлян²¹. Вероятно, ты слышал от других, что я прибыл вместе с войском на помощь к тарентинцам и к остальным италиотам²², призвавшим меня, и также для тебя не тайна то, от каких людей я происхожу и какие сам совершил деяния, и сколь большую я веду армию и сколь превосходную в военном деле. 2. Итак, я полагаю, что ты примешь все это во внимание и не станешь дожидаться, чтобы узнать на деле и по опыту нашу доблесть в сражениях, но, отложив оружие, обратишься к речам. Я не только советую тебе поручить мне решение тех вопросов, по поводу которых римский народ спорит с тарентинцами, луканами или самнитами, — ведь я рассужу ваши разногласия по всей справедливости, — но и своих друзей склоню возместить весь ущерб, который я же признаю их виной. (10) 3. Но правильно сделаете и вы, предоставив поручителей для тех обвинений, которые предъявят вам некоторые из них, — что вы будете соблюдать мои решения как обязательные. Если вы поступите так, я обещаю дать вам мир, стать другом и охотно помогать в тех войнах, на которые вы меня призовете. 4. А если так не сделаете, то я не позволю вам опустошать землю

¹⁸ Пирр (319–272 гг. до н.э.) — с 306 г. до н.э. царь Эпира (запад северной Греции), в 289–288 гг. до н.э. — царь Македонии. Дальний родственник Александра Македонского.

¹⁹ Война, поводом к которой послужило оскорбление римских послов (см. гл. 5–6), началась в том же 281 г. до н.э., и тогда же тарентинцы потерпели сокрушительное поражение от римлян, после чего начали переговоры с Пирром.

²⁰ Историю, изложенную в гл. 8, также см.: *Плутарх*. Пирр. 13.

²¹ Консул 280 г. до н.э.

²² Так назывались греческие жители Италии.

моих союзников, грабить эллинские города и продавать свободных людей как добычу, но буду препятствовать оружием, чтобы вы, наконец-то, прекратили разорять всю Италию и издеваться над всеми людьми как над своими рабами. Ждать же я буду твоего ответа вплоть до десятого дня, ибо больше я уже не могу». *Ambr.*

X. (17, 17) В ответ на это римский консул, порицая высокомерие данного человека и одновременно показывая возвышенный образ мыслей римлян, пишет: «Публий Валерий Лавиний²³, консул римлян, приветствует царя Пирра. 2. Мне представляется делом человека благоразумного посылать письма с угрозами своим подданным, но презирать как людей ничтожных и ничего не стоящих тех, чью силу не испытал и доблести не познал, мне кажется признаком нрава безрассудного и не понимающего разницы между тем и другим. 3. Мы же привыкли наказывать врагов не словами, а делами, и как не назначаем тебя судьей того, в чем мы обвиняем тарентинцев ли, самнитов или прочих врагов, так и не берем тебя поручителем какого-нибудь возмещения, но мы решим спор нашим собственным оружием и подвергнем врагов таким наказаниям, каким сами пожелаем. Итак, узнав об этом, готовься стать нашим противником, но не судьей. (18) 4. И в отношении тех обид, что сам причиняешь нам, подумай, каких ты предоставишь поручителей возмещения: не ручайся, что тарентинцы или прочие наши враги дадут справедливое возмещение. Если же ты решишь всеми способами вести с нами войну, то знай — с тобой случится то же самое, что неизбежно случается со всеми, кто хочет сражаться прежде, чем изучил тех, против кого вступит в бой. 5. Имей это в виду и, если в чем-нибудь нуждаешься из нашего, то иди, отказавшись от угроз и отбросив царскую гордыню, к нашему сенату, объясни и убеди сенаторов, и не потерпишь неудачу ни в чем, что является справедливым или разумным». *Ambr.*

XI. (18, 1). Лавиний, римский консул, схватив лазутчика Пирра, вооружил и выстроил всю свою армию в боевом порядке, а когда показал ее лазутчику, то повелел сообщить всю правду тому, кто его отправил, и в дополнение к увиденному сказать, что римский консул Лавиний призывает того более не посылать других тайно на разведку, но открыто прийти самому, чтобы посмотреть и узнать силу римлян. *Ambr.*

XII. (18, 2) Некий человек по имени Облак, а по прозвищу Вольсиний, глава народа ферентанцев²⁴, видя, что Пирр не стоит на одном месте, но стремительно появляется везде, где идет сражение, стал свое внимание уделять только ему одному и, когда тот проезжал на коне, направлял против него своего коня²⁵. 2. Заметив его, один из свиты царя, Леоннат, сын Леофанта, македонянин, заподозрил неладное и, указав на него Пирру, говорит: «Остерегайся, царь, этого человека, ведь он превосходный воин и сражается не на одном постоянном месте, но следит за тобой

²³ Здесь и в следующей главе в рукописи «Лавиний» вместо «Левин».

²⁴ См. примеч. 11 к кн. XVII (XVIII).

²⁵ Для сл. XII ср.: *Шутарх.* Пирр. 16–17.

и на тебя обращает все свое внимание». (3) 3. Царь же ответил: «А что сможет сделать один человек мне, имеющему столькох вокруг себя?» И он даже в какой-то степени похвастался, как юноша, собственной силой, мол, если и один на один сойдется, тот не уйдет назад безнаказанным. А ферентанец Облак, сочтя момент таким, какого он выжидал, бросается со своими людьми в середину царского конного отряда. Пробившись сквозь строй окружавших всадников, он устремился к самому царю, держа копьё обеими руками. 4. Но в это самое время Леоннат, — тот, что ранее посоветовал Пирру остерегаться этого человека, — отклонившись немного в сторону, наносит удар копьём вражескому коню в бок. Однако, ферентанец, уже падая, ранит в грудь царского коня, и оба они валятся вместе со своими конями. (4) 5. Все же царя увозит самый верный из телохранителей, посадив на собственную лошадь, а Облак долго еще сражался, после чего, изнуренного множеством ран, его поднимают и уносят некоторые из его спутников после ожесточенного сражения за труп. 6. После этого царь, чтобы не быть заметным для врагов, приказал Мегаклу, самому преданному из своих друзей и отважнейшему в бою, надеть его пурпурный и расшитый золотом плащ, который Пирр обычно носил в битвах, и его доспехи, более роскошные, чем у остальных, как по материалу, так и по качеству изготовления. А сам взял у Мегакла его темный плащ, панцирь и войлочный головной убор²⁶, что, казалося, обеспечит ему безопасность²⁷. *Ambt.*

XIII. (18, 5) Когда Пирр, царь эпиротов, повел свою армию против Рима, там решили отправить послов, чтобы попросить Пирра отпустить им пленников²⁸, обменяв их на других лиц или назначив выкуп за каждого человека. И послами назначают Гая Фабриция, который, будучи консулом тремя годами раньше²⁹, победы в упорных сражениях самнитов, луканов и бруттиев и снял осаду с Фурий³⁰, Квинта Эмилия, бывшего коллегой Фабриция по консульству и командующим в Тирренской войне, и Публия Корнеция, который, будучи консулом четыре года назад³¹, воевал

²⁶ Кавсия — широкополая македонская шляпа из войлока.

²⁷ Во время этой битвы (при Гераклее) Мегакл, принятый за царя, был убит, что едва не привело войско Пирра к поражению. См.: *Плутарх*. Пирр. 17.

²⁸ Речь идет о событиях после битвы при Гераклее (280 г. до н.э.), в которой римляне потерпели поражение. Пирр затем совершил показательный поход на Рим, подойдя к городу на несколько десятков километров, но ситуация заставила его повернуть назад.

²⁹ Античные авторы считали включительно, поэтому реально Фабриций был консулом два, а не три, года назад, т.е. в 282 г. до н.э.

³⁰ Фурии — греческий город на юго-востоке Италии, обратившийся к Риму за помощью против луканов. Разбив их, римляне ввели в Фурии свой гарнизон, вскоре изгнанный тарентинцами, что положило начало событиям, излагаемым в кн. XIX.

³¹ В действительности — три года назад, т.е. в 283 г. до н.э. Одержал решающую победу при Вадимском озере над войском этрусков и галлов, правда, не сенонов, разгромленных в 284 г. до н.э., а бойев.

против целого галльского племени, так называемых сенонов, злейших врагов римлян, и перерезал всех взрослых мужчин. (6) 2. Явившись к Пирру и изложив то, что соответствовало такого рода поручению, мол, что, судьба есть нечто неопределенное, а в войнах изменения происходят стремительно, людям же нелегко предвидеть что-либо из грядущего, они предоставили выбор ему, хочет ли он получить за пленников деньги или других пленников взамен.

(17) 3. А Пирр, посоветовавшись со своими друзьями, отвечает им следующее: «Какое-то возмутительное дело вы затеваете, о римские мужи, не желая установить со мной дружественные отношения, но прося вернуть тех, кто попал на войне в плен, чтобы вы могли тех же самых лиц использовать в войне против меня. 4. Но если вы намерены поступать наилучшим образом и заботитесь об общей для нас обоих выгоде, то завершите войну против меня и моих союзников и безвозмездно забирайте обратно у меня всех своих людей — и сограждан, и союзников, а иначе я, пожалуй, не решусь отдать вам столько доблестных воинов». *Ursin*.

XIV. (18, 8) Это он произнес в присутствии трех послов, а лично Фабрицию, отведя его в сторону, сказал³²: «Я слышал, что ты, о Фабриций, являешься лучшим в ведении войн и в своей жизни справедлив, благоразумен и обладаешь всеми прочими доблестями, но беден деньгами и в этом одном отношении обижен судьбой, так что продолжаешь оставаться, касательно жизненных средств, ничем не лучше самых бедных сенаторов³³. 2. Так вот, стремясь восполнить именно эту сторону, я готов дать тебе такое количество серебра и золота, после приобретения которого ты превзойдешь богатством всех римлян, что считаются наиболее состоятельными. Я считаю отличным расходом, подобающим правителю, оказывать beneficia доблестным людям, которые из-за бедности живут недостойно своей доблести, — и для царского богатства это самое блестящее пожертвование и сооружение. (9) 3. Узнав же о моем намерении, Фабриций, отложи всякую скромность и прими участие в тех благах, которые имеются у нас, в уверенности, что я обязательно также буду весьма благодарен тебе, и, клянусь Зевсом, не меньше ... считай самыми чтимыми из гостей³⁴. Мне же за это не нужно от тебя никакой несправедливой или позорной услуги, но только то, что сделает тебя самого более могущественным и уважаемым на собственной родине. 4. И прежде всего, сколько есть у тебя влияния, побуди к заключению мира

³² О переговорах Пирра с Фабрицием и их результатах ср.: *Ливий*. Перипоха кн. XIII; *Плутарх*. Пирр. 20.

³³ Пост (Post) предлагает вместо «сенаторов» читать «клиентов», Смит (Smit) — убрать слово «сенаторов».

³⁴ Заполнение лакуны сталкивается с проблемами. Райске (Reiske) предлагает: «Считай, что будешь не менее дорог [мне, чем мои друзья и родственники,] и будешь среди самых чтимых из моих гостей», или — «Считай, что [ты получишь] не меньше, [чем мои друзья,] и будешь среди самых чтимых из моих гостей». Пост (Post) предлагает: «Считай, что [я готов оказать тебе] не меньше [beneficentий, чем] самым чтимым из [друзей] и гостей».

сенат, который до сих пор враждебен и ни в чем не настроен сдержанно, объясняя, что не во вред вашему государству я пришел, пообещав помощь тарентинцам и прочим италиотам, коих покинуть для меня ныне и нечестиво, и неподобающе, раз я нахожусь вместе с войском и в первой битве одержал победу³⁵. К тому же, весьма многочисленные насущные дела, появившиеся за это время, зовут меня обратно в свое царство. (10) 5. И по поводу моего возвращения домой, если римляне признают меня своим другом, я предоставлю и тебе одному, и вместе с остальными послами все гарантии, сколько их обеспечивает соглашения между людьми, с тем, чтобы ты уверенно говорил с собственными согражданами, если все-таки некоторым из них подозрительно имя царской власти как не внушающее доверия при заключении соглашений, судящим точно так же и обо мне на основании того, что некоторые другие цари считались виновными в нарушении клятв и договоров. 6. А когда наступит мир, иди со мной, чтобы стать моим советником во всех делах и помощником на войне, сопричастным царскому счастью. Ведь мне нужен доблестный человек и верный друг, а тебе — царская щедрость и царское могущество. Если, действительно, мы объединим все это для общей пользы, то получим друг от друга величайшие блага». *Ursin*.

XV. (18, 11) Когда же он закончил, Фабриций, немного помедлив, сказал: «По поводу той доблести, что имеется у нас в общественных делах или в частной жизни, мне нет необходимости что-нибудь говорить о себе, поскольку ты знаешь от других. И о бедности, несомненно, — что у меня совсем маленький участок и простой домик, и нет у меня доходов ни от ссуд, ни от рабов, — ибо ты явно и об этом все в точности услышал от других. (12) 2. Но по поводу того, что из-за бедности я несчастнее любого из римлян и нет мне пользы от стремления к нравственному совершенству³⁶, поскольку я не из богатых, ты рассудил плохо, услышав ли это от кого-нибудь, или сам предполагая. Ведь никогда не было и нет у меня никакого ощущения несчастья из-за того, что я не приобрел больших богатств, и не сетовал я на свою судьбу ни в общественных делах, ни в частных. (13) 3. Да и за что я мог бы порицать ее? Уж не за то ли, что из-за моей бедности мне не удалось получить от родины участие в чем-либо из прекрасного или вожделенного, к чему стремится всякая благородная натура? Но я занимаю важнейшие должности и участвую в самых знаменитых посольствах, мне доверены самые священные обряды при жертвоприношениях, меня признают достойным высказывать мнение о самых насущных делах, приглашая на том месте, которое мне подобает, восхваляют меня и восхищаются, и никому из наиболее влиятельных лиц я не уступаю и считаюсь образцом нравственного совершенства для остальных, ничего для этого не тратя из собственного имущества, как и никто другой. (14) 4. Ведь римское общество не обременяет средства к существованию каждого, как некоторые другие, где общественное богатство невелико, а у

³⁵ Битва при Геракле в 280 г. до н.э.

³⁶ См. примеч. 29 к кн. VIII.

частных лиц — значительно, напротив, оно само предоставляет тем, кто принимается за общественные дела, все, в чем они нуждаются, щедро выделяя значительные средства, так что самый бедный ничуть не менее уважаем при получении почетных должностей, чем самый богатый, но все римляне, которые в силу нравственного совершенства достойны этих почестей, равны друг другу. 5. Поскольку же я, будучи беден, несмотря на это нахожусь не в худшем положении, чем те, кто владеет многим, то по какой причине я стал бы обвинять судьбу, что она не уравнила меня с вами, царями, у которых хранится много золота? Впрочем, даже в своих частных делах я настолько далек от несчастья, что считаю себя, сравнивая с богатыми, среди очень немногих счастливых людей и весьма этим горжусь: (15) ведь скудной землицы достаточно, чтобы обеспечить меня всем необходимым, если я трудолюбив и бережлив, 6. а природа не заставляет меня стремиться к чему-либо сверх необходимого, напротив, всякая пища для меня приятна, которую готовит голод, и всякое питье сладко, когда его подносит жажда, и сон безмятежен, когда ему предшествует усталость, и одежда, позволяющая не мерзнуть, вполне удовлетворяет, и любая самая дешевая утварь из той, что может обеспечить те же самые нужды, — самая подходящая. 7. Так что, было бы даже несправедливо мне за это обвинять судьбу, которая предоставила мне столько имущества, сколько желала иметь моя натура, а к излишнему не внушила влечения и не дала его избытка. *Ursin.*

XVI. (18, 16) Конечно, это так, но у меня не остается ничего для помощи соседям, и бог даже не дал мне иметь в избытке ни знание, ни искусство гадания, чем я был бы полезен нуждающимся в этом, да и много другого. Однако, уступая и обществу, и друзьям долю в том, что есть у меня, и предоставляя нуждающимся равно все то, посредством чего я могу делать кому-нибудь добро, я не стал бы считать себя бедным³⁷. А это есть то, что ты сам считаешь наилучшим и не в состоянии приобрести даже за большие деньги. (17) 2. Но пусть даже, действительно, прежде всего ради оказания благодетельней нуждающимся приобретение значительного богатства было достойно великого усердия и честолюбия и пусть было бы так, что самые богатые — одновременно и самые счастливые, как вам, царям, кажется, но какой способ обогащения был бы предпочтительнее для меня? Из того достояния, долю в котором ты мне сейчас постыдно предлагаешь, или из того, что я сам раньше мог бы приобрести честно? 3. Ведь государственные дела и прежде часто предоставляли мне законные возможности обогащения, но особенно, когда четыре года назад³⁸ я, имея консульскую власть, был отправлен во главе войска против самнитов, луканов и бруттиев и опустошил обширную территорию, а тех, кто вышел на бой, победил во многих

³⁷ Конъектура Кэри (Cary) и Поста (Post) — ср. начало гл. 14. В рукописях: «виновным».

³⁸ В гл. XIII. (1) названа цифра «три». Возможно, что послы были выбраны в конце года, а с Пирром встретились в начале следующего года, отсюда и добавился еще один год при отсчете консулата Фабриция.

сражениях и разграбили много процветающих городов, взяв их приступом, благодаря чему обогатил все войско и вернул частным лицам взносы, которые они сделали ранее на военные нужды, и четыреста талантов³⁹ внес в казначейство после триумфа. (18) 4. Итак, хотя мне можно было взять из этого захваченного копьём имущества столько, сколько бы захотел, я все же не взял, но ради доброй славы пренебрег даже справедливым богатством подобно тому, как поступил Валерий Попликола⁴⁰ и, кроме того, очень многие другие без числа, благодаря которым наше государство стало таким великим. И после этого я приму дары от тебя и вместо лучшего богатства возьму худшее?! По крайней мере, с тем способом приобретения помимо того, что он честен и справедлив, было связано также удовольствие от пользования имуществом, а у твоего даже этого нет: ведь то, что люди получают от других вперед, это — долги, тяготящие душу, пока они не отданы обратно, даже если кто-нибудь приукрасит их изящными именами, величая услугами и дарами или милостями. (19) 5. Ну, а если, несомненно обезумев, я приму золото, которое ты даешь мне, и это станет известно всем римлянам, то вслед за тем лица, обладающие неподотчетной властью, кого мы называем цензорами и кому поручается рассматривать жизнь всех римлян и наказывать тех, кто преступает унаследованные от предков обычаи, призовут меня и прикажут дать отчет за получение взятки, порицая меня в присутствии всех таким образом: *Ursin.*; (p. 376, II. 3-6) *Ambr.*

XVII. (18, 20) “Мы отправили тебя, о Фабриций, послом вместе с двумя другими бывшими консулами к царю Пирру вести переговоры о выкупе пленников. Ты вернулся из посольства без пленников и даже без какой-либо другой пользы для государства, сам же принял царские дары, единственный из отправленных вместе с тобой послов, и тот мир, который народ отказался заключать, ты заключил один не для какого-нибудь блага государства, — откуда же?! — 2. но чтобы предать его царю и чтобы он с твоей помощью подчинил себе всю Италию, а ты с его помощью лишил родину свободы. Ведь это то, к чему стремятся все, кто являл не истинную, а притворную добродетель, как только они достигнут значимости и важности в делах. (21) 3. Но даже если бы ты принимал взятку, не обладая посольским званием, и не от врагов родины, и не с целью предательства и установления тиранической власти над своими согражданами, но будучи частным лицом и от союзника, и вовсе не во вред государству, разве не заслуживаешь ты сурового наказания за то, что развращаешь юношей, внося в их жизнь страстное стремление к царскому богатству, роскоши и расточительности, хотя им требуется строгая сдержанность, если общество желает самосохранения?! 4. Да и за то, что позоришь собственных предков, из коих никто

³⁹ Талант — греческая мера веса, около 26,2 кг. Но талант был и счетной денежной единицей, равняясь 6 тыс. драхм.

⁴⁰ После Попликолы явно пропущено несколько имен, взятых для примера, на что указывает Силбург (*Sylburg*).

не нарушил отчие обычаи и не взял постыдное богатство взамен честной бедности, но все остались с тем же самым небольшим имуществом, унаследовав которое, ты счел его меньшим, чем подобает тебе! (22) 5. И за то, что губишь добрую славу, сложившуюся о тебе вследствие твоего прежнего образа жизни, как о человеке умеренном и благоразумном, который сильнее всякого позорного желания! И после этого ты останешься безнаказанным, став из хорошего плохим, когда тебе следовало, даже если раньше был порочен, перестать быть таковым? Или же ты будешь и впредь принимать участие в чем-либо из благ, которые причитаются хорошим гражданам, а не покинешь город, что лучше всего, либо, по крайней мере, — Форум?" *Ambr.*

XVIII. И если с этими словами они вычеркнут меня из списка сената и переведут в разряд тех, кто ограничен в правах⁴¹, что смогу я им сказать или сделать в свое оправдание? Какую жизнь затем я буду вести, подвергшись такому бесчестью и бросив тень на всех своих потомков? (23) 2. Да и тебе самому в чем еще я окажусь полезен, потеряв всякое влияние и уважение у сограждан, ради чего, собственно, ты ныне и обхаживаешь меня? Остается только, не имея больше возможности занимать какое-либо место на родине, уйти со всем своим семейством и имуществом, осудив себя на позорное изгнание. 3. Где после этого я проведу остаток жизни? Или какое место примет меня, лишившегося, что вероятно, свободы слова? Ну конечно, твое царство! И ты предоставишь мне все блага, какие есть у тиранов? И какое благо ты дашь мне равное тому, что отнимешь у меня, лишив самого ценного из всех приобретений — свободы? (24) 4. Как же смогу я вынести перемену в жизни, поздно начиная учиться рабствовать? Когда даже родившиеся при власти царей и тиранов, если только благородны, жадно стремятся к свободе и считают все блага ниже ее, так неужели те, кто жил в государстве свободном и научившемся править другими, спокойно перенесут перемену от лучшего к худшему, согласившись стать из свободных рабами лишь для того, чтобы ежедневно устраивать пышные застолья, всегда иметь при себе множество слуг и неограниченно получать удовольствия от красивых женщин и мальчиков, как будто в этом состоит человеческое счастье, а не в доблести? (25) 5. А какое пользование этими самыми вещами, пусть даже они достойны большого рвения, сможет оказаться приятным, когда оно ненадежно? Ибо в вашей власти, кто дарует эти удовольствия, отнять их обратно, как только вы сами захотите. А ведь я умалчиваю о зависти, о клевете, о жизни, при которой нет ни мгновения без опасности и страха, и о многом другом, тягостном и недостойном благородного образа мыслей, что приносит проживание у царей. 6. Да не охватит Фабриция такое безумие,

⁴¹ В тексте употреблен термин «трибы» (территориальные подразделения римского государства), среди которых городские пользовались меньшим уважением, чем сельские. Однако речь явно идет о категории эрариев, куда цензоры переводили римских граждан в наказание, исключая их из трибы. Эрарии были ограничены в своих гражданских правах: они не голосовали, не избирались на должности, платили подушную подать, произвольно установленную цензорами, и т. д.

чтобы он, покинув знаменитый Рим, предпочел жизнь в Эпире и, хотя мог бы стоять во главе государства-повелителя, сам оказался под властью одного человека, который рассуждает совсем не так, как остальные люди, и привык выслушивать от всех только то, что ему приятно. (26) 7. И даже желая изменить свой образ мыслей и смирить себя, чтобы ты не подозревал от меня никакого зла, я все-таки не смогу этого. Оставаясь же таким, каким меня сделали природа и мои привычки, я покажусь тебе невыносимым, и, кроме того, будет казаться, будто я перетягиваю руководство на себя. А в целом, могу посоветовать тебе не то что Фабриция, но и никого другого не принимать в своем царстве, кто лучше тебя или равен тебе, да и вообще — любого человека, воспитанного в условиях свободы и имеющего образ мыслей возвышеннее, чем свойственно частному лицу. 8. Ведь человек возвышенного образа мыслей — небезопасный и неприятный сосед для царя. Но в отношении собственной пользы ты сам определишь, что тебе следует делать, по поводу же пленников найди какое-нибудь приемлемое решение и позволь нам уйти».

(27) А когда он закончил свою речь, царь, восхитившись благородством его души, берет его за правую руку и говорит: «Уже не придет мне в голову удивляться, почему ваш город знаменит и обладает столь большой властью, раз он воспитывает таких людей. И поэтому более всего я желал бы, чтобы с самого начала не случилось у меня с вами никакого раздора, но поскольку это произошло и кто-то из богов захотел свести нас лишь после того, как мы испытали силу и доблесть друг друга, то я готов примириться. И чтобы первым положить начало гуманным поступкам, к которым вы призываете меня, я из уважения к вашему городу отпускаю всех пленников без выкупа». *Ambr.*

Покорив Ливию вплоть даже до племен, живущих на побережье Океана. *Steph. Byz. s. v. Oceanus.*

Констанция⁴² ... есть и другая в Бруттии, как у Дионисия в девятнадцатой книге «Римских древностей». *Steph. Byz.*

⁴²Такого города в Бруттии не было. Несомненно, речь идет о Консенции — главном городе бруттийцев (ср.: *Ливий*. VIII. 24. 4; 14; 16), но неясно, что утеряно на месте лакуны.

Книга XX

Стратегия боя с Пирром — Описание сражений — Результат второго сражения римлян против Пирра — Причины поражения около полиса «Регий». Несчастья, овладевшие этим полисом — Тирания во всех полисах Сицилии — Пирр переправляется в Италию — Пирр забирает священные сокровища Персефоны — Предопределение судьбы Пирра —
Фрагменты различных событий в различные времена

1. Договорившись через глашатаев о времени битвы, они выступили из лагерей и заняли боевые порядки следующим образом¹. Царь Пирр поставил вперед македонскую фалангу на правом фланге и после нее — наемников-италиотов из Тарента², 2. — затем отряды из Амбракии³ и вслед за ними фалангу из тарентинцев с белыми щитами, затем — союзные войска из бруттиев⁴ и луканов⁵, в центр же фаланги он поставил феспровтов⁶ и хаонов⁷, а рядом с ними — наемников из этолийцев⁸, акарнанцев⁹ и афаманов¹⁰, последними же — самнитов¹¹, которых он разместил на левом фланге. 3. Он расположил самнитскую, фессалийскую, бруттийскую и наемную конницу из Тарента на правом фланге, амбракийскую же, луканскую, тарентинскую и эллинскую наемную конницу, состоящую из акарнанцев, этолийцев, македонян и афаманов, — на левом. 4. Легковооруженных воинов и слонов он разделил на две части и разместил позади обоих флангов, на подобающем расстоянии на склоне, немного возвышавшемся над равниной. Сам же он с так называемой царской агемой примерно из двух тысяч отборных всадников, находящихся под рукой, держался вне боевого строя, чтобы незамедлительно оказывать поддержку тем своим войскам, которым придется тяжко.

Консулы расположили на левом фланге так называемый первый легион, напротив македонской и амбракийской фаланги и тарентинских наемников. Следом за первым легионом стоял третий, против фаланги тарентинцев с белыми щитами и союзных отрядов бруттиев и луканов. 5. Рядом с третьим они расположили четвертый легион против молоссов¹², хаонов и феспровтов, а второй — на правом фланге против наемников из Элады (этолийцев, акарнанцев, афаманов) и фаланги самнитов, вооруженных

¹ Книга начинается описанием расположения сил и самим ходом битвы Пирра с римлянами при Аскуле в 279 г. до н.э.

² Тарент — город в Южной Италии (совр. Таранто). Основан в конце VIII в. до н.э. спартамцами. В 282–272 гг. до н.э. вел войну с Римом, в которой, несмотря на помощь Пирра, потерпел поражение.

³ Амбракия — город в Эпире (совр. г. Арта).

⁴ Бруттии — народ из сабеллов, жители области Бруттий в Южной Италии. В IV в. до н.э. сложились союз бруттиев. После вторжения Пирра в Италию союз подчинился Риму.

⁵ Луканы — народ из сабеллов, жители области Лукания в Южной Италии. Были покорены римлянами в 272 г. до н.э.

⁶ Феспровты — жители области Феспротия в Эпире.

⁷ Хаоны — жители области Хаония в северо-западном Эпире.

⁸ Этолийцы — жители Этолии, области в Средней Греции, граничившей с Эпиром.

⁹ Акарнанцы — жители области Акарнания в Средней Греции.

¹⁰ Афаманы — племя юго-восточного Эпира.

¹¹ Самниты — обитатели области Самний в Средней Италии. В 290 г. до н.э. в результате III Самнитской войны были покорены Римом. Однако во время похода Пирра выступили на его стороне против Рима.

¹² Молоссы — жители области Молоссия в Центральном Эпире.

длинными щитами. Латинов¹³, кампанцев¹⁴, сабинян¹⁵, умбров¹⁶, вольсков¹⁷, марруцинов, пелигнов, ферентанцев¹⁸ и воинов из других подвластных племен они разделили на четыре части и расставили вперемешку с римскими legionами, чтобы нигде не ослабить боевой строй. 6. Разделив конницу, собственную и союзную, они разместили ее на обоих флангах. Вне строя поставили легковооруженных воинов и повозки числом триста, которые приготовили для боя против слонов. По бокам повозок выступали подвижные вертикальные брусья с торчащими остриями, на которых были установлены наклонные спицы, способные поворачиваться по желанию куда угодно. На концах брусьев крепились либо трезубцы, либо мечеобразные острия, либо серпы целиком из железа, некоторые же имели «вороны», которые обрушивали сверху тяжелые крюки. 7. Ко многим из них были прилажены факелы, выступающие впереди повозок, обернутые просмоленной паклей. Люди в повозках должны были зажечь их, как только приблизятся к слонам, и осыпать огненными ударами их хоботы и морды. Кроме того, на этих четырехколесных повозках стояло множество легковооруженных воинов — лучников, пращников и метателей железных колючек, а рядом с повозками размещалось еще больше бойцов.

8. Таково было построение обеих войск, подготовленных к битве. Силы царя исчислялись в семьдесят тысяч пеших, среди них эллинов, пересекших Ионийский залив, насчитывалось до шестнадцати тысяч. С римской стороны было более семидесяти тысяч, однако самих римлян — около двадцати тысяч. Римляне располагали также примерно восемью тысячами всадников. У Пирра их было несколько больше, а кроме того — девятнадцать слонов. *Ath.*

II. Как только были подняты знаки к сражению, воины запели гимн и с боевым кличем двинулись в бой и вступили в схватку, выказывая все свое боевое мастерство. Всадники, размещенные на обоих флангах, заранее зная, в чем они превосходят врагов, прибегли к соответствующему способу битвы: римляне сражались на месте в рукопашном бою, конница же эллинов — нападая с флангов и тыла. 2. Когда римлян преследовали эллины, те, повернув лошадей и туго натянув поводья, сражались, словно пешие. Эллины же, заметив, что римляне равны им по силам, сделали поворот направо, поменявшись местами друг с другом, разворачивали вновь лошадей вперед и, дав стрекала коням, врезались в ряды противника. 3. Примерно так проходила

¹³ Латины — жители области Лаций в Средней Италии. Были завоеваны Римом в 338 г. до н.э.

¹⁴ Кампанцы — жители области Кампания в Средней Италии. Окончательно подчинились Риму в 304 г. до н.э., после II Самнитской войны.

¹⁵ Сабиняне — жители Средней Италии.

¹⁶ Умбры — племя области Умбрия в Средней Италии.

¹⁷ Вольски — племя Средней Италии.

¹⁸ Марруцины, пелигны, ф(е)рентанцы — из сабеллов, жители Средней Италии, заключили союз с Римом в 304 г. до н.э. как члены Самнитской федерации.

конная схватка. Битва же пехотинцев была и похожа, и не похожа на нее — похожа в целом, но различалась в деталях, ибо правые фланги каждого войска были сильнее, а левые — слабее. Однако ни те, ни другие не повернулись позорно спиной к врагам, но, сохраняя боевые порядки и знамена, держа щиты, постепенно отступали назад. 4. В царском войске отличились македоняне, которые оттеснили первый легион римлян и приданные ему отряды латинов; а в римском войске — те, которые составляли второй легион¹⁹ и противостояли молоссам, феспротам и хаонам. Когда же царь приказал направить слонов к той части войска, которая пришла в расстройство, римляне на повозках с вертикальными брусьями, узнав о приближении животных, выступили навстречу. Вначале они сдержали натиск слонов, поражая их своими приспособлениями и направляя факелы прямо в их глаза. Но затем, когда погонщики слонов в башнях перестали гнать животных вперед и принялись метать сверху копья, а легковооруженные воины прорвали плетеные щиты вокруг повозок и подрезали сухожилия упряжным быкам, обслуга приспособлений, соскочив с повозок, побежала спасаться среди ближайших пехотинцев, приведя их в замешательство. 6. Луканы и брутии, стоявшие в середине царской фаланги, после недолгого сопротивления обратились в бегство, потесненные четвертым римским легионом²⁰. Как только они уступили и их участок фаланги был прорван, то тарентинцы, занимавшие позиции рядом с ними, не удержали строя, но и они показали врагу спину и бросились бежать. *Ath.*

III. Узнав, что луканы, брутии и тарентинцы бегут без оглядки и их боевая линия прорвана, царь Пирр передал другим командирам часть конного отряда, который был под его началом, и прочих всадников, в достаточном, по его мнению, числе, с правого фланга он отправляет на выручку тем, кого преследовали римляне. Но во время этих событий произошло явное вмешательство божественных сил на стороне римлян. 2. Четыре тысячи пехотинцев и около четырехсот всадников — даунийцев²¹ из города Аргириппа, который теперь называют Арпы²², посланные в помощь консулам, приблизились к царскому лагерю, пройдя случайно по дороге, ведущей в тыл врага, и увидели равнину, заполненную людьми. Переждав там немного времени и прикинув так и сяк, они решили не спускаться с высот и не ввязываться в сражение, ибо было не ясно, где друзья, а где враги, и они не могли сообразить, какое место им следует занять, чтобы помочь своим. Поэтому они подумали, что лучше всего будет окружить и уничтожить лагерь врагов, поскольку они не только завладеют богатой добычей, если захватят обозы; но и приведут в серьезное замешательство

¹⁹ Возможно, здесь ошибка Дионисия — вместо «четвертый», как следует из описания в гл. I. Ср.: *Дионисий*. XX. 3. 5.

²⁰ Ср. гл. I. 4 — где против луканов и бруттиев стоит третий легион.

²¹ Даунийцы — жители Апулии, области в Южной Италии.

²² Арпы — город в Апулии.

неприятеля, когда тот увидит свой лагерь, внезапно объятый пламенем. Дело в том, что поле битвы находилось не более чем в двадцати стадиях от них. 3. Приняв такое решение и выпытав у некоторых пленников, захваченных во время сбора дров, что лагерь охраняется совсем немногими воинами, они напали на него со всех сторон. Пирр узнал об этом из донесения какого-то всадника, который в начале осады погнал лошадь, подгоняя ее стрекалом, и быстро прискакал. Царь решил удержать все остальные силы на равнине, и не отзывая фалангу, и не расстраивая боевой порядок, но для защиты лагеря посылает слонов и всадников, отобрав самых смелых. 4. Однако, пока они находились еще в пути, лагерь был неожиданно захвачен и подожжен. Те, кто совершили это деяние, узнав, что посланные царем войска движутся на них с высот, устремились на вершину холма, куда нелегко было подняться слонам и лошадям. 5. Войска царя, прибыв слишком поздно на помощь, обратились против римлян из третьего и четвертого легионов, которые продвинулись далеко впереди всех, преследуя неприятеля. Но римляне, осведомленные об их приближении, поднялись на высокую лесистую площадку и выстроились в боевом порядке. 6. Поэтому слоны, не в силах взобраться на холм, не причинили им урона, равно как и отряды всадников. Но лучники и пращники, забросав их отовсюду метательными снарядами, ранили и убили многих из них. Когда полководцы поняли, что там происходит, Пирр из фаланги пехотинцев посылает афаманов, акарнанцев и часть самнитов, а римский консул — несколько турм всадников, так как пешим бойцам требовалось именно такое подкрепление. И в это же самое время новая битва вспыхивает там между пешими и всадниками, и происходит еще более страшное кровопролитие. 7. Наконец, вслед за царем и римские консулы отзывают свои войска на заходе солнца и, переводя их вброд через реку, отводят назад в лагерь, когда совсем уже стемнело. Войску Пирра, лишенному палаток, вьючного скота, рабов²³ и всей поклажи, пришлось расположиться на возвышенном месте, где они провели следующую ночь под открытым небом, без обоза, без попечения и даже не имея достаточно самого насущного пропитания, отчего скончалось множество раненных, которых еще можно было спасти, получи они помощь и уход. Таков был исход второй битвы между римлянами и Пирром близ города Аскула²⁴. *Ath.*

IV. Итак, город Регий²⁵ претерпел страшные бедствия, сходные с теми, которые обрушились на Мессану, что на Сицилии, кои заслуживают великой предосторожности и предусмотрительности для всех городов. Но сначала необходимо выявить причины

²³ В тексте — ἀνδράλοδα.

²⁴ Аскула — город в северо-западной Апулии (ныне Асколи-ди-Сатриано). Итог битвы при Аскуле получил название «Пирровой победы», т.е. победы, равной поражению, так как ценой огромных потерь Пирр разбил римлян.

²⁵ Регий — город в Бруттии (ныне Реджо-ди-Калабрия). В этой главе Дионисий дает разъяснение событий 282–279 гг. до н.э., прерывая немного рассказ о войне с Пирром.

и поводы несчастий, овладевших этим городом. 2. После того как луканы и бруттии с крупными силами выступили против Фурий²⁶, опустошили их землю, окружили сам город кольцом укреплений и начали его осаду, против них было послано войско римлян, которым командовал консул Фабриций²⁷. Регийцы из опасения, что после ухода римлян варвары могут направить войско и против них, и питая подозрения насчет города Тарента, попросили Фабриция оставить в городе гарнизон для защиты от внезапных набегов варваров и на случай, если возникнет некий неожиданный враждебный им замысел со стороны тарентийцев. И они принимают к себе восемьсот кампанцев и четыреста сидицинов²⁸ под командованием Деция, уроженца Кампании. 3. Этот человек посещал дома самых знатных горожан, участвуя в роскошных пирах, устраиваемых хозяевами со всем радушием гостеприимства. Обращая внимание на великолепную и весьма богатую обстановку во многих домах, он сначала восхищался благосостоянием регийцев, затем завидовал им как недостойным всего этого, а в конце концов стал злоумышлять против них как против врагов. 4. Он взял в соучастники тайных помыслов писца, человека лукавого и зачинщика всякой низости. Тот посоветовал ему перебить всех регийцев и самому овладеть их богатством, частично разделив их между своими воинами. Тем более, как он заметил, и Мессана [была захвачена таким же образом] немного раньше²⁹. Убеденный им, он обсудил с ним способ нападения и созвал на совет трибунов³⁰ и наиболее известных воинов. Он попросил их всех хранить его слова в тайне и сказал, что большая опасность угрожает ему, которая требует серьезных и безотлагательных мер предосторожности, так как обстоятельства не допускают промедления. Дескать, знатнейшие регийцы, проведав о переправе Пирра³¹, тайно снеслись с ним, посулив вырезать гарнизон и сдать царю город. В то время как он еще только говорил это, явился некто, нарочно подосланный им самим, покрытый грязью, словно с дороги, и принес письмо, сочиненное самим Децием, но будто бы от некоего личного приятеля, в котором тот рассказывал, что царь, мол, намеревается послать в Регий пятьсот воинов, чтобы захватить город, регийцы же обещали открыть им ворота. 6. Некоторые говорят, что гонец был срочно отправлен консулом Фабрицием, а письмо содержало все то, о чем я немного раньше сказал, и утверждают, что Деций упредил регийцев. Оба суждения имеют основания. Итак, он объявил обо всем этом тем, кто присутствовал

²⁶ Фурии — город в Лукании, построенный на месте Сибариса.

²⁷ Гай Фабриций Лусцин — консул 282, 278 гг. до н.э. В 282 г. победил луканов и бруттиев при Фуриях и, освободив осажденный ими город, дошел до Регия и оставил там войско.

²⁸ Сидицины — народ из Кампании.

²⁹ Текст здесь испорчен, слова в квадратных скобках — конъектура, но речь идет о захвате Мессаны мамертинцами в 282 г. до н.э.

³⁰ Здесь, возможно, имеются в виду начальники отрядов, соответствующие римским военным трибунам. Но у Дионисия употреблено слово τατατάρχαι.

³¹ На Сицилию в 279 г. до н.э.

на совете. И когда вскоре наступила ночь, трибуны, вначале сообщив остальным воинам, что намерены сделать, направились по домам регийцев. Застав их еще пирующими или спавшими, они убивали их у собственных очагов, хотя те умоляли их и припадали к коленям, и спрашивали, почему они подверглись таким страданиям; те же не щадили никого ни по возрасту, ни по положению. 7. После резни мужчин они совершили еще более ужасное злодеяние. Поделив жен и невинных дочерей своих гостеприимных хозяев, они насильственно возлегли с теми, отцы и мужья которых были убиты на глазах у них. 8. Деций же из начальника гарнизона стал тираном города Регия. И полагая, что он будет отвечать перед римлянами за содеянное, он вступил в союз с кампанцами захватившими Мессану, наиболее могущественный город на Сицилии; и держал город Регий под сильной охраной. *Esc.*: (р. 404. 1, 8–406. 1. 2); *Ambr.*

V. Как только сенату стало известно о несчастье регийцев от тех, кто избежал гибели, то без малейшего промедления он отправил в город новое, только что набранное войско, под руководством другого военачальника. 2. Предвосхитив прибытие римлян, божественное Провидение наложило кару на начальника гарнизона Деция за его нечестивые замыслы, поразив жизненно важные части тела — оно наслало на его глаза болезнь, причиняющую ужасные страдания. Желая исцелиться от нее, он посылает гонца в Мессану за врачом по имени Дексикрат, прослышав, что он лучший из врачей его времени, но не ведая, что он был родом из Регия. Тот явился в Регий, смазал его глаза едким снадобьем и уговорил его потерпеть сильные боли, пока он не вернется, после чего спустился к морю, сел на приготовленное судно и, прежде чем кто-то понял его замысел, отплыл в Мессану. 3. Некоторое время Деций терпел, перенося ужасные страдания, ведь его глаза пылали огнем, и ожидал врача. Но когда минуло много времени и он был уже не в силах переносить острую боль, он вытер снадобье и, открыв глаза, понял, что сжег глазные яблоки, и с того времени он остался слепым. По прошествии еще нескольких дней он очутился в руках римлян, будучи схвачен своими же людьми. 4. Некоторые из них посчитали, что таким способом они смогут оправдаться и открыли город полководцу, передав заключенного в оковы Деция Фабрицию. Он возвратил город оставшимся в живых регийцам, а воинам приказал все оставить на месте и увел их, не забравших ничего, кроме оружия. 5. Затем Фабриций отобрал из них главарей, которых остальные объявили сообщниками нечестивых замыслов, и привел их в оковах в Рим. Там после бичевания на Форуме, как поступали, по обычаю, с преступниками, всех их казнили, отрубив головы секирами, кроме Деция и писца, которые обманули стражников или подкупили деньгами, чтобы избежать позорной казни, и покончили самоубийством. По этому поводу сказано достаточно. *Esc.*: (р. 406, II. 16–20); *Ambr.*

VI. (19. 2) Сам Пирр произнес гомеровские строки, которые, как сказано поэтом, Гектор сказал Аяксу, как если бы они были обращены римлянами к нему самому:

*Но не хочу нападать на такого как ты, раборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу³².*

И после этого он заметил, что ему не стоило совершать ошибку и вести войну против людей более благочестивых и более справедливых, нежели эллины. После чего он заявил, что видит один достойный и выгодный способ прекращения войны — сделать их друзьями вместо врагов, начав с проявления великого милосердия. 2. (3) Он приказал вывести пленников-римлян и дал всем одежды, подобающие свободным людям, и снабдил их деньгами на дорогу, попросив их помнить, как он с ними общался, и передать другим. А когда они возвратятся в свои родные края, пусть они приложат все усилия, чтобы сделать их города дружественными ему. 3. В самом деле, какую-то неодолимую силу имеет золото царя, и никакой защиты не находится у смертных супротив этого оружия. *Ambr.*

VII. (19. 4) В бытность Клияна Кротонца тираном он отнял у полисов свободу, после того как собрал со всех уголков изгнанников и освободил рабов³³, при помощи которых он упрочил тиранию, самых же достославных кротонцев либо убил, либо изгнал из города. Анаксилат захватил акрополь регийцев и, владея им всю жизнь, оставил власть своему сыну Леофрону. И другие также вслед за ними, основывая династии в разных городах, привели все общественные дела в упадок. 2. (5) А последним и самым большим злом для всех городов стала тирания Дионисия, который подчинил Сицилию³⁴. Ибо он переправился в Италию против регийцев по приглашению локров³⁵, с которыми регийцы были во вражде, и когда италиоты собрали против него крупные силы, он, вступив в сражение, уничтожил многих из них и взял приступом два их города. 3. Позднее он вновь предпринял переправу, переселил гиппонийцев³⁶ из их собственных мест обитания, уведя их на Сицилию, подчинил Кротон и Регий и двенадцать лет оставался властителем этих городов. Затем одни, которые боялись тирании, отдали себя в руки варваров, другие, подвергавшиеся угрозе войны со стороны варваров, вручили свои города тирану. И от кого бы они ни страдали, они всегда были весьма недовольны и подобно Эврипу³⁷ меняли направление то туда, то сюда, в зависимости от того, как повернется удача. *Vales.*

VIII. (19. 6) Пирр во второй раз переправился в Италию, после того как дела на Сицилии не пошли сообразно его замыслам, так как важнейшим городам его прав-

³² Гомер. Илиада. VII. 242–243. (Пер. Н. Гнедича.)

³³ В тексте — δοῦλοι.

³⁴ По-видимому, речь идет о Дионисии Старшем (432–367 гг. до н.э.), тиране Сиракуз с 406 г. до н.э. В 399 г. до н.э. он овладел почти всей Сицилией (кроме той части, которая находилась в руках карфагенян) и укрепился в Южной Италии.

³⁵ Локры — жители города Локры Эпизефирийские, на самом юге Бруттия.

³⁶ Гиппонийцы — жители горда Гиппон, основанного Локрами Эпизефирийскими на западном берегу Бруттия.

³⁷ Эврип — пролив, отделяющий о. Эвбея от материковой Греции.

ление показалось не столько царским, сколько деспотическим. Ведь после того как он был приглашен в Сиракузы Сосистратом³⁸, тогдашним правителем города, и начальником гарнизона Финоном, и получил от них деньги и около двухсот кораблей с бронзовыми носами, и подчинил себе всю Сицилию, кроме города Лилибей³⁹ (им единственным еще владела карфагеняне), он стал править с тираническим высокомерием. *Vales.; Suidas.*

(7) Он отнял имущество у родственников и друзей Агафокла⁴⁰ и всех тех, кто что-нибудь получил от него, и раздарил своим друзьям. Он предоставил наивысшие должности в городах своим щитоносцам и командирам, не по местным законам каждого города, и даже не на установленный обычай срок, а так, как ему было угодно. 2. Судебные разбирательства и тяжбы, равно как все прочие гражданские дела он в одних случаях решал лично, а в других — перепоручал для отказа или разбирательства тем крутившимся при его дворе людишкам, чьи взоры были обращены только на получение выгоды и проматывание богатства. Из-за всего этого он стал тягостен и ненавистен городам, которые его призвали. 3. (8) Поняв, что уже многие питают тайную вражду к нему, он ввел в города гарнизоны под предлогом угрозы войны с карфагенянами и, захватив наиболее влиятельных людей в каждом городе, предал их смерти, якобы раскрыв заговоры и измены. В их числе был и Финон, начальник гарнизона, который по признанию всех проявил самое большое усердие и рвение в содействии его переправе и подчинению острова. Ведь именно он отправился навстречу Пирру во главе отряда кораблей и передал ему ту часть острова у Сиракуз, над которой он сам начальствовал. Когда же Пирр попытался захватить и Сосистрата, он обманулся в своей надежде, поскольку тот разгадал намерения царя и скрылся из города. Когда же дела пришли в расстройство, то и Карфаген решил воспользоваться удобным случаем для возвращения утраченных владений и отправил войско на остров. *Vales.*

IX. (19. 9) Видя, что Пирр оказался в затруднительном положении и изыскивал средства, где только мог, худшие и самые нечестивые из его друзей, Эвегор, сын Феодора, Балакр, сын Никандра и Динарх, сын Никия, приверженцы безбожного и непотребного образа мыслей, предложили источник нечестивых средств — открыть священную сокровищницу Персефоны. 2. В этом городе⁴¹ стоял священный храм, наполненный золотом, охраняемый в неприкосновенности во все времена; золота в нем было невиданно много, сокрытого в земле подалее от людских глаз. Обманутый этими льстецами и из-за необходимости, что превыше всех угрызений совести, Пирр сделал тех, кто дал ему совет, исполнителями святотатства. Погрузив награв-

³⁸ Сосистрат — тиран Сиракуз, правивший примерно в 289–279 гг. до н.э.

³⁹ Лилибей — город на западном берегу Сицилии (совр. Марсала).

⁴⁰ Агафокл (361/360–289 гг. до н.э.) — тиран Сиракуз с 316 г. до н.э.

⁴¹ В Локрах Эпизефирских.

ленное в храме золото на корабли, он, полный самых радужных надежд, в числе других денежных средств отправил его в Тарент. *Vales.; Suid.*

(10). Но справедливое Провидение явило свое могущество. Ибо стоило кораблям отплыть из гавани и, поймав попутный ветер, дующий с суши, двинуться вперед, как поднялся противоположный ветер, дувший всю ночь, и одни из кораблей потопил, а другие отнес в Сицилийский пролив, а суда, на которых перевозили жертвенные дары и золото, взятое из даров, выбросило на берег залива у Локр. Люди, что были на борту кораблей, погибли, смытые потоком волн, а священные деньги, после того как корабли разбились, были выброшены на песчаные берега вблизи Локр. Царь же, сраженный ужасом, вернул богине все украшения и сокровища, дабы этим избежать ее гнева.

... младенец! Еще он

Видно, не знал, что уж быть не могло примирение с нею;

Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.

— как сказал Гомер⁴². Но после того, как он дерзнул прикоснуться к священным деньгам и превратить их в средство для войны, божество обратило его замыслы в прах, чтобы это стало примером и уроком всем людям, которые придут после него. *Vales.; Suid.*

X. (19. 11) Из-за этого Пирр и был побежден римлянами в окончательном сражении. Ведь не каким-то слабым и неподготовленным войском он располагал, а самым мощным из имевшихся тогда у эллинов и прошедшим горнило многочисленных войн, и количество имевшихся тогда у него воинов не было малым, но даже втрое большим, чем у противника, и командовал им не случайный выскочка, но тот, кого все признавали величайшим из полководцев, блиставших в те времена. 2. И даже неравенство в занятых им позициях и внезапное прибытие подкрепления к другой стороне, и никакая иная неудача или неожиданность не сокрушили усилия Пирра, но лишь гнев оскорбленной богини, о котором и сам Пирр не был в неведении, как рассказывает историк Проксен и как сам Пирр пишет в собственных воспоминаниях. *Vales.*

XI. (19. 12) Как обычно, гоплиты, отягощенные шлемами, панцирями и длинными щитами, двигаясь по холмистым местам и длинным тропам, причем даже по таким, что годны для прохода не людей, а коз, через заросли и овраги, не смогли сохранить строй и, прежде чем в поле зрения показались враги, их тела уже были ослаблены жаждой и усталостью. 2. Тех, кто сражается в ближнем бою конными копьями, держа их наперевес обеими руками, и обычно решает исход сражения, римляне называют принципами. *Ambr.*

XII. (19. 13) Той ночью, когда Пирр намеревался повести войско на холм, чтобы напасть скрытно на лагерь римлян, ему приснилось, что большинство его зубов выпали и кровь обильно хлынула горлом. 2. Взмолванный видением и предугадывая,

⁴² Гомер. Одиссея. III. 146–147 (пер. В. Жуковского).

что надвигается большое несчастье (ведь ему уже и раньше было подобное видение во сне, и тогда с ним стряслось ужасное бедствие), он решил воздержаться от боевых действий в этот день, но не был в состоянии превозмочь определенное судьбой, поскольку его друзья воспротивились задержке и настояли на том, чтобы не дать благоприятному моменту ускользнуть из рук. *Vales.; Ambr.*

3. (14) Когда Пирр и его соратники поднимались вместе со слонами, римляне, сообразив, что делать, ранили детеныша слона, который вызвал большое смятение и бегство эллинов. Римляне двух слонов убили, восьмерых же заперли в месте, не имеющем выхода, и захватили их живьем, когда индийцы⁴³ сдались им, а среди воинов они учинили страшную резню. *Ambr.*

XIII. (20. 1) Консул Фабриций, став цензором, исключил из состава сената Публия Корнелия Руфина, удостоенного двух консульств и одной диктатуры⁴⁴, потому что решил, что тот первым стал расточать богатство на серебряные кубки, приобретя их общим весом в десять фунтов, что составляет немногим более восьми аттических мин. 2. (2) Афиняне заслужили славу, потому что наказывали как вредных для общественного блага праздных и ленивых, кто не занимался ничем полезным; лакедемоняне же потому, что позволяли старейшим гражданам побивать палками тех сограждан, кто нарушает порядок в каком-либо общественном месте. Но о том, что происходит в доме, они не имели ни заботы, ни попечения, полагая, что наружная дверь дома каждого человека является границей свободы, где он волен жить, как хочет. 3. Но римляне открыли все дома и вплоть до спален довели власть цензоров, сделав их надзирателями и хранителями всего, что происходит в жилищах, поскольку они были уверены, что ни господин не должен быть жестоким в наказании рабов⁴⁵, ни отец — чрезмерно суров или мягок в воспитании детей, ни супруг — несправедлив в отношениях с законной женой, ни дети — непослушными престарелым родителям, и ни родные братья не могут притязать на большую долю наследства вместо положенной. И они также не одобряли ни пиров и попоек, длящихся всю ночь, ни беспутств и разврата молодых ровесников, ни пренебрежения старинными почестями в отношении священнодействий или погребальных обрядов, ни каких бы то ни было иных поступков, совершаемых против собственности или процветания государства. Они отбирали имущество граждан по обвинению в стремлении к царской власти. *Ambr.*

XIV. (20. 4) Нумерий Фабий Пиктор, Квинт Фабий Максим и Квинт Огульний⁴⁶, которые отправились в качестве послов к Птолемею Филадельфу (а он был вторым правителем Египта после Александра Македонского) и были почтены им частными

⁴³ Индийцы — здесь имеются в виду погонщики слонов.

⁴⁴ П. Корнелий Руфин был консулом 290 и 277 гг. до н.э., диктатором между 284 и 279 гг. до н.э.

⁴⁵ В тексте: «ойкеты», т.е. «домочадцы».

⁴⁶ Три представителя первой дипломатической миссии римлян ко двору Птолемея Филадельфа, отправленной в Египет в 273 г. до н.э., были известными людьми в Риме. Квинт Фабий Максим Гургес —

дарами, (2) после возвращения в Рим не только доложили все о ходе переговоров в чужой стране, но и дары, полученные от царя, внесли в государственную казну. Сенат в восторге от всех их действий не позволил им передать царские дары государству, но приказал отнести в собственные их дома как награду за доблесть и украшение для потомков.

XV. (20. 5) Бруттийцы, добровольно подчинившись римлянам, передали им половину горного края, который называется «Сила», богатого лесом, пригодным для строительства домов и судов и всякого другого рода сооружений. Ведь там росло много елей, возносящихся до небес, полно черного тополя, пышных сосен, бука и железной сосны, огромных дубов и ясеней, которые питаются ручьями, текущими сквозь самую гущу, и всяких прочих видов деревьев с переплетенными ветвями, которые скрывают гору в тени круглый день. 2. (6) Той древесины, что растет почти что у моря и речек, которую рубят под корень и сплавляют целиком до ближайших гаваней, достаточно, чтобы снабдить всю Италию материалом для кораблестроения и сооружения домов. Ту же, что произрастает в глуби суши и вдали от моря и речек, разрубают на части и выделывают весла и шесты и всяческую домашнюю утварь и орудия труда, а затем переправляют на плечах людей. Но большая и наиболее смолистая часть древесины перерабатывается и снабжает самой ароматной и благоуханной смолой из всех известных нам, называемой бруттийская, от сдачи в аренду разработок которой римский народ ежегодно получает большие прибыли. *Ambr.*

XVI. (20. 7) Так произошел второй мятеж в Регии оставленного здесь римского и союзного гарнизона, который стал причиной убийства и бегства многих людей. Для наказания этих мятежников один из консулов, Гай Генуций⁴⁷, направил войско. Как только он овладел городом регийцев, то возвратил изгнанникам все то, чем они обладали, а совершивших нападение на город захватил и в оковах доставил в Рим. Сенат и народ настолько были оскорблены и возмущены ими, что не выказали никакой снисходительности в отношении них, но все трибы проголосовали за то, чтобы все обвиняемые были преданы смерти, установленной законами для злодеев. 2. (8) Как только постановление о наказании было утверждено, на Форуме установили столбы и осужденных выводили по триста человек, скрутив им руки сзади и привязав нагими к столбам. Затем, после того как их подвергали бичеванию плетью на глазах у всех, им отрубали топором шейные сухожилия. Вслед за ними казнили следующие триста, а за ними еще столько же, в целом же было казнено четыре тысячи пятьсот человек. И они не обрели даже погребения, но трупы выволокли с Форума, на пустырь за городом, где их разорвали на части птицы и псы. *Ambr.*

глава этой миссии, консул 292, 276, 265 гг. до н.э., Квинт Огумний Галл, один из авторов закона Огумниев 300 г. до н.э., стал консулом 269 г. до н.э., Нумерий Фабий Пиктор, юный родственник Квинта Фабия Максима Гургеса, получил консульство в 266 г. до н.э.

⁴⁷Гай Генуций Клепсина — в данном отрывке речь идет о втором его консульстве 270 г. до н.э.

XVII. (20. 9) Толпа голытьбы, у которой и мысли не возникало о том, что хорошо и справедливо, сбилась в кучу, введенная в соблазн неким самнитом. Вначале они вели жизнь, полную лишений, в горах под открытым небом. Но когда они решили, что стали достаточно многочисленны и пригодны к битве, они захватывают хорошо укрепленный город, откуда начали опустошать набегами всю округу. 2. Против них консулы вывели войско и без большого труда овладели городом. Наказав розгами и казнив зачинщиков бунта, остальных они продали как добычу. Случилось так, что вместе с другой добычей в предыдущем году была продана и земля, а серебро, вырученное от продажи, было разделено среди граждан. *Ambr.*

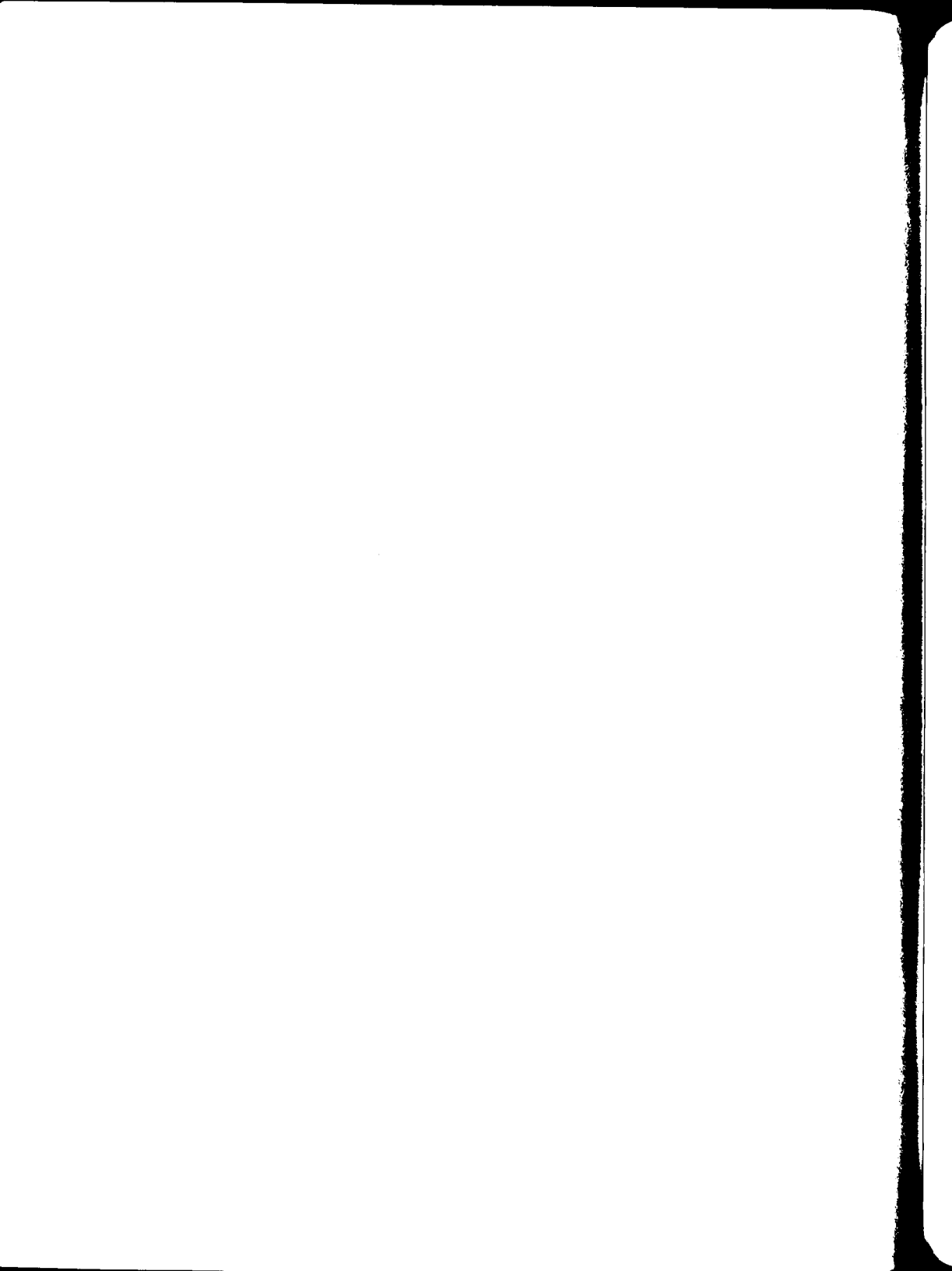

ПРИЛОЖЕНИЯ

**И. Л. МАЯК. «РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ»
ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

ПРЕДМЕТНЫЙ, ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

**УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ
И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО, УПОМЯНУТЫХ
В «РИМСКИХ ДРЕВНОСТЯХ»**

И. Л. Маяк

«РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ» ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Истоки Рима, превратившегося в центр античного Средиземноморья, интересовали как самих римлян, так и представителей покоренных им народов. Проследить восхождение Рима от его сугубо скромных первоначал до владыки античной ойкумены в числе прочих взялся любознательный и образованный грек, оставивший нам много томный труд «Римские древности», — Дионисий Галикарнасский.

Об авторе «Римских древностей» известно мало. Краткие сведения о нем идут от него самого. Так, в книге I. 8. 4. сообщается, что он — Дионисий, сын Александра, родом из Галикарнаса. По его словам, он прибыл в Италию одновременно с прекращением гражданских войн Цезарем Августом в середине сто восьмидесят седьмой Олимпиады и прожил там 22 года (I. 7. 2). В Риме он, вероятно, был ритором, давая частные уроки¹. Судя по тому, что Дионисий изучил латинскую письменность и язык уже в Риме, а затем и написал «Римские древности», скорее всего переезд в Италию он осуществил в молодые годы. Точные даты его жизни определить все-таки нельзя. На основании беглых упоминаний и некоторых фактов, например консульств Клавдия Нерона и Кальпурния Пизона 7 г. до н.э., когда Риму уже исполнилось 745 лет (I. 3. 4), или таких лиц, как Элий Туберон, видный историк и юрист, консул 11 г. до н.э., можно установить, что умер он уже после 7 г. до н.э. Как о прижизненном для него событии Дионисий говорит (II. 6. 4) о разгроме армии М. Лициния Красса парфянами (53 г. до н.э.). Вместе с тем Страбон (XIV. 2. 16) называет его своим современником. Из подобного рода калькуляций историки нового времени помещают его жизнь в рамки 69 (55) — последние годы I в. до н.э.²

То, что Страбон, рассказывая о Галикарнасе и его достопримечательностях, называет Дионисия в одном ряду с происходившими из этого города такими знаменитостями, как Геродот и Гераклит, следует, что он получил признание еще при жизни.

---

¹ Introduction. Life of Dionysius // The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus. L.; Cambridge (Mass.), 1988. Vol. I. P. IX.

² Ibid. P. VIII–IX.

И это неудивительно. Он действительно представляет собой типичную и очень заметную фигуру в культуре так называемой «эллинистическо-римской эпохи»³.

Дионисий является широко образованным человеком, искушенным в теоретических проблемах риторики, знатоком языковых стилей. Ему принадлежат такие сочинения: «Риторика»; труд «Об ораторах древности», посвященный Лисию, Исократу, Псею и Динарху; трактат «О соединении слов», в котором он излагает идеи, касающиеся, прежде всего, стиля речи, своему ученику Мелетию Руфу, и другие, близкие по тематике произведения. В их числе «Письмо» к Гнею Помпею Гемину, видимо, входившему в круг лиц, близких Гнею Помпею Великому, в качестве вольноотпущенника, и уже в силу этого его клиента.

Это «Письмо»⁴ очень интересно для специалиста-историка. В нем (раздел III) содержатся сравнения Геродота и Фукидида, а также Ксенофонта и Филиста, т.е. авторов исторических трудов, наиболее достойных подражания, по мнению Дионисия, именно с точки зрения их языка, стиля, построения сочинений. Вместе с тем, анализируя их творчество, в первую очередь Геродота и Фукидида, Дионисий обращает внимание на его содержательную часть. Он выделяет три ряда задач, стоящих перед любым историком: 1) выбрать достойную и приятную для чтения тему (*hypotesis* — III. 767–769); 2) определить, с чего начать и чем кончить, т.е. установить хронологические рамки работы (III. 769–771); 3) обдумать, что включать в свой труд, а что оставить в стороне, т.е. произвести отбор материала и расставить все по своим местам, что значит не следовать строго хронологии событий разного круга, или ряда, т.е. их синхронности, а последовательно изложить все, касающееся сначала одних предметов изучения, потом других и т.д. (III. 772–774).

В дополнение к сказанному Дионисий выдвигает еще некоторые требования к историкам — показывать отношение автора к описываемым событиям. Под этим он понимает благожелательное, сочувственное отношение к отечественной истории (III. 774), чистый язык, «бережно лелеющий греческую (заметим, родную!) речь» (III. 775). В совокупности с предыдущим это означает патриотический настрой историка в подаче материала.

Далее постулируется необходимость умения излагать мысли и сжато, и живо, изображать чувства и характеры людей, т.е. писать образно (III. 775–776), и т.п. Главным же достоинством речи исторического произведения Дионисий считает соответствие повествованию — то *преллов* (III. 776). Произведения Геродота и Фукидида он называет поэтическими (III. 777). Принимая во внимание сказанное, можно сделать вывод о соответствующих требованиях Дионисия к своему собственному труду, т.е. к художественной стороне историописания.

³ Античные риторики / Собр. текстов, ст., коммент. и общая ред. проф. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 319–322.

⁴ Ссылки даются на текст в обновленном переводе Т.В. Васильевой в изд. «Античные риторики...».

Конкретизацию своих предпочтений Дионисий демонстрирует на примере ученика Исократы Феопомпа Хиосского, оставившего после себя много хвалебных и совещательных речей — «Хиосские послания» и исторические сочинения. Наш автор хвалит Феопомпа за выбор тем, одна из которых освещает конец Пелопоннесской войны (Ἐλληνικά), а другая — деяния Филиппа Македонского (Φιλίππικά); за распределение материала, что облегчает возможность проследить ход событий; наконец, особенно за трудолюбие, за старательную предварительную работу по сбору материала.

Этого, по замечанию Дионисия, Феопомп достиг, будучи очевидцем многих событий, а также обращаясь к их участникам, видным полководцам, политикам и философам (VI. 783). Дионисий отмечает содержательность трудов Феопомпа, освещающих жизнь как племен и городов, так и царей, обычаи как варваров, так и греков, притом его произведения написаны хорошим языком (VI. 784).

Интересно проверить, насколько Дионисиевы принципы создания трудов по истории реализованы в «Римских древностях». Об этом судить можно, хотя не весь текст дошел до наших дней. Полностью сохранились книги I–IX; X–XI — несколько лакунированными, XII–XX остались лишь в отрывках.

Рукописи труда Дионисия до XV в. хранились в Константинополе, но потом оказались в Венеции в библиотеке кардинала П. Барбо, а затем — папы Павла II. В эпоху Возрождения рукописное наследие Галикарнасца настолько заинтересовало итальянских библиофилов, что в 1480 г. усилиями Л. Бираги появился первый перевод «Римских древностей» на латинский язык. Далее, на протяжении XVI–XVIII вв., издание переводов на латинском продолжалось, причем оно сопровождалось критическим изучением рукописей, в том числе содержащих ранее неизвестные отрывки. Последние представляли собой экскерпты из трудов античных авторов, которые были собраны в X в. Константином Багрянородным и составили оставшуюся часть книг Дионисия (XII–XX). Это позволило публиковать полный текст «Римских древностей» с параллельным переводом на латинский язык и за пределами Италии — во Франции, Швейцарии, Германии, Англии. С XVIII в. известны переводы труда Дионисия на французский язык (Ле Жей, 1712), немецкий (Бензлера, 1752; Шиллера и Кристиана, 1827–1850); английский в издании Спелмана (1758), Кэри (1937), а также в серии «Loeb Classical Library» (1968–1986). Новое итальянское издание сочинения Дионисия относится к 1984 г.⁵

Охватывают «Римские древности» огромный временной промежуток с незапамятных времен, со второй половины II тысячелетия до н.э.⁶, до первой Пунической войны. Дионисий уделяет внимание хронологии событий. Точкой отсчета для древ-

⁵ Подробнее об этом см. в кн.: *Fascione L.* La Costituzione romana nella «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso. Napoli, 1988. Pt. I. P. 1–7.

⁶ *Маяк Н.Л.* Рим первых царей: Генезис римского полка. М., 1983. С. 79–86.

нейшего времени ему служит Троянская война, датируемая современной наукой 1240–1230 гг. до н.э. Датировка с ее помощью у Дионисия может быть приближительной — до Троянской войны, во время Троянской войны (I. 9. 3; 11. 1), после Троянской войны (I. 26. 1; 72. 1) или через много лет после войны (I. 22. 5); встречается более точная датировка с указанием на число поколений до этой войны — за 17 (I. 11. 2), за три (I. 22. 3), за два (I. 26. 1), или после нее — через 15 либо 16 поколений (I. 9. 4; 45. 3; 73. 3; II. 2. 1), наконец, достаточно точная — за 80 или за 60 лет до Троянской войны (соответственно I. 22. 3; 30. 1), или — в период 37 дней от пленения Трои, на следующий год, в первый год после пленения Трои (I. 63. 1).

Потом Дионисий переходит к последовательному датированию по Олимпиадам. Так, основание Рима, одновременное с Карфагеном, он относит ко временам за 308 лет до первой Олимпиады; ссылаясь на Л. Цинция Алимента — к четвертому году двенадцатой Олимпиады, а на Фабия Пиктора — к первому году восьмой Олимпиады (I. 74. 1; 75. 3). Приводя же мнение М. Порция Катона, Дионисий говорит об основании Рима на 432-й год после Троянской войны, но более верной считает дату Эратосфена⁷ — первый год седьмой Олимпиады (I. 74. 2).

Хронологию албанского владычества и царской эпохи в Риме Дионисий строит на годах правлений царей: Ромул царствовал 37 лет, потом один год было междоцарствие (I. 75. 1) и т.д. Но при этом даются уточнения: Нумитор стал царем в середине шестнадцатой Олимпиады (II. 59. 2); Анк Марций принял власть во второй год тридцать пятой Олимпиады (III. 36. 1) и т.п. Всего же от Ромула до изгнания царей прошло 244 года (I. 75. 1), а Олимпиад было 61 (I. 75. 3). Уничтожение царской власти относится к шестьдесят восьмой Олимпиаде (V. 1. 1).

В соответствии с греческим каноном указание на Олимпиаду сопровождается у Дионисия упоминанием Афинского архонта и победителей в беге на стадию.

Излагая историю Республики в Риме, Дионисий дополняет датирование событий, следуя римским нормам, годами правления консулов, что представляется более надежным.

Стремление Галикарнасса к точности датировок проявляется у него еще в ссылках на авторитетное мнение. Так, сообщая о времени первоначального заселения территории Рима, Дионисий отмечает совпадение его хронологических данных со сведениями живших до него (I. 75. 4). При установлении даты галльского нашествия на Рим, которая выделена им как рубежная, он говорит, что она признается всеми

⁷ Римляне сами приводили разные даты основания своего города. Еще в конце Республики пользовались датой Полибия — 751/750 гг. до н.э. Но вскоре распространилось мнение Аттика, поддержанное Варроном, — 753 г. до н.э. См.: Биккерман Э. Хронология Древнего Мира. М., 1975. С. 73. Думается, что дата Эратосфена излишне завышена, а Цинция Алимента — занижена. Приходится иметь в виду неточность «олимпийского» отчета, так как указание на год Олимпиады может означать расхождение от 6 до 11 месяцев.

(I. 74. 4). Такое внимание к хронологии на всем протяжении римской истории обнаруживает в Дионисии не только знакомство с историческим жанром в литературе, но и его целеустремленную работу непосредственно в русле этого жанра с выполнением выдвинутой им задачи определения хронологических рамок предпринятого изучения римской истории. В самом деле, и начальный рубеж его повествования, и конечная его точка, как сказано выше, были им определены — сохранившаяся часть текста «Римских древностей» заканчивается примерно 270 г. до н.э.

Огромный промежуток времени, рассмотренный Дионисием, вместил в себя множество событий. Информацией, заключенной в «Римских древностях», издавна пользовались историки и историки права очень широко. Более того, сам Дионисий был удостоен посвященных ему страниц в разных книгах о Древнем Риме и даже монографий. Однако ценность его труда определялась в зависимости от движения источниковедческой мысли. Книги Дионисия сравнивались по их содержательности с Ливиевыми, со времени Джанбатиста Вико признавали их более информативными, чем книги Ливия, наполненными разными фактами и подробностями. Ж. Боден утверждал, что Дионисий превзошел в этом всех греков и римлян, писавших о римской архаике. Материалы Галикарнасца служили основанием трудов и для тех ученых, которые считали возможным познать истинную историю, и для тех, кто держался противоположного мнения⁸. В классической научной литературе XIX в.⁹ «Римские древности» фигурируют в качестве важного источника. Весьма широко пользуется им основатель научного источниковедения Б.Г. Нибур в «Римской истории» и Т. Моммзен, особенно в томах II и III «Римского государственного права», а также их последователи, не склонные к простому пересказу античных авторов. Постепенный переход от научного критицизма к разрушительной гиперкритике¹⁰, в которой ученые упражнялись в первую очередь на материалах Ливия, к началу XX в. сказался и на оценке Дионисия. Так, в 1902 г. появилась работа М. Эгера с негативным отношением к Галикарнасцу, а в 1903 г. в «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова (далее: PWRE) — статья Шварца, в которой утверждалась полная недостоверность сведений, содержащихся в «Римских древностях». Гиперкритицизм корифеев науки, таких как К.Ю. Белох и Э. Пайс, вел к вычеркиванию Дионисия, якобы базировавшегося на негодных источниках, из списка древних историков и низводил его до уровня болтливого ратора.

Надо сказать, что в XX в. эта оценка за Дионисием закрепилась, особенно среди историков-антиковедов. Показательной является в этом смысле позиция Ж. Пусэ¹¹,

⁸ Подробный историографический обзор см. в кн.: *Fascione L.* Op. cit. P. 12–20.

⁹ *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. B., 1853; *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1887.

¹⁰ *Маяк И.Л.* Рим первых царей... С. 6–8.

¹¹ *Poucet Z.* Recherches sur la legende sabinne des originés de Rome. Louvain, 1967. *Idem.* Les sabinnes aux originés de Rome // ANRW. B.; N.Y., 1972. Bd. I. P. 48–135. *Idem.* Les Rois de Rome. Tradition et histoire. Louvain — la Neuve, 2000.

который ставил в упрек Дионисию как раз то, что ранее виделось как достоинство. Именно в наличии в «Римских древностях» деталей, подробностей в обрисовке событий, персонажей, обыкновений усматривает Пусэ «доказательство» недостоверности Дионисиевых сообщений.

Изменение отношения к Дионисию, пробивавшее себе дорогу в 70-е годы XX в., следует поставить в связь с результатами новых археологических открытий, находок эпиграфических памятников и лингвистических исследований, которые, естественно, оказались в первую очередь доступны итальянским ученым. В последнюю треть минувшего столетия гуманитарии, прежде всего историки римского права, заняв разумно критическую позицию, плодотворно используют «Римские древности» для реконструкции социальной и конституциональной истории и царского, и раннереспубликанского Рима¹².

Более взвешенный подход к сведениям Дионисия получил отражение и в посвященной ему монографии. На смену специальным работам, трактовавшим «Римские древности» с позиций сомнения в их достоверности, включая исследование Габбы¹³, появился фундаментальный двухтомный труд Л. Фашионе «Римская конституция в истории архаического Рима Дионисия Галикарнассского»¹⁴. В нем на событийном фоне царского Рима рассматривается Дионисиева концепция складывания государственных институтов, которая может быть прослежена до времени законов XII таблиц. Оставляя в стороне историческую концепцию автора, отмечу его источниковедческие принципы. Л. Фашионе, как представитель поколения ученых, знакомых с обновленной источниковой базой, свободно оперирует материалом Дионисия, освещающим деяния царей, начиная с Ромула. Он не отрицает влияния на Дионисия идейных и политических течений его времени, т.е. эпохи Августа, объявленного новым Ромулом, однако считает, что представление Дионисия об основании Рима в качестве *πόλις ἑλληνίς* не вписывается в картину пропаганды Августова национализма¹⁵. Л. Фашионе отмечает использование Дионисием как греческих писателей, так и анналистов разных поколений без пренебрежения вторичными источниками¹⁶. Он далек от огульного порицания «младших» анналистов, относившихся к той культурной среде историков, философов и юристов, где невозможно было поверхностное отношение к делу. К тому же «младшие» анналисты использовали труды «старших»¹⁷.

¹² *Serrao F.* Lotte per la terra e per la casa a Roma del 485 al 441 a C. // *Legge e società nella repubblica Romana*. Napoli, 1981; *Capanelli D.* Appunti sulla rogatio agraria di Sp. Cassio // *Ibid.*

¹³ *Gabba E.* Studi su Dionigi d'Alicarnasso. La costituzione di Romolo // *Athenaeum*. 1960. 38.

¹⁴ *Fascione L.* Il mondo nuovo. La Costituzione romana nella «Storia di Roma arcaica» di Dionigi d'Alicarnasso. Napoli, 1988–1993. Pt. I–II.

¹⁵ *Ibid.* P. 28–30.

¹⁶ *Ibid.* P. 35–36.

¹⁷ *Ibid.* P. 36–37.

Что касается риторики Дионисия, то она, по мысли Фашионе, является формой достижения цели — исследования основ римского конституционного строя¹⁸. По его справедливому мнению, труд Дионисия в этом занимает заметное, даже особое место¹⁹. Замечу, что истоки римской государственности и правопорядка Фашионе видит в деятельности отдельных древних персон, начиная не с Ромула, а еще с его деда, Нумитора, точнее с албанских дедов, в чем проявляется и его отношение к античной традиции, и его концепция глубочайшей древности римских институциональных устоев.

Высокую оценку труда Дионисия, данную Л. Фашионе, можно подтвердить следующими дополнительными соображениями. Во-первых, «Римские древности» содержат богатый материал, не только характеризующий правовые, прежде всего публично-правовые, нормы, на чем фиксирует внимание историк права Фашионе, но и неоценимые данные по этнографии раннего Рима, и более того — древнейшей Италии, включая процесс заселения Апеннинского полуострова, что в свое время было уже отмечено М. Паллоттино²⁰. Во-вторых, Дионисий дает последовательную картину событий истории Рима на всем протяжении царской и раннереспубликанской эпох, создавая обширное полотно с изображением общественной, политической и культурной жизни римлян. В-третьих, примечательно, что «Римские древности» являют собой не только изложение событий, но в них достигается цель объяснения их причин (I. 8. 2; V. 56. 1 и др.). В-четвертых, как уже известно, труд Дионисия представляет собой одновременно источник по истории идейно-политической мысли Рима раннего принципата.

Но все же достоинство информации в первую очередь не в ее обилии, а в достоверности. Показателем ее являются подтверждения сообщений античных авторов данными других типов и видов источников. Напомню, что для оценки добротности труда Дионисия не теряют значения известные с середины XX в. хижины на Палатине VIII в. до н.э., подтвердившие наличие Ромулова поселения на этом холме²¹. О том же свидетельствуют результаты археологических раскопок в северо-восточной части Палатина, проведенные позднее А. Карандини²², благодаря которым обнаружены следы оборонительных укреплений (стены и рва) основанного первым царем города. Они в свою очередь подтверждают традицию о Ромуловом номерии.

¹⁸ Ibid. P. 39–40.

¹⁹ Ibid. P. 39.

²⁰ Pallottino M. Le origini storiche dei popoli italici // Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche. V. Z. Firenze, 1955. Vol. 7. Esp. P. 90.

²¹ Маяк И.Л. Рим первых царей... С. 36.

²² Carandini A. La nascita di Roma. Dei, Lari, eroi e uomini all'alba di una civiltà. Torino, 1997. P. 500, 503–506; Маяк И.Л. Древнейший Рим в свете новейших раскопок // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики: Тез. докл. конф. 29–30 июня 2000. М., 2001. С. 71–73.

Важно отметить, что археологические изыскания продолжают обновлять копилку памятников материальной культуры древнейшего Рима и Лация. Опубликованы результаты новых раскопок латинского города Фидены²³, близко связанного с Римом, начиная с эпохи Ромула. Археологи вскрыли там в пределах древнего поселения такой же дом-хижину, что и палатинские, относящиеся также к VIII в. до н.э. Полученные материалы показывают общность культурной среды в этом районе, свидетельствуют о значимости Фиден, не уступающих в облике поселения Риму. Таким образом удостоверяется традиция того же Дионисия о постоянной борьбе римлян с фиденянами и, значит, о внешней политике Рима, начиная с первого царя.

Необходимо упомянуть о новых замечательных исследованиях Э. Перуцци²⁴. Он интерпретировал сосуд из Остерия дель Оза, несущий на себе греческую надпись εἰοῖν (euoin). Слово это представляет собой один из вариантов вакхического возгласа, латинской параллелью которого является «эвоз!». Сосуд же имеет не хозяйственное, а ритуальное назначение. Аналогичные сосуды с надписями, по-разному датируемые, иногда носящие изображения вакхантов, были известны в греческом мире в качестве атрибута Дионисийского культа. Примечательно, что упомянутый ритуальный сосуд происходит из латинского г. Габии (современная Остерия дель Оза) и является предметом местного производства. Э. Перуцци высказывает верное заключение: сосуд с надписью свидетельствует о причастности древних габийцев к греческой культуре, что ранее документировалось находками других памятников материальной культуры, но не надписями. Наблюдательный ученый справедливо подчеркивает, что это открытие габийского предмета VIII в. до н.э. удостоверяет сообщения Дионисия о том, что Ромул и Рем приобщались в Габиях к греческой культуре, обучаясь там греческой грамоте и военному делу.

Учитывая приведенные выше археологические и эпиграфические факты, следует сказать, что аргументация несостоятельности Дионисия наличием в его труде подробностей оказывается беспочвенной. Дионисий действительно много знает о раннем Риме достоверного. Его эрудиция имеет под собой широчайшую базу первоисточников. Разумеется, он использует многих греческих авторов, в том числе древнейших, таких как Гомер или Арктин (VII–VI вв.), упоминавших Рим, уважаемых историков V в. — Геродота, Геланика Лесбосского, Ксанфа Лидийского, Фукидида, Дамаста Сигейского, Антиоха Сиракузского и других, сицилийцев, хорошо знавших италийские дела, живших в IV в. — Филиста Сиракузского, Тимея. Пользовался Дионисий трудами известнейших авторов IV в. до н.э. малоазиатского происхождения — Анаксимена Лампсакского, Иеронима Кардийского, уроженца Хиоса — Феопомпта, а также писавших в III в. до н.э. — Силена из Калé Актé, Зенодота Трезенского, Антигона. Учел Дионисий, конечно, и Полибия (II в. до н.э.), но отметил, что тот

²³ Fidene. Una casa dell'età del ferro. Roma, 1998.

²⁴ Peruzzi E. Civiltà greca nel Lazio preromano. Firenze, 1998. P. 5–22.

о древности говорит небрежно, т.е. вскользь (I. 6. 1; 7. 1). Были Дионисию доступны труды других греков, включая тех, чьи имена известны только благодаря его упоминанию, например Ариайт или Агатилл.

Не оставил Дионисий без внимания и римскую традицию. Однако он заметил, что у римлян нет ни древних писателей, ни логографов, но писавшие позднее основывались на записях, оставленных на «Священных таблицах» (I. 73. 1; 74. 3), которым он, видимо, доверял. Это обстоятельство позволило ему опираться на римских писателей. Порой он ссылается на них неопределенно: «некоторые говорят», «другие говорят», «большинство рассказывает», либо замечает: «как полагают сами римляне» (I. 59. 3). Встречаются у Дионисия и глухие упоминания о «местных записях» (IV. 2. 1–4), при этом под «местными» он разумеет и римские, и италийские сочинения (II. 49. 4).

Вместе с тем Дионисий зачастую произносит римское имя античного автора. Прежде всего, это — «старшие» анналисты. Он с уважением называет Фабия Пиктора (I. 7. 3), отмечая, что тот пишет кратко, притом на греческом языке (I. 6. 2), хотя и не всегда принимая его сообщения. Иногда он предпочитает ему другого «старшего» анналиста Кальпурния Пизона (II. 40. 1). Привлекает Дионисий сведения М. Порция Катона — «уважаемого римлянина» (I. 7. 3). При этом он замечает, что иной раз Катон сам следует за Фабием Пиктором (I. 79. 4). Следования этому автору он обнаруживает и у Л. Цинция Алимента (II. 38. 3; 39. 1). Напомню, что в современной науке свидетельства «старших» анналистов сомнений в доброкачественности не вызывают.

Встречаются у Дионисия и сведения, исходящие от историков II в. до н.э. Это — Гн. Геллий, представитель «среднего» поколения летописцев, чьи сообщения учеными не отрицаются. Думаю, здесь нет случайности. Ведь Геллий сообщает данные, касающиеся греческих установлений, что обеспечивало им достоверность (II. 72. 2). Действительно, сакральные предписания и тексты бережно сохранялись без изменений. Наряду с Геллием упоминаются в «Римских древностях» и Г. Семпроний Тудитан, знаток римских магистратур, характеризуемый Дионисием как весьма сведущий (I. 11. 1), а также Семпроний Азеллион, компетентный политик и историк.

В перечне писателей, на которых ссылается Дионисий, стоят историк и правовед Л. Элий Туберон²⁵, современник Цицерона, и знаменитые «младшие» анналисты Валерий Андиат и Лициний Макр. Как известно, это поколение летописцев, начиная с Нибура и особенно с подачи маститого Г. Де Санктиса²⁶, снискало сомнительную славу занимательных рассказчиков, но недостоверных историков²⁷. Справедливые

²⁵ *Hanslik R. Aelii // Der kleine Pauly*. I. München, 1979. S. 88.

²⁶ *De Sanctis I. Storia dei Romani*. Firenze, 1960. Vol. II². P. 9, 13; *Нусе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1899. С. 13.

²⁷ *Нусе Б.* Указ. соч. С. 13, 83.

сомнения по поводу такой огульной оценки высказал Ф. Де Мартино²⁸ на примере аграрного закона Лициния и Секстия (367 г. до н.э.), появление которого не могло быть изобретено анналистами, в том числе Лицинием Макром, а было обусловлено реальными обстоятельствами социальной жизни IV в. до н.э. Та же мысль с более подробным обоснованием была высказана по поводу более древних событий Д. Капанелли²⁹: события 486 г. до н.э., связанные с аграрной рогацией Сп. Кассия, не являются калькой с описания социальной борьбы Гракхов, о чем говорили и Де Санктис, и К.Ю. Белох, и Э. Габба.

На том же тезисе, что и Капанелли, настаивает и Ф. Серрао³⁰. Агитация за аграрные законы V в. до н.э. по их содержанию, характеру и политико-конституционному выражению, особенно отраженным у Дионисия, не имеет сходства с ситуацией II–I вв. до н.э., к которым относились анналисты, будто бы придумавшие аграрное законодательство. Очень убедительно опроверг Ф. Серрао мысль о том, что побудительным мотивом для их «изобретений» были сами имена плебейских трибунов 485, 484, 469, 467 гг. до н.э., принадлежавших к видным родам того времени, в которое они писали. Так, согласно Серрао, часть этих имен уже не фигурировала среди трибунов III–I вв. до н.э., либо они вообще сомнительны или вовсе не известны позднее. Единственным из анналистов под подозрением в желании возвеличить себя с помощью предков является Лициний Макр. Но этого исключения, как можно согласиться с Серрао, мало, чтобы отвергнуть исторические события целого тридцатилетия.

Все сказанное имеет большое значение для характеристики первоисточников Дионисия. Как видно, выносить суждения о достоверности сведений, сообщенных Дионисием, нельзя без учета того, что не только у «старших» анналистов он мог почерпнуть верные данные, но и у «младших», не достойных того, чтобы их списать как ненужных фальсификаторов.

Однако необходимо отметить, что в «Римских древностях» использована не только нарративная традиция, но и документальный материал. Уже упомянутые выше «Священные таблицы» расшифровываются Дионисием как записки понтификов, касающиеся священнодействий, собранные Нумой, скопированные Анком Марцием и фиксированные затем Г. Папирием (III. 36. 4). Пользуется Дионисий и законами XII таблиц (II. 27. 3), приводит отдельные законы царей: Ромула (II. 9. 1; 11. 3; 15. 2; 3; 4; 16. 1; 25. 1–7; 27), Нумы (II. 63–75), Сервия (IV. 13; V. 2. 2), признанные современной наукой достоверными, а также законы, внесенные консулами (V. 19. 4; 70. 1; 34. 1), и постановления сената (V. 57. 5).

²⁸ *De Martino F.* Riforme del IV secolo a. C. // *Diritto e società nell'antica Roma.* Roma, 1979. P. 185.

²⁹ *Capanelli D.* Appunti sulla rogatio agraria di Sp. Cassio // *Legge e società nella repubblica Romana.* Napoli, 1981. Vol. I. P. 3–50.

³⁰ *Serrao F.* Lotte per la terra e per la casa a Roma // *Legge e società...* P. 98–99, 103–105, 114.

О законодательной и правоприменительной практике Древнего Рима Дионисий говорит, зачастую не цитируя и не пересказывая документы, а описывая эту практику. Особенно обилён такой материал в части внешнеполитической жизни римлян.

В «Римских древностях» часто упоминаются международные, т.е. межобщинные, договоры. Рим с самого начала представлен у Дионисия как субъект, так сказать, международного права. Обращает на себя внимание тот факт, что Рим, согласно Дионисию, не создал, а включился в систему уже существующих институтов. Наш автор упоминает древнейший договор Энея с ахейцами (I. 47. 4), римско-сабинский договор о дружбе, заключённый Ромулом и Т. Тацнем (II. 46. 1–3; 62. 2); договор на сто лет между римлянами и вейянами, текст которого Ромул начертал на стелах (II. 55. 6). Существовали договорные отношения у римлян с альбанцами, которые грозился разорвать Клуний (III. 2. 4) и действительно нарушили жители Альбы (III. 3. 5; 6), а также договоры с другими латинскими общинами, действовавшие при Тулле Гостилии и денонсированные латинами при Анке Марции, что вызвало очередную римско-латинскую войну (III. 37. 3; 4; 49. 2; 54. 1–3). Заключались и расторгались договоры с разными сабинскими объединениями при Тулле Гостилии (III. 39. 1), при том же Анке (III. 40. 4; V. 40. 4; 5), а также с вейянами и другими этрусками (III. 54. 1–3; 66. 3; V. 26. 4), пролонгировалось действие договора Рима с латинами и в начале республики (V. 50. 2; 52).

Из тех же текстов Дионисия следует, что постоянным инструментом международной политики в древнем Лацини были посольства, которые направлялись при всяком нарушении договоров, равно как и на всех стадиях договорного процесса, т.е. при заключении перемирия или установлении мира. Технической и обрядовой стороной оформления этих акций ведала жреческая коллегия фециалов (II. 72), также бывшая не римским изобретением, а заимствованием, но не заморским, а местным, италийским. Сведения эти в «Римских древностях» выглядят очень точными. Дионисий сохранил воспоминания о том, что в ходе исторического развития у римлян утвердились определенные, вполне цивилизованные правила межобщинных, межгосударственных отношений, такие как неприкосновенность послов и заложников (V. 34. 1), хотя документальных данных на этот счет он и не приводит.

Оценив источниковую базу Дионисия, следует обратить внимание на его источниковедческую методику. Демонстрацию ее можно провести избирательно, ограничиваясь наиболее показательными примерами.

Прежде всего автор «Римских древностей» призывает к объективности, отмечая, что достижению ее мешает писателям вражда и зависть к Риму (I. 5. 2). Он заботится об отделении сказочного от правдивого, что, естественно, особенно важно при работе с материалом, освещающим наиболее древние стадии римской истории, как, например, в рассказах о Геракле и Баке (I. 3. 9) или о кончине Ромула (I. 8. 6); он решительно отрицает, что тиррены — какие-то приблудные (I. 27. 1), и т.д.

Как видно, Дионисию свойственно сравнивать показания разных источников, но для этого необходимо собрать их. Он декларирует эту мысль, приступив к изложению истории Рима со времен Энея, т.е. в начальных главах своего труда. По его мнению, надо пользоваться материалом не походя, а собрав все сведения у наиболее достойных доверия эллинов и римлян (I. 45. 4; 90. 2). Уже здесь проявляется важный принцип в работе историка — внимание к достоверности сообщений, содержащихся в его первоисточниках.

Из наблюдений над разноречивыми рассказами об Илии, т.е. Рее Сильвии, Галикарнасец приходит к выводу, что все они заключают в себе какое-то зерно истины (I. 79. 3). Дионисий стремится к уточнению фактов (II. 31. 1; 40. 3). Он замечает, что порой все римские писатели о каком-то событии пишут одинаково, а вот о последующих — уже по-разному. Особенно ярко это выявилось в эпизоде с Тарпейей (II. 39. 1). Единообразие сообщений многими авторами расценивается в «Римских древностях» как свидетельство истинности событий.

Будучи человеком своего времени, Дионисий не подвергает сомнению существование привычных для него богов и проявления божественной воли в отношении людей. Вместе с тем этот просвещенный грек отрицает простое легкое верие и ставит вопрос о сложной сущности всего мира, о наличии, кроме божественной и человеческой, еще некой третьей природы, чем-то похожей на демонов (I. 77. 3), что сближает его с ранними гностиками.

Дионисий, конечно, придает значение оракулам (I. 49. 3), верит снам, предзнаменованиям (V. 46. 1; I. 55. 4), полагается на данные Сивиллиных книг (III. 67. 2), с доверием передает рассказы о чудесах (I. 67. 1–2; 86. 8; IV. 2. 4). Но одновременно он не верит в посещение дочери Нумитора богом Марсом и в похищение им Ромула, предпочитая более реальные, жизненные версии. Подобная нота рационализма звучит также в утверждении Дионисия о том, что царь Нума не мог быть учеником Пифагора. Причем к такому заключению он пришел путем исследования вопроса (II. 59. 4).

Творческую манеру Дионисия характеризует еще отношение к сохранившимся материальным предметам и оставшимся от прошлого наименованиям как к убедительным аргументам. В «Римских древностях» отдана дань троянской легенде происхождения римлян. В доказательство прибытия троянцев в Додону и получения там оракула Дионисий говорит об оставленных ими в дар медных сосудах с надписями, «некоторые из которых еще сохранились» (I. 5. 1). Следы продвижения Энея вдоль берегов Италии Дионисий устанавливает по медному фиалу с древней надписью с именем героя (I. 51. 3), чего, впрочем, сам он не видел, во всяком случае говорит об этом не как очевидец. Рассказывая о знамениях в виде необычных действий волка, орла и лисы, будто бы полученных Энеем в связи с основанием Лавиния, Дионисий описывает медные изображения этих животных, находящиеся на форуме лавинатов (I. 59. 5). При этом никаких сомнений в историчности факта предзнаменования он

не высказывает, но нельзя не отметить, что он как бы пытается обосновать свое доверие к лавинийской легенде.

Из рассказа Дионисия о смерти Фаустула следует, что его похоронили на Форуме близ ростр и водрузили над могилой каменного льва (I. 87. 2). Любопытно, что в указанном месте Форума под так называемым черным камнем среди прочих votivных фигурок найдены два каменных льва. Однако эти материалы датируются VII—VI вв. до н.э. К тому же в пояснениях Порфилона к Горацию (Ер. 16. 13), восходящих к Варрону, значится, что за рострами находилась могила Ромула. В силу этого в настоящее время считается³¹, что комплекс *Lapis niger*, содержащий большую надпись, вряд ли принадлежит Фаустулу, быть может, он является герооном Ромула, но, во всяком случае, священным местом, что и должно извлечь из сообщения Дионисия.

В качестве ярких примеров сохранившихся реалий прошлого Дионисий называет якобы построенную близнецами Ромулом и Ремом хижину, стоящую в его время на Палатине, которую римляне постоянно реставрируют (I. 79. 11). Упоминает он также о первом триумфе Ромула, после чего тот построил небольшой храм Юпитеру Феретрию на Капитолии. В подтверждение этого Дионисий говорит, что «сохранились следы его... и в наши дни» (II. 34. 4).

Называет Дионисий и вещественные доказательства истории поединка Горациев и Куриациев в виде алтаря и столба меж двух стен на месте проведения под игом победителя, убившего сестру, а также колонны, оставшейся от колоннады, ведущей на Форум, где лежали доспехи поверженной альбанской тройни. При этом он замечает, что оружие исчезло, а название «Горациево копьё» сохранилось (III. 22. 9). Подобных примеров много (III. 71. 5; V. 35. 1; V. 36. 4 и др.). Все это позволяет сказать, что Дионисий стремился к доказательствам — притом разными способами.

Одновременно обращает на себя внимание обилие речей древних героев в тексте «Римских древностей». И этостораживает. Тут Дионисий показывает себя не просто ритором, любителем прикрас, желавшим заинтересовать свою аудиторию, но и традиционалистом. Ведь изложение событий и их трактовка устами исторических персонажей — это классический прием древних историков. Такой знаток и вместе с тем яркий представитель греческой культуры, как Дионисий, конечно знал знаменитый тезис Фукидида (I. 22). Великий греческий историк сказал, что он, не будучи в состоянии запомнить услышанное или переданное другими, заставил в своей «Истории» ораторов говорить так, как каждый мог бы сказать по данному вопросу самого подходящего. Иными словами, Фукидид стремился возможно ближе придерживаться общего смысла речей, исходя из обстановки, в которой они произносились. Последнего пункта держался и Дионисий в отношении лиц, действовавших на сцене древнейшей римской истории.

³¹ Федорова Е.В. Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 176–179. Она же. Ранняя латинская письменность VIII—II вв. до н.э. М., 1991. С. 33–39.

При чтении «Римских древностей» складывается впечатление, что их автор старается быть и объективным, и занимательным. И сам он называет своих адресатов, т.е. своих читателей: этот труд — и для политиков, и для философов, и для ищущих приятного чтения (I. 83), и, добавлю, правоведов. Это — широкий круг читателей. Ведь именно перед данным кругом он не только излагает давнюю историю, но и делится с ним своими мыслями, своими взглядами.

Красной нитью проходит через все произведение антиираническая позиция Дионисия (I. 41. 1; 71. 3; 75. 2; IV. 73; V. 2. 3; VI. 6. 2). Он осуждает порабощение одних народов другими (I. 41. 2), высоко ценит демократизм Сервия (IV. 2. 3), выступает противником гражданских смут и распрей (II. 3. 5–6; 62. 4; VI. 17 и др.).

В связи с этим его волнует тяжелое положение простых людей, выносивших на себе тяготы войн, терявших здоровье, попадавших в долговую кабалу. В этом его позиция гуманного человека подобна позиции Ливия. Вообще, надо сказать, в изложении римской истории, начиная с последовательного рассказа о событиях, у обоих авторов много похожего, хотя на Ливия Дионисий не ссылается. В целом, можно считать, что, исключая некоторые детали³², принципиальных различий в изображении событийной канвы у них нет. Но в отличие от Ливия Дионисий проявляет особый интерес к подробностям и именно к древнейшей фазе истории Рима и Италии. В этом отношении весьма показателен образ Нумитора. У Дионисия он основательно разработан. По верному наблюдению Л. Фашионе³³, именно к нему восходят важнейшие установления Ромула.

Попутно замечу, что несмотря на солидность источниковой базы, на склонность Дионисия к деталям, к уточнениям, его труд не лишен ряда явных ошибок. Так, он упорно путает Кротон с Кортоной (I. 20. 4; 26. 1; II. 59. 1). Альба-Лонгу в переводе на греческий язык именуется «Белой». Разумеется, это — распространенная вплоть до нового времени ошибка. Лишь новая наука признала в наименованиях с Alb-, Alr-лигурийский корень со значением «гора»³⁴, а не латинский со значением «белый».

Одной из характерных черт повествования Дионисия является, так сказать, «греческая тема» в истории Рима. Она обусловлена тем, что он — грек и пишет для греков, и проявляется она в трех блоках сообщений.

I. Стараясь быть понятным для греческого читателя, Дионисий поясняет латинские слова, обозначающие социальные и политические институты, а также относящиеся к религиозной сфере. Это позволяет современному читателю более адекватно представить древние реалии. Зачастую он просто дает перевод с латинского на греческий. Так, пещера Lupercal — говорит он — может быть названа Ликейон (I. 32. 3);

³² В качестве примера — решение вопроса об имуществе изгнанного царя (*Ливий*. V. 1. 5; *Дионисий*. V. 6. 2).

³³ *Fascione L.* Op. cit. P. 65–66; 69–71.

³⁴ *Sergi L.* Da Alba Longa a Roma. Torino, 1934. P. 27; 31.

римское празднество Консуалии — это Гипократии у аркадцев (I. 33. 2); название холма — Капитолийский, в древности — Сатурнийский, а на эллинском языке — Кронийский (I. 34. 1). Древнейшие общественные объединения римлян, трибы и курии, — это филы и фратрии (II. 7. 2–3); понтифики — иерофанты (II. 73. 3), сенат — герусия (II. 12. 3); патронат — простасия (II. 9. 3; 10. 1. 2) и т.п.

II. Большое место уделено в «Римских древностях» балканскому, особенно греческому, культурному влиянию на Рим. В частности, устанавливается заимствование общекуриального характера священнодействий у лакедемонян (II. 23. 3); многих сабинских узаконений — из Лаконики (II. 49. 5); принципов правления Ромула — из Афин, а Нумы — от Миноса и Ликурга (II. 8. 1; 62. 2). При этом заметно преобладают влияния, исходящие из Пелопоннеса, из Аркадии.

III. Решающую роль в близости греков и римлян играет их происхождение. Дионисий называет Рим эллинским полисом (I. 89. 1–2). Он показывает большое значение аркадских переселенцев Эвандра и вообще пелопоннесских, прибывших с Геркулесом, для римского этногенеза (I. 60. 3; II. 1. 4). Однако греческое происхождение, согласно Дионисию, присуще не только населению Вечного города: и Ценина, и Антемны (II. 35. 7), и метрополия Рима Альба представляют собой эллинский народ (III. 10. 3; 5). Насельники древнейшего Лация аборигины, или латины³⁵, — эллинское племя (I. 13. 2). Это утверждение Дионисий подкрепляет авторитетом римских писателей — Порция Катона, Семпрония Тудитана и иных. Сам же он убежден, что аборигины — потомки энотров (II. 1. 2), самых ранних выходцев из Пелопоннеса (I. 13. 2–3; II. 1. 2). Сведения эти почерпнуты Дионисием у Антиоха Сиракузского.

Выше мы уже упоминали, именно Дионисий зафиксировал традицию заселения Италии. Она представлена появлением царей-эпонимов. Энотрский царь Итал дал начало наименованию южной части Апеннинского полуострова, которое перешло на всю территорию и ее жителей. Преемником Итала был Моргет, также передавший свое имя части италийцев. В конечном счете, по Антиоху, на которого опирается автор «Римских древностей», и сикелы, и моргеты, и италийцы были энотрами (I. 12. 3). Сверх того Дионисий сообщает, что вместе с Энотром выселился из Эллады его брат Певкетий, давший наименование певкетам, обитавшим на восточном побережье Апеннинского полуострова (I. 11. 3–4).

Из приведенных данных следует, что вся южная Италия, по мнению Дионисия, была заселена греками. После греков в Италии, согласно Дионисию, появились вышедшие из Эллады пеласги, родственные аборигинам (I. 17. 1), значит, народ эллинского корня. Более того, такую же трактовку у Дионисия получают троянцы (I. 61. 1).

Таким образом, в традиции Дионисия все население Италии — греческого происхождения. Это, разумеется, неверно³⁶. Автор «Римских древностей» все

³⁵ Маяк И.Л. Рим первых царей... С. 70–72.

³⁶ Там же. С. 46; 84.

«балканское» отождествляет с «элинским», все названные племена считает родственными, в основе — греческими. Он исходит из естественного, по его мысли, закона, по которому слабый подчиняется сильному (I. 5. 2). И если сильная сторона, т.е. Рим, обладает рядом достоинств, да еще родственен слабой стороне, грекам, им это подчинение не так обидно. Отсюда вырисовывается рекомендация Дионисия — добиваться ликвидации разницы в положении греков и римлян, как верно уже отметил Фашионе. Он указывает на исторический прецедент: Рим издревле открывал возможности для чужаков и принимал их в число римских граждан. Отмечу в связи с этим, что Дионисий чутко уловил специфику римской государственно-правовой идеи и ее воплощение на практике.

Итак, мысль о близости, родстве греков с римлянами звучит очень настойчиво. Вряд ли это следует объяснять подхалимством Дионисия, хотя личные побуждения и впечатления, безусловно, сыграли роль в формировании его позиции. Видимо, он чувствовал себя в Риме комфортно. Иначе зачем ему пребывать там 22 года, не будучи заложником, как Полибий. Ведь Дионисий, подобно своему знаменитому предшественнику, оценил по достоинству римские устои. Это проявилось, в частности, в предпочтении Дионисием римской модели представления о поведении богов и их обрядов у римлян в сравнении с греками (II. 19), а не только в правильно понятой им открытости римского общества.

Акцент на «элинстве» римлян может породить мнение об антиэтрuscoлизме Дионисия³⁷, подчеркивавшего греческое происхождение и воспитание этрусского царя Л. Тарквиния (Приска), что, конечно, было созвучно эпохе Августа. Однако этот негативный мотив является в «Римских древностях» все-таки побочным и еле слышимым. Главная мысль — генетическая греко-римская близость. Какими бы обстоятельствами она ни диктовалась, признание этого родства характеризует личную, субъективную позицию Дионисия, но мотив родства, единства происхождения греков и римлян имеет еще и объективное звучание. Здесь необходимо принять во внимание следующее. Численность элинского элемента в населении древнейшей Италии Дионисий, безусловно, преувеличивает. Преобладали в нем не греки, а различные индоевропейские племена, в первую очередь италики. Однако все они до рубежа III и II тысячелетий до н.э. имели единую прародину³⁸, которая локализуется

³⁷ *Fascione L.* Op. cit. Pt. I. P. 41; Pt. II. P. 2-4.

³⁸ В современной науке выделяются собственно индоевропейская прародина и соответствующий ей раннеевропейский праязык Малой Азии не позднее VII — начала VI тысячелетия до н.э., а также позднеевропейская вторичная прародина, локализуемая в широком ареале Европы от Рейна до Волги (V—III тысячелетия до н.э.) с вариациями археологических культур, миграциями индоевропейцев и усилением этого процесса в начале III тысячелетия до н.э., что привело к распаду общеиндоевропейского единства. См.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейцы и индоевропейский язык. М., 1984; *Сафронов В.А.* Индоевропейская прародина. Горький, 1989; *Ренфрю К.* Разнообразие

учеными в разных районах Малой Азии. Оттуда огромный массив племен постепенно перемещался на громадное пространство от Придунавья вплоть до южнорусских степей (так называемый очаг вторичной прародины). Из этого ареала и происходили на протяжении времени с конца III — начала II тысячелетия до н.э. перемещения на Балканский и Апеннинский полуострова и в островной мир Средиземноморья. В эту массу индоевропейцев входили разные типы греков (ахейцы, ионийцы, эолийцы, позднее — дорийцы), группы италиков (протоматины и сабиняне, сидицины и пр.), а также пеласги, иллирийцы, позже — кельты. В настоящее время к индоевропейцам все чаще причисляют лигуров и порой этрусков.

Надо заметить, что мнения об индоевропейском единстве, о месте первоначального обитания входящих в него племен и о наличии праевропейского языка утверждаются в науке усилиями лингвистов и археологов. Между тем воспоминания об этом дальнем родстве, о стране совместного проживания индоевропейских племен издавна ощущались в античных мифах. Чаще всего это выражалось в генеалогиях. Чрезвычайно показательными в этом смысле являются представления древних об общем происхождении разных божеств, об их родственной близости между собой, а также с героями и даже людьми.

В легендах многих народов, включая и народы за пределами индоевропейской языковой семьи, в начале мироздания стоит обычно Хаос или, в варианте Гигина³⁹, Мгла, порождающая все тот же Хаос, а затем — Небо и Земля⁴⁰, которая считается праматерью всех и оказывается как бы олицетворением прародины.

Особенно подробно и вместе с тем в разных вариациях генеалогические связи божеств разработаны греками, которые изложили их в высокохудожественной форме. Примечательно, что в греческих мифах от Зевса происходят разноплеменные эпонимные герои — и Эмин, и Пеласг, и Дардан, в следующих же поколениях — Трой и Приам, т.е. троянцы, а также Ассарак, Капий, Анхис и Эней, т.е. иллирийцы, или фрако-иллирийцы, и вместе с тем прародители альбанских царей, от которых пошли римляне. Ко времени Дионисия эти генеалогические представления приобрели характер прочной традиции, известной любому римлянину и любому провинциалу.

языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // ВДИ. 1998. № 3. С. 118; 121; *Тронский И.М.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 48–49; *Гиндин Л.А.* Население Гомеровской Трои. М., 1993. С. 14–15; 136; 164–165; 172; *Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. // ВДИ. 1982. № 3. С. 3–30; № 4. С. 11–25; *Лелеков Л.А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. № 3. С. 31–37.

³⁹Имя позднего автора Гигина приведено не случайно. Ведь у него ясно виден сплав греко-римских воззрений на мир богов, объяснимый не только эллинскими влияниями на римскую культуру, но и проявлением изначально общих корней и стадий их развития. См.: *Гинин.* Мифы. Генеалогии. 1; *Diod.* V. 68–84; *Hesiod.* Theog. 117 и след.

⁴⁰*Гинин.* Мифы. Генеалогии. 2.

Что же касается античной историографии, то наиболее многосторонним образом существование некоей индоевропейской прародины и праязыка с элементами индоевропейской культуры отражено именно Дионисием, причем весьма своеобразно. В самом деле, в придании всем племенам, обитавшим на Апеннинском полуострове, греческого происхождения Дионисий вольно или невольно, как уже сказано выше, ставит знак равенства между понятиями «греческий» и «балканский». Более того, он подменяет «балканское» «греческим». И это, кроме отмеченного ранее, можно объяснить еще и тем, что автор «Римских древностей», будучи ритором, человеком гуманитарно образованным, изучал латинский язык, интересовался происхождением слов⁴¹ и не мог не знать тезиса античных грамматиков, в том числе Филоксена (I в. до н.э.) о том, что латинский — это ответвление греческого. Дионисий, сделав любопытное замечание о том, что язык древних римлян носил смешанный характер (I. 90. 1), тем самым показал, что сумел уловить языковую близость древнейшего населения многих областей европейского Средиземноморья. Этому, вероятно, помогало его знакомство с ономастикой, точнее, с той словарной группой, которая находилась в общем обиходе разных народов и легко ими распознавалась и усваивалась.

Позволю себе представить это на примере имени второго царя. В латинских источниках, как известно, это — Numa, а у греков (Дионисия, Плутарха, Аппиана) — Νῦμα.

Напомню, что некогда В. Шульце⁴², отмечая распространенность имени Нума в тосканской эпитафике, сделал вывод о его этрусском происхождении. Я уже имела случай заметить, что наименования с корнем num были более широко распространены, чем только на территории Этрурии⁴³. Это река Нумик, в которой, по преданию, утонул Эней, значит, в области Лаций начала I тысячелетия до н.э.; затем — Нумитор, дед близнецов, Ромула и Рема, т.е. тоже Лаций VIII в. до н.э. Приведу имя еще некоего Нумазия, для которого изготовили знаменитую пренестинскую застежку Маний. Не вдаваясь в продолжающиеся споры⁴⁴ о подлинности этого предмета, отмечу древность текста надписи, вытекающую из архаичности глагольной формы, представленной в ней, из самого имени, в котором не проявился еще ротацизм, что позволяет датировать надпись не ранее VI в. до н.э. К тому же находка обнаружена опять-таки в Лации. Замечу, что развитием формы Нумазий (Numasius) было Нумерий (Numerius).

⁴¹ Так, например, он заявил, что тебenna — это toga, но откуда взято это слово, ему неизвестно, во всяком случае оно не кажется эллинским (III. 61. 1).

⁴² Schulze W. Zur Geschichte Lateinischer Eigennamen. В., 1904.

⁴³ Маяк И.И. Рим первых царей... С. 111–112.

⁴⁴ Guarducci M. La cosiddetta fibula Prenestina // Atti della Accademia Nazionale dei lincei. Memorie. Classe di Scienze morale, storiche e filologiche. Ser. 8. Roma, 1980. Vol. 24, Fasc. 4.; Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность... С. 24–30.

Раннее упоминание этого имени связано со знаменитым эпизодом гибели 306 Фабиев при Кремере в 479 г. до н.э. (*Дионисий*. IX. 5; *Ливий*. II. 48; *Овидий*. *Фасты*. II. 195). Фабии — сабинский род, обитавший в Риме, значит, в Лации. Единственный оставшийся в живых отпрыск этого рода, согласно анонимному сочинению «*De praenominibus*» (О личных именах), женился на девушке из Малевента, дочери Нумерия. По взаимному согласию, первого сына от этого брака называли по деду с материнской стороны, самниту, Нумерием. Значит, по меньшей мере в начале V в. до н.э. Нумерии жили в Риме и Самнии. Укажу еще на один ономастикон — это Нумиций. Так звали римского консула 469 г. до н.э.

Из сказанного ясно, что наименования с корнем *num* — издревле встречались кроме Этрурии, если даже продолжать считать ее зоной обитания неиндоевропейцев, в различных областях Италии, населенных индоевропейцами.

Однако вернемся к тому факту, что латинскому имени *Numa* в греческом соответствует Νῦμα. По звучанию они очень близки. Разумеется, можно полагать, что здесь имело место прямое заимствование. Но даже если это так, надо иметь в виду, что заимствования подвержены определенным лингвистическим законам, в данном случае — соответствию О — У. Приведу наглядный пример. В свое время именно на основе этого закона доказывал В.И. Георгиев⁴⁵ троянское происхождение этрусков. Напомню об этом в максимально упрощенном виде. Выдвигая этот вариант их малоазиатского происхождения, В.И. Георгиев исходил из того, что топониму *Taruiša* в греческом соответствовал Τρω(σ)ία. Перебравшиеся в Италию двумя разновременными волнами троянцы, по мысли В.И. Георгиева, принесли с собой наименование и города, и страны, которую они воссоздали на новом месте. Из Τρω(σ)ία получились *Etrvria* с переходом О(ω) в У и ротацизмом сигмы между двумя гласными.

Отмечу в связи с именем Нумы еще один лингвистический факт, почерпнутый у Э. Бенвениста⁴⁶. Ссылаясь на исследования Э. Лароша, Бенвенист выделяет многочисленную группу близких по звучанию греческих слов: *némō*, *nómos*, *nomós*. *Némō* — это глагол, означающий делить и получать (в отличие от *datéomai*) по закону или по обычаю. Аналогией *némō* служит готский глагол *niman* с тем же значением, т.е. «получать по закону». Отметим, что одной из производных от него форм является в готском *numja* (извлеченная из сложного слова *arbinumja*, опять-таки — «наследие, наследник по закону»). Что касается греч. νόμος, то оно, как известно, означает «закон», а близкое ему слово νομός в одном из его значений — это пастбище, наделенное, полученное по закону. Таким образом, названная группа слов близка не только по форме, но и по содержанию, и ключевое звено здесь — закон, или установление. Отсюда можно допустить, что для грека имя Нумы, учитывая его

⁴⁵ *Георгиев В.И.* О происхождении этрусков // ВДИ. 1952. № 4. С. 133–141; *Georgiev V.J.* La lingua e l'origine degli Etruschi. Roma, 1979. Esp. P. 91–96.

⁴⁶ *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970. С. 72.

законодательную деятельность, могло связываться с законом, осознаваться как имя лица, законы устанавливающего.

Вместе с тем позволительно еще одно осторожное предположение. Принимая во внимание происхождение латинского языка из той же, что и у греков и готов праязыковой индоевропейской общности, высказать мнение о том, что имя Нумы и для римлян тоже было связано с законами, сакральными установлениями. Из анонимного трактата «*De graenominibus*», основанного на данных Варрона, известно, что первоначально имена в Италии были простыми (*simplicia*), как например, Ромул, Рем, Фаустул. Значит, строго говоря, их при отсутствии *nomina* нельзя назвать ни преноменами, ни когноменами. Однако у альбанцев, сабинян и этрусков имена были в то же самое время двучленными: Нумитор Сильвий, Рея Сильвия, Тит Таций, Нума Помпилий, Ларс Просена и т.д. И лишь позднее, говорит аноним, римляне переняли у соседей двучленность имен. Третье же имя, которое утвердилось впоследствии и в полной ономастической формуле стало называться когноменом, изначально было тем, что потом называлось преноменом, как Постум, Прокул и т.п. Такая же судьба, по мнению Э. Перуцци⁴⁷, присуща имени первого царя: *Romulus* — это не *nomem* (родовое имя), а скорее — прозвище (*cognomen*), означающее «римский», «из Рима происходящий», образованное по модели *Romulus* < *Roma*. Однако в античной традиции имя *Romulus* закрепилось в качестве преномена.

Поскольку первый царь родом был из Альбы, а не из Рима, вполне вероятно, что до основания Великого города, этот потомок альбанских царей имел какое-то личное имя, вышедшее потом из употребления, забытое и замененное прозвищем, связанным с основанием Рима. Ведь именно этот факт и был главной приметой Ромула. Учитывая это, нельзя исключить, что Нума, как сын сабинянина Помпо, имел дома в городе Курес какое-то личное имя, но в историю вошел по прозвищу, полученному за свои законоустроительные деяния, особенно в сакральной сфере, что, несомненно, было проявлением мудрости. О мудрости этого сына Помпо Помпилия были слышаны далеко за пределами Курес. Именно за его ум и нрав он был приглашен в Рим. Таким образом, второй римский царь мог получить имя Нумы в равной степени и от римлян, и от куретов. Подобная практика призывания прославленных правоведов и законоустроителей хорошо известна в других местах в архаическую эпоху. Ярким примером этого может служить уроженец сицилийской Катаны Харонд, давший законы не только своему родному городу, но и соседним сицилийским и южноиталийским городам.

Из сказанного, конечно, не следует, что имя *Numa* произведено от греческого *Νῦμα*. Дело в том что в латинском имени *Numa* содержится тот же корень, что и в слове *numen* (*gen. numinis*), у которого несколько значений, в том числе — «воля», «повеление», «божественное могущество», «знак божественной воли», т.е. пове-

⁴⁷ *Peruzzi E. Origini di Roma. I. P. 17–18.*

ления. Стало быть, в латинском имени второго царя можно расслышать «божественное повеление», «божественный закон». Отсюда позволительно сделать заключение о том, что между греческими и латинским вариантами имени этого римского царя существовало не только формальное, но и семантическое сходство. Это выдает общие корни их происхождения. Оба варианта имени были одинаково понятны обоим народам, видевшим в нем единую смысловую основу, проступавшую в портрете Нумы, царя-законодателя и в сакральной, и в гражданской области. Думается, что рассуждения по поводу имени Нумы могут объяснить мнение самого Дионисия о близости греков и римлян на языковом уровне. Так, действительно ненамеренно, объективно Дионисий в представлениях о греко-италийском родстве в преобразованном виде отразил гораздо более древние генетические связи значительно более широкого, чем греки и римляне, круга народов. Можно сказать, что в «Римских древностях» более, чем у кого бы то ни было из античных историков, занимавшихся Римом, содержатся важные материалы не только о последовательном заселении и о населении древнейшей Италии, но и данные, напоминающие о его индоевропейской прародине и праязыке, а также об исходе оттуда индоевропейских племен. Полагаю, что в этом состоит одна из граней творчества Дионисия, на которую еще не было обращено внимания в науке.

Представляется важным отметить еще, что «Римские древности» побуждают вернуться к дискуссионным проблемам истории Рима, а также поставить новые вопросы.

Одной из таких проблем является римский полис. Напомню, что от Фюстеля де Куланжа⁴⁸ идет понимание полиса как античной гражданской общины и признание однотипности греческого полиса и римской *civitas*, а также италийских муниципиев.

XIX век обогатил науку массой археологических находок по всему миру, которые интенсифицировались в XX веке. Во всех районах Азии были открыты или изучены руины городов, в том числе ранее не известных (например, Эбла в Сирии), а дешифровка древневосточных писем позволила увидеть в них города-государства. Их топографические аналогии с поселениями, исследованными археологами на Балканском и Апеннинском полуостровах и описанными античными авторами, содействовали распространению в науке понятия города-государства на античный полис.

При более углубленном изучении античности, социальной структуры, политических форм и культуры прежде всего греческих полисов, стала ощущаться недостаточность определения античного полиса как города-государства. В самом деле, подобный институт был широко представлен в средневековой Италии, особенно в эпоху Возрождения, существовал в российском Господине Великом Новгороде, подобие его присутствует и в современном княжестве Монако. Однако сходство между ними — внешнее, а культура везде — разная, потому что общества, породившие ее, весьма отличаются друг от друга.

⁴⁸ Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община античного мира / Пер. Е. Корша. М., 1867.

Придерживаясь представления о том, что характер общества определяется в конечном счете господствующими в нем формами собственности, полагаю, что принятое у нас еще в советское время понимание античной формы собственности помогает оценить сущность классического античного полиса (соответственно — римской *civitas* и италийского *municipium*) и признать в нем гражданскую общину с античной формой собственности⁴⁹. Она точно описана античными писателями на римском материале, прежде всего Ливием и Аппианом, а также авторами надписей. Ее воспроизвели в своих трудах историки XIX в., хорошо знавшие античную традицию. Подвел итог изучению античной формы собственности К. Маркс⁵⁰, который сумел выразить ее суть в краткой форме. Он подчеркнул ее двуединость, т.е. взаимообусловленное наличие частной и общенародной собственности в пределах гражданского коллектива.

Надо заметить, что проблеме полиса в новейшее время уделяется внимание, особенно в отечественной историографии, при этом выделена проблема именно римского полиса как в плане его функционирования, его кризиса, так и формирования⁵¹. Конечно, рассмотрение этих вопросов ведется на широкой источниковой базе, но для римской тематики особенно важны латиноязычные тексты, содержащие значимую политико-правовую терминологию, что и учитывалось в историографии. И хотя нельзя сказать, что материалы Дионисия не использовались, целесообразно рассмотреть их в сравнении с латинскими специально.

Как известно, слово «πόλις» имеет несколько значений: 1) город, главная часть города; 2) совокупность граждан, государство; 3) игра.

Во втором значении πόλις идентичен латинской *civitas*. Однако это латинское слово может для римлян сверх того обозначать как права гражданства, так и сообще-

⁴⁹ К сожалению, ученые 40–50-х годов XX в. (Н.А. Машкин, А.Г. Бокшанин и др.) не зафиксировали этого определения в исследовательских трудах (а упомянул его лишь С.И. Ковалев), но их ближайшие ученики и последователи от них восприняли его. См.: *Кудрявцев О.В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н.э. М., 1954. С. 7 и след.; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 4–22; *Маяк И.Л.* Римляне ранней республики. М., 1993. С. 59–62, 140; *Она же.* К вопросу о понимании *civitas* в современной науке // Феномены истории: К 70-летию В.Л. Керова. М., 1996. С. 24–30; *Она же.* Значение *ager publicus* в раннереспубликанском Риме // Социальная структура и социальная психология античного мира. Докл. конф. М., 1993. С. 17–22; *Фролов Э.Д.* Тема полиса в новейшей историографии античности (К постановке вопроса // Античный полис. Л., 1979. С. 3–7; *Андреев Ю.В.* Античный полис и восточные города-государства // Там же. С. 8–27.

⁵⁰ *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 461–487.

⁵¹ *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 5–15, 29–30; *Маяк И.Л.* Рим первых царей ... С. 260; *Сморчков А.М.* Сакральные основы формирования римской *civitas*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1991.

ство, общину. Полагаю, тут нужно еще уточнение — полные права гражданства, потому что для обозначения неполных, урезанных прав или общин с такими правами существует особое выражение — *civitas sine suffragio*.

Признавая однотипность полиса и цивитас, необходимо выявить специфику каждого из этих институтов⁵². Отметим прежде всего, что у римских авторов в понимании *civitas* преобладает категория общинности. Действительно, Цицерон в трактате «О государстве» употребляет совершенно однозначно *civitas* и *res publica* применительно к классическому республиканскому Риму, т.е. к общине государственного характера, или к гражданской общине, а Цезарь именует *civitates* кельтские общины, не доросшие еще до стадии государственного существования. Заметим, что *civitas* в римском обиходе за редчайшим исключением не обозначает «города»⁵³, для чего имеются другие слова — *urbs*, *oppidum*. У греков же πόλις часто означает именно «город»: классические Афины, Коринф или Спарту.

В «Римских древностях» Рим как πόλις встречается постоянно, особенно в первых книгах, притом в разных значениях. Весьма показателен один отрывок (II. 3. 1), где это слово фигурирует в одном параграфе трижды. В первый раз оно появляется в связи с вопросом об органах управления *общинной*, во второй — при упоминании строительства частных и общественных зданий в *городе*; а в третий раз — в рассуждении о том, что не это строительство является все же наибольшим достоинством *общины*.

Полисемантичесность названного термина мы постарались отразить в переводе, оставляя слово «полис» там, где имеется в виду община, будь то догосударственный Рим или гражданская община в сложившемся римском государстве (в качестве разрозненных примеров назову II. 15. 1; 62. 1; VI. 18. 1; 19. 1; 3 и т.д.).

Заметим, кстати, что Дионисий не разграничивает общины в зависимости от стадии их развития, и это ведет фактически к модернизации им древности, что тоже составляет одну из приметных черт Дионисия как историописателя.

Приведу некоторые примеры. Так, передавая разные версии смерти Ромула, наш автор сообщает, что, по мнению некоторых, его гибель была делом обычных граждан. Они были недовольны либо тем, что он самолично отпустил должников, либо тем, что по-разному относился к старым гражданам и к вновь принятым в Рим (II. 35. 4; 56. 3). Строго говоря, Ромулов Рим еще не вышел за пределы родоплеменного строя, так что видеть в нем гражданство неправомерно. По сути дела, эти сообщения Дионисия надо понимать иначе, ведь речь у него практически шла не о гражданах, а о членах объединявшейся территориальной римской общины.

Хотя Рим для Дионисия с самого начала — государство, из его рассказа вытекает, что строй его все же менялся с переходом от царства к республике, в нем создавались

⁵² Маяк И.А. Значение *ager publicus* ... С. 18.

⁵³ Маяк И.А. Взаимодействие властей в раннем Риме. Источниковедческие заметки к трактату Цицерона *De republica // Ius antiquum. Древнее право. 1996. № 1. С. 28–33.*

новые органы управления и механизмы их взаимодействия с прежними. Так, не в меньшей степени, чем Ливий, Дионисий показал историю формирования республиканского устройства, что принято называть «римской конституцией», которая в Риме никогда официального письменного оформления не получала.

Вместе с тем в «Римских древностях» содержится важнейший материал, представляющий Рим как общинную структуру. Это — сведения о наделениях земель разных коллективов, а также отдельных римлян (II. 35. 6; 62. 4; III. 1. 5; 31. 3; V. 13. 3–4) и царей (τῶν βασιλέων κλήρος — III. 1. 4) по жребию. Индивидуальные участки в начале царской эпохи носили, видимо, характер владений, а начиная с Сервия Туллия, учитывая экономический и социальный контекст развития Рима, их можно считать частнособственническими.

Что касается коллективных земель, то они могли быть различными — курialesными (II. 7. 4), принадлежащими существовавшим со времени Ромула соседским общинам, пагам (II. 76. 1), а также всем римлянам, откуда и брались разного рода наделы. Этот общий земельный фонд именуется Дионисием следующим образом: τῶ κοινῷ (II. 7. 4; 62. 4); δημοσία γῆ (III. 31. 3; V. 57. 3); δημοσία κτήσις (III. 1. 4); δημοσία χῶρα (V. 25. 2; 35. 1; X. 31. 2; 32. 3; 4). Очень отчетливо видна эта категория земель при сопоставлении ее с частными участками. В эпизоде, относящемся к 456 г. до н.э., рисующем выступление плебейского трибуна Идиллия, четко обозначены земли, принадлежащие законным собственникам (ὅσα μὲν ἰδιωταῖς τιςς... ἐκ τοῦ δικαίου κτησάμενοι), которые и остаются в силу закона Ицилия в их собственности (κύριοι — X. 32. 2). Наряду с ними упоминаются общенародные земли, откуда и черпается надельная земля. Причем насильно захваченная патрициями, она возвращается народу для бесплатной раздачи (Ibid.). Примечательно, что, согласно Дионисию, этой землей с начала царской эпохи распоряжался сенат, а в конечном счете сам римский народ, собранный на комиции (V. 40. 5). Значит, это была общенародная земля, т.е. римский *ager publicus*. На его основе и осуществлялось наделение земель и позднее, т.е. в эпоху Республики (II. 7. 4; 62. 4; X. 32. 3). Дополнительным аргументом в пользу представления о Риме как об общинном организме могут служить данные Дионисия о наличии общеримской казны на разных ступенях римского развития (II. 23. 1; V. 39. 4; 48. 3).

Таким образом, в «Римских древностях» Рим предстает как полис = *civitas*. Предпосылки его возникли в царское время, но сформировался и развивался он в качестве гражданской общины с античной формой собственности параллельно с утверждением республиканского строя. Действительно, ко времени правления «этруских» царей необходимые условия для возникновения полиса существовали, однако при ранней тирании в Риме, т.е. «этрусской династии», они укрепиться не могли. Ведь царская власть отстраняла от управления общиной не только сенат, но и народ, так что при Тарквинии Гордом комиции вообще не действовали и о народном участии в решении общеримских дел, включая вопрос о распределении земельного богатства, речи не было.

Нельзя не отметить еще, что Дионисий предоставляет в распоряжение исследователя важные данные по вопросу о патрициях и плебеях, до сих пор дебатлируемому в науке.

Как известно, Б.Г. Нибур высказал аргументированное мнение о том, что патриции — это местное, древнее население, а плебеи произошли от депортированных в Рим Анком Марцием латинян, т. е. были пришлыми, чужаками⁵⁴. От Эд. Мейера⁵⁵ идет представление о том, что плебс появился в результате имущественной дифференциации внутри римской общины. И эти взгляды имеют опору в источниках — у Ливия и у Дионисия. Чтобы разобраться в истинной позиции нашего автора, необходимо проанализировать используемую им терминологию. Ключевое значение имеют следующие слова: *πλῆθος*, *δῆμος*, *δημότες*, *δημοτικοί* и *πατρίσιοι*. То *πλῆθος* и *ὁ δῆμος* у Дионисия идентичны по содержанию и являются аналогом лат. *populus* — это народ, а иногда — простой народ (IX. 411: бедняки из народа). При этом в отличие от *ἔθνος* (*другой, чужой народ*) (II. 16. 3; 46. 1) и плебс, и демос — это изначально римляне, организованные в курии и трибы, иными словами, входящие в родовые структуры (II. 7. 2; 9. 2; 16. 2; 52. 4; IV. 89. 1). Они в первоначальном Риме участвуют в народном собрании, значит — в известной мере в управлении (*ἐκκλησία*, *ἐκκλησία ζόνται* — II. 6. 1; 56. 5; 57. 4), а также в судах (II. 9. 2; 10. 3; 60. 3). Управленческие функции просвечивают в словах Дионисия «*Πολιτικὸν πλῆθος*» — гражданская масса, хотя и звучащих для начала царского времени модернизировано, как «граждане», права «гражданства» (II. 16. 1; 15. 4), что было уже отмечено выше.

Однако важно подчеркнуть, что для Дионисия понятия «народ» и «гражданство» тождественны. Это легко объясняется современной ему реальностью. Ведь в греческом мире это совпадение существовало. Наиболее яркий пример того — классический полис Афин, где свободное население состояло из народа — граждан — и метэков — чужаков, стоявших вне гражданства. Что же касается современного Дионисию Рима, то и здесь плебеи, со времени Сервия Туллия бывшие гражданами, с IV в. до н.э. уже входили в качестве простолюдинов в народ = *populus*⁵⁶.

Учитывая все сказанное, следует обратиться в тексте «Римских древностей» к словам, производным от *δῆμος*. Во-первых, это — *δημότες*. Слово имеет несколько значений: 1) один из народа; 2) простолюдин; 3) принадлежащий дему; 4) сограж-

⁵⁴ Niebuhr B.G. Römische Geschichte. В., 1853. S. 229–231.

⁵⁵ Мейер Эд. Римский плебс // Очерки по экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С. 126–142. Адептом этих взглядов является в настоящее время Ж.-Кл. Ришар (*Richard J.-Cl. Les origines de la plèbe Romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plébéien*. P., 1978).

⁵⁶ Маяк И.Л. Римляне ранней республики... С. 92; Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998. С. 69–70.

данин. Если иметь в виду, что дем (δῆμος) — мелкая административно-территориальная единица аттического полиса, или участок, регистрация в котором удостоверяла принадлежность человека к гражданству, к народу, то демотов можно понимать как часть граждан и часть народа.

Надо заметить, что слово «демоты» встречается в «Римских древностях» редко (X. 31. 2). Рассказывая о борьбе плебейских трибунов за землю после гибели Сп. Кассия, Дионисий называет демотов плебеями (IX. 41. 1), что для начала V в. до н.э. вполне правомерно. Иное дело — Ромулова эпоха. Применительно к этому времени Дионисий говорит собственно о демотиках. Подобно Ливию, он приписывает Ромулу деление римлян на две группы: родовитых, доблестных и благополучных и на безвестных и неудачливых. Последних царь «назвал плебеями, как сказали бы эллины, — демотиками» (II. 8. 1). Таким образом, Дионисий сам дал перевод слова и идентифицировал δῆμοτιχοί и плебеев, отнеся их к народу. Сообщение свое Дионисий завершил словами о том, что Ромул взял пример с сохранившегося тогда государственного устройства Афин. Надо, однако, принять во внимание, что афинское общество VIII в. до н.э. было слабо стратифицированным с присущей ему оппозицией «знать — рядовые»⁵⁷, т.е. было единым народом. Так, с помощью известной ему структуры афинского архаического общества Дионисий обрисовал и Ромулов Рим, где демотики как рядовые противопоставлены знатным и богатым, но вовсе не как пришлые, чужие.

Далее в «Римских древностях» сказано, что на богатую знать было возложено руководство полисом, а не участвовавшие тогда в общественных делах названы агроиками (II. 8. 2). В другом пассаже Дионисий пояснил, что освобожденные за неопытностью от общественных дел были предназначены Ромулом для занятий хозяйством — земледелием, скотоводством, ремеслом (II. 9. 1). Отсюда вытекает понимание Дионисием агроиков как демотиков. И те и другие — рядовая, простая часть *народа*. И эта часть входила в гентильные трибы и курии, собиралась на комиции (II. 7. 2), но была отстранена от руководства общиной, т.е. от сената. Сенат, по Дионисию (II. 8. 1), состоял из *пáтрес*, чьи потомки именовались *эвпатридами*, или патрициями (*пáтриχοι* — II. 8. 3).

Нельзя пройти мимо еще одного замечания Дионисия: Ромул поручил патрициям опекать демотиков, установив между ними отношения патроната и клиентелы (II. 8. 2–3). Это значит, что в «Римских древностях» была зафиксирована первичная дифференциация внутри единого δῆμος (= *populus*) в оформлении клиентелы, предшествовавшая появлению рабов, как верно отметил Ф. Де Мартино⁵⁸.

Однако, поскольку в эпоху поздней Республики, когда жил Дионисий, клиентами в Риме становились действительно плебеи, он перенес это явление вместе с совер-

⁵⁷ Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. М., 1998. Т. 1. С. 154–165.

⁵⁸ De Martino F. Storia economica di Roma arcaica. Firenze, 1980. Vol. I. P. 19–21.

шившимся фактом включения плебса в состав народа (δῆμος, populus) в качестве простолодников на начало царской эпохи. В этом также проявилась модернизация древности со стороны Дионисия.

Итак, полагаю, что демотики в начале царской эпохи в «Римских древностях» — незнатная часть народа, сельчане, агройки, из которой комплектовался слой кинентов, а не плебеев. Это убеждает в правоте упомянутого тезиса Г.Б. Нибура.

Заключая рассмотрение сочинения Дионисия, необходимо подчеркнуть, что ему удалось создать замечательный, весьма содержательный труд, насыщенный детальной и во многом достоверной информацией, притом изложенной живо и интересно. «Римские древности» нельзя не признать необходимым и ценным источником по истории Рима и римского права и произведением, достойным внимания филологов-классиков. Однако читательский круг Дионисия Галикарнасского не ограничивается кабинетными учеными и вырастающими специалистами, студентами. В него входит масса людей, интересующихся античностью. Под пером талантливого галикарнасца, претворившего в жизнь декларируемые им высокие требования к написанию истории, ожила эпоха царского и раннереспубликанского Рима со сложными перипетиями событий и колоритными действующими лицами.

ПРЕДМЕТНЫЙ, ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указателе приведены наиболее важные термины социально-политической и государственно-правовой истории Рима, а также встречающиеся в «Римских древностях» Дионисия Галикарнасского географические и этнические названия, личные имена. Также даются отсылки на упомянутые в «Римских древностях» законы и постановления сената. В отдельном указателе собраны ссылки Дионисия Галикарнасского на использованных им римских и греческих авторов, на различные древние надписи и другие письменные источники.

Для книг «Римских древностей» приняты следующие сокращения: римская цифра обозначает номер книги, первая арабская цифра — номер главы, вторая арабская цифра — номер параграфа. Отсутствие второй арабской цифры означает, что ссылка дается на всю главу. Отсутствие римской цифры означает, что номер книги тот же, что и в предшествующей, отделенной точкой с запятой ссылке. В отсылках на XII—XX книги встречается сокращение «фр.», которое указывает на помещенные в конце каждой книги отдельные фрагменты, не включенные в общую нумерацию глав. Имена римских богов даны в латинском варианте, но, как правило, в скобках приводится использованный Дионисием Галикарнасским греческий эквивалент.

Аборигины, их происхождение — I, 9–13; 89, 1–2; II, 35, 7; их города — I, 13–14; 15–16; 19, 1–2; 20, 4–5; II, 35, 7; 48, 1; 49, 2; 50, 5; их объединение с пеласгами — I, 17, 1–2; 19–20; 22, 1; 23; 26, 1; II, 1, 3; 49, 2; древнейшие обитатели на территории Рима — I, 9, 1–2; 30, 5; 33, 4–5; 39, 1; 40, 1; 89, 1–2; II, 1, 2–3; при правлении Фавна — I, 31, 2; 42, 3; 43, 1; 44, 1–2; при правлении Латина — I, 45, 1–2; 57, 2–3; 58–60; 63, 3; 72–73; называвшиеся также латинами — I, 9, 3; 45, 2; 60, 2

Авгуры (птицегадатели) — II, 60, 3; 64, 4; III, 69, 3; 70–71; IV, 62, 3; V, 1, 4;

VIII, 38, 1; 89, 4; IX, 6, 3–6; 40, 1; 41, 3; X, 32, 4; 57, 6

Август Цезарь — I, 7, 2; 70, 4

Авентин, албанский царь — I, 71, 4

Авентин, холм в Риме, укреплен Ромулом — II, 37, 1; окружен городскими стенами — III, 43, 1; разделен между плебеями для строительства домов — X, 31–32; занят солдатами под руководством Вергиния — XI, 43, 6; место расположения храма Дианы — III, 43, 1; см. также — I, 32, 2; 71, 3; 79, 12; 84, 3; 86, 2; III, 68, 1

Аверн, озеро — VII, 11, 1; XII, 16, 1

Аврунки — VI, 31–32; 37, 1

- Авзония, греческое имя Италии — I, 35, 3
 Авзонийское море (залив) — I, 11, 4
 Авсоны — I, 22, 4; 29, 2; XV, 3, 8
 Агатарх, олимпийский чемпион — IV, 41, 1
 Агафокл — I, 72, 5; XX, 8, 1
 Агриппа, царь Альбы — I, 71, 2-3
 Агриппа — см. «Менений»
 Агилла, древнее название города Цэре — I, 20, 5; III, 58, 1
 Адриатическое море — I, 2, 4
 Азий, установленный Ромулом — II, 15, 3-4; III, 32, 2
 Азия — I, 2, 2; 18, 1; 27, 2; 28, 2; 61, 4; 68, 4; IV, 62, 6; VI, 80, 1
 Акалариды — I, 62, 2
 Акарнанцы — I, 50, 4; 51, 1-3; в армии Пирра — XX, 1, 3; 3, 6
 Аквилы, племянники Брута — V, 6, 4; 7, 2-5; 9, 1; 10, 3
 Аквиллий Гай, консул 487 г. до н.э. — VIII, 64-66; 67, 10; X, 36, 4
 Акесторид, афинский архонт — V, 37, 1
 Акрополь в Афинах — I, 28, 4; XI, 1, 3; XIV, 2, 1
 Акте, полуостров на Халкидике (Фракия) — I, 25, 3
 Акций — I, 50, 4
 Александр (Парис) — I, 48, 3
 Александр Македонский — I, 2, 3; 49, 4; XX, 14, 1-2
 Аллодий, албанский царь — I, 71, 3
 Алсий, древнее название города Цэре — I, 20, 5
 Алтарь Ага Махима — I, 40, 6
 Алунтий — I, 51, 2
 Алфей, река в Элиде — I, 34, 3
 Альба, албанский царь — I, 71, 1
 Альба-Лонга, ее основание — I, 45, 1-2; 66, 1-2; 73, 3; ее цари — I, 66-67; 70-71; ее разрушение — I, 66, 2; III, 22-23; 27, 1; 29, 5-6; 31, 1-2; 33, 3; VI, 20, 5; см. также — I, 80, 3; 81, 1; 85, 4; 86, 1; II, 65, 1; III, 3, 1-3; 10, 6; 23, 1-3; 26, 4-6; 28, 3; IV, 49, 2; VI, 20, 3; XII, 10, 1
 Альбанцы, создали 30 латинских городов — II, 2; 36, 2; 50, 5; 62, 1; III, 10-30; 34, 4; IV, 43, 1
 Альбула, древнее название Тибра — I, 71, 2
 Альгид — X, 21, 1; XI, 3, 3; 23, 4; 28, 1; 40, 1; 44, 1
 Альпы — I, 10, 1; 41, 3; XIV, 1, 1
 Амата, жена Латина — I, 64, 2
 Амбракийский залив — I, 50, 4
 Амбракийцы, в армии Пирра — XX, 1, 3
 Амбракия — I, 50, 4; XX, 1, 2
 Амбракс — I, 50, 4
 Аминтор — I, 28, 3
 Амитерн — I, 14, 6; II, 49, 2
 Амулий, брат Нумитора — I, 71, 5; 76, 1; 76, 3-4; 77, 1; 78, 1; 78, 4; 79, 2-4; 80, 1; 80, 4; 81, 2; 81, 6; 82, 3; 82, 6; 83, 2-3; 84, 2-3; 84, 7-8; 85, 1; V, 74, 4
 Амфикион — IV, 53, 3
 Амфикионский совет — IV, 25, 3
 Анакторий — I, 51, 2
 Аниен, река — III, 23, 5; 55, 3; 63, 2; 64, 3; V, 37, 4; VI, 45, 2
 Аний, царь Делоса — I, 50, 1; 59, 3
 Антей — I, 72, 5
 Антемны и антемнаты — I, 16, 5; II, 32, 2; 34, 1; 35; IV, 3, 2; V, 21, 3; VI, 55, 2
 Антемона — I, 49, 2
 Антенориды, их предательство — I, 46, 1
 Антиген, афинский архонт — VII, 1, 5
 Антистий Петрон — IV, 57, 1-2
 Антоний Т., децемвир — X, 58, 4
 Антофора — см. «Ферония»
 Анхиз, отец Энея — I, 43, 2; 46, 4; 47, 6; 48, 2; 53, 4; 62, 2; 64, 5; 73, 3; II, 2, 2; III, 31, 4; XII, 16, 1

- Апхиза, гавань — I, 51, 2
 Апхиза, город в Италии — I, 73, 3
 Апциаты, в войне с Римом — VI, 7, 4; 92, 2-3; 93; 94, 3; VII, 19, 3; 37, 3-5; 63, 3; VIII, 30, 1; 82, 2; 87, 3; IX, 56, 5-6; 58, 7-8; 59, 1-2; 60, 2-3; 60, 6; 62, 1; см. также — «Анцией»
 Анций, латинский город — IV, 49, 2; V, 36, 2; в войне с Римом — VI, 3, 2; VII, 19, 4; 37, 3-5; VIII, 1, 4; 84, 1; 86, 1; IX, 56, 5-6; 57, 3; 58, 6-8; 59, 1-2; 62, 1; X, 20, 4; 21, 5-7; 43, 5; см. также — «Анциаты»
 Апеннины, полуостров — III, 44, 1; горы — I, 9, 2; 14, 1
 Апиолы — III, 49, 1
 Аполлон — I, 23, 5; II, 61, 2; IV, 25, 4; 69, 3; XII, 9, 2; ср. I, 18, 4; 19, 3; см. также — «Дельфийский оракул»
 Аргеи (Argei) — I, 38, 3
 Аргоc — I, 17, 2; 21, 2; 22, 3; 25, 4; 39, 1; 41, 2; 43, 1
 Аргивяне — I, 89, 2; VII, 66, 5
 Аргириппа, древнее название Арп — XX, 3, 2
 Ардей — I, 72, 6
 Ардейас, сын Одиссея — I, 72, 5
 Ардея и ардеаты — V, 61, 3; XIII, 5, 3; осаждена Тарквинием — IV, 64, 1; перемирие — IV, 85, 4; спор с Арицием — XI, 52, 3-4
 Арес — I, 14, 3; 14, 5
 Аристодем, тиран Кум — V, 36, 2; VI, 21, 2; VII, 2, 4; 4-12
 Ариций (город в Лацие) и арицийцы — VI, 32, 3; осажден тиррелами — V, 36, 1; VII, 5, 1-3; начинают войну против Рима — V, 51, 1; 61, 1-5; 62, 1; обращаются к Риму как к арбитру в споре с ардеатами — XI, 52, 3
 Аркадия как первоначальная родина эностров — I, 11, 3; 13, 1; II, 1, 2; 35, 7; Эвандра и его спутников — I, 31, 1; II, 1, 3; троянцев — I, 61; Эней в Аркадии — I, 49, 1-2; 54, 2
 Аркадцы, в Пелопоннесе — I, 11, 1-2; 13, 3; 25, 5; 50, 2; в Италии с Эвандром — I, 31-33; 40; 42, 3; 44, 2; 45, 3; 79, 8; 84, 3 — 89, 2; II, 1, 3-4; 2, 2
 Аркс (Агх) в Риме — II, 15, 4; VIII, 22, 2-3; X, 15-16; 37, 2; XI, 37, 2; XII, 2, 10
 Арпы — XX, 3, 2
 Арреций — III, 51, 4
 Аррунт, сын Демарата — III, 46, 5
 Аррунт, сын Порсены — V, 30, 1-2; умирает при осаде Ариция — V, 36, 1-2; VII, 5, 1
 Аррунт из Клузия — XIII, 10, 1-2
 Аррунт Тарквиний, см. «Тарквиний»
 Артемида Эфесская — II, 22, 2
 Артемизий, битва при — V, 17, 4
 Артимед Халкидянин — XIX, 2, 1
 Архедемид, афинский архонт — X, 61, 1
 Архистратид, афинский архонт — IV, 1, 1
 Архонты в Афинах — I, 71, 5; 74, 4; 74, 6; 75, 3; III, 1, 3; 36, 1; 46, 1; IV, 1, 1; 41, 1; V, 1, 1; 37, 1; 50, 1; VI, 1, 1; 34, 1; 49, 1; VII, 1, 5; 3, 1; VIII, 1, 1; 77, 1; 83, 1; IX, 1, 1; 18, 1; 37, 1; 56, 1; 61, 1; X, 1, 1; 26, 1; 53, 1; XI, 1, 1; 62, 1; архонт-басилей — IV, 74, 4
 Асий — I, 27, 1
 Асканий — I, 47, 5-6; 53, 4; 54, 2; 65; 70; 72, 1; 72, 6; II, 5, 5; 63, 3; III, 31, 4
 Аскул, битва при нем — XX, 1-3
 Асс, первоначально один фунт веса — IX, 27, 4
 Ассирийская держава — I, 2, 2
 Астил, олимпийский чемпион — VIII, 1, 1
 Атений — I, 41, 2
 Атилий М. — IV, 62, 4
 Атилий Луск Л., военный трибун 444 г. до н.э. — XI, 61, 3
 Атис — I, 27, 3; 28, 2

- Атлантида, дочь Атланта — XIV, 1, 4
 Атлас — I, 61, 1
 Аггий Невий, авгур — III, 70–71; его исчезновение — III, 72, 3–5
 Аггий Тул, вожьд вольсков — VIII, 1, 4–6; 2–4; 11–13; 57, 3; 58, 1–4; 67, 1; 67, 7–8
 Агтика — I, 8, 3
 Агаманы — XX, 1
 Афина, богиня — I, 14, 3; 33, 1; 68, 3; VII, 72, 7; XIV, 2, 1; Афина Полиада — VI, 69, 1
 Афиняне, расширяют свою державу — I, 3, 2; теряют и державу, и свободу — II, 17, 2; XI, 1, 3; евпатриды и агройки — II, 8, 1–2; феты — II, 9, 2; достаточно поздно ввели погребальные речи — V, 17, 5; редко предоставляли гражданство пришельцам — II, 17, 1; безжалостны к восставшим самосцам — XIV, 6, 4; наказывают ленивых и праздных — XX, 13, 2; см. также — I, 63, 1; IV, 74, 2; VII, 73, 3; XI, 1, 2
 Афины, когда-то были заселены пеласгами — I, 25, 4; 28, 4; туда приглашали иностранцев — III, 11, 4; демократия — IV, 72, 3; прощение беднякам долгов — V, 65, 1; по величине почти равен Вейям — II, 54, 3; или Риму — IV, 13, 5; акрополь — I, 28, 4; см. также — I, 8, 3; VII, 72, 11; 73, 4; X, 51, 5; 54, 3
 Ахейцы, взявшие Трою — I, 46–47; 48, 3; 52, 3; 58, 2; 63, 1; 69, 3; 72, 3–4; II, 66, 5; XII, 16, 1; народ в Пелопоннесе — I, 25, 5; ср. I, 89, 4; племя на Эвксине — I, 89, 4
 Ахайя, в Пелопоннесе — I, 25, 5; 11, 1; в Фессалии — I, 17, 2
 Ахей — I, 17, 2
 Ахилл — I, 48, 3; 52, 3; V, 17, 4; его щит — VII, 72, 8
 Аякс — VII, 72, 3; XX, 6, 1
 Базилика Эмилия — III, 22, 9
 Базилика Юлия — III, 22, 9
 Бакхийд — III, 46, 2
 Барбат, см. «Горадий»
 Барбула, см. «Эмилиий»
 Батия, жена Дардана — I, 50, 3; 62, 1
 Батия, город аборигинов — I, 14, 5
 Бебрикия, область у Гелеспонта — I, 44, 2
 Беотия — I, 18, 1
 Бола, латинский город, уничтожена Кориоланом — VIII, 18
 Бовиллы, латинский город, уничтожены Кориоланом — VIII, 20; см. также — V, 61, 3
 Брак, регулируется Ромулом — II, 25; очень долгое время после Ромула не было разводов — II, 25, 7; брак посредством похищения — II, 30; браки между римлянами и латинами — VI, 1, 2–3; запрещены между патрициями и плебеями — X, 60, 4–6; XI, 28, 4; 30, 4
 Брут, см. «Юний»
 Бруты, плебейский род — V, 18, 1
 Бруттий, племя, восстало против Рима — XIX, 6, 2; подчинено Фабрицием — XIX, 13, 1; 16, 1; сражается на стороне Пирра — XX, 1, 3–4; 2, 6; нападают на Фурии — XX, 4, 2; подчиняются римлянам — XX, 15, 1–2
 Бубент — V, 61, 3
 Вавилон — IV, 25, 3
 Вавилония — I, 36, 3
 Вакханалии — II, 19, 2
 Валерии, патрицианский род — VI, 40; 43, 2; XI, 5, 2–4
 Валерий Волуз, сабинянин, поселился в Риме — II, 46, 3; IV, 67, 3; V, 12, 3
 Валерий Волуз, Манний, друг народа — VI, 23, 3; брат Публия Валерия — VI, 39, 2; диктатор 494 г. до н.э. — VI, 40–45; наносит поражение сабинянам — VI, 42, 3; 43, 1;

негодует на сенат за неисполнение обещания, данного народу — VI, 43–45; выступает с речью в сенате — VI, 58; один из посланных к восставшим плебеям — VI, 69, 3; 72, 5; 73, 1; 77, 1; 88, 2–3; обращается к плебеям — VI, 71; снова выступает в сенате — VII, 54–57; 67, 1–2; VIII, 30, 6

Валерий Корвин М., военный трибун, убивает галла в поединке — XV, 1; консул 343 г. до н.э. — XV, 3, 2

Валерий Лавиний (вместо Левин) П., консул 280 г. до н.э., отвечает на письмо Пирра — XIX, 9–11

Валерий М., брат Попликолы, сражается против Порсены — V, 23, 5; 24, 1; консул 505 г. до н.э., празднует триумф над сабинянами — V, 37–39; послан к латинам — V, 50, 3; погибает в битве у Регильского озера — VI, 12, 1

Валерий М., консул 456 г. до н.э. — X, 31, 1

Валерий М., сын Попликолы, выступает в сенате на стороне должников — V, 64–65; погибает в битве у Регильского озера — VI, 12, 2

Валерий Попликола Л., квестор 485 г. до н.э., привлекает к суду Кассия — VIII, 77–78; консул 483 г. до н.э. — VIII, 87, 2; 88–89; консул 470 г. до н.э. — IX, 51, 1; 55

Валерий Попликола П., объявляет об участии Лукреции — IV, 67, 3–4; 70, 1–2; 71, 5; V, 7, 4; в 509 г. до н.э. назначен консулом на место Коллатина — V, 13; сражается с этрусками и Тарквиниями — V, 14–16; произносит погребальную речь в честь Брута — V, 17, 2–3; подозревается в стремлении к царской власти — V, 19, 1–2; демократическими мерами добивается расположения народа — V, 19, 2–4; 70, 2–3; VII, 41, 1; получает прозвище Попликола — V, 19, 5; консул 508 г. до н.э. — V, 20, 1; война с Порсеной — V, 22–23; 32–33;

35, 3; консул 504 г. до н.э. — V, 21, 1; сражается с сабинянами — V, 41–43; его смерть — V, 48, 1; отличался самоконтролем и скромным образом жизни — V, 48, 2; похоронен за общественный счет — V, 48, 3–4; см. также — V, 64, 1; 75, 2; VI, 57, 2; VIII, 39, 2; X, 59, 5; XI, 4, 7; XV, 1, 1; XIX, 16, 4

Валерий Попликола П., сын предыдущего, послан в Сицилию за зерном — VII, 1, 3–5; 20, 3–4; консул 475 г. до н.э. — IX, 28, 1; сражается с этрусками и сабинянами — IX, 34–35; дает сенату совет о примирении — IX, 49, 3–4; консул 460 г. до н.э. — X, 9, 1; 15–16; XI, 4, 4–7

Валерий Попликола П., также сын Попликолы, погиб у Регильского озера — VI, 12, 2

Валерий Потит Л., вместе с Горацием Барбатом возглавляет оппозицию децемвирам — XI, 4–6; 19–22; 23, 6; 38, 5; 45, 1; консул 449 г. до н.э., обеспечивает принятие нескольких демократических законов — XI, 45; возглавляет войско против эквов и вольсков — XI, 47; сенат отказывает ему в триумфе, но он получает его от народа — XI, 49–50; см. также — XI, 56, 4; 57, 3

Валерий Потит Л., консул 392 г. до н.э. — I, 74, 5–6

Валерия, убеждает женщин просить мать Кориолана пойти к нему в лагерь и добиться прощения — VIII, 39–42; избрана жрицей — VIII, 55, 4

Вейи, этрусский город, его местонахождение — II, 54, 3; XII, 15; римляне осаждают их — XII, 10–12; XIII, 3; захвачены римлянами — XII, 13, 1–4; 14, 1; см. также — V, 14, 1; VI, 74, 4; IX, 5, 4; 15, 4–5; 26, 6; XIII, 6, 1; 7, 1

Вейяне, жители г. Вейи, проиграли Ромулу три сражения — II, 54–56; III, 6, 1; заключили мир на сто лет — II, 55, 5; пла-

нируют сбросить римское господство — III, 6, 1; 7, 7; 9, 1; 23, 1; 23, 9–13; 24, 2; 25, 3–5; терпят поражение от Анка Марция — III, 41, 1–3; от Тарквиния Древнего — III, 57, 5; 58, 1–3; и от Сервия Туллия — IV, 27, 2–6; разбиты первыми консулами — V, 14, 2–3; 15, 1; VI, 74, 4; последующие войны с Римом — VIII, 82, 1; 91, 1–3; IX, 1, 2; 5, 1; 14–17; 18, 2–4; 34–36; XI, 54, 2; XII, 5; см. также — «Тирренцы»

Велий, холм в Риме — V, 19, 1; 48, 3; ср. I, 68, 1

Великие боги (Кабиры) — I, 50, 4

Велитры, город вольсков — III, 42, 3; V, 61, 3; VI, 42, 3; VII, 12–13; VIII, 67, 1

Велия, болотистое место — I, 20, 2

Венера (Афродита), мать Энея — I, 48, 2; 53, 4; 62, 2; II, 2, 2; ее храм — I, 49, 4; 50, 1; 50, 4; 51, 2

Венера Либитина — IV, 15, 5

Венеры залив — I, 51, 3

Венузия, город на юге Италии, захвачен Постумием — XVII–XVIII, 5, 1; римляне посылают туда 20 тыс. колонистов — XVII–XVIII, 5, 2

Вергиний А., плебейский трибун 461–457 гг. до н.э. — X, 2, 1; 9, 2; 22, 1; 26, 4; требует создания законодательной комиссии из 10 человек — X, 3, 4; преследует судом Квинция — X, 5–8; инспирирует сообщение о заговоре против плебейских трибунов — X, 9–11; требует избрания 10 плебейских трибунов вместо пяти — X, 30; см. также — X, 12, 2; 13, 2; 13, 7; 26, 4; 28–29

Вергиний А., легат в военном походе Ромиция — X, 49, 2

Вергиний Л., центурион, спешит в Рим для защиты свободы своей дочери — XI, 28–37; убивает ее ради спасения ее чести — XI, 37, 4–6; возвращается в лагерь и призывает воинов к свободе — XI, 37, 7;

40–43; назначен обвинителем Аппия Клавдия — XI, 46, 3

Вергиний П., друг народа, выступает в сенате — VI, 37, 1–2

Вергиний Трикост, Опитер, консул 502 г. до н.э. — V, 49, 1–5

Вергиний Прокул, консул 486 г. до н.э. — VIII, 55, 5; 68, 1; IX, 37, 3; 51, 1; выступает против Кассия — VIII, 71, 1–4; 72, 2–5; 75, 1

Вергиний Сп., юноша, свидетельствующий в пользу Сикция — X, 49, 1

Вергиний Сп., консул 496 г. до н.э. — X, 31–32

Вергиний Т., консул 496 г. до н.э. — VI, 2, 1; назначает своего коллегу диктатором — VI, 2, 3; сражается против латинов — VI, 4, 3; 5, 5

Вергиний Т., консул 479 г. до н.э. — IX, 14, 1; окружен войнами — IX, 14, 2–3

Вергиний Т., консул 448 г. до н.э. — XI, 51

Вергиний Целимонтан А., консул 494 г. до н.э. — VI, 34, 1; один из посланных к восставшим плебеям — VI, 69, 3; консул 476 г. до н.э. — IX, 25–26; 29, 3; 33, 1–3; консул 469 г. до н.э. — IX, 56, 1–6; один из троих, избранных для раздела захваченной у анциатов территории — IX, 59, 2

Вергиния, объявлена М. Клавдием рабыней — XI, 28–34; присуждена Клавдию — XI, 36–37; убита своим отцом — XI, 37, 4–6; ее тело выставлено на Форуме — XI, 38, 3–5; ее похороны — XI, 39, 4–7

Веста, огонь, посвященный ей — II, 66, 3; проявляет себя для защиты несправедливо обвиненных весталок — II, 68–69; ее храм — VI, 13, 2; сооружен Нумой Помпилием — II, 65–66; но ср. II, 50, 3; этот храм сгорел во время Первой пунической войны — II, 66, 3; в нем заключены священные предметы — I, 69, 4; II, 66, 3

Весталки, в Альба-Лонге — I, 76, 3; первоначально их было четыре, затем шесть — II, 67, 1; III, 67, 2; религиозные нормы в отношении них — II, 67, 2–5; наказание за нарушение целомудрия — II, 65, 3; 68, 4–5; ср. I, 78, 3–5; примеры такого наказания — III, 67, 3; VIII, 84, 4–5; IX, 40, 3–4; некоторые ложно обвинены — II, 68–69; см. также — I, 38, 3; 69, 4; II, 66, 2

Ветулония, этрусский город — III, 51, 4

Ветурия, идет в лагерь своего сына Кориолана — VIII, 40–55

Ветурий Гемин П., консул 499 г. до н.э. — V, 58, 1

Ветурий Гемин Т., консул 494 г. до н.э. — VI, 34, 1; 42, 1

Ветурий Гемин Т., консул 462 г. до н.э. — IX, 69–71; X, 7, 5; децемвир — X, 56, 2

Вецилий Спурий (Спузий), латинский военачальник — III, 34, 3

Визелий Руга Г., один из первых плебейских трибунов — VI, 89, 1; плебейский адил — VII, 26, 3

Виктория (Ника), богиня — I, 15, 1; ее священный участок — I, 32, 5

Виминал, холм, включен в черту Рима Сервием Тулгием — IV, 13, 2

Виндиций, раб, донесший о заговоре по возвращении к власти Тарквиния — V, 7, 3–4; 10, 4; 13, 1

Вителлии Марк и Маний, участвовали в заговоре по восстановлению власти Тарквиния — V, 6, 4; 9–10; 13, 1

Витулия, имя, данное Италии Геркулесом — I, 35, 2

Волатерры, этрусский город — III, 51, 4

Волерон Публилий П., сопротивляется консулам — IX, 39; плебейский трибун 472 г. до н.э. — IX, 41–43

Волтури, река — VII, 3, 3; XV, 4, 2

Волумний П., консул 461 г. до н.э. — X, 1, 1; 2–3; 4, 1

Волумния, жена Кориолана — VIII, 40–46; 54, 2

Вольски, потерпели поражение от Анка Марция — III, 41, 5; и от Тарквиния Гордого — IV, 52, 3; помогают латинам в борьбе против Рима — VI, 3, 2–3; 4, 2; 5, 3; 7, 4–5; готовятся к войне против Рима и посылают разведчиков под видом послов — VI, 14–15; 23, 1–2; 25; разгромлены Сервием — VI, 29; 37, 1; 41, 2; триста их заложников казнены в Риме — VI, 30, 1; не раз претерпевают поражения — VI, 34, 3; 36, 2; 42; 43, 1–2; 44, 1–2; 91, 2–3; 94, 3; во главе с Кориоланом в войне против Рима и его союзников — VIII, 1–54; Кориолан отводит их войска от Рима — VIII, 57, 1–2; полностью разгромлены, и их вождь Аттий Туллий погибает — VIII, 64, 3; 67; ср. X, 36, 4; продолжают враждовать с римлянами — X, 21, 3–5; XI, 41, 1; 47, 1; 54, 1; XV, 3, 9; 7, 3; 9, 2; сражаются в войске римлян против Пирра — XX, 1, 5

Вольсций Л. — X, 7, 3

Вольсций М., плебейский трибун 461 г. до н.э. — X, 7–8

Ворота Рима, Капенские — VIII, 4, 1; Карментальские — I, 32, 2; X, 14, 2; Коллинские — II, 67, 4; IX, 24, 4; 68, 3; Эсквилинские — IX, 68, 3; Мугонийские — II, 50, 3; Тригеминские — I, 32, 2; 39, 4

Времена года, почитаемые как боги — VII, 72, 13

Вулкан, бог — II, 54, 2; IV, 2, 3; его святилище на месте проведения трибутных комаций — II, 50, 3; VI, 67, 2; VII, 17, 2; XI, 39, 1; см. также — «Гефест»

Габии и габийцы, албанская колония — IV, 53; в войне с Тарквинием Гордым — IV, 53–58; заключили с римлянами договор —

IV, 58, 4; см. также — I, 84, 5; IV, 85, 4; V, 3, 1; 22, 4; 61, 3; IX, 68, 1

Галия, дочь Тилла — I, 27, 1

Гальский залив — XIV, 1, 2

Галлы, вторглись в Италию и захватили Рим — I, 74, 4–6; XIII, 6–12; 7–19; дальнейшие их вторжения — XIV, 9–10; 13–19; их манера сражаться — XIV, 10, 17–19

Ганнибалова война — II, 17, 3–4; см. также — «Пунические войны»

Гаруспик — II, 22, 3

Геганий, албанский род — III, 29, 7

Геганий Л., послан в Сицилию для покупки хлеба — VII, 1, 3; 20, 3

Геганий Мацерин М., консул 447, 443 гг. до н.э. — XI, 51; 63, 1

Геганий Мацерин Г., консул 492 г. до н.э. — VII, 1, 1; 16, 4; 19, 5

Гегания — IV, 7, 4

Гектор, его потомки — I, 47, 5

Гелен — VII, 72, 13

Геллен — IV, 25, 3

Гелеспонт — I, 18, 1; 29, 3; 47, 6; 61, 4; 63, 2

Гелон, сицилийский тиран — VII, 1, 4; VIII, 70, 5

Геннохид, афинский архонт — III, 46, 1

Генуций Г., консул — X, 54, 4; децемвир — X, 56, 2; предложили избирать военных трибунов с консульской властью — XI, 56, 5; 60, 3

Генуций Гн., трибун 473 г. до н.э. — IX, 37, 2; 38, 2; X, 38, 4

Генуций М., консул 445 г. до н.э. — XI, 53, 1; 56, 5; 58–59

Генуций Т., трибун 476 г. до н.э. — IX, 27, 2

Гера — I, 25, 4

Геракл — I, 28, 1; 50, 4; IV, 29, 2; V, 17, 4. См. также — «Геркулес»

Гердоний Аппий — X, 14–16; 37, 2; XI, 4, 4

Гердоний Турн — IV, 45, 4; 46–48

Геркулес, в Италии — I, 32, 1; 34–35; 38–44; 60, 3; 89, 2; II, 1, 4; VI, 1, 4; почитался в Риме — VII, 72, 13; XII, 9, 9

Германия, ее границы — XIV, 1, 2

Гермес — I, 31, 1; 61, 3; II, 1, 3

Герминий Мар, консул 448 г. до н.э. — XI, 51

Герминий Т. — IV, 85, 3; V, 22; предводитель в битве против Порсены — V, 24; 26, 4; консул 506 г. до н.э. — V, 36, 1; погиб в битве у Регильского озера — VI, 12, 3–4

Герники, воинственный народ — VIII, 70, 4; вступают в союз с Тарквинием — IV, 49; их вероломность — V, 20; 72, 2; VI, 5, 3; 7, 4; 25, 3; 50, 2; 76, 1; VIII, 64, 1–2; их поражение в битве при Аквилли — VIII, 64–66; отправляют послов к Кассию для заключения мира — VIII, 67, 2–4; просят тех же условий, что и латины — VIII, 69–72; действуют в союзе с Римом — VIII, 83, 4; IX, 5, 2; 16, 4; 35, 6; 59, 2; 62, 4; 67, 4–6; 68, 1; 69, 3; 70, 3; X, 15, 5; 20, 4; XI, 2, 2; 47, 3

Гернон, его скот — I, 35, 2; 39, 1

Гереслия, лидер сабинских женщин — II, 45, 6; III, 2

Герусия в Спарте — II, 14, 2; ср. II, 12, 3

Гесперия, греческое название Италии — I, 35, 3; 49, 2

Гестиада — I, 18, 1

Гестия — II, 65, 4; ее храм в Риме — II, 66, 3

Гефест (Вулкан) — VII, 72, 8; XVI, 1, 2

Гея — I, 27, 1

Гибрийд, афинский архонт — VII, 1, 5

Гперомпема, мать Анхиза — I, 62, 2

Гиппарх, афинский архонт — VI, 1, 1

Гипократ, сицилийский тиран — VII, 1, 4

Гиппомедон, начальник конницы в Кумах — VII, 10, 3–4

Гланий (или Кланий), река в Кампании — VII, 33, 3

Горациево копье (Horatia pila) — III, 22, 9

Горации, римские близнецы — III, 13–20; 22, 9–10

Горации, римский род — XI, 5, 2

Гораций, отец римских близнецов — III, 13, 4; 17, 1; 21–22

Гораций, герой, его рожа — V, 14, 1–2

Гораций Гай, консул 477 г. до н.э. — IX, 18, 1–5; 24, 3–4; консул 457 г. до н.э. — IX, 26, 1; 27–30

Гораций Барбат М. — XI, 5–6; 22, 3; 23, 6; 38, 5; 57, 3

Гораций Пувилл М. — IV, 85, 3–4; консул 509 г. до н.э. — V, 19, 2; XI, 5, 1; посылает сына заложником к Порсене — V, 32, 2–4; освящает храм Юпитера Капитолийского — V, 35, 3

Гораций П., консул 453 г. до н.э. — X, 53, 1; децемвир — X, 56, 2

Гораций Коклес П. — V, 23–25

Гостилий, дед римского царя — III, 2

Гостилий Тулл, третий римский царь — I, 66, 2; правил 32 года — I, 75, 2; II, 23, 6; 70, 1; III, 1–35; раздели государственные земли между бедняками — III, 1, 5; готовит войну с альбанцами — III, 2–5; подчинение альбанцев — III, 18–20; 22; война с Фидеями — III, 23–26; война с сабинянами — III, 32–33; война с латинами — III, 34; гибель царя и его семьи — III, 35; прочие упоминания — III, 36, 2; 37, 4; 40, 4

Гражданство — см. «Римское гражданство»

Гракх Гай, плебейский трибун 123–121 гг. до н.э. — II, 11, 3

Грацины, почитаемые в Риме — VII, 72, 13

Греческие институты и обычаи, заимствованные Ромулом — II, 18, 2–3; 22–23; 61, 2–3; 65, 4; IV, 72, 2–3; 73, 4; 74, 2–4

Греческие законы, заимствованные Римом — X, 51, 5; 52, 4; 54, 3; 55, 5; 57, 5; но законы XII таблиц намного превосходили греческие законы — XI, 44, 6

Греческие знания — I, 84, 4–5; III, 46, 5; письменность — I, 33, 4; II, 54, 2; IV, 26, 5

Греческие мифы — II, 20, 2

Греческие ритуалы, празднества и мифы, часто без изменений заимствуемые римлянами — I, 13, 3–4; 33, 1–3; 34, 4; 38, 4; 39, 4; VI, 1, 4; VII, 70–73

Греки, отличаются от варваров обычаями, законами и действиями, но близки римлянам — I, 90; XIV, 6, 3–6; XV, 5, 4

Даикл, олимпийский чемпион — I, 71, 3

Дамасий, афинский архонт — III, 36, 1

Дандес, олимпийский чемпион — IX, 37, 1

Дардан, сын Зевса — I, 50, 3; 61, 4–5; 62, 1; 68, 3; 69, 1–3; II, 66, 5

Дардан, город в Троаде — I, 46, 1; 47, 2; 60, 3; 61, 4

Дарданиды — II, 2, 3

Девкалион — I, 17, 1

Деймант, сын Дардана — I, 61, 2

Декамен — I, 50, 4

Декурионы — II, 7, 4; 14, 4

Делос — I, 49, 1; делосцы — I, 59, 3

Дельфы — I, 18, 4; II, 61, 2; XII, 12, 2; XIX, 1, 3

Дельфийский оракул — IV, 69, 2; XII, 10, 2; 12, 1; XIX, 1, 3

Демарат — III, 46, 2, 4

Деметра — I, 12, 2; 61, 4

Децемвиры, для раздела общественной земли — VIII, 73, 3; 76, 1; 81, 1; IX, 37, 4; для создания свода законов — X, 3, 4; 55, 4; 56, 2; первый децемвират — X, 57–58; второй децемвират — X, 59–60; продолжают исполнение должности по истечении

срока — X, 60, 6; XI, 1–44; осуждены — XI, 45–46; децемвиры по религиозным делам — IV, 62, 5

Деций, из Кампании — XX, 4–5

Деций М., плебейский трибун 491 г. до н.э., послан удалившимися плебеями в сенат — VI, 88, 4; выступает в сенате — VII, 39–46; в речи Аппия о нем — VII, 52, 1–5; обвиняет Корнолана в стремлении к тирании — VII, 63–64

Деций П., консул 279 г. до н.э. — XX, 1, 1

Децимация — IX, 50, 7

Деянира, дочь Ликаона — I, 11, 2

Диодохи, наследники Александра Македонского — I, 2, 3; 49, 4

Диана (Артемида) — XII, 9, 2; ее храм в Эфесе — IV, 25, 4; в Риме на Авентине — III, 43, 1; IV, 26, 4; X, 32, 4; XI, 43, 6

Диктаторы: Ларций — V, 71–72; 75–77; VI, 19, 1; 81, 2; Постумий — VI, 2–22; Манний Валерий — VI, 39–45; Цинциннат — X, 24–25; XI, 20, 3–4; XII, 2–4; XIV, 5; Камилл — XII, 14–16; XIII, 2–6; XIV, 3; 9; Сулла — V, 77, 4–5; прочие — XX, 13, 1; диктаторы Альба-Лонги — III, 5, 3; V, 74, 4

Диктатура — V, 70; этот институт существовал у греков — V, 73, 3; 74, 1–3; или у альбанцев — V, 74, 4; их знаки отличия — V, 75; X, 24, 2

Диогнет, афинский архонт — VI, 49, 1

Диомед — I, 69, 2; XII, 16, 1

Дионис — II, 19, 2

Дионисии, религиозный праздник в Афинах — VII, 73, 4

Дионисий Галикарнасский — I, 8, 4

Дионисий, тиран Сиракуз — VII, 1, 4; XX, 7, 2

Диорикт — I, 50, 4

Диус Фидиус, его храм — IX, 61, 8; ср. II, 49, 2; IV, 58, 4

Додона — I, 18, 2; Додонский оракул — I, 14, 5; 19, 3; 51, 1; 55

Дулий Ц., децемвир — X, 58, 4; XI, 23, 2

Должники: Сервий Туллий освобождает их от долгов — IV, 10, 1–3; обращены в рабство за долги — V, 53, 3; 64, 2; 65, 5; 69, 1–2; VI, 23, 3; 26–27; 41, 3; 79, 1–3; XVI, 5, 1–3; запрещено обращать в рабство за долги — IV, 9, 7; 11, 2; VI, 28, 2; 29, 1; 41, 3; 83, 4; XVI, 5, 3; требование плебеев простить долги — V, 63–69; VI, 22, 1–2; 23, 1–3; 37, 1; 41, 2; 43, 1; 58, 1; 60, 3; 81, 1; VII, 30, 1–2; 49, 2; IX, 44, 6

Дом Марса (casa Martis) — XIV, 2, 2

Дом Ромула (casa Romuli) — I, 79, 11

Дорога Квинция (via Quintia) — I, 14, 2

Дорога Куриева (via Curia) — I, 14, 4

Дорога Листинская — I, 14, 5

Дорога Священная (via Sacra) — II, 46, 3; 50, 3

Европа — I, 1, 2; 13, 3; 36, 2; 47, 6; 54, 1; 61, 3; IV, 25, 4; VI, 79, 1; XIV, 1, 2

Египет — I, 2, 4; 36, 3; IV, 25, 3; XX, 14, 1

Египтяне — VII, 70, 4

Закинф, остров — I, 50, 2–3

Закинф, сын Дардана — I, 50, 3

Закинфяне — I, 50, 3

Закон Юния Брута 509 г. до н.э. о создании магистратуры консулов — IV, 84, 3–4

Закон Валерия 509 г. до н.э., запрещающий занимать магистратскую должность без избрания народом — V, 19, 4; о провокации к народу — V, 19, 4–5; 70, 2; VII, 41, 1–4; ср. VII, 52, 2–3; о стремлении к царской власти — V, 19, 4; о налогах — V, 22, 2

Закон о создании диктатуры 501 (или 498) г. до н.э. — V, 70, 1–2; см. также — V, 59, 1; 70–73

Закон 494 г. до н.э. о создании плебейского трибуната как священной и неприкосновенной должности — VI, 89, 2-4; VII, 22, 1; 29, 2-3; X, 42, 3

Закон Сициния о неприкосновенности плебейских трибунов 492 г. до н.э. — VII, 17, 4-6

Законопроект аграрный Сп. Кассия 486 г. до н.э. — VIII, 69, 1 — 79, 4

Закон Публилия 471 г. до н.э. о переносе выборов плебейских трибунов из куриатных в трибутные комиции — IX, 41, 2-4; 43, 4; 49, 4-5; 50, 4; X, 4, 3

Законопроект аграрный Тиция — IX, 69, 1

Закон Ицилия 456 г. до н.э. о разделе Авентина среди плебеев — X, 31-32

Закон Атерния-Тарпейя 454 г. до н.э. о максимальном размере налагаемых консулами штрафах — X, 50, 1-2

Закон Валерия-Горация 449 г. до н.э. о плебисцитах — XI, 45, 1

Закон Ицилия 449 г. до н.э. о консульском триумфе — XI, 50, 1

Закон 446 г. до н.э. о земле Кориол — XI, 52

Закон 445 г. до н.э. о военных трибунах с консульской властью — XI, 41, 5-6; 53, 1-2; 54, 4; 57, 1; 60, 5 — 61, 3

Закон 443 г. до н.э. о цензорах — XI, 63, 2

Закон о награде Л. Минуция — XII, 4, 6

Закон Лициния-Секстия 367 г. до н.э. о земельном максимуме — XIV, 12

Закон Петелия 313 г. до н.э. об отмене долгового рабства — XVI, 5 (9), 1-3

Законы XII таблиц, плебейские трибуны требуют создания и публикации общего свода законов — X, 1-4; 15-54; выборы децемвиров — X, 54-60; первые 10 таблиц законов выставлены на Форуме — X, 57; и еще две в следующем году — X, 60,

5-6; закон о запрете браков между патрициями и плебеями — X, 60, 5; XI, 28, 4; см. также — II, 27, 3; XI, 28, 4; 30, 4; 44, 6

Законы Нумы Помпилия — II, 27, 4; 74, 1-5; см. также — II, 63-73

Законы Ромула — II, 9-10; 12-15; 25, 1; 25, 6; 26-28

Законы Сервия Туллия — IV, 10, 3; 13, 1; 15; 22; 25; все они отменены Тарквинием Гордым — IV, 41, 2; 43, 1

Законы Тарквиния Древнего — III, 61-62

Законы Тулла Гостилия — III, 22; 30

Законы царские, собранные и записанные Папирием — III, 36, 4

Залив Палинура — I, 53, 2

Залив Венеры (Афродиты) — I, 51, 3

Зевс — I, 11, 2; 17, 3; 19, 3; 27, 1; 33, 1; 50, 3; 61, 1; 68, 4; II, 61, 2; VII, 72, 7; см. также — «Юпитер»

Злокозненный лес (Silva malitiosa) — III, 33, 4

Ибер — XIV, 1, 4

Иберийцы — I, 89, 3

Ида, гора во Фригии — I, 46, 3; 47, 3; 55, 4; 61, 4

Идэй — I, 61, 2

Идэйская богиня (Кибела) — II, 19, 3-5

Иды — см. «Календарь»

Илион — I, 34, 2; 46, 1; 47, 2; 48, 3; 54, 2; 60, 3; 73, 1; II, 2, 2; 64, 2; 66, 5

Илия (Рей Сильвия) — I, 76-79; 84, 2

Иллирия — XVI, 6

Инах, река в Аргосе — I, 25, 4

Индусы — VII, 70, 4; в армии Пирра — XX, 12, 14

Инсигнии, царей — II, 29; III, 61-62; IV, 38, 2; 74, 1; 75, 2; V, 35, 1; 75, 3; VI, 95, 4; X, 24, 2; консулов — III, 62, 2; IV, 74, 1; V, 2, 1; 19, 3; 75, 3; VIII, 87, 5; X, 17, 5; 59, 5; ср.: VIII, 44, 3-4; 53, 3; диктатора —

V, 75, 2; X, 24, 2; триумфаторов — II, 34, 2; III, 61, 1; 62, 2; IV, 74, 1; V, 47, 2-3; VI, 30, 3; VIII, 67, 9; IX, 71, 4; адрианов — VI, 95, 4; децемвиров — X, 57, 1; 59, 3

Интеррекс (междуцари) — II, 57, 1-2; 58, 3; III, 1, 1; 36, 1; 46, 1; IV, 75, 2; 84, 5; Сервий Туллий и Тарквиний вступили во власть без института междуцарей — IV, 8, 2; 10, 5; 31, 2; 40, 2; 84, 5; при Республике использовались редко — VIII, 90, 4-5; IX, 14, 1; 69, 1; XI, 20, 5; 62, 2

Ионийское море (залив) — I, 10, 1; 11, 3; 13, 1; 18, 4; 28, 3; 51, 2; XX, 1, 8

Ионийцы — I, 25, 5; 28, 2; IV, 25, 4

Исагор, афинский архонт — I, 74, 6; V, 1, 1

Испания (Иберия) — I, 34, 1; 41, 2; II, 17, 3

Исса — I, 14, 4

Историки, их обязанности — I, 1; 6, 2-5; V, 48, 1; 55, 1; 75, 1; VII, 66, 1-5; 70-71; XI, 1-2

История, всеобщая — I, 2, 1; 6, 1; II, 59, 2; V, 16, 3

Истр — XIV, 1, 2

Исхомах, олимпийский победитель — V, 1, 1; 37, 1

Италя — I, 12, 3; 22, 4; 35, 1; 72, 5; 73, 4

Италийцы — I, 22, 3; II, 71, 1; названы по имени Италя — I, 12, 3

Италиоты — XIX, 9, 1; 14, 4; XX, 1, 2; 7, 2

Италия, называлась Сатурнией — I, 18, 3; 19, 3; 34, 5; греки называли ее Гесперией или Авсонией — I, 35, 3; названа по имени царя Италя — I, 35, 1; упоминание различных ее частей у греческих авторов — I, 12, 2-3; 25, 4-5; 73, 4; разделена Апеннинскими на две части — I, 9, 2

Ицилий Л., плебейский трибун 456 г. до н.э. — X, 31-32; 33, 1; 40, 2

Ицилий Л., жених Вергинии — XI, 28, 6-7; 30, 1; 31, 4; 33, 3; 38, 2; 46, 5

Ицилий Сп. — VI, 88, 4; VII, 14, 2; 17, 2; плебейский трибун 481 г. до н.э., требует закона о разделе общественной земли — IX, 1-2

Кабиры, самофракийские божества — I, 23, 5

Кабум, латинский город — V, 61, 3

Как, разбойник — I, 39, 3; 41, 2

Календарь, греческий — I, 62, 1; римский — I, 32; VIII, 55, 5; Календы — VI, 49, 1; IX, 67, 2; XVI, 3, 2; Ноны — VIII, 55, 5; IX, 60, 7; XVI, 3, 2; Иды — I, 38, 3; VI, 13, 4; 89, 2; X, 59, 1; XI, 63, 1; XVI, 3, 2; названия месяцев: февраль — I, 32, 5; март — II, 70, 2; май — I, 38, 3; X, 59, 1; июнь — IX, 9, 8; квинтилий (июль) — VI, 13, 4; VIII, 55, 5; секстилий (август) — IX, 25, 1; сентябрь — VI, 49, 1; IX, 67, 3; декабрь — VI, 89, 2; VIII, 55, 4; XI, 63, 1

Калий, афинский архонт — X, 26, 1

Калиад, афинский архонт — IX, 1, 1

Калиполис, морской порт Тарента — XIX, 3, 1

Калироя — I, 27, 1

Калитея — I, 27, 2

Калпет, албанский царь — I, 71, 1

Кальпурний Пизон Л. — I, 3, 4

Камерин — см. «Сумпний»

Камерия, римская колония — II, 50, 4-5; 54, 1-2; III, 51, 2; V, 21, 3; 40, 2; 49, 3-4; 51, 1

Камиллы (camilli) — II, 22, 2

Камил — см. «Фурий»

Кампания — VI, 32, 1; 50, 2; XV, 3, 3-4; 3, 12; 4, 1

Кампанское поле — I, 21, 3; 37, 2; VI, 32, 1; VII, 3, 2

Канализация в Риме — III, 67, 5; X, 53, 3-4; XVI, 6, 2

- Канны, битва при — II, 17, 4
- Капулей, плебейский трибун 445 г. до н.э. — XI, 57, 2; 58, 1
- Капет, альбанский царь — I, 71, 1
- Капис, альбанский царь — I, 71, 1
- Капис, отец Анхиза — I, 49, 1; 62, 2; 73, 3
- Капитолий, охранялся в момент опасности — VIII, 22, 2; IX, 48, 5; XI, 37, 2; XII, 2, 1; захвачен Гердоном — X, 14–16; 20, 2; 37, 2; XI, 4, 4; не сдался галлам — XIII, 6, 1; 7, 1; 8, 2; 12, 2; XIV, 4; см. также — I, 34, 4; II, 15, 4; 66, 4; 70, 2; V, 36, 4; VI, 1, 4; 30, 3; VII, 72, 1; XII, 2, 3
- Капитолийский холм, некогда назывался Сатурновым — I, 34, 1; II, 1, 4; или Тарпейским холмом — III, 69, 4; IV, 60, 4; некогда был занят спутниками Геркулеса — I, 34, 1–4; укреплен Ромулом — II, 37, 1; Тарпейя сдает его сабинянам — II, 38–40; Тит Таций делает его своей резиденцией — II, 50, 1; избран для постройки храма Юпитера — III, 69; IV, 59–61; см. также — «Сатурнов холм»
- Капитолин — см. «Манлий» и «Квинций»
- Капуя — I, 73; VII, 10, 3; XV, 4, 3
- Карвил Спурий, первый римлянин, разведшийся с женой — II, 25, 7
- Карины, место в Риме — I, 68, 1; III, 22, 8
- Кария — IV, 25, 4
- Кармента — I, 32, 2
- Карментские ворота — I, 32, 2
- Карфаген — I, 38, 2; 74, 1; II, 17, 3; XX, 8, 4
- Карфагеняне — I, 3, 5; 90, 1; II, 66; XX, 8, 3
- Кассандр — I, 49, 4
- Кассий Кв., плебейский трибун 49 г. до н.э. — VIII, 87, 8
- Кассий Вецеллин Сп., консул 502 г. до н.э., празднует триумф над сабинянами — V, 49, 2–3; начальник конницы при Ларции — V, 75, 2–4; советует разрушить латинские города — VI, 20, 2–3; консул 493 г. до н.э. — VI, 49, 1; оставлен охранять Рим — VI, 91, 1; 94, 3; консул 486 г. до н.э., обещает вольским и герникам легкие условия мира — VIII, 68, 1–2; требует триумфа — VIII, 69, 1; предлагает разделить землю не только между римлянами, но и между латинами и даже герниками — VIII, 70–73; обвинен в стремлении к тирании — VIII, 77–78; осужден на смерть — VIII, 78, 5; или казнен собственным отцом — VIII, 79; см. также — VIII, 81, 1; 82, 4; IX, 1, 1; 3, 1; 37, 2–3; 51, 1
- Кастор и Поллукс — VI, 13, 1; VII, 72, 13; их храм — VI, 13, 4
- Кверкветум, латинский город — V, 61, 3
- Квесторы — V, 34, 4; VI, 96, 4; VII, 62, 2; VIII, 77, 2; 78, 5; 82, 4; X, 21, 6; 23, 4; 24, 3; XI, 46, 4; XIII, 9, 2
- Квинкватрии (Панафиней), римский религиозный праздник в честь Минервы 19–23 марта — II, 70, 2
- Квинтилии, альбанский род, переселенный в Рим — III, 29, 7
- Квинтилиус Секст, консул 453 г. до н.э. — X, 53, 1; умер от чумы — X, 53, 6
- Квинций Г., консул 445 г. до н.э. — XI, 53, 1
- Квинций Капитолин Т., консул 471 г. до н.э. — IX, 43, 1; стремится к примирению с плебеями — IX, 43–44; 48–49; наносит поражение эквам — IX, 50; консул 468 г. до н.э., захватывает Анций — IX, 57–59; консул 465 г. до н.э. — XI, 61, 1; сражается с эквами в качестве проконсула — IX, 63–64; квестор — X, 23, 4; 24, 3; выступает в сенате — XI, 15, 5; 55, 3; консул 443 г. до н.э. — XI, 63, 1–2
- Квинций Цезон, сын Цинцината — X, 5, 1–2; суд над ним — X, 5, 2–8; 13, 4;

удаляется в изгнание — X, 8, 4; 9, 6–7; 10, 5; 17, 3

Квинций Цинциннат Л., защищает своего сына Цезона — X, 5–6; продает большую часть имения, чтобы заплатить судебный залог за сына — X, 8, 4; консул 460 г. до н.э. — X, 17, 3; отклоняет предложение о переизбрании консулом — X, 19, 2–4; диктатор 458 г. до н.э. — X, 23, 5; 24, 1–3; XI, 20, 3; наносит поражение Клептю Гракху — X, 24; слагает с себя должность диктатора до истечения срока полномочий — X, 25, 3; выступает в сенате — X, 27, 30, 2; 30, 5; XI, 15, 5; диктатор 438 г. до н.э., подавляет заговор Спурия Мелия — XII, 2–3

Квинций (Цинциннат Капитолин) Т., диктатор 380 г. до н.э. — XIV, 5

Квинций Т., консул 428 г. до н.э. — XII, 6, 1

Квирин, римское божество, идентифицируется с Эниалием — II, 48, 2; ср. IX, 60, 8; имя, посмертно данное Ромулу — II, 63, 4

Квиринал, один из холмов Рима, избранный Тацием — II, 50, 1; включен в городские стены Нумой Помпилием — II, 62, 5; см. также — II, 38, 1; 70, 1; IX, 60, 8

Квиритская Юнона — II, 50, 3

Квириты, термин для обозначения совокупности римских граждан — II, 46, 2

Кельт, река в Пиренеях — XIV, 1, 4

Кельтика — XIV, 1, 4–5

Кельты — XIV, 1, 1; см. также — «Галлы»

Кибела, поклонение ей в Риме — II, 19, 4–5

Киклады, острова — I, 18, 1

Киллена, нимфа — I, 13, 1

Киллена, гора в Аркадии — I, 13, 1; 61, 3

Кипрская улица в Риме — III, 22, 8

Кипсел, город в Греции — III, 46, 4

Китера, остров — I, 50, 1–2

Клавдиева триба, ее происхождение — V, 40, 5

Клавдии, клиенты рода Аппиев — XI, 36, 2

Клавдий Цек Аппий — XVI, 3, 1

Клавдий Сабин Аппий, суровый оппонент плебеям — VI, 59, 1; VII, 47, 2; VIII, 5, 5; 81, 4; 90, 1; X, 30, 3; советует не прощать плебеям долги — V, 66–68; консул 495 г. до н.э. — VI, 23, 1; требует наказать плебеев за уклонение от воинской службы — VI, 23–24; возражает против любых уступок плебеям — VI, 59–64; обвиняет плебеев в незаконном использовании трибуната — VII, 48–53; выступает против Кассия — VIII, 71, 1; 73; похвала Семпрония в его адрес — VIII, 74–75; предлагает использовать разногласия между трибунами — IX, 1, 4–5; X, 30, 5; см. также — VI, 26, 3; 27, 1; 29, 1; 30, 1; 33, 3; 69, 3; 78, 3; VII, 15, 3

Клавдий Аппий, сын предыдущего — VIII, 90, 1; 90, 6; консул 471 г. до н.э. — IX, 43, 1; резко нападает на плебеев — IX, 43–45; трибуны пытаются арестовать его — IX, 48, 2–3; ведет армию против вольсков, но воины не подчиняются ему — IX, 50; противится распределению земли среди плебеев — IX, 52–53; привлечен трибунами к суду — IX, 54, 1–3; кончает жизнь самоубийством — IX, 54, 4–5

Клавдий Аппий, сын предыдущего, избран консулом 451 г. до н.э., предлагает избрать децемвиров для написания законов — X, 54–55; выбран одним из децемвиров — X, 56, 2; 57; переизбран на второй срок — X, 58, 4; узурпирует власть на третий год — X, 59–60; XI, 1, 6; призывает сенат голосовать за войну против сабинян и эвков — XI, 4–21; один из двух децемвиров, оставленных охранять Рим — XI, 23, 1; 84; пытается добиться обладания Вергинией — XI,

28–39; привлечен к суду, но умирает в тюрьме — XI, 46; 49, 4

Клавдий Сабин Г., сын первого Аппия Клавдия — X, 30, 3; и дядя Клавдия-децемвира — XI, 7, 1; наследственный враг плебеев — X, 9, 1–2; 30, 3; консул 460 г. до н.э. — X, 9, 1; возражает плебейскому трибуну Вергинию — X, 12–13; 15, 5; ставит на стенах охрану в связи с захватом Капитолия Гердонием — X, 16, 2; противится увеличению числа трибунов — X, 30, 3; и передаче Авентина плебеям под застройку — X, 32, 4; дает в сенате спасительный совет — XI, 7–14; грозит покинуть Рим, если децемвиры не оставят незаконную власть — XI, 16, 3–5; осуществляет свою угрозу — XI, 22, 4–5; возражает против триумфа Валерия и Горация — XI, 49, 4–5; протестует против доступа плебеев к консулату, но соглашается с избранием плебеев военными трибунами с консульской властью — XI, 56, 2; 60, 5

Клавдий М., клиент Аппия-децемвира — XI, 28, 5; хватает Вергинию и объявляет ее дочерью рабыни своего отца — XI, 29–37; осуждается на вечное изгнание — XI, 46, 5

Клавдий Т. — сабинянин, эмигрировавший в Рим со всем семейством и клиентами — V, 40, 3–5; ср. IX, 47, 1

Клавдий Нерон Тиб., консул 7 г. до н.э. — I, 3, 4

Классы (Classes) в Сервиевой реорганизации армии — IV, 16–19; 20–21; VII, 59; X, 17, 3

Клелии, албанский род — III, 29, 7; X, 41, 5; привлечены к суду и оштрафованы народом — X, 42

Клелий Гракх, вождь эквов — X, 22–24

Клелий Сикум Кв., консул 498 г. до н.э. — V, 59, 1; 71–72; 75, 4; 76

Клелий Сикум Т., военный трибун с консульской властью 444 г. до н.э. — XI, 61, 3

Клеонд, олимпийский чемпион — III, 46, 1

Клиенты и патроны, взаимные обязанности — II, 8–11

Климена Океанида — I, 17, 2

Клитодора — I, 62, 2

Клуилий, лидер альбанцев — III, 2–5; 9, 2

Клятва, публичная, ее храм — II, 75

Клятва, военная, наиболее строго соблюдалась римлянами — XI, 43, 2; VI, 45, 1; IX, 44, 6; X, 48, 2; XI, 44, 5; гражданская, особенно при заключении договоров — II, 75, 3–4; IX, 10, 4; 48, 1; XI, 54, 3

Кносс — VII, 72, 9

Когорта, из 500 воинов — IX, 63, 5; из 600 воинов — IX, 71, 1–3; из 800 воинов — X, 43, 3

Кодона — I, 49, 2

Колонии Альбы и Рима — см. «Римские колонии», «Албанские колонии»

Коминий Постум Авл., консул 501 г. до н.э. — V, 50, 1; VI, 2, 1; консул 493 г. до н.э. — VI, 49, 1; 91–94; VIII, 22, 4

Комиции, центуриатные, созданы Сервием Туллеем — IV, 20–21; VII, 59; VIII, 82, 6; X, 17, 3; проводились на Марсовом поле для выборов магистратов и голосования по другим вопросам — IV, 84, 5; V, 10, 7; 11, 2, 12, 3; VI, 29, 2; 49, 1; VII, 59, 2; VIII, 82, 5–6; 90, 2; 90, 5; IX, 14, 1; 42, 3; 46, 4; X, 32, 4; XI, 45, 1; куриатные — II, 14, 3; 22, 3; 57, 3; 60, 3; IV, 10, 5; 12, 3; 13, 1; IV, 20, 2–4; 71, 5; 80, 2; 84, 3; V, 6, 2; ср. V, 2, 2; VI, 89, 1; VII, 16, 4–5; 17; IX, 41, 2–3; трибутные — VI, 67, 1–2; 69, 4; IX, 41, 2–3; 43, 4; X, 34, 1–4; 40, 4; 42, 3; XI, 52, 4; суд народного собрания над Кориоланом — VII, 59, 2; 59, 9; 64, 6; 65, 1–2; 67, 1–2; VIII, 6, 2; ср. VII, 26–38; 41, 1–3; 52, 1–2; 55, 2; 56, 1–2; 58, 2–3; над другими

патрициями — VII, 65; VIII, 77–78; IX, 27, 1–3; 28–33; X, 42, 3–6; 49; XI, 46; обычно эти собрания проходили на Форуме или, точнее, в святилище Вулкана — II, 50, 2; VI, 67, 2; VII, 17, 2; XI, 39, 1; собрание назначалось на третий торговый день — VII, 58, 3; IX, 41, 4; X, 3, 5; 35, 4; XI, 17, 1; патриции игнорируют собрания, созванные плебейскими трибунами — VII, 16, 4; но — IX, 41, 4

Комиций — IV, 38, 6; X, 40, 4

Компиталин, римский религиозный праздник — IV, 14, 4

Консидий, Кв., трибун 76 г. до н.э. — IX, 27, 2

Консулани, римский религиозный праздник — I, 33, 2; II, 31, 2

Консулат, доступен только патрициям — V, 18, 1–2; предложение сделать консулат доступным плебеям не прошло — XI, 58, 1–3; 54, 3–5; 55; в качестве компромисса создан военный трибунал с консульской властью, доступный и плебеям — XI, 56–61

Консулы, заменили царей — IV, 73, 3–4; 75, 2–4; 76, 1–2; 84, 5; V, 1, 2; VII, 35, 5; X, 34, 4; их инсигнии — III, 62, 2; IV, 74, 1–2; V, 2, 1; 19, 3; 75, 2; X, 17, 5; 59, 5–6; различные сроки вступления в должность — V, 1, 2; VI, 49, 2; IX, 25, 1; X, 54, 4; 59, 1; XI, 63, 1; обязанности и привилегии — IV, 75, 4; 76, 2; V, 1, 2; VII, 16, 3; 36, 3–4; 37, 1; VIII, 81, 1–2; 89, 2; X, 1, 3–5; 31, 1; 34, 3–4; конфликт с трибунами — VII, 16–18; 30, 2–3; 35, 5; 38, 1–2; VIII, 81, 3–4; 87, 3–5; 90, 1–2; IX, 37–39; 47–49; X, 1, 4–5; 2, 1–3; 4, 1–4; 13, 7; 17–18; 26, 4–5; 31; 33–35; 41–42; XI, 54, 4–5; игнорируют аграрный закон — VIII, 81, 1–2; 37, 2–3; игнорируют вызов в суд народного собрания — X, 34–35; ср. X, 42, 1; привлекаются к суду по сложении должности — IX, 27, 2; 28–33;

37, 2–4; 38, 1–3; 54, 1–5; X, 48–49; XIII, 5; ищут расположения народа — X, 48, 1; два консула поочередно обладают высшей властью в течение месяца — V, 2, 1; IX, 43, 4; X, 44, 1; заменены по воле народа на военных трибунов с консульской властью — XI, 56–61

Консуе (Consus), одна из ипостасей бога Нефтуна — II, 31, 2–3

Кора, латинский город — III, 34, 3; V, 61, 3

Корбион, латинский город — V, 61, 3; VI, 3, 1; VIII, 19, 3–4; X, 24, 7–8; 26, 2; 30, 8

Корет, гора — I, 14, 4

Корибанты — II, 19, 3

Корилле, город в Лацин — IV, 45, 4

Коринф — III, 46, 4; IV, 29, 2; 56, 3

Коринфяне — I, 51, 2

Кориолы — V, 61, 3; VI, 92–93; VII, 19, 3; VIII, 30, 1

Корнелий Косс А., военный трибун — XII, 5; консул 428 г. до н.э. — XII, 6, 1

Корнелий Косс А., консул 343 г. до н.э. — XV, 10, 2

Корнелий Л., консул 459 г. до н.э. — X, 20, 1; XI, 16, 1; 63, 2; захватывает город Анций — X, 21, 5–7; выступает в сенате — XI, 16–21; 44, 4–5

Корнелий Сулла Л., диктатор — V, 77, 4–5; VIII, 80, 2

Корнелий М., децемвир — X, 58, 4; XI, 15, 1–4; 16, 1; XI, 23, 2

Корнелий П., консул 283 г. до н.э. — XIX, 13, 1–2

Корнелий Руфин П., консул 290, 277 г. до н.э., изгнан из сената за расточительность — XX, 13, 1

Корнелий Сервий, консул 485 г. до н.э. — VIII, 77, 1; 82, 1

Корникул, латинский город — III, 50, 4–5; IV, 1, 2

- Корникульские горы — I, 16, 5
 Корсула, город в Италии — I, 14, 4
 Кортония, позднее Кротон в Умбрии — I, 26, 1
 Котилия, город аборигинов — I, 19, 2
 Котис — I, 27, 1
 Красс — см. «Лициний»
 Кремера, река и укрепление рядом с Вейями — IX, 15, 4-5; 16, 3; 18, 3; 18, 5; 23, 1; 27, 2; 59, 2
 Кримис — I, 42, 1
 Кринак — I, 18, 1
 Крисон, олимпийский чемпион — XI, 1, 1
 Критяне — II, 23, 3; VII, 72, 9; в Италии — I, 13, 2
 Крит — I, 18, 1
 Крон, бог — I, 19, 3; 38, 1; II, 19, 1; холм Крона на о. Элида — I, 34, 3; в Риме — I, 34, 2
 Кротон (Кортон), город — I, 20, 4; 26, 1; 28, 3
 Кротон, город в Бруттии — II, 59, 1-3; XIX, 1, 1
 Крустумерий — II, 32, 2; 36, 1-2; 53, 2-4; III, 49, 4-5; 50, 3; VI, 34, 4; 55, 2; X, 26, 1; XI, 23, 4; 25, 3; 27, 7
 Ксенофонт, олимпийский чемпион — IX, 61, 1
 Ксеркс, царь персов — IX, 1, 1
 Ксипетай, дем в Аттике — I, 61, 5
 Кумы, город в Италии — V, 26, 3; 36, 2; VI, 21, 3; VII, 2-11; XII, 1, 9; XV, 6, 4; жители Кум, приходят на помощь аридийцам — V, 35, 2-3; VII, 4-6; наносят поражение вторгшимся этрускам, умбрам и другим — VII, 3-4; угнетены Аристомедом — VII, 7-11; разгромлены кампанцами — XV, 6, 4-5
 Куреты, древнее население Этолии — I, 17, 3
 Куреты, помощники Реи — II, 61, 2; их ритуалы — II, 22, 2; 70-71; VII, 72, 7
 Курии — II, 7, 3-4; 12, 2; 13, 1; 23, 2-3; 35, 6; 46, 2; 47, 1-4; 50, 3-5; 55, 6; 64, 2; 65, 4; 66, 1; III, 31, 3; 48, 2; 68, 1; IV, 43, 2; см. также — «Комидии куриатные»
 Куриадии, альбанский род — III, 29, 7
 Куриадии, альбанская тройка близнецов — III, 13-20; 22, 9
 Куриаций, отец альбанской тройки — III, 13, 4
 Курионы — II, 7, 3; 64, 1; 65, 4
 Курциево озеро (Lacus Curtius), на месте будущего римского Форума — II, 42, 5; 50, 2
 Курций М. — XIV, 11, 3-5
 Курций Меттий, сабинский вождь — II, 42; 46, 3
 Куры, сабинский город — III, 36, 3; 48, 4; 58, 3
 Лабики и его жители — V, 61, 3; захвачен Кориоланом — VIII, 19
 Лавиний, город, построенный Энеем — I, 45, 1; 57, 1; 59, 4; 63, 1; в осаде этрусков — I, 65, 1-2; его жители переселяются в Альба-Лонгу — I, 66, 1; но боги-покровители отказываются переезжать — I, 67, 1-2; лавинийцы убивают Тация — II, 51-52; Тарквиний Коллатин удаляется в Лавиний — V, 12, 3; VIII, 49, 6; город осажден Кориоланом — VIII, 21; см. также — III, 34, 3; V, 61, 3
 Лавиний (вместо Левин), см. «Валерий»
 Лавиния, дочь Ания, царя Делоса — I, 59, 3
 Лавиния, дочь Латина — I, 59, 3; дана в жены Энею — I, 60, 1; 64, 2; 70, 1-2
 Лавиния, жена Эвандра — I, 32, 1; 43, 1
 Лаврент, место, где Эней закончил свое путешествие — I, 45, 1; 53, 3; 55, 1; 63, 3; V, 54, 1; 61, 3
 Лавренция, жена Фаустула — I, 84, 4; 87, 3
 Лаврет, место на Авентине — III, 43, 1

Лавс, сын Мезенция — I, 65, 3
 Лагерь Минервы (castrum Minervae), храм в Калабрии — I, 51, 3
 Лакедемоняне, за пределами их государства — I, 3, 2; II, 17, 1–2; их государственные институты, сходные с римскими — II, 14, 2; 23, 2; IV, 73, 4; не охраняли своих женщин — II, 24, 6; их жестокий договор с мессенцами — XIV, 6, 10; см. также — II, 28, 2; V, 74, 2–3; VII, 72, 2; XI, 1, 2–3; XIX, 1, 2–3; 3, 1; XX, 13, 2
 Ланувий — V, 61, 3
 Лаокоон и его сын — I, 48, 2
 Лаомедон — I, 34, 2; 52, 2; 62, 2
 Лариса, древний город в Кампании — I, 21, 4
 Лариса, город в Пелопоннесе — I, 21, 3
 Лариса, мать Пеласага — I, 17, 3
 Ларций (Флав) Сп., противостоит Порсене — V, 22, 5; 23–24; доставляет зерно в Рим — V, 26, 4–5; консул 506 г. до н.э. — V, 36, 1; атакует сабинян — V, 41, 5; оставлен охранять Рим — V, 75, 4; консул 490 г. до н.э. — VII, 68, 1; один из посланных к Кориолану — VIII, 22, 4; префект города — VIII, 64, 3; междуцарь — VIII, 90, 5; советует начать войну против Вей — VIII, 91, 4
 Ларций Т., консул 501 г. до н.э. — V, 50, 1; консул 496 г. до н.э. — V, 59, 1; 60, 1–4; 70–72; диктатор — V, 73; советует заключить общелатинский договор — VI, 19, 1–2; 21, 1; произносит речь о необходимости гармонии в государстве — VI, 35–37; речь к восставшим плебейам — VI, 81–82; осаждают Кориолы — VI, 92, 2–4; см. также — VI, 1, 4; 44, 1
 Лары Компиталии (Lares Compitales) — IV, 14, 3
 Латин, албанский царь — I, 71, 1
 Латин, царь аборигинов — I, 9, 3; 43, 2; 44, 3; 72, 5; II, 2, 2; заключает соглашение с Энеем — I, 57–60; 73, 2; погибает в сражении — I, 64, 3

Латиний, место на итальянском побережье у Тирренского моря — I, 72, 3
 Латиний Тит, рассказывает сенату свой сон — VII, 68, 3–6
 Латинские обычаи — II, 66, 1; III, 21, 4; 32, 1; их язык близок к эолийскому диалекту древнегреческого — I, 90
 Латины, названы по имени царя Латина — I, 9, 3; 45, 2; первоначально назывались аборигинами — I, 9, 1–3; ранние греки считали их тирренами — I, 29, 2; объединились с троянцами — I, 45, 2; 60, 1–2; нанесли поражение тирренам при Мизенции — I, 65–66; основали Альба-Лонгу — I, 66, 1–2; требуют у римлян признания верховенства Альба-Лонги и начинают с ним войну — III, 33, 1–2; 34, 5; 37–39; 49–53; потерпели поражение от Тарквиния Древнего — III, 53, 3–4; заключают мир — III, 54, 1–2; Сервий Туллий убеждает их построить в Риме общий храм-убежище — IV, 25, 5; собраны Тарквинием Гордым на общее собрание, признают лидерство Рима — IV, 45–48; учреждают Латинские игры (feriae Latinae) на Албанской горе — IV, 49, 2–3; не желают воевать с Римом за восстановление власти Тарквиния — V, 3, 1; некоторые их города помогают Порсене — V, 22–23; 33, 4; собирают общее собрание, чтобы восстать против Рима — V, 50–52; отправляют послов в сенат с требованием восстановить в Риме царскую власть — V, 52, 6; 54, 4–5; не могут снять римскую осаду Фиден — V, 59, 2–5; голосуют за войну против Рима — V, 61; заключают годичное перемирие с Римом — V, 76, 4; возобновляют приготовления к войне — VI, 2–3; разбиты у Регильского озера — заключают мир с Римом — VI, 4–12; 74, 6; отказываются помочь вольскам против Рима — VI, 25, 3; подвергаются нападению вольсков — VI, 27, 2; 29, 2; и эвгов — VI, 34, 4; 36, 3;

42; 2-3; заключают новый договор о мире и дружбе с Римом — VI, 95; римское гражданство для латинов — VII, 53, 5-6; VIII, 35, 2; 47, 2; 74, 2; 77, 2; вновь подвергаются нападению вольсков — VIII, 83, 4; эвков — VIII, 91, 1; тех и других вместе — IX, 35, 7; 59, 2-3; 67, 4; 69, 3; XI, 47, 3; снова воюют с Римом — XV, 3, 9; 7, 3-5; латины как вспомогательные войска в римской армии — III, 57, 3; 65, 5-6; IV, 3, 2; IX, 5, 2; 16, 4; XI, 23, 2; XX, 1, 5; 2, 4; большинство их городов основаны альбанцами — I, 45, 2; II, 36, 2; 50, 5; 53, 4; III, 1, 2; 29, 6; IV, 53, 1; VI, 20, 3; VIII, 17-21; 35, 2; тридцать латинских городов — III, 31, 4; 34, 1; VI, 63, 4; 74, 6; 75, 3; перечень этих городов — V, 61, 3; см. также — I, 70, 3; 73, 3; 87, 3; III, 10, 4; 11, 6; 49, 1-2; 49, 4-5; IV, 1, 2; 6, 4; V, 12, 3; 20, 1; 26, 3; 53, 3; 58, 4; 68, 4; VI, 1-2; 14, 1; 16, 2-3; 21, 3; 23, 1; 50, 2; 74, 6; 80, 1; 95, 1; VII, 71, 2; VIII, 6, 4; 26, 2; 69, 2; 87, 6; IX, 59, 2; 60, 7; 72, 1; X, 15, 5; 20, 4; XI, 2, 2
 Латона — VII, 72, 13; XII, 9, 2
 Левкада — I, 50, 4; 51, 2
 Левкария, дочь Латина — I, 72, 6
 Левкипп — XIX, 3, 1
 Левкозия — I, 53, 2
 Левктры, поражение спартанцев при — II, 17, 2
 Легаты (военные), их власть и обязанности — XI, 25, 3-4; прочие упоминания — V, 39, 2; 41, 5; VI, 12, 3; IX, 11, 2; 12, 5; 14, 3; 35, 4; 63, 4; X, 23, 5; 49, 2; XI, 44, 1; XV, 3, 12
 Легион, из 4 тыс. человек — VI, 42, 1; из 5 тыс. человек — IX, 13, 1-2; набрано одновременно 10 легионов — XI, 23, 1-2
 Лектистернии — XII, 9, 1
 Лелеги — I, 10, 2; 17, 3
 Лемнос — I, 10, 2
 Леомнат — XIX, 12, 2

Леострат, имя двух афинских архонтов — III, 1, 3; VIII, 77, 1
 Леофрон — XX, 7, 1
 Лесбос — I, 18, 1
 Леторий Гай, плебейский трибун 471 г. до н.э., защищает плебеев от нападков Аппия Клавдия — IX, 46-47; пытается отправить этого консула в тюрьму — IX, 48, 2-5
 Леторий Мерг Г., военный трибун — XVI, 4, 8
 Либер и Либера, их храм — VI, 17, 2; 94, 3
 Либитина — IV, 15, 5
 Ливийцы — VII, 70, 4
 Ливия — I, 2, 4; 36, 3; XIX, 18, 8
 Лигурия (Лигустика) — I, 12, 2; 41, 3
 Лигуры — I, 10, 3; 13, 4; 22; 40, 3; 41, 3; 89, 3
 Лид — I, 27, 1
 Лидийцы — I, 28, 2; II, 71, 4
 Лидия, страна в Азии — I, 27, 2
 Лик, фессалиец, победитель Олимпиады — X, 53, 1
 Ликаон, отец Деяниры — I, 11, 2
 Ликаон, отец Паланта — I, 33, 1
 Ликаонийцы, древнее название энотрийцев — I, 12, 1
 Ликаония, древнее название Аркадии — II, 1, 2
 Ликторы — II, 29, 1; III, 30, 5; 61, 2-3; V, 2, 1; 8, 4; 9, 2; 57, 4; 75, 2; VI, 34, 3; VII, 35, 5; VIII, 44, 3; IX, 39, 1; 48, 1; X, 31, 3; 42; 59, 5; XI, 32, 1; 38, 2
 Ликург, спартанский законодатель — II, 23, 3; 49, 4; 61, 2
 Лилибей, город в Сицилии — XX, 8, 1
 Лирис, город в Италии — I, 9, 2
 Листа, метрополия аборигинов — I, 14, 6
 Лициний Г. и П., избран плебейским трибуном — VI, 89, 1
 Лициний Красс, потерпел поражение от парфян — II, 6, 4

Лидиний Столон — XIV, 2
 Локры, город — XX, 9, 1; его жители — I, 17, 3; XX, 7, 2; назывались также зефрийцами — XIX, 4, 1

Лонг — см. «Туллий»

Лонгула — VI, 91, 2–3; VIII, 36, 2; 85, 4

Луканы, подверглись нападению самнитов, обращаются за помощью к римлянам — XVII–XVIII, 1, 2; 2, 1–2; восстали против римлян — XIX, 6, 2; 9, 2; разбиты Фабрицием — XIX, 13, 1; 16, 3; помогают армии Пирра — XX, 1, 2; 1, 4; 2, 6; 3, 1; вторглись в земли города Фурии — XX, 4, 2

Луcretий Л., консул 462 г. до н.э. — IX, 69, 1; X, 7, 5; наносит поражение эквам — IX, 69–71

Луcretий П., военный трибун с консульской властью 418 г. до н.э. — XII, 6, 5

Луcretий Сп., отец Луcretии — IV, 64, 4; 66, 2; 70, 3; 73, 1; префект города — IV, 82, 1; междоуарь — IV, 76, 1; 84, 5; защищает Коллатина — V, 11, 2–3; 12, 1; назначен консулом, но вскоре умирает — V, 19, 2

Луcretий Т., консул 506 г. до н.э. — V, 20, 1; 22, 5; 23, 1; консул 504 г. до н.э. — V, 40, 1; одерживает победу над сабинянами — V, 41–52

Луcretия, жена Коллатина, изнасилованная Секстом Тарквинием — IV, 76, 3; убивает себя — IV, 67; 70; ее тело приносят на Форум — IV, 76, 3; ср. IV, 82, 1; XI, 41, 2

Лукумон — II, 37, 2; 37, 5; 42, 2; погибает в сражении — II, 43, 2

Лукумон Тарквиний — см. Тарквиний Древний

Луна (Селена), как богиня — II, 50, 3

Луперкалии — I, 80, 1

Луперкалий — I, 32, 3–4; 80, 1

Луцина — VII, 72, 13

Люструм (lustrum), очистительный обряд при проведении ценза — IV, 22, 2

Магистратуры, патрицианские и плебейские — V, 18; VII, 65; все они прекращаются при введении диктатуры — V, 70, 3–4; и во время правления децемвиров — X, 55, 5; XI, 4, 6–7; 30, 4

Макар — I, 18, 1

Македония — I, 3, 2; 3, 5; II, 17, 3; македонцы — II, 17, 2; XX, 1, 3; 2, 4

Македонская империя — I, 2, 4; 49, 4; II, 17, 2–3; уничтожена римлянами — I, 4, 1–3; 90, 1–2

Македонская фаланга — XX, 1, 1

Малий (вместо Манлий) Секст — XI, 44, 2

Малий (вместо Манлий) Л., — I, 19, 3

Мамерк, преномен, а позднее когномен в роде Эмилиев — VIII, 83, 1; IX, 37, 1

Мамиллий Л., ведет войско тускуманцев на помощь римлянам — X, 16, 3

Мамиллий Октавий, вожь тускуманцев, женатый на дочери Тарквиния Гордого — IV, 45, 4; 47, 4–5; VI, 4, 1; присоединяется к Порсене в войне против римлян — V, 21–22; изгоняется Порсеной за заговор против римского консула — V, 34, 1; грабит римскую территорию — V, 35, 3; уговаривает латинов поддержать попытку восстановления власти Тарквиниев — V, 50, 1; 51, 2; 53, 1; 61, 2; VI, 2, 1; становится одним из военачальников латинского войска — V, 76, 3; VI, 4, 1; 5, 2; в битве у Регильского озера — VI, 5, 5; 11–12; его гибель — VI, 12, 4

Мамурий, ремесленник — II, 71, 2

Манес, первый царь Меонии — I, 27, 1

Манлий А., консул 474 г. до н.э., наносит поражение вейянам — IX, 36, 1–3; обвинен плебейским трибуном Генцием — IX, 37–38; отправлен с посольством в Грецию для изучения законов — X, 52, 4; 54, 3; децемвир — X, 56, 2

Манлий Гн., консул 489 г. до н.э., сражается против Вей — IX, 5–6; 11, 1; 12, 1; погибает — IX, 12, 2

Манлий Капитолийский М., защищает Капитолий от галлов — XIII, 8, 1-4; обвинен в стремлении к тирании, сброшен с Тарпейской скалы — XIV, 4

Манлий Капитолийский Т., консул 392 г. до н.э. — I, 74, 5

Манлий Торкват Т., консул 340 г. до н.э. — II, 26, 6; VIII, 79, 2; XV, 4, 6

Марафонская битва — V, 17, 4

Марруцины — XX, 1, 5

Марс, его храм — I, 14, 2; VI, 13, 4; оракум Марса — I, 14, 5; священная хижина Марса в Риме — XIV, 2, 2; Марсово поле — V, 13, 2; известен как отец Ромула и Рема — I, 77, 1-3; II, 2, 3; 56, 2; см. также — I, 31, 2; II, 48, 2; IV, 22, 1; 70, 5; см. также — «Арес»

Марсова война — IV, 65, 2; VIII, 80, 2

Марсово поле (Campus Martius), посвящено Марсу — IV, 22, 1; V, 13, 2; место сбора войск — IV, 22, 1-2; V, 13, 2; V, 22, 2; 57, 2; VIII, 87, 5; XI, 49, 2; место для центуриатных комициев — IV, 84, 5; V, 12, 3; VI, 30, 2; 49, 1; VII, 59, 3; VIII, 82, 5; IX, 14, 1; 42, 3

Марсы — I, 89, 3

Марувий — I, 14, 4

Марции, два сына Анка Марция — III, 45, 2; IV, 34, 3; организовали убийство Тарквиния Древнего — III, 72-73; IV, 4; 8, 1; 11, 3

Марций Анк, четвертый царь Рима — I, 75, 2; внук Нумы Помпилия — II, 76, 5; III, 35, 4; 36; ответственный за смерть Тулла Гостилия — III, 35; стремится восстановить религиозные институты и мирную политику Нумы — III, 36; но вынужден воевать — III, 37-42; добивается мира — III, 43-45; его смерть — III, 45, 2; см. также — IV, 6, 4; 34, 3

Марций Кориолан Г., захватил город Кориолы — VI, 92 борется против анциатов —

VI, 93; возглавляет еще один поход против анциатов — VII, 19; его речь в сенате против плебеев — VII, 21-24; плебейские трибуны требуют суда над ним, патриции сопротивляются — VII, 25-57; суд над ним в народном собрании — VII, 58-64; осуждение на вечное изгнание — VII, 64, 4-6; ср. VIII, 6, 2; 24, 4-5; уходит к Туллу Аттию — VIII, 1, 2-6; разрабатывает план войны против Рима — VIII, 2-11; выступает с войском вольсков против Рима и его союзников — VIII, 12-21; 36; отвергает просьбы трех римских посольств — VIII, 22-35; 36, 3 — 38; 50, 2; принимает свою мать, жену и римских матрон — VIII, 44; выслушивает просьбы своей матери — VIII, 46-54; объявляет вольскам решение о прекращении войны — VIII, 54, 5; уводит войска домой — VIII, 57, 1; обвинен Туллом Аттием — VIII, 57, 2-3; убит сторонниками Тулла — VIII, 59, 1; ему устраивают торжественное погребение — VIII, 59, 2-4; почитается после смерти как вольсками, так и римлянами — VIII, 62; см. также — VIII, 67, 4; 78, 5; 84, 2

Марций Рутилий Г., осаждает Приверны — XIV, 13; консул 342 г. до н.э. — XV, 3, 1; 3, 10-12

Мать богов (Кибела) — I, 61, 4; II, 19, 3-4

Мегакл, помощник Пирра — XIX, 12, 6

Медулия и ее жители, основана альбанцами — III, 1, 2; Ромул сделал ее римской колонией — II, 36, 2; III, 1, 2; VI, 55, 2; восстала против Рима — III, 34, 5; захвачена латинами — III, 38, 2-3; но возвращена Анком Марцием — III, 38, 4; восстала и присоединилась к сабинянам — VI, 34, 1

«Между двумя родами», место между крепостью (Арком) и Капитолием — II, 15, 4

Мезенций, царь тирренов в войне против латинов — I, 65; II, 5, 5

Мелана, фракийский залив — I, 61, 3

Мелий, Спурий, его заговор — XII, 1-4

Мемфис — IV, 25, 3

Менений Ланат, Агриппа, консул 503 г. до н.э. — V, 44, 1-5; его победа над сабинянами — V, 46-47; убеждает сенат пойти навстречу восставшим должникам — VI, 49-57; один из посланных к восставшим — VI, 69, 3; обращается к восставшим плебейам — VI, 83-88; его смерть и похороны — VI, 96, 1-4; IX, 27, 3-4

Менений Агриппа, военный трибун с консульской властью 418 г. до н.э. — XII, 6, 5

Менений Л., консул 452 г. до н.э. — X, 54

Менений Т., сын Агриппы — IX, 27, 2; консул 477 г. до н.э., готовит поход против Вей — IX, 18; не приходит на помощь Фабиям — IX, 23, 1-2; против него возбуждено судебное дело — IX, 27, 1-4; кончает жизнь самоубийством — IX, 27, 5

Мений Г., плебейский трибун 483 г. до н.э. — VIII, 87, 4

Мениппа — I, 28, 3

Меония, древнее название Лидии — I, 27, 1

Меонийцы — I, 27, 3

Меркурий — XII, 9, 2

Мессапийцы — I, 37, 2

Мессена, в Сицилии — XX, 4, 1-4

Мессения — XIX, 1, 2; ее жители — XIV, 6, 4

Метелл — см. «Цецилий»

Метилли, албанский род, переселен в Рим — III, 29, 7

Метон из Тарента — XIX, 8, 1

Меттий — см. «Курций» и «Фуфаций»

Мефюла — I, 14, 3

Мидас, его держава — I, 2, 2

Мизений — VII, 3, 2; XII, 1, 9

Мизений, товарищ Энея — I, 53, 3

Милезийцы — VII, 66, 5

Милония — XVII-XVIII, фр. 2

Мильтиад, афинский архонт — VII, 3, 1

Минерва, ее храм — I, 14, 3; 51, 3; III, 69, 1; 69, 5; IV, 59, 1; 61, 4; ее изображение в религиозной процессии — VII, 72, 13; см. также — «Афина»

Минос — II, 61, 2

Минтурна — I, 9, 2; XVI, 6, фр.

Миный, префект продовольствия, обвинен Спурием Мелием — XII, 1, 4-10; сообщает сенату о заговоре Мелия — XII, 1, 11-15; 4, 2-4; статуя в его честь — XII, 4, 6

Миный Авгурин М., консул 497 г. до н.э. — VI, 1, 1-4; консул 491 г. до н.э. — VII, 20, 1; защищает сенат — VII, 28-32; обращается к плебейским трибунам — VII, 38; обращается к плебейам по поводу Кориолана — VII, 60; один из посланных на переговоры с Кориоланом — VIII, 22, 4; его речь к Кориолану — VIII, 23-28

Миный Кв., консул 457 г. до н.э. — X, 26, 1; 30, 7

Миный Л., консул 458 г. до н.э. — X, 22, 1; 23, 5; 25, 1-2; децемвир — X, 58, 4; послан против эквов — XI, 23, 2

Миный П., консул 492 г. до н.э. — VII, 1, 1; 19, 5

Мискел, основатель города Кротона — II, 59, 3

Митиленцы — V, 73, 3

Мнемосина — VII, 72, 13

Модий Фабидий — II, 47, 3

Молоссы — XX, 1, 5; 2, 4

Моргет, царь италийцев — I, 12, 3; 73, 4

Моргеты, одно из названий этотрийцев — I, 12, 3

Моссинойки — I, 26, 2

Мугилланы — VIII, 36, 2

Музы — II, 60, 5; VII, 9, 4; 72, 13
Муциевы дуга — V, 35, 1
Муций Корд Г., решает убить Порсену — V, 25, 4; 27; но по ошибке убивает царского секретаря — V, 28, 2–3; пытается запугать царя — V, 29; посылается царем в Рим — V, 31, 2; награжден римлянами — V, 31, 1

Надежда, ее храм — IX, 24, 4

Надписи — I, 19, 3; 51, 1; 51, 3; 64, 5; 68, 1; II, 54, 2; 55, 6; III, 33, 1; IV, 26, 5; 48, 3; 58, 4; VIII, 79, 3; IX, 60, 8; X, 32, 4

Навий (или Невий) — см. «Аттий»

Навции, римский род — VI, 69, 1

Навций, спутник Энея — VI, 69, 1

Навций Г., консул 475 г. до н.э. — IX, 28, 1; 35, 7–8; консул 458 г. до н.э. — X, 22, 1; 23, 4–5; 25, 4

Навций Сервий, военный трибун с консульской властью 418 г. до н.э. — XII, 6, 5

Навций Спурий, его речь в сенате — VI, 69, 1–2; консул 488 г. до н.э. — VIII, 16, 1

Народ римский в целом, его права и обязанности — II, 14, 3–4; IV, 15, 6; 16, 1–5; 40, 1; 75, 4; 80, 2–3; V, 2, 2; 19, 4; VI, 66, 3; VII, 38, 4; 56, 3; его решения первоначально утверждались сенатом, но затем эта процедура поменялась, см. «Сенат»; тяжелые решения передавались ему царем — III, 22, 6; сенатом — II, 57, 3; V, 6, 1–2; уполномочен законом Валерия действовать как апелляционный суд для защиты плебеев от патрициев — V, 19, 4; 70, 2; VII, 41, 2–3; см. также — «Комиции трибутные»; вместе с сенатом отстранены от управления децемвирами — X, 59, 2–3; 60, 6; XI, 2, 1; см. также — «Комиции»

Нанас — I, 28, 3

Напетинская бухта — I, 35, 1

Нарния — XVII–XVIII, 5, фр.

Начальник конницы, помощник диктатора — V, 75, 2; 4; VI, 2, 3; 4, 3; 5, 4; 11, 3; 40, 1; X, 24, 3; XII, 2, 1–7; 4, 2

Неаполь и неаполитанцы — I, 44, 1; XV, 5–8

Невиев дуг — V, 14, 1

Неквин, город в Умбрии — XVII–XVIII, 5, фр.

Немезида, богиня — II, 75, 2

Неоптолем — I, 46, 4; 47, 5

Непет, город в Италии — XIII, 12, фр.

Нептун — VII, 72, 13; XII, 9, 2; идентифицируется с Посейдоном Гиппием и Консом — I, 33, 2; II, 30–31

Нерон — см. «Клавдий»

Несос («Остров»), в Аркадии — I, 49, 1–2

Ника — I, 33, 1

Никандр — XX, 9, 1

Никей, олимпийский чемпион — V, 50, 1

Никий — XX, 9, 1

Никомед, афинский архонт — VIII, 83, 1

Нил, река в Египте — XII, 10, 1

Ниоба — I, 11, 2

Ноланцы — XV, 5, 2

Номент (и номентанцы), город, основанный альбанцами — II, 53, 4; подчинен Тарквинием — III, 50, 1–3; один из 30 латинских городов — V, 61, 3

Ноны — см. «Календарь»

Норба, город в Лации — V, 61, 3

Нума — см. «Помпилий»

Нумиций, река в Лации — I, 64, 5

Нумиций Приск Т., консул 469 г. до н.э. — IX, 56, 1–5

Нумитор, дед Ромула и Рема — I, 71, 4–5; свергнут с альбанского трона Амунием — I, 74, 4–5; его сын убит, а дочь стала весталкой — I, 76, 1–4; скрыл свой гнев и выжидает — I, 76, 4; 78, 3; 79, 12–13; 80, 1; 81–82; 83, 3; 84, 2–8; возвращает власть —

1, 85, 1; посылает внуков основать колонию — I, 85, 3; см. также — I, 87, 1; II, 30, 2; V, 74, 4

Нумитория, мать Вергинии — XI, 29, 2; 30, 1; 34, 3; 36, 2

Нумиторий П., дядя Вергинии — XI, 28, 7; 30, 1–7; 31, 1–2; 32, 4; 33, 3; 38, 2; как плебейский трибун привлек к суду Спурия Опция — XI, 46, 4

Нумиторий, сын предыдущего — XI, 33, 3; 37, 7

Нундины (торговые дни) — II, 28, 3; VII, 58, 3; третий торговый день, срок, предоставляемый ответчику до дня суда, а также срок до дня голосования по законопроекту и т.п. — VII, 58, 3; 59, 1; IX, 41, 4; X, 3, 5; 35, 4; 47, 1–2

Облак Вольсиний, вождь ферентанцев — XIX, 12, 1–5

Общественные земли, делились царями среди бедняков — II, 28, 3; 50, 4; 62, 4; IV, 9, 8; 13, 2; 27, 6; Кассий предлагает разделить общественные земли, оккупированные богачами — VIII, 70–72; сенат наконец голосует за учреждение земельной комиссии — VIII, 73–76; аграрный закон из года в год игнорируется консулами — VIII, 80–91; IX, 1–18; 27, 4–5; 37, 1–3; 51–53; 59, 1; 69, 1; X, 30, 4; 32, 2–3; 35, 5; 36–42

Овация, малый триумф полководца — V, 47, 2; VIII, 67, 10; IX, 36, 3; 71, 4

Огульний Кв., один из посланных к Птолемею — XX, 14, 1

Одиссей — I, 69, 2; 72, 2; 72, 5; IV, 45, 1; VII, 72, 3–4; XII, 16, 1

Ойниады — I, 51, 2

Океан — I, 3, 3; 25, 4; XIX, 18, 8

Океан, бог — I, 17, 3; 25, 4; 27, 1

Окрикул, город в Этрурии — XVII–XVIII, 5, фр.

Окрисия, мать Сервия Туллия — IV, 2, 1–2; 4, 3; 10, 6

Олимпийские игры — VII, 72, 3; 73, 1–2

Олимп — I, 18, 1

Омбрики — см. «Умбры»

Омфала — I, 28, 1

Опалии, римский религиозный праздник — III, 32, 4

Опики — I, 22, 5; 53, 3; 72, 3; 89, 3; VII, 3, 1; XVI, 6, фр.

Опимия, весталка — VIII, 89, 4

Опий М. — XI, 43, 6

Опий Сп., децемвир — X, 58, 4

Опе (Рея), богиня — II, 50, 3; III, 32, 4; VII, 72, 13

Оракул, в Дельфах — I, 49, 3; IV, 69, 2; XII, 10, 2; 12, 2; XIX, 1, 3; в Додопе — I, 14, 5; 20, 1; 51, 1; 55; в Эритрее — I, 55, 4; Марса в Тиоре — I, 14, 5; Сивиллы — I, 34, 5; 49, 3; 55, 4; III, 67, 3; IV, 62; VI, 17, 3; VIII, 37, 3; X, 2, 5; 9, 1; XII, 9, 1; другие — I, 23, 4–5; 68, 4; XIX, 2, 1

Орбнев проход — IV, 39, 5

Орбиния (или Урбиния), весталка — IX, 40, 3

Орвиний, город в Италии — I, 14, 3

Ортона, город в Лацин — VIII, 91, 1; X, 26, 2

Орхомен, в Аркадии — I, 49, 1

Осса, город в Греции — I, 18, 1

Остия, римский морской порт — I, 9, 2; XII, 1, 9; построен Анком Марцием — III, 44, 3–4

Отцовская власть — II, 27; VIII, 79

Офриний — I, 46, 1; 47, 2

Паганалии, римский религиозный праздник, учрежден Сервием Туллем — IV, 15, 3–4

Паги, регионы, на которые Нума разделил римскую территорию — II, 76, 1–2;

назывались также «холмами», как места для защиты сельского населения, созданы Сервием Туллием — IV, 15, 2–3; но так назывались и сами регионы — V, 2, 2; ср. IV, 43, 2

Палатинские салии — II, 70, 1

Палатинский холм, его местонахождение — I, 31, 4; заселен Эвандром — I, 89, 2; II, 1, 4; заселен Ромулом — I, 85, 6 — 87, 3; 88, 2; II, 43, 1; см. также — I, 79; 84, 4; II, 37, 1; 50, 1–3; 66, 1; 70, 1; III, 43, 1; 68, 1; V, 36, 3; 39, 4; XIV, 2, 2

Палатинский регион, один из четырех, на которые Сервий Туллий разделил Рим — IV, 14, 1

Паладий, город аборигинов — I, 14, 2

Паладий, неверная форма Паланция — I, 31, 4

Палинур, гавань — I, 53, 2

Палладий, статуя Афины Паллады — I, 69, 2–3; II, 66, 5; VI, 69, 1; первоначально — одна из двух — I, 68, 4; ср. II, 66, 5

Палант, отец Хрисы — I, 61, 2; 62, 1; 68, 3

Палант, сын Геркулеса — I, 32, 2; 43, 2

Палант, сын Ликаона — I, 33, 1

Палантий, территория в Регии на юге Италии — XIX, 2, 1

Палантий, город, основанный аркадами на Палатине — I, 31, 4; 32, 1; 34, 1; 39, 1–2; 40, 1; 45, 3; 85, 4; I, 2, 3

Палантий, город в Аркадии — I, 31, 4; 60, 3; II, 1, 3

Паллена, полуостров в Македонии — I, 47, 6; 49, 1, 4; 50, 1

Памфилийское море — I, 3, 2

Пан — I, 38, 1; почитался в Риме — I, 32, 3; 79, 8; VII, 72, 13; особенно во время Луперкалий — I, 80, 1

Панафинеи — см. «Квинкватрии»

Папирий Г., консул 231 г. до н.э. — II, 25, 7

Папирий Г., понтифик — III, 36, 4

Папирий Мугилан Л., консул 444 г. до н.э. — XI, 62, 2

Папирий Маний, первый царь священнодействий — V, 1, 4

Парилии, римский религиозный праздник, учрежден Ромулом — I, 88, 3

Парки (Мойры), богини судьбы — V, 15, 2; VII, 72, 13

Парменид, олимпийский чемпион — IX, 56, 1

Парнас, гора — I, 17, 3

Парфенис — XIX, 1, 2–3

Парфяне — II, 6, 4

Патриции, раздел населения Ромулом — II, 8, 1–2; объяснение названия — II, 8, 3–4; их обязанности по отношению к клиентам — II, 9–12; их число удвоено — II, 47, 1; 62, 4; дальнейшее увеличение за счет альбанских родов — III, 29, 7; за счет плебеев — III, 67, 1; V, 13, 2; за счет именитых пришельцев — II, 41, 4; IV, 3, 4; V, 40, 3–5; составили заговор об убийстве Ромула — II, 56, 4; противодействуют воцарению Сервия Туллия — IV, 8, 2; 10, 6; участвуют в заговоре против него — IV, 40, 4; подвергаются преследованию со стороны Тарквиния Гордого — IV, 41, 1; первоначально только из них выбирали консулов — V, 18, 1; XI, 54–61; им запрещены браки с плебеями — X, 60, 5–6; XI, 28, 4; все время в противостоянии плебеям — IV, 40, 4; 43–44; V, 63–70; VI, 21–90; VII, 13–67; VIII, 14, 4; 21, 4–5; 24; 81–82; 87; 90; IX, 25; 28, 2–5; 37, 3–4; 47–49; 53–54; 59, 1–2; X, 1, 1–5; 13, 7; 17–19; 22, 1; 26–52; XI, 22, 7; 33, 1–2; привлекаются плебейскими трибунами к суду народного собрания — VII, 26, 2–4; 27–54; часто термин патриции используется для обозначения сенаторов — II, 60, 3; IV, 8, 2; V,

- 63, 2; VI, 90, 2; VII, 27, 3; 63, 1; VIII, 22, 3; 23, 3; 73, 1-2; 82, 4-5
 Патрокл — V, 17, 4; VII, 72, 3; 73, 3
 Патрон, из Фурий — I, 51, 2
 Патроны и кленты, их взаимные обязанности — II, 9-11
 Певцетий — I, 11, 4; 13, 1
 Певцетийцы — I, 11, 4; 13, 1
 Пед, город в Лацин — V, 61, 3; VIII, 19, 3; 26, 4
 Пеларгикон, древняя стена на Акрополе в Афинах — I, 28, 4
 Пеларги («Аисты»), одно из названий этрусков — I, 28, 4
 Пеласг, отец Фрастора — I, 28, 3
 Пеласг, сын Посейдона — I, 17, 3
 Пеласг, сын Зевса и Ниобы — I, 11, 2; 13, 1; 17, 3
 Пеласги, их древняя история — I, 17-18; 28, 2-4; в Италии — I, 9, 2; 13, 2; 17, 1-3; 18-21; 23-26; 28-30; 33, 5; 44, 2; 60, 3; 89, 2; II, 1, 3; 2, 2; 22, 2; 49, 1-3; III, 58, 1
 Пеласгия — I, 17, 3
 Пелигны — XX, 1, 5
 Пелопоннес — I, 3, 2; 11, 2; 17, 2-3; 21, 3; 25, 5; 50, 1; 60, 3; 61, 2; 68, 3
 Пелопоннесцы, последовали за Геркулесом, поселились близ Палатина — I, 34, 1-2; 44, 2; 45, 2; 60, 3; 89, 2
 Пелопс — V, 17, 4
 Пенаты — I, 67-69
 Пеней — I, 28, 3
 Пентрийцы, племя самнитов — XVII-XVIII, 4, 4
 Пергам, цитадель Трои — I, 46, 1
 Периандр, тиран Коринфа — IV, 56, 3
 Персефона — II, 19, 2; III, 32, 1; XX, 9, 1; ср. VII, 72, 13
 Персидская война — XI, 1, 2
 Персия, ее царь — III, 61, 1
 Персы, их держава — I, 2, 2-3
 Петелий Квинт, децемвир — X, 58, 4; XI, 23, 1
 Петрон — см. «Антистий»
 Пиза, древнее название г. Царе — I, 28, 3
 Пинарии, римский род — I, 40, 4
 Пинарий Луций, консул 472 г. до н.э. — IX, 40, 1
 Пинарий Руф П., консул 489 г. до н.э. — VIII, 1, 1; 3, 1; один из посланных для переговоров к Кориолану — VIII, 22, 4
 Пинария, весталка — III, 67, 3
 Пиргион, афинский архонт — I, 74, 4
 Пиренен — XIV, 1, 3
 Пирр, начал войну с Римом — XIX, 9-18; XX, 1-3; пытается одолеть Фабриция — XIX, 14-18; в битве при Аскуле — XX, 1-3; в Сицилии — XX, 8; снова в Италии — XX, 9; терпит поражение от римлян — XX, 10-12; см. также — I, 6, 1; XIX, 8, 1; XX, 4, 4; 6, 1
 Писа, город в Элиде — I, 34, 3-4
 Писа, город в Этрурии — I, 20, 5
 Писатиды, область в Элиде — I, 34, 3
 Питтак — II, 26, 2
 Пифагор, олимпийский чемпион — II, 58, 3
 Пифагор, философ — II, 59
 Пифрийский оракул — I, 49, 3; см. также — «Дельфийский оракул»
 Пидетия, неизвестный город — V, 40, 5
 Плакийцы — I, 29, 3
 Платея, битва при — V, 17, 4
 Плебеи (плебе), название, данное Ромулом беднякам — II, 7, 1-4; их права и обязанности — II, 9-11; иногда переводились в патриции — III, 67, 1; IV, 3, 4; V, 13, 2; их избирательные права ущемлены в пользу богатых центуриатной реформой Сервия Туллия — IV, 20; угнетены Тарквинием Гордым — IV, 41, 1; 43-44; 81; их права ограничены диктатурой — V, 70, 5; более

400 плебеев переведено в сословие всадников — VI, 44, 2; доступные им должности — V, 18, 1–2; VI, 87, 3; 89–90; VII, 65, 1–2; их борьба с патрициями — V, 62–69; VI, 22–29; 31, 1; 34–44; удалились на Священную гору — VI, 45–47; VII, 1, 1; 14, 3; 49, 2; X, 35, 1; ведут переговоры о возвращении — VI, 48–89; VII, 48, 1; возвращаются в город — VI, 90, 1–2; VII, 1, 1–2; частые стычки с патрициями — VII, 13–66; IX, 37–49; X, 1–13; 17–18; 27–30; 33–42; XI, 50; планируют второе удаление — X, 35; ср. XI, 44, 5; их требование получить доступ к консульству — XI, 53, 2–3; 54–61

Шлеяды, созвездие — I, 61, 1

По (Пад), река в Италии — I, 18, 3

Погребальные обряды — V, 16, 2; 48, 3–4; VI, 96, 3–4; VIII, 59, 1–4; XI, 39, 5–7; речи — V, 17, 2–6; IX, 54, 5–6

Полимнаст, олимпийский чемпион — X, 26, 1

Политорий и его жители — III, 37, 4; 38, 1; 43, 2

Поллукс — см. «Кастор»

Полуска и ее жители — VI, 91, 3; VIII, 36, 2

Поментинская равнина — см. «Помптинская равнина»

Пометинцы, жители Суессы Помеции, разбиты Тарквинием Гордым — IV, 50, 2; 53, 2; X, 37, 4

Помпеи — I, 44, 1

Помпей, Гней — VIII, 87, 7

Помпилий Нума, рождение и жизнь — II, 58–59; выбран царем римлян — II, 58, 2; 60, 3; легенда о нимфе Эгерии — II, 60, 5–7; 61, 1–2; почитает Ромула под именем Квирина, сооружает ему храм — II, 63, 3–4; учреждает различные религиозные коллегии и ритуалы — II, 64–75; делит римскую территорию на паги — II, 76; его смерть —

II, 76, 5; см. также — I, 75, 2; II, 23, 6; 27, 4; III, 1, 1; 1, 4; 6, 1; 35, 3; 36, 2–3

Помпилий Помпон, отец Нумы — II, 58, 2

Помпоний М., консул 231 г. до н.э. — II, 25, 7

Помптинская равнина — II, 49, 5; IV, 63, 1; V, 26, 3; VI, 29, 2; VII, 1, 3; 2, 1

Понтий, вождь самнитов — XVI, 1, 4

Понтийское (Эвксинское) море — XIV, 1, 1

Понтифики, их название и функции — II, 67, 3; 73; III, 45, 2; см. также — I, 38, 3; II, 66, 4; III, 22, 6–7; 36, 4; 67, 3; V, 1, 4; VIII, 38, 1; 55, 3; 56, 1; 89, 4; X, 32, 4; 57, 6; великий понтифик — I, 70, 4

Понтифиций, Тиберий, плебейский трибун 480 г. до н.э. — IX, 5, 1

Попликола — см. «Валерий»

Поплифуггий, религиозный праздник — II, 56, 5

Порсена Ларс, царь клузийцев (Этрурия), начал войну против римлян — V, 21; 22, 3–5; покушение Муция Корда на его жизнь — V, 27–29; заключает мир с римлянами и возвращается домой — V, 30–34; см. также — V, 36; VI, 74, 5; VII, 5, 1

Посейдон (Нептун) — I, 17, 3; 53, 5; Гипсий — I, 33, 2; Сейсиктон («Потрясающий землю») — II, 31, 2

Посейдония, город на юге Италии — I, 73, 4; II, 1, 2

Постумии, патрицианский род, обвинен народом в противодействии аграрному закону — X, 41, 5; 42

Постумий, послан в Тарент — XIX, 5

Постумий Альбин Спурий, консул 466 г. до н.э. — IX, 60; один из трех посланных в Грецию для изучения законов — X, 52, 4; 54, 3; избран децемвиром — X, 56, 2

Постумий Альб Авл, консул 496 г. до н.э. — VI, 2, 1; диктатор — VI, 2, 3; 3–22;

в битве у Регильского озера — VI, 5—12; изобличает вольсков в обмане — VI, 14—16; празднует триумф — VI, 17; см. также — VI, 21, 1; 33, 1—2; 94, 3; VII, 71, 2

Постумий Альб Авл, консул 464 г. до н.э. — IX, 62—63; 65, 2

Постумий Бальб, один из посланных сенатом к восставшим плебеям — VI, 69, 3

Постумий Мегелл Л., консул 291 г. до н.э. — XVII—XVIII, 4, 1—6; 5, 1; присужден к высокому штрафу — XVII—XVIII, 5, 4

Постумий Туберт П., консул 505 г. до н.э., воюет с сабинянами — V, 37—39; консул 503 г. до н.э. — V, 44, 1—2; одерживает победу над сабинянами — V, 46—47; послан для переговоров с восставшими плебеями — VI, 69, 3

Потит — см. «Валерий»

Потиции, римский род, их жертвоприношения — I, 40, 4

Префект города — II, 12, 1; IV, 82, 1; VIII, 64, 3; X, 23, 4; 24, 1

Префект продовольствия — XII, 1, 5; 1, 11

Пренесте и его жители — IV, 53, 1; V, 61, 3; VIII, 65, 1

Преторы — I, 38, 3; II, 6, 1; 19, 4

Приам — I, 48, 3—4; 52, 3; III, 31, 4

Приверн и его жители — XIV, 13, 1

Примипилы, категория римских воинов — IX, 10, 2; 13, 3; X, 36, 6

Принципы, категория римских воинов — XX, 11, 2

Prisci Latini («Древние Латины») — I, 45, 2

Пританея — II, 23, 2; 65, 4

Прозерпина — VII, 72, 13; см. также — «Персефона»

Прока, албанский царь — I, 71, 4

Проконсулы — IX, 11, 2; 12, 5; 17, 5; проконсульская власть — IX, 63, 2; XI, 62, 1; XVII—XVIII, 4, 5

Прометей — I, 17, 3; 41, 3; XVI, 1, 3

Прохита, остров — I, 53, 3

Птолемей Филадельф — XX, 14, 1

Публилий Анк — III, 34, 3

Публилий Гай, поработен за долги и подвергнут нападкам со стороны хозяина — XVI, 5, 1—3

Публилий, отец предыдущего — XVI, 5, 1

Публилий Волепон — IX, 39, 1—4; плебейский трибун 472 г. до н.э. — IX, 41, 1; 41, 3—5; 42—43

Пунические войны — I, 4, 1; 6, 2; 8, 2; II, 66, 3; VII, 71, 2; см. также — «Ганнибалова война», «Карфаген»

Рабудей, Г., плебейский трибун 486 г. до н.э. — VIII, 72, 1

Рабудей, М., децемвир — X, 58, 4; XI, 23, 1

Рабы, как приобретались и освобождались — IV, 24; ср. VI, 63, 2; их обязанности и привилегии во время Компиталий — IV, 14, 3—4; Сервий Туллий дал им гражданство после освобождения — IV, 22, 3—4; 23—24; восстания и заговоры рабов — V, 51, 3; 53, 3—4; ср. X, 14, 3

Расенна, легендарный вождь этрусков — I, 30, 4

Расенны, самоназвание этрусков — I, 30, 4

Реате, город аборигинов — I, 14; реатинцы — I, 14, 6

Реатинская земля — I, 14, 1; II, 48, 1; 49, 1—3

Регий и его жители — XX, 4—5; 7, 3; 16, 1

Регильское озеро в Лации — VI, 3, 3

Регилл, сабинский город — V, 40, 3; XI, 15, 4

Рейн, река — XIV, 1, 2

Ремория, холм в Риме — I, 85, 6; 87, 3

Рем — I, 71, 5; 73, 2—3; 79—87; II, 2, 3; см. также — «Ром»

Рена, нимфа — I, 61, 3
 Рея, богиня — II, 50, 3; см. также —
 «Опс»

Рея Сильвия — см. «Илия»

Рим квадратный — II, 65, 3

Рим, его расположение — II, 1, 1-2; ранние поселения, позднее включенные в город — I, 9, 1; 30, 5; 31, 3; 73, 4; II, 1, 2-4; колония альбанцев, возглавляемых Ромулом и Ремом — I, 45, 3; 66, 2; 71, 5; 73, 3; 85-88; II, 2; 16, 2; 56, 7; дата основания — I, 74-75; 88, 2-3; II, 2, 3; другие традиции об основании Рима — I, 71-73; многие греческие историки считали его этрусским городом — I, 29, 2; но на самом деле это греческий город — I, 5, 1; 89-90; его название происходит от Ромула — I, 9, 4; 45, 3; II, 2, 4; 46, 2; или от имени Ром (сын Итала и Левкарии) — I, 72, 6; 73, 3; по имени троянки, которую звали Рома — I, 72, 2; 72, 5; расширился за счет добавления близлежащих холмов — I, 71, 4; II, 50, 1; 62, 5; III, 1, 5; 43, 1; 45, 1; IV, 13, 2; его стены были построены из квадратных камней — III, 67, 4; становится морским портом — III, 44, 4; его наиболее значительные публичные сооружения — III, 67, 4-5; 68, 1-4; 69, 1-2; величина и внешний вид Рима во времена Дионисия Галикарнасского — IV, 13, 2-5; IX, 68, 2-3; его население — см. «Ценз»; размеры владений Рима — I, 3, 2-3; 9, 1-3; 31, 3; 56, 4; причины его быстрого роста — I, 15-17; III, 11, 7-9; IV, 22-24; VI, 19, 4; захвачен галлами — I, 74, 4; 74, 6; XIII, 6-9; 12, 1-2; охраняется божественным провидением — V, 7, 1; 54, 1; VII, 12, 4; ср. IV, 26, 2; VIII, 26, 3; X, 10, 2

Римляне, греки по происхождению — I, 5, 1-3; 9-13; 17-88 (повсюду); особенно см. I, 60, 3; 89; II, 1-2; это происхождение доказывается их восприятием ранних

греческих ритуалов и культов — I, 33, 1-3; 34, 5; 38, 4; 39, 4; VI, 1, 4; VII, 70-73; всегда жили как греки — I, 90, 1-2; ср. I, 33, 3; IV, 26, 5; но превзошли греков в некоторых политических институтах и на практике — II, 16, 1; 17, 1-3; 18-19; 24-25; 26-27; 28, 2-3; IV, 22-24; VI, 14, 4; VII, 18, 2-3; 66, 4-5; XIV, 6, 3-5; XVI, 4-5; XIX, 15, 4-6; XX, 12, 3; 13; их язык — I, 90; примеры их честности, самоконтроля и других достоинств, особенно в раннее время — I, 5, 3; V, 48, 1-2; VI, 96, 1-3; X, 17, 3-6; 25, 3; XIX, 14-17; упадок нравов в поздние времена — II, 11, 3; 34, 3; IV, 24; V, 60, 2; X, 17, 6

Римские игры (ludi Romani) — V, 57, 5; ср. X, 20

Римские колонии — I, 9, 2; 27, 1; II, 16, 1; 35, 7; 36, 1-2; 50, 5; 53, 4; III, 1, 2; 34, 5; 38, 2; 49, 4; 49, 6; 58, 4; IV, 63, 1; VI, 43, 1; 44, 2; 55, 2; VII, 12, 5; 13-14; VIII, 14, 1; IX, 59, 2; XVII-XVIII, 5, 2

Римское гражданство, свободно предоставлялось всем пришельцам — II, 15, 3; 46, 2-3; III, 47, 2; 48, 2; IV, 23, 3; V, 40, 3-5; ср. I, 89, 1-3; давалось освобожденным рабам — IV, 22-24; различным захваченным городам и их жителям — II, 16, 1-3; 35, 6-7; 55, 6; III, 9, 6-7; 10, 4-5; 29, 6-7; 31, 2-3; 37, 4; 38, 3; 43, 2; 49, 6; IV, 58, 3; VI, 19, 4; 55, 1-2; XIV, 6, 3; XV, 7, 4; особенно латинам — VII, 53, 5; (ср. VI, 63, 4; 95, 1-3); VIII, 35, 2; 47, 2-3; 69, 4; 74, 2; 77, 2; и герникам — VIII, 69, 2-3; 74, 2; XI, 2, 2; ср. II, 36, 3; III, 1, 2; IV, 27, 6; V, 36, 3-4

Рипейские горы — XIV, 1, 3

Ром, по греческой традиции основатель Рима — I, 72, 1; 72, 5; II, 2, 3; см. также — «Рем»

Рома, троянская женщина — I, 72, 2; 72, 5

Ромилий Т., консул 455 г. до н.э. — X, 33, 1; посылает Сикция на почти верную смерть — X, 44—46; привлечен к суду и оштрафован — X, 48—49; выступает в сенате на стороне плебейских трибунов — X, 50—52; децемвир — X, 56, 2

Ромул, сын Энея — I, 49, 2; 72, 1; 73, 2—3; или сын Илии — I, 77, 1; 78, 4; его юность — I, 79—81; 83—86; основывает Рим — I, 9, 4; 45, 3; 71, 5; 73, 3—4; 75, 1; 85—88; II, 2—3; 72, 1; избран царем — II, 4—6; его законы и установления — II, 7—30; 35; 46, 2—3; 47, 1—4; 50, 1—5; 55, 1—4; ср. II, 52; войны Ромула — II, 32—34; 36—46; 50, 4; 53—55; его смерть — II, 56; почитается под именем Квирина — II, 63, 3; см. также — II, 72, 1; 93, 2; III, 1, 2; 3, 1; 23, 1; 34, 5; 41, 3; 61, 3; 71, 1; IV, 10, 3; 73, 1; VI, 80, 1—2; VIII, 40, 4; XIV, 2, 2

Ростра — I, 87, 2; II, 26, 5

Рузеллы, этрусский город — III, 51, 4

Рутулы, в войне с Латином — I, 43, 2; 57, 2; 59, 2; 64, 2—4

Рыночные дни — см. «Нундины»

Саб, древний герой сабинян — II, 49, 2

Сабинянки, похищенные римлянами — II, 30—32; 37, 3—5; способствуют миру между двумя народами — II, 45, 4—6; VIII, 40, 4—5

Сабиняне (сабины), их древнейшая история — I, 14, 6; II, 49, 1—3; следы спартанского влияния на них — II, 49, 4—5; во главе с Титом Тацием воюют против Ромула — II, 33; заключают мир по настоянию женщин — II, 37—45; VIII, 40, 4; некоторые поселяются в Риме — II, 46, 3; III, 9, 6—7; 10, 4; IV, 67, 3; V, 40, 3—5; часто воюют с Римом, а) в период монархии — II, 70, 1—2; III, 32—33; 40, 4—5; 42, 1—3; 55—57; 63—66; IV, 45, 2; 46, 2—3; 50—52; б) в период республики — V,

37—46; 49, 1—3; VI, 31; 34, 1—4; 42, 1—3; 45, 1—2; IX, 34; 36, 1—2; 55, 1—2; 56, 6; 57, 1—2; 59, 3; X, 22, 2; 23, 5; 25, 4; 26, 1; 30, 7; XI, 3, 2; 7, 1—4; 18, 4; 20, 2; 23, 1—4; 48, 1; служат в римской армии в войне с Пирром — XX, 1, 5; см. также — III, 28, 4; 52, 1—2; 59, 1; 69, 1; IV, 3, 2; 9, 2; 59, 1; 82, 5; V, 48, 2; VI, 7, 4; 12, 1; 21, 3; 25, 3; 41, 2; 49, 1; 50, 2; 62, 4; 75—77; 96, 1; VIII, 70, 1; X, 14; 37, 4; 54, 8; XI, 15, 4; 41, 1

Саламин, битва при — V, 17, 4

Салентинский мыс — I, 51, 3

Салии, коллегия танцующих жрецов, введенная Нумой Помпилием — II, 70—71; их число удвоено — III, 32, 4

Салины — III, 41, 3

Самний — XVII—XVIII, 4, 4

Самнитские войны, первая — XV, 3, 2—4; вторая — XV, 3, 10—12; 7—10; XVI, 1; 5, 1; третья — XVI, 4, 2; XVII—XVIII, 1—5

Самниты — I, 89, 3; XV, 2—4; 4, 3; обещают помощь неаполитанцам в войне против Рима — XV, 5—6; восстали против Рима — XIX, 6, 2; 9, 2; подчинены — XIX, 13, 1; 16, 3; в армии Пирра — XX, 1, 3; 1, 5; 3, 6; некоторые из их городов — XVI, фр. 2; XVII—XVIII, фр. 1—2; 4; см. также — «Самнитские войны»

Самон — I, 61, 3

Самофракийцы — I, 68, 3; 69, 4

Самофракия — I, 61, 3; 68, 2—3; II, 66, 5

Санк, сабинское божество — II, 49, 2

Сардиния — II, 17, 3

Сатирий — XIX, 1, 3

Сатрик, город — V, 61, 3; VIII, 36, 2

Сатурн (Крон) — I, 34, 4—5; 38, 1—2; II, 19, 1; III, 32, 4; VII, 72, 13; храм Сатурна — II, 50, 3

Сатурналии — IV, 14, 4

Сатурния, древнее название Италии — I, 18, 2; 34, 5; 35, 3; ср. I, 19, 3

Сатурния, город, построенный на Капитолийском холме спутниками Геркулеса — I, 20, 5; 45, 3; 85, 4

Сатурнов холм, древнее название Капитолия — I, 34, 1; заселен пелопоннесцами — I, 34, 2; 34, 5; 38, 2; 44, 2; 89, 2; II, 1, 4

Самосцы — XIV, 6, 4

Свесбола (вместо Суессула) — I, 14, 2

Священная гора, удаление на нее плебеев — VI, 45, 2; 90, 1; второе удаление на Священную гору — X, 35, 1

Священная дорога (via Sacra) — II, 46, 3; 50, 3; V, 35, 2

Сегеста (= Эгеста) — I, 52, 4

Семеро против Фив — V, 17, 4

Семирамида — IV, 25, 3

Семпронии, патрицианский род, привлеченный к суду за противодействие аграрному закону — X, 41, 5; 42

Семпроний Атратин Авл, консул 497 г. до н.э. — VI, 1, 1; назначен охранять Рим — VI, 2, 3; VIII, 64, 3; консул 491 г. до н.э. — VII, 20, 1; выступает с речью по аграрному закону — VIII, 74–75; междуцарь — VIII, 90, 4

Семпроний Атратин Авл, военный трибун с консульской властью 444 г. до н.э. — XI, 61, 3

Семпроний Атратин Л., консул 444 г. до н.э. — XI, 62, 2

Семь вод — I, 14, 4

Семь холмов — II, 55, 5; V, 31, 4; 36, 4; 65, 3

Сенатусконсулт о наказании заговорщиков и награде раскрывших заговор Тарквиниев — V, 57, 3; о введении должности диктатора — V, 70, 3–4; о приостановке взыскания долгов — VI, 1, 1; о браках между латинянами и римлянами — VI, 1, 2; о возобновлении судебных дел против должников —

VI, 22, 1; о посольстве к восставшим плебеям — VI, 69, 3–4; о примирении с плебеями и прощении долгов — VI, 88, 3; о назначении комиссии по разделу общественных земель между плебеями — VIII, 76, 1–2; запретивший наказывать детей за преступления отцов — VIII, 80, 1; о разделе между плебеями земель анциатов — IX, 59, 1; об увеличении числа плебейских трибунов с пяти до десяти — X, 30, 6

Сенат, учрежден Ромулом — II, 11–12; удвоен при добавлении 100 сабинян — II, 47, 1; добавление из некоторых альбанских родов — III, 29, 7; вырос до 300 сенаторов за счет добавления 100 плебеев — III, 67, 1; игнорировался Сервием Туллием — IV, 8, 2; 10, 4–6; 12, 3; Тарквиний Гордый сводит к минимуму его влияние, уничтожает его лучшую часть — IV, 42, 1–5; то же самое делает Сулла — V, 77, 4–6; его численность снова увеличена до 300 — V, 13, 2; ср. VII, 55, 4–5; 60, 4; плебеи стали попадать в сенат только впоследствии — VII, 65, 1; созывался царями — III, 26, 5; консулами — V, 27, 1; VIII, 3, 3; X, 30, 2; XI, 57, 1; децемвирами, в случае крайней необходимости — XI, 3, 5–6; 4, 1–3; попытка плебейского трибуна созвать сенат — X, 31, 2–6; функции сената — II, 14, 1–2; IV, 80, 2; VI, 66, 2–4; ср. VI, 86, 4; хранит высшую власть после смерти царя — II, 57, 1–4; 62, 1; III, 1, 1; по получает это право от народа — III, 46, 1; IV, 40, 2; первоначально утверждал решение народа — II, 14, 3; 60, 3; IV, 12, 3; но позднее должен вносить свое постановление или предварительное мнение (auctoritas patrum) до голосования народа — II, 14, 3–4; IV, 80, 2; VII, 38, 4; 39, 1–2; см. также — III, 1, 1; 36, 1; 46, 1; IV, 10, 4–5; 31, 2; 40, 2; 75, 4; 84, 2–5; V, 1, 2–4; 32, 2; 57, 3; VI, 66, 2–3; 67, 1–2; VII, 37, 2; 38, 3–4; 39–40; 47; 50, 2;

51, 3; 57–58; VIII, 15, 2; 21, 4; 30, 4; 75, 3; 76, 1–2; 91, 4; IX, 37, 5; 41, 3; 42, 3; 44, 7; 49, 3–4; X, 4, 1; 26, 5; 30, 6; 32, 4; 48, 1; 57, 6; XI, 17, 1; 47, 1; 54, 4; 59, 5; 60–61; XIX, 6, 2–3; в крайних случаях собирався ночью — III, 26, 5; IX, 63, 2–3; XI, 20, 3; собрания сената в частных домах — X, 40, 3; 42, 5; XI, 55–58; 60, 5

Сенат, здание — II, 56, 4; IV, 38, 2; V, 57, 3; 63, 2; VII, 26, 1; XII, 4, 4

Сенаторы, прозванные «отцы, внесенные в список» — II, 12, 3; вызывались на заседание по имени — II, 8, 4; VIII, 3, 2; XI, 4, 3; многие были убиты или изгнаны Тарквинием Гордым — IV, 42, 1–3; покинули Рим во время захвата власти децемвирами — XI, 2, 3–4; 4, 3; 9, 4; контролируют власть консулов, как раньше власть царей — VII, 55, 3–6; их мнение спрашивают по очереди, начиная со старейшего и наиболее уважаемого эконсула — VII, 47, 1; XI, 6, 6; ср. V, 65, 5; VI, 35, 1; 49, 2; 57, 2; 59, 1; 68, 1; 69, 1; VII, 21, 4; X, 50, 4; XI, 4, 4–5; XIX, 15, 3; но этот порядок не всегда соблюдался — XI, 16, 1; 56, 4–5; молодые сенаторы более активно противостоят плебеям — VI, 39, 1; 43, 2; 65, 2–3; 66, 1–3; 69, 3; VII, 21, 4; 25, 1; X, 33, 5–6; 41, 3; XI, 21, 1–4; часто обозначаются термином «патриции», см. например — II, 8, 3; 60, 3; IV, 8, 2; V, 63, 2; VI, 65, 2; 90, 2; VII, 25, 3; 26, 3; 27, 1–3; 63, 1; VIII, 22, 3; 23, 3; 73, 1

Сеноны, разгромлены П. Корнелием — XIX, 13, 1

Сервины, альбанский род — III, 29, 7

Сервилий Г., консул 478 г. до н.э. — IX, 16, 1–7

Сервилий Агала Г., начальник конницы — XII, 2, 1–6; убивает Спурия Мелля — XII, 4, 2–5

Сервилий Приск П., консул 495 г. до н.э. — VI, 23, 1; покровительствует восставшим плебеям — VI, 23, 3; 40, 1; уговаривает их участвовать в походе против вольсков — VI, 28–29; 76, 2; вопреки сенату празднует триумф — VI, 30, 2–3; 58, 2–3; наносит поражение сабинянам и аврункам — VII, 64–65; один из посланных к восставшим плебеям — VI, 69, 3

Сервилий Приск П., консул 463 г. до н.э. — IX, 67, 1; X, 7, 5; умер от чумы — IX, 68, 2

Сервилий Приск Кв., начальник конницы 494 г. до н.э. — VI, 40, 1

Сервилий Приск Кв., консул 468 г. до н.э. — IX, 57, 1; консул 466 г. до н.э. — IX, 60, 1; 60, 7

Сервилий Кв., консул 342 г. до н.э. — XV, 3, 1

Сервилий Сервий (или Спурий), консул 476 г. до н.э. — IX, 25, 1; одержал слишком дорогую победу над тирренами — IX, 26; обвинен в плохом командовании — IX, 28; его защита в суде — IX, 29–33; оправдан — IX, 33, 3; легат — IX, 35, 4

Сервий Туллий — см. «Туллий»

Сергий М., децемвир — X, 58, 4; XI, 23, 2

Сестий П., консул 452 г. до н.э. — X, 54; децемвир — X, 56, 2

Сестрин брус (Sororium tigillum) — III, 22, 8

Сетия, латинский город — V, 61, 3

Сецессии плебеев, первая — VI, 45–89; угроза второй сецессии — X, 35; вторая сецессия — XI, 44, 5

Сибарис, город и река на юге Италии — XIX, 1, 1

Сивилла из Эритрея — I, 55, 4

Сивильский оракул — см. «Оракул»

Сигния — IV, 63, 1; V, 58, 4; ср. V, 20, 1

Сигнурий — V, 20, 1

- Сидицины — XV, 3, 8; XX, 4, 2
- Сикания, древнее название Сицилии — I, 22, 2
- Сиканы — I, 22, 2; 52, 1
- Сикиннида, греческий танец — VII, 72, 12
- Сикций Дентат Л., выступает в защиту аграрного закона — X, 36–39; собирает отряд в 800 ветеранов для похода против эквов — X, 43, 3–4; посылается консулом Ромилием на верную смерть, захватывает вражеский лагерь — X, 44–46; появляется в Риме с сообщением о битве — X, 47, 2–6; плебейский трибун 454 г. до н.э., преследует Ромилию — X, 48–49; но затем выступает в его защиту — X, 52, 2–3; убит по приказу децемвиров — XI, 25–27; 44, 1
- Сикций Т., консул 487 г. до н.э., побеждает вольсков — VIII, 64, 1–3; 67; X, 36, 4; легат и проконсул 480 г. до н.э., возвращает римский лагерь — IX, 12–13; снова легат, спасает римское войско — IX, 14, 3–4; 19, 3
- Сикел, древний италийский царь — I, 12, 3; 22, 4; 73, 4
- Сикелийский пролив — I, 12, 2; 22, 1; 35, 2; 52, 1
- Сикелы, древнейшие жители Италии — I, 9, 1; 12, 3; 16, 1; 16, 5; 17, 1; 19, 3; 20, 2–5; 21; 60, 3; II, 1, 1; 35, 7; мигрировали в Сицилию — I, 22, 52, 3–4
- Сикульский квартал в г. Тибуре — I, 16, 5
- Сила — XX, 15, 1
- Силена (Елена) — VII, 72, 13
- Сильван (Фавн), сельское божество — V, 16, 2
- Сильвий — I, 70–71
- Сильвия — см. «Илия»
- Сиракузы, город в Сицилии — VI, 62, 1; VII, 1, 4–5; XX, 8, 1; 8, 3
- Сицилия, некогда называвшаяся Тринакрия, но после прибытия сиканов названная Сикания — I, 22, 2; захвачена сикулами — I, 22; посещена Энеем — I, 52–53; 54, 1; 64, 1; тираны Сицилии — VII, 1, 3–5; VIII, 70, 5; XX, 7, 2–3; 8, 1–4; Пирр и карфагеняне на Сицилии — XX, 8–9; прочие упоминания — I, 12, 2; 35, 2; 44, 2; 51, 2; II, 17, 3; 66, 3; VII, 1, 3–6; 2, 1; 20, 3; 37, 3; 66, 5; XIX, 2, 2; XX, 4, 1; 4, 8
- Сициний, альбанец, дед Горациев и Куриациев — III, 13, 4
- Сициний Беллут (или Велут) Г., лидер плебеев во время первой сецессии — VI, 45, 2; 70, 2; 72, 2; 82, 1; избран одним из первых плебейских трибунов — VI, 89, 1; эдиллом — VII, 14, 2; 17, 4; возмущает плебеев против Кориолана — VII, 32–36; решает привлечь его к суду народного собрания — VII, 38; 61, 3
- Сициний (вместо Ицилий) Спурий, плебейский трибун 492 г. до н.э. — VII, 14, 2; 17, 2
- Скамандр, дед Троса — I, 62, 2
- Скамандр, олимпийский чемпион — IX, 18, 1
- Скаптий — XI, 52, 1
- Скаптия — V, 61, 3
- Скиллетинский залив — I, 35, 1
- Скифы — VII, 70, 4; XIV, 1, 1
- Смирий, афинский архонт — V, 50, 1
- Солнце, как божество — I, 54, 2; II, 50, 3; IV, 63, 1
- Солон, афинский реформатор — II, 26, 2; IV, 9, 7; V, 65, 1
- Солоний — II, 37, 2
- Сольные разработки в устье Тибра — II, 55, 5; III, 41, 3
- Сосистрат — XX, 8, 4
- Союзническая (Марсова) война — IV, 62, 5; VIII, 80, 2
- Спарта (Лакедемон) — II, 23, 3; 49, 4; III, 11, 2; XIX, 1, 2
- Спартанцы (спартиаты) — II, 17, 1; см. также — «Лакедемоняне»

Спина, город в устье реки По — I, 18, 5
Спинет (Спина), рукав реки По — I, 18, 3

Справедливость, как богиня — II, 75, 2
Стаций Т., плебейский трибун 475 г. до н.э. — IX, 28, 1

Стратон — I, 22, 5

Сублидиев мост (pons sublicius) через Тибр в Риме — I, 38, 3; II, 73, 1; III, 45, 2; V, 23, 2; 24, 1; IX, 68, 2–3

Субуранский регион в Риме — IV, 14, 1

Суесса Помеция, захвачена Тарквинием — IV, 50, 2–4; 52, 2–3; 59, 1; VI, 74, 2; захвачена Сервилием — VI, 29, 4–5

Сулла — V, 77, 4–5; VIII, 80, 2

Сулпиций П., консул 279 г. до н.э. — XX, 1, 1

Сулпиций Камерин Кв., консул 490 г. до н.э. — VII, 68, 1

Сулпиций Камерин Сервий, консул 500 г. до н.э. — V, 52, 1; подавляет заговор — V, 54–57; один из посланных к удалившимся плебеям — VI, 69, 3; см. также — VI, 20, 1

Сулпиций Камерин Сервий, консул 461 г. до н.э. — X, 1, 1; 4, 1; один из посланных в Грецию за законами — X, 52, 4; 54, 3; децемвир — X, 56, 2

Сулпиций Руф (Сервий) — XIV, 7

Суна — I, 14, 2

Суоветаурилии (Suovetaurilia), жертвоприношение быка, барана и козла — IV, 22, 1

Сфайр Лакедемонец, олимпийский чемпион — III, 36, 1

Талл Тиранний, сабинянин — II, 46, 3

Танаквиль, жена Тарквиния Древнего — III, 47, 4; IV, 1, 2; 2, 2; 7, 4; советует Сервию Тулию занять трон — IV, 4, 4; см. также — III, 46, 5; IV, 6, 3–5; 10, 6; 30, 2–3

Танс, прозвище Тарентина — XIX, 4, 2

Тарент, город на юге Италии — I, 73, 4; II, 1, 2; XIX, 1, 4; 6, 2; XX, 1, 1–3; 4, 2

Тарентинцы — XV, 5, 2; XIX, 3, 1–2; оскорбляют римских послов — XIX, 5–6; призывают на помощь Пирра — XIX, 8–10; сражаются в его войске — XX, 1, 2; 3, 1; 4, 2

Тарквиний Аррунт, брат Тарквиния Древнего — III, 46, 5; V, 3, 1; 14, 1

Тарквиний Аррунт, сын предыдущего, прозванный Эгерием и Коллатином — III, 50, 3; 57, 3; 65, 6; IV, 64, 2

Тарквиний Аррунт, внук, а не сын Тарквиния Древнего — IV, 1, 1; 5–8; 29, 2–3; женился на дочери Сервия Туллия — IV, 28–30; умирает от яда — IV, 30, 1; 79, 1; см. также — IV, 4; 8–9; 11

Тарквиний Аррунт, сын Тарквиния Гордого — IV, 63, 1; 69, 2; 81, 3–4; погибает в поединке с Брутом — V, 15, 2

Тарквиний Гордый Л., внук, а не сын Тарквиния Древнего — IV, 1, 1; 6–8; женился на дочери Сервия Туллия — IV, 28, 1; составляет с сестрой жены заговор против Сервия Туллия — IV, 28–38; захватывает царскую власть силой — IV, 38; 41, 1; за тираническое правление получает прозвище «Гордый» — I, 75, 2; IV, 41, 2–4; жесток и к патрициям, и к плебеям — IV, 42–44; добивается лидерства над латинянами и учреждает общелатинское празднество — IV, 45–49; наносит поражение сабинянам и завоевывает Суессу — IV, 50–52; становится хозяином Габий — IV, 53–58; достижения мирного времени — IV, 59–63; осаждают Ардею — IV, 64, 1; приговаривается вместе с семьей к вечному изгнанию — IV, 62, 5; 71, 3–5; 75, 2; 84–85; V, 1, 2–3; его смерть — VI, 21, 3

Тарквиний Древний, первоначально звался Лукумоном — III, 46, 5; позднее именуемый Древним — IV, 41, 4; переезжает в Рим — III, 47, 3–4; 48, 1–2; выдвинулся в военных походах — III, 39, 2;

40, 4; 41, 4; 49, 1; избран царем — III, 46, 1-2; 49, 1; его войны — III, 49-66; достижения мирного времени — III, 67-72; убит сыновьями Анка Марция — III, 72-73; см. также — I, 75, 2; IV, 1-11; 27; 28, 1; 29, 2; 30, 1-3; 31, 1; 34, 3; 37, 2-4; 64, 2; 68, 1; V, 31, 3

Тарквиний Коллатин Л., сын или внук Эгерия — IV, 64, 2-3; 68, 2; 70, 2-4; 71, 2; 73, 1; 82, 1; избран одним из двух первых консулов (509 г. до н.э.) — IV, 76, 1; 84, 5; V, 1, 2; 6, 1; защищает своих племянников Аквилев — V, 9, 2-3; отстранен от власти и отправлен в изгнание — V, 10-12; см. также — I, 74, 4; V, 6-7; VIII, 49, 6

Тарквиний Л., начальник конницы 458 г. до н.э. — X, 24, 3

Тарквиний Марк и Публий, обнаружива-ют заговор рабов — V, 54; 57, 3

Тарквиний Секстий, сын Тарквиния Гор-дого, способствует захвату Габий — IV, 55-58; 85, 4; пленен красотой Лукреции и насилует ее — IV, 64-65; 82, 1-3; погибает в сражении — VI, 12, 5

Тарквиний Тит, брат предыдущего — V, 14, 3; 15, 4; 22, 4; 23, 1; 26, 1; VI, 5, 4; 11, 1

Тарквинии, изгнаны из Рима — IV, 70, 4; 71, 3; 75, 2; 84-85; V, 1, 3; пытаются вернуть власть — V, 3-7; 14, 1; 21, 1-3; 22, 4; 26; 31-34; 45, 2; 51-53; 62, 3-4; 64, 2; VI, 6, 2; 7, 3-4; 11, 2; 21, 3; VII, 2, 3; 12, 1; 71, 2

Тарквинии, этрусский город — III, 46, 5; V, 3, 1; 14, 1; VI, 74, 4

Тарквиния, мать Л. Юния Брута — IV, 68, 1; ср. IV, 1, 1-2

Тарквиния, жена Сервия Туллия — III, 72, 7; IV, 1, 2; 4, 3; 4, 8; 9, 1; 28, 1; 40, 5; 79, 4

Тарпейя, сдает римскую цитадель Таццию — II, 38-40

Тарпейский холм, древнее название Ка-питолия — III, 69, 4; IV, 60, 4

Тарпейская скала — II, 56, 3; VII, 35, 4; VIII, 78, 5; IX, 39, 4; X, 31, 3; 38, 3; XI, 6, 1; XIV, 4, 1; ср. XIII, 8, 2

Тарпей, отец Тарпейи — II, 38, 2

Тарпей Спурий, консул 454 г. до н.э. — X, 48, 1; 49-50

Таррацина — XV, 3, 4

Тартар (подземное царство) — II, 19, 1

Таумасий («Счастливая»), гора в Арка-дии — I, 61, 1

Таций Тит, в войне с Ромулом — II, 37-41; становится соправителем Рима — II, 46-48

Теагенид, афинский архонт — IX, 56, 1

Тевкр, древний царь Троицы — I, 61, 4; 62, 1

Тевкрида, древнее название Троицы — I, 61, 4

Тевталид — I, 28, 4

Телегон, сын Латина и Ромы — I, 72, 5

Телегон, сын Одиссея и Кирки — IV, 45, 1

Телеф — I, 28, 1

Теллены, город аборигинов и латинян — I, 16, 5; III, 38, 2; 43, 2; V, 61, 3

Теллус, его храм — VIII, 79, 3

Теренций (вместо Терентий), плебей-ский трибун 462 г. до н.э. — X, 1, 5

Терикл, афинский архонт — IV, 41, 1

Терминалии, римский религиозный праздник — II, 74, 3

Терминий (вместо Атерний), Авл, консул 454 г. до н.э. — X, 48, 1; 50, 1

Термин, бог границ, его алтарь — III, 69, 5; см. также — «Юпитер Термин»

Тесей — V, 17, 4

Теструна — II, 49, 2

Тиберин, альбанский царь — I, 71, 2

Тибр, река, ее истоки — I, 9, 2; III, 44, 1; судходна вплоть до истоков — III, 44, 1-2; в ее устье построена Остия — III, 44, 4;

защищает Рим от нападений — IX, 68, 2; ее ширина и течение — IX, 68, 2; остров на Тибре — V, 13, 4; единственный мост через нее, см. «Сублициев мост»; прежде называлась Альбула — I, 71, 2; см. также — I, 38, 3; X, 53, 3-4

Тибур — I, 16, 5; V, 37, 4; 61, 5

Тиора — I, 14, 5

Тираний, Тамл, сабин — II, 46, 3

Тиррен, сын Атиса — I, 27, 1-3; или Геракла и Омфалы — I, 28, 1; или Телефа — I, 28, 1

Тиррен (Турн), вожь рутулов — I, 64, 2-3

Тиррен (Тирр), свинопас — I, 70, 2

Тиррения (Этрурия) — XII, 14, 1; ср. III, 46, 3; VI, 75, 3; название, хорошо известное грекам, относимое ими ко всей западной Италии — I, 25, 5; прочие упоминания — I, 28, 2-4; 37, 2; II, 36, 2; III, 47, 3; 58, 4; IV, 6, 2; 27, 2; 29, 2; V, 14, 1; 21, 1; VI, 50, 2; 74, 5; VII, 12, 3; VIII, 91, 3; IX, 1, 2; 5, 4; 15, 5; 16, 2; 18, 4; 35, 7; X, 8, 4; XII, 1, 2; XIX, 6, 2

Тирренские войны — IX, 25, 1; XIX, 13, 1

Тирренское море — I, 9, 2; 10, 1; 12, 1-2; 45, 1; 53, 2; 63, 3; 72, 3; II, 1, 1; 49, 3; III, 44, 1; IV, 63, 1; XV, 5, 1

Тиррены (этруски), иногда идентифицируются с пеласгами — I, 23, 5; 25, 3-4; 28, 3; другие говорят об их индийском происхождении — I, 27-28; третьи, включая Дионисия, считают их автохтонным населением Италии — I, 26, 2; 29-30; объяснение их названия с точки зрения греческого, латинского и местного языка — I, 26, 2; 27, 1-3; 30, 2-4; изгнали пеласгов из различных городов — I, 20, 5; 26, 2; III, 58, 1; помогают рутулам против троянцев и Латина — I, 65; II, 5, 5; впервые потерпели поражение от Тарквиния и передали ему знаки царской

власти — III, 57-62; не признают власть Сервия Туллия, но вновь покорены — IV, 12, 3; 27; ведут войну против римлян на стороне изгнанного Тарквиния — V, 14-16; 26-34; заключают мир V, 34, 4; ведут войну с аридийцами — V, 36; 51, 2; 61, 4-5; VII, 5, 3; вместе с другими итальянскими народами нападают на Кумы — VII, 3-4; война с Римом — IX, 1-14; уничтожают Фабиев при Кремерах — IX, 15-21; разбивают Менения — IX, 23-24; разбиты Вергинием и Сервилием, уходят с Яникула — IX, 26; терпят еще одно поражение — IX, 34-35; некогда хозяева моря — I, 11, 4; и Италии к северу от Тибра — III, 45, 1; их города одни из самых цветущих в Италии — III, 46, 3; изгнаны из Капуи кампанцами — XV, 3, 7; роскошь их жилищ — II, 38, 3; мастера в науке гадания — II, 5, 2-5; III, 47, 3-4; 70, 4-5; IV, 60-61; IX, 6, 4-7; XII, 11, 2-4. См. также — «Вейяне»

Тисикрат, олимпийский чемпион — VI, 1, 1; 34, 1; 49, 1

Титаны — VII, 72, 7

Тиций Секет — IX, 69, 1

Тога, ее внешний вид — III, 61, 1

Тойон, командир гарнизона в Сиракузах — XX, 8, 1

Толерий и его жители — V, 61, 3; VIII, 17, 3-6; 26, 4

Толумний Ларс, этрусский царь, убит в единоборстве с Корнелием Коссом — XII, 5, 1-3

Торреб, город — I, 28, 2

Торобы — I, 28, 2

Торимб, олимпийский чемпион — X, 1, 1

Торкват — см. «Манлий»

Трабея, пурпурный плащ — II, 70, 2

Триарии — V, 15, 4; VIII, 86, 4; IX, 12, 1

Трибула (вместо Требула) — I, 14, 2

Трибуны, начальники триб — II, 7, 3; 14, 4

Трибуны военные — VI, 4, 1; XI, 44, 2; XII, 11, 3; XVI, 4, 2–3

Трибуны военные с консульской властью — XI, 56, 3–4; 60–62; XII, 6, 5; 7, 1; 11, 3; 12, 1

Трибуны плебейские, избраны для защиты плебеев от притеснений патрициев — VI, 87–89; VII, 14, 3–4; IX, 46, 4; 10 декабря, день вступления в должность — VI, 89, 2; их личности считались неприкосновенными — VI, 89, 4; IX, 1, 4; 44, 7; 48, 4; 54, 2; X, 34, 2–5; 35, 1–2; 39, 1; XI, 55, 3; им в качестве помощников даны два эдила — VI, 90, 2–3; иногда остаются в должности более одного года — VII, 33, 1; IX, 42, 2; X, 8, 5; 19, 3; 22, 1; 26, 4; 33, 1; XIV, 12; их число увеличено до десяти — X, 30; изменение способа их избрания — IX, 41, 2–3; 49, 4–5; X, 4, 3; могли созывать трибутные комиции и председательствовать на них — X, 10–11; но не центуриатные комиции — VIII, 90, 2; нельзя прерывать при обращении их к народу — VII, 16, 4; 17, 4–6; могут противостоять любому магистрату, даже консулу — VIII, 90, 2; XI, 3, 5–6; XI, 54, 4–5; но не могут помешать друг другу защитить любого магистрата — IX, 1, 3–4; X, 31, 3–4; 42, 2–3; попытки патрициев внести раздор в их ряды — IX, 1–2; X, 31, 4–6; сначала могли только присутствовать на собрании сената, но не высказывать свое мнение — VII, 25, 3–4; 39–47; X, 9, 7; 31, 1; позднее получают право созывать сенат — X, 31, 1–2; 32, 1; хотят приговорить Кориолана к смерти — VII, 25, 1–3; 35; VIII, 6, 2; 24, 1; затем привлекли его к суду народного собрания — VII, 26–64; привлекают к суду и других патрициев — VII, 65; IX, 27, 1–3; 28–33; 44, 7; 47, 1; X, 42; 49; 56, 2; XI, 46; XIII, 5, 1; предлагают законы: а) о разделении общественной земли между плебеями — VIII, 81 — X, 42

(повсюду); б) об изменении выборов трибунов — IX, 41; 49, 3–5; X, 4, 3; в) о разделе Авентина между плебеями — X, 31–32; г) о создании общедоступного свода законов — X, 1–4; 15–54; д) о доступности консулата плебеям — XI, 53; инспирируют фальшивое сообщение о заговоре патрициев против плебейского трибуната — X, 9–13; обвиняются в злоупотреблении властью — VII, 22–23; 30, 3–4; 31, 1; 49–52; IX, 44, 7–8; X, 3, 2; 4, 1; 39, 1–2; 42, 1–4; ср. VIII, 97, 4–5; их власть имела силу только внутри города — VIII, 87, 6–7

Трибулат, гарантирован плебеям по договору — VI, 87; VII, 16, 4; 23, 2–4; 49, 2–3; 52, 4–6; X, 4, 1–2; 34, 2–4; сделан священным и неприкосновенным — VI, 89, 3–4; VII, 22, 1; 50, 1; VIII, 87, 7–8; утвержден законом и торжественной клятвой — VI, 89, 3–4; ликвидирован во время децемвирата — X, 56, 2; XI, 4, 6–7; 5, 4; 30, 4

Трибы римские — II, 7, 3; их число в разные периоды — IV, 14, 2; 15, 1; VII, 64, 6; ср. III, 72, 3

Тридимские ворота в Риме — I, 32, 2

Тринакрия, древнее название Сицилии — I, 22, 2

Триопий — IV, 25, 4

Триоптолем — I, 12, 2

Триумф, как праздновался Ромулом — II, 34; 54, 2; 55, 5; во времена Дионисия празднуется с чрезвычайной роскошью — II, 34, 3; отличается от овации — V, 47, 2–3; IX, 71, 4; воины во время процессии восхваляют своих военачальников и поют непристойные куплеты — II, 34, 2; VII, 72, 11; иногда сенат отказывает полководцам в триумфе — VI, 30, 2; VI, 58, 2; 77, 1–2; IX, 17, 4; 26, 9; X, 47, 6; XI, 49, 2; 50, 1; праздновался вопреки такому отказу — VI, 30, 2–3; XI, 50, 1; XVII–XVIII, 5, 3–4; солдаты стараются, чтобы триумфа не было —

IX, 7, 3; отказ консула от триумфа — IX, 13, 4

Троада — I, 47, 4; 61, 4; 67, 1; 89, 2; II, 66, 5

Трос, сын Эрихтония — I, 62, 2

Троянка, сжигает корабли Энея — I, 52, 4; сжигает корабли греческих завоевателей — I, 72, 4

Троянские города — I, 47, 2; 52, 3; 60, 3; 61, 4

Троянская война, как точка отсчета времени — I, 9, 3; ; 11, 1; 22, 4; 22, 5; 26, 1; 31, 1; 72, 1; 73, 3; 73, 6; II, 2, 1

Троянский холм близ Бутрота — I, 51, 1

Троянское место — I, 53, 3

Троянцы — I, 29, 1; по происхождению греки — I, 61–62; в войске Геркулеса — I, 34, 2; 42, 3; 60, 3; прибывшие с Энеем — I, 45–60; 63–65; 72, 1–2; 73, 4; 85, 3; 89, 2; II, 2, 2; VIII, 21, 1

Троя, захвачена Геркулесом — I, 34, 2; ахейцами — I, 45, 1; 46–47; 48, 2; 54, 2; 58, 2; 63, 1; прочие упоминания — I, 52, 3; 53, 4; 72, 1; 72, 4; VI, 69, 1; 80, 2; ее захват, как точка отсчета времени — I, 9, 3; 28, 1; 63, 1; 65, 1; 71, 5; II, 2, 2; см. также — «Илион»

Тукция, весталка — II, 69, 1

Тулл — I, 27, 1

Туллий, отец Сервия Туллия — IV, 1, 2

Туллий Сервий, шестой царь Рима — I, 75, 2; III, 65, 6; его рождение — IV, 1–2; 29, 38, 4; участвует во многих военных походах Тарквиния Древнего и в делах управления — IV, 3, 1–3; женится на одной из дочерей царя — IV, 3, 4; после смерти царя с помощью Танахвиль получает власть — IV, 4–5; игнорируя сенат, получает власть от народа — IV, 8–12; 31, 2; 34, 5–6; 40, 1–2; включает в черту города еще два холма — IV, 13, 1–2; делит город на четыре региона, а страну на многочисленные паги — IV,

14–15; заставляет всех римлян регистрировать их имена и имущественный ценз — IV, 15; разделяет граждан на 193 центурии и 7 имущественных разрядов — IV, 16–19; передает многие функции куриатных комиций в центуриатные — IV, 20–21; проводит *lustrum* — IV, 22, 1–2; предоставляет гражданство освобожденным рабам — IV, 22, 3–4; 23; 24, 1–3; предлагает латинянам создать в Риме храм-убежище — IV, 25–26; трижды одерживает победу над тирренами и подчиняет их Риму — IV, 27; заговор против него Луция Тарквиния и младшей дочери — IV, 28–38; его смерть — IV, 38–40; 68, 2; 79, 3–4; см. также — III, 72, 7; IV, 40, 5–6; 42, 1; 42, 5; 45, 2; 48, 3; 68, 2; V, 2, 2; 20, 1; 75, 3

Туллия, старшая дочь Сервия Туллия, замужем за Луцием Тарквинием — IV, 28, 1–2; 31, 4; умирает от яда — IV, 30, 1; 79, 2

Туллия, младшая дочь Сервия Туллия, замужем за Аррунтом Тарквинием — IV, 28, 1–2; отравляет мужа и сестру — IV, 29; 30, 1; выходит замуж за мужа сестры — IV, 30, 4; 79, 2; составляет заговоры против своего отца — IV, 30, 5–6; 38, 1–2; и торжествует по поводу его смерти — IV, 39

Турн — см. «Тиррен» и «Гердоний»

Туски (*Tusci*), римское название этрусков — I, 30, 3

Тутизлы (*Tutulatae*) — II, 22, 2

Тюоски, ранняя форма от латинского «туски», близкое к греческому названию этрусков — I, 30, 3

Улица Куприева (*Cuprius vicus*), в Риме — III, 22, 8

Улица Нечестивая (*Sceleratus vicus*), в Риме — IV, 39, 5

Улица Этруская (*vicus Tuscus*) — V, 36, 4

Умбры (омбрики), автохтонное население Италии — II, 49; ср. I, 19, 1–2; см. также — I, 10, 3; 13, 3–4; 16, 1; 20, 4; 22, 5; 26, 1; 27, 4; 29, 2; 89, 3

Уран — II, 19, 1

Уриты — V, 49, 1

Фабии, римский род, взял на себя войну с Вейями — IX, 15–16; полностью уничтожен — IX, 18–22; 27, 2; 59, 1

Фабий Цезон, квестор 485 г. до н.э., обвиняет Кассия — VIII, 77–78; 82, 5; IX, 1, 1; 2, 3; 3, 1; консул 484 г. до н.э. — VIII, 83, 1; 84, 1; 86, 7; консул 481 г. до н.э. — IX, 1, 1; 2, 1–2; ненавидим своими воинами и поэтому вынужден бесславно закончить поход против этрусков — IX, 3; 9, 4; брат Марка — IX, 9, 4; 11, 3; 13, 3; 22, 5; награжден за храбрость в сражении — IX, 13, 3; консул 479 г. до н.э. — IX, 14; при Кремере — IX, 15, 3–7; 16, 3

Фабий М., консул 483 г. до н.э. — VIII, 87, 2; 88, 1; консул 480 г. до н.э. — IX, 5; сражается против Вей — IX, 8–13; отказывается от триумфа — IX, 13, 4; ведет Фабиев к Кремере — IX, 15–16; оставляет после себя одного сына — IX, 22, 5–6

Фабий Пиктор Нумерий — XX, 14

Фабий Кв., брат Марка и Цезона — VIII, 82, 5; IX, 11, 2; 22, 5; консул 485 г. до н.э. — VIII, 77, 1; 82, 1–4; консул 482 г. до н.э. — VIII, 90, 6; 91; легат и проконсул, погибает в сражении — IX, 11, 2

Фабий Вибулан Кв., сын Марка — IX, 22, 5; консул 467 г. до н.э. — IX, 59–60; консул 465 г. до н.э. — X, 61; консул 459 г. до н.э. — X, 20–21; XI, 4, 7; 5, 1; 16, 1; охраняет Рим в отсутствие консулов — X, 22, 2; 23, 5; децемвир — X, 58, 4; XI, 23, 1

Фабий Кв., посол к галлам, напавший на них — XIII, 12

Фабий Максим Кв., Пентрийский, консул 292 г. до н.э. — XVII–XVIII, 4, 4–6

Фабий Максим Кв., посол к Птоломею — XX, 14

Фабриций Г., консул 282 г. до н.э. — XIX, 13–18; XX, 4; 5, 4; цензор — XX, 13, 1

Фавн, царь аборигинов — I, 31, 2; 42, 3; 44, 3

Фавн, сельское божество — V, 16, 2

Фалерни — I, 21, 1–2; 37, 2; XIII, 1

Фалернское вино — I, 66, 3; XIV, 8

Фалиски, добровольно сдались Камиллу — XIII, 1

Фаустин — I, 84, 3

Фаустул — I, 79, 9; 80, 3–4; 82, 2–5; 83, 1; 84, 2–5; 87, 2

Феагенид — см. «Теагенид»

Феб — I, 19, 3; см. также — «Аполлон»

Федон, афинский архонт — IX, 18, 1

Фемида (Юстиция), почиталась в Риме — II, 1, 3; VII, 72, 13

Фемистокл, афинский архонт — VI, 34, 1

Феней — I, 34, 2; 42, 3

Феодор — XX, 9, 1

Ферентин, город самнитов — XVII–XVIII, 5, фр.; XIX, 12, 1

Ферентины, место проведения собрания Латинского союза — III, 34, 3; 51, 3; IV, 45, 3; V, 50, 2; 61, 1

Feriae Latinae, общелатинский праздник, учрежденный Тарквинием Гордым — IV, 49, 3; к нему добавлен второй и третий день — VI, 95, 3; ср. VIII, 87, 6–7

Ферония, богиня — II, 49, 5; III, 32, 1

Ферония, город в Лации — II, 49, 5

Фессалийцы — II, 9, 2; V, 74, 2; XX, 1, 3

Фессалия — I, 17, 1; 17, 3; 60, 3; 89, 2; II, 1, 3

Фессалоника — I, 49, 4

Феспроты — XX, 1, 2; 1, 5; 2, 4

Фесценний, город в Этрурии — I, 21, 1

Федналы, их функции — II, 72; III, 3, 3; VI, 21, 2; IX, 60, 6; X, 23, 1; использованы для заключения договора с восставшими плебеями — VI, 89, 1; ср. I, 21, 1

Фиванцы — I, 3, 2; II, 17, 1

Фидены и фиденяне, албанская колония близ Рима, захвачена Ромулом — II, 53–54; часто восставала против Рима — II, 72, 3; III, 6; 7, 7; 8, 1; 9, 1; 23–26; 28, 1; 31, 5; 39, 3–4; 40, 3; 57–58; V, 40, 2; 40, 5; 41, 3; 51–52; 54, 5; 58–60; VI, 55, 2; XII, 5, 1; см. также — II, 55, 2; 55, 4; III, 27, 1; 41, 2; 50, 8; 55, 3; IV, 51, 1–3; 52, 1; V, 41, 1; 51, 1; 56, 3; 57, 2; X, 22, 3; 26, 1; XI, 27, 7; 44, 1

Фидес (Нистис), богиня Верности (клятве) — II, 75, 2; V, 68, 4

Фидиции, общие трапезы в Спарте, заимствованы Ромулом — II, 23, 3

Фикана — III, 38, 3

Фикудея, латинский город — III, 51, 2

Филиск, афинский архонт — XI, 1, 1

Филонид — XIX, 5, 3

Филостефана — см. «Ферония»

Флаволей, М. — IX, 10, 2–4; 13, 3

Фламины — II, 64, 2

Фокида — I, 18, 1

Фороней, отец Ниобы — I, 11, 2; 17, 3

Фортуна (Тихе), ее храм — IV, 27, 7;

Фортуна Мужская (Virilis) — IV, 27, 7;

Фортуна Женская (Muliebris), ее храм и ритуалы — VIII, 55, 3–5; 56

Форум бычий (forum boarium) — I, 40, 6; IV, 27, 7

Форум римский (Forum Romanum), создан Ромулом и Тацием — II, 50, 2; включал озеро Курция — II, 42, 6; и храм Весты — II, 66, 1–2; оснащен Тарквинием Древним портиками и торговыми лавками — III, 67, 4; место для проведения судебных процессов и других общественных дел — II, 29, 1; III, 67, 4; IV, 10, 2; 41, 3; IX, 39, 3; X, 9, 3;

47, 3; XI, 28, 6; 29–37; XII, 2, 3; место проведения курнатных или трибунных комициев — II, 50, 2; III, 67, 4; IV, 10, 6; 12, 1–3; 37, 2; V, 10, 1; 57, 4; VI, 28, 1; 66, 4; 67, 1; VII, 14, 1; 15–16; 27, 1–2; 58, 4; 59, 1–3; 64, 5; VIII, 43, 7; IX, 41, 4; 44, 3; X, 15, 3; 40, 3; 47, 2; XI, 39, 1–5; 61, 1–3; место, где выставлялись законы для общего ознакомления — II, 27, 3; III, 36, 4; IV, 43, 1; X, 3, 4; 57, 7; 60, 5; тела умерших приносились сюда для произнесения погребальных речей — IV, 40, 5; 71, 2; V, 17, 2; IX, 38, 2; 54, 5; XI, 39, 2; XII, 2, 9; ср. IV, 76, 3; процессии, проходящие через Форум — II, 70, 2; VI, 13, 4; VII, 72, 1; место для бичевания и казни преступников — II, 29, 1; V, 8, 5; 57, 4; VI, 30, 1; IX, 40, 4; XX, 5, 5; 16, 2; ср. IV, 55, 1; пропасть, открывшаяся в центре Форума — XIV, 11; различные упоминания Форума — I, 34, 4; 68, 1; 87, 2; II, 63, 3; III, 1, 3; 22, 9; 72, 6–7; IV, 38, 2–3; 39, 1; V, 19, 1; 25, 2; 35, 2; 36, 4; 55, 3; 57, 1; 64, 1; VI, 1, 4; 13, 1–2; 22, 2; 26, 1; 26, 3; 27, 1; 45, 1; VI, 51, 2; VII, 35, 4; 69, 1; VIII, 22, 3; 78, 5; 89, 5; XI, 4, 1; 28, 6; 38, 4; 39, 2; XII, 1, 4; 2, 3; 2, 9–10; 4, 4; XVI, 5, 2

Форум Попиния — I, 21, 4

Фракийцы — XIV, 1, 1

Фракия — I, 2, 4; 49, 1; 49, 4; 61, 3; 63, 2; ср. I, 25, 3; 47, 6

Фрасибул — IV, 56, 3

Фрасиклей, афинский архонт — X, 1, 1

Фрастор — I, 28, 3

Фреар, алтарь — III, 71, 5

Фрегеды — XV, 8, 4; 10, 1; XVI, 6, фр.

Фригийцы — I, 29, 1; 47, 5; II, 19, 4

Фригия — I, 48, 2; 53, 5; 61, 4

Фтий — I, 17, 3

Фтиотиды — I, 17, 3

Фуриш, город — XIX, 13, 1; XX, 4, 2; ср. I, 51, 2

Фурии, богини мщения — VIII, 28, 4; 33, 4; 51, 2; см. также — «Эринии»

Фурий Г., плебейский трибун 445 г. до н.э. — XI, 53, 1

Фурий Л., консул 474 г. до н.э. — IX, 36, 1

Фурий Камилл М., диктатор 396 г. до н.э., захватил Вейи — XII, 14; 16, 4; XIII, 2-3; осадил Фалерии — XIII, 1; осужден и ушел в изгнание — XIII, 5; назначен диктатором — XIII, 6, 1; XIV, 3; будучи диктатором в пятый раз, наносит поражение галлам — XIV, 9-10

Фурий Кв. — IX, 69, 2

Фурий П., консул 472 г. до н.э., погибает в сражении — IX, 63, 5-6

Фурий Сервий, проконсул 478 г. до н.э. — IX, 16, 4; 17, 5

Фурий Сервий, консул 464 г. до н.э. — IX, 62-66

Фурий Секстий, консул 488 г. до н.э. — VIII, 16, 1

Фурий Сп., консул 481 г. до н.э. — IX, 1, 1; 2, 3-4; X, 53, 6

Фуфетий (*лат.* Fufetius) Меттий, альбанский военачальник — III, 5, 3; приглашает Тулла Гостилия для переговоров — III, 5-12; они соглашаются решить спор поединком троих альбанцев и троих римлян — III, 13-18; сохраняет командование над альбанцами — III, 22, 1-2; оказывается коварным союзником — III, 23-26; постигшее его наказание — III, 26-30

Халкидийцы — I, 25, 3; основатели Кум — VII, 3, 1

Харет, афинский архонт — IX, 37, 1

Харонд, сицилийский законодатель — II, 26, 2

Харопс, афинский архонт — I, 71, 5; 75, 3

Херонея, битва при — II, 17, 2

Хриса, дочь Палланта — I, 61, 1

Хэрэфан, афинский архонт — X, 53, 1

Цари, в Древней Греции — II, 12, 4; 14, 2; в Альба-Лонге — I, 66, 1; 70-71; в Риме — I, 75, 1-3; II, 6 — IV, 85; способ их избрания — II, 5; 6, 1; 57, 1-3; 28, 3; 60, 2-3; III, 1, 1-2; 36, 1-2; 46, 1; IV, 40, 2-3; 80, 2; исключения — IV, 12, 3; 40, 1; 41, 1; 80, 1; их прерогативы — II, 14, 1-4

Царь священнодействий (*rex sacrorum*) — IV, 74, 4; V, 1, 4

Цедиций Л., плебейский трибун 475 г. до н.э. — IX, 28

Цедиций Л., командовал римским войском против галлов — XIII, 6, 1-5; 9, 2

Цезарь — см. «Юлий» и «Август»

Целеры (*celerēs*) — II, 13; их командир — II, 13, 3; 64, 3; IV, 71, 6; 75, 1

Целий, холм в Риме — II, 36, 2; 50, 1; III, 1, 5

Целий, тирренец — II, 36, 2

Ценз, учрежден Сервием — IV, 15-22; отменен Тарквинием — IV, 32, 2; V, 20, 1; возобновлен при республике — V, 20, 1; 75, 3; VI, 63, 4; 96, 4; IX, 25, 2; 36, 3; XI, 63, 2; другие подсчеты численности населения Рима — II, 2, 4; 16, 2-3; 35, 6; V, 25, 2

Цензоры, их обязанности — II, 25, 7; III, 67, 5; IV, 22, 2; 24, 8; XIX, 16, 5; XX, 13, 3

Ценина — II, 32, 1; 33-34; 35, 2, 6; 35, 7

Центурии, созданы Сервием Туллем — IV, 16-19; 20-21; VII, 59; VIII, 82, 6; X, 17, 3

Церера (Деметра), посвященное ей имущество — VI, 33, 1; 89, 3; VIII, 79, 3; X, 42, 4; ее храм — I, 33, 1; VI, 17, 2; 94, 3

- Цетия — VIII, 36, 2
 Цецилий Метелл Л., консул 251 г. до н.э. — II, 66, 4
 Цинциннат — см. «Квинций»
 Цирк (circus Maximus), начат Тарквинием Древним — III, 68, 2; продолжен Тарквинием Гордым — IV, 44, 1; см. также — I, 79, 8; 79, 11; II, 31, 2; 71, 4; V, 36, 4; 57, 5; VI, 94, 3; VII, 72, 1
 Цирцеи, римская колония — VIII, 14, 1; IV, 63, 1
 Цэре, этрусский город — I, 20, 5; III, 58, 1; IV, 27, 2–6
- Эакид, отец Пирра — XIX, 9, 1
 Эбуций Л., консул 463 г. до н.э. — IX, 67, 1–4; X, 7, 5
 Эбуций Эльва П., консул 499 г. до н.э. — V, 58, 1
 Эбуций Эльва Т., начальник конницы 496 г. до н.э. — VI, 2, 3; 4, 4; 5, 5; 11, 3
 Эбуций Флав Т., один из послов к восставшим плебеям — VI, 69, 3
 Эвандр — I, 31, 1; 32; 40, 2; 60, 3; 80, 1; II, 1, 3
 Эвксен, поэт — I, 34, 4
 Эвмед — I, 62, 2
 Эвном — II, 49, 4
 Эврисфей — I, 39, 1
 Эгерий — III, 57, 3; IV, 64, 3
 Эгерия, нимфа — II, 60, 5; 61, 1
 Эгеста (Сегеста), город, построенный Энеем — I, 52, 4; 53, 1
 Эгест, троянец — I, 47, 2; 52; 53, 1
 Эгест, жрец Лавиния — I, 67, 2
 Эгест, сын Нумитора — I, 76, 2
 Эдимы, впервые назначены — VI, 90, 2; их обязанности — VI, 90, 2; 95, 4; VII, 26, 2–3; 27, 2; 35, 3; их инсигнии — VI, 95, 4; изменение метода их избрания — IX, 43, 4; 49, 5; см. также — V, 18, 1; VII, 14, 2; X, 34, 1; 48, 3
- Эзей — I, 11, 2
 Эзоп — VI, 83, 2
 Эквы, постоянно в войне с римлянами — VI, 34, 3–4; 42, 1–3; 45, 1; VI, 50, 2; 76, 1–3; 77, 1; VIII, 8, 4; 16, 3; 26, 5; 62, 3; 68, 1; 82, 1; 91, 1; IX, 1, 2–3; 2, 3; 14, 1–2; 16, 1–5; 17, 5; 35, 7; 50, 1–2; 55–71; X, 9, 6; 10, 6; 20; 22–24; 26, 2; 30, 7–8; 37, 4; 43; 46–47; 48, 2; 53, 8; XI, 3, 3; 4, 3; 7, 1; 8, 1; 15, 2; 18, 4; 20, 2; 21, 4; 23, 2–4; 25, 2; 28, 1; 30, 1; 41, 1; 47; 54, 1
 Электра, дочь Атланта — I, 50, 3; 61, 1
 Элен — I, 51, 1
 Элида — II, 1, 4
 Элим — I, 47, 2
 Эматион — I, 72, 6
 Эмилий Барбула, консул 281 г. до н.э. — XIX, 6, 1
 Эмилий Мамерк Л., консул 484 г. до н.э. — VIII, 83–87; консул 478 г. до н.э. — IX, 16–17; консул 473 г. до н.э. — IX, 37–39; 41, 1; 51, 4–6
 Эмилий Кв., консул 282 г. до н.э., один из послов к царю Пирру — XIX, 13, 1
 Эмилий Т., консул 470 г. до н.э. — IX, 51, 2; 55, 1–5; консул 467 г. до н.э. — IX, 59, 1–3
 Эмилия, весталка — II, 68, 3–4
 Эней, его предки — I, 62; ср. I, 61; при падении Трои — I, 46; 47, 1–5; 48, 3–4; ведет троянцев в Италию — I, 47–53; 57, 1–2; 63; 67, 1; 72, 1–2; 73, 4; II, 2, 2; 66, 5; в Лавренте — I, 55–56; основывает Лавинию — I, 57, 1–2; 63, 1; 64, 1; заключает договор с Латинном — I, 57–60; наследует власть над латинами — I, 64, 1–3; его смерть — I, 64, 3–4; его гробница и монумент — I, 50, 4; 53, 1; 54, 1–3; 64, 5; см. также — II, 5, 5; III, 31, 4; IV, 68, 1; VI, 69, 1; 80, 1; VIII, 21, 1; XII, 16

Эней, отличный от предыдущего, ведет троянцев в Италию — I, 53, 4–5

Эней, сын Сильвия, царя Альбы — I, 71, 1

Энея, город во Фракии — I, 49, 4

Энея, холм, позднее названный Яникулом — I, 73, 3

Эниалий, божество — II, 48, 1–2; 50, 3

Энотр — I, 11, 2–4; 13, 1; 60, 3; II, 1, 2

Энотрия — I, 12, 1

Энотры — I, 12–13; 22, 3–5; 89, 1; II, 35, 7

Эрет — III, 32, 4; IV, 3, 1; 51, 1–2

Эринии — II, 75, 2; см. также — «Фурин»

Эритея — II, 1, 4

Эритры — I, 55, 4

Эрифей — I, 39, 1

Эрихтоний — I, 50, 3; 62, 1

Эсквилии — II, 37, 4; IV, 13; 14, 2

Этрурия, см. «Тиррения»

Эцетра, город вольсков — IV, 49, 1; VI, 32, 1; VIII, 4, 4; X, 21, 3

Ювентас, ее алтарь — III, 69, 5; сокровищница — IV, 15, 5

Юл, сын Аскания — I, 70, 3–4

Юлии, албанский род — I, 70, 4; перебрался в Рим — III, 29, 7

Юл Гай, консул 489 г. до н.э. — VIII, 1, 1; 3, 1; консул 482 г. до н.э. — VIII, 90, 5; децемвир — X, 56, 2

Юлий — II, 63, 3–4

Юлий Вописк, консул 473 г. до н.э. — IX, 37–39; 41, 1

Юнии, плебейский род — V, 18, 1

Юний Брут Л., первый консул 509 г. до н.э. — I, 74, 4; его родители — IV, 68, 1; происхождение прозвища Брут — IV, 68, 2; едет в Дельфы с сыном Тарквиния — IV, 69; советует упразднить царскую власть — IV, 70–76; избран консулом — IV, 84, 5; вступает в должность — V, 1, 2; отказывает в

возвращении Тарквиниев — V, 5, 1; возражает против возвращения им имущества — V, 5, 3–4; приговаривает своих сыновей к смерти — V, 8; 10, 4; отправляет Коллатина в изгнание — V, 9–11; назначает Валерия новым консулом — V, 13; ведет войско против тирренов — V, 14; погибает в сражении — V, 15; тело доставляется в Рим, над ним произносится погребальная речь — V, 17; римляне в течение года посят по нему траур — V, 48, 4; см. также — VI, 70, 1; VIII, 79, 2

Юний Брут Л., вождь плебеев — VI, 70, 1–2; возмущает их речами во время первой сецессии — VI, 72, 81; 83, 3; требует избрания трибунов для защиты прав плебеев — VI, 87, 3; посылается для переговоров в сенат — VI, 89, 1; избирается одним из первых трибунов — VI, 89, 2; в должности адла — VII, 14, 2; вновь возмущает плебс — VII, 16–17; дает советы консулу Сицинию — VII, 36

Юний Брут М., отец первого консула — IV, 68, 1

Юний Брут Т., адл 491 г. до н.э. — VII, 26, 3

Юний Брут Тит и Тиберий, сыновья первого консула, участвуют в заговоре о возвращении Тарквиниев — V, 6, 4; осуждены на смерть — V, 8; VIII, 79, 2

Юнона (Гера), ее храм в Фалериях — I, 21, 2; в южной Италии — I, 51, 3; общий храм с Юпитером и Минервой на Капитолии в Риме — III, 69, 1; IV, 59, 1; 61, 4; ее статую несли в ритуальной процессии — VII, 72, 13; Юнона Луцина — IV, 15, 5; Юнона Квиритская — II, 50, 3; Юнона Сорория — III, 22, 7; Юнона Регина из Вей, ее статуя перевезена в Рим — XIII, 3, 1

Юпитер (Зевс) — I, 23, 5; 36, 1; 40, 2; 65, 2; II, 5, 1; 10, 3; 19, 1; 72, 6; IV, 70, 1; VII, 53, 6; 72, 13; Юпитер Капитолийский — VI, 68, 2; VII, 68, 3; его храм —

III, 69, 1; 70, 1; IV, 59, 1; 61, 4; 62, 5; V, 35, 3; VIII, 39, 1; XIV, 4, 6; Юпитер Инвентор (Создатель) — I, 39, 4; Юпитер Лациарский — IV, 49, 2; VIII, 87, 6; Юпитер Статор — II, 50, 3; Юпитер Термин — II, 74, 2; Юпитер Территор (Устрашающий) — VI, 90, 1; Юпитер Фидий — II, 49, 2; IV, 58, 4; IX, 60, 8; Юпитер Феретрий — II, 24, 4; см. также — «Зевс»

Юстиция (Фемида), богиня — II, 75, 2

Ютурны источник — VI, 13, 4

Яникил, древний город, построенный Ремом — I, 73, 3

Яникил, холм в Риме, окружен стеной — III, 45, 1; вновь укреплен — V, 22, 1; взят Порсеной — V, 22, 3; вновь захвачен тирренами — IX, 24, 3; 25, 1; но вскоре оставлен ими — IX, 26, 6; см. также — II, 76, 6; III, 47, 3; IX, 14, 8

Януса Куриация алтарь — III, 22, 7

Яподы — XVI, 6, 2

Япигия — I, 11, 4; XIX, 1, 3

Япигский мыс — I, 11, 4; 12, 2; 51, 3

Япиги — I, 22, 3; XIX, 1, 4

Ярмо, под которым прогонялось сдавшееся войско — II, 22, 7; римляне, потерпев поражение в Кавдинском ущелье, прогоняются под ярмом — XVI, 1, 4; 5, 1; см. также — X, 20, 7

Ясон — I, 61, 1

УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ
ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО,
УПОМЯНУТЫХ В «РИМСКИХ ДРЕВНОСТЯХ»

Агатилл, аркадский поэт — I, 49, 2; 72, 1
Анаксимен из Лампсака, историк — I, 1, 1
Анналы (Annales maximi), древнейшие
ежегодные записи событий у римлян — IV,
30, 3

Антигон, историк — I, 6, 1
Антиох Сиракузский, историк V в. до н.э. —
I, 12, 3; 22, 5; 35, 1; 73, 4

Ариайт, аркадский историк — I, 49, 1
Аристотель — I, 72, 3
Арктин, эпический поэт — I, 68, 2
Аттиды, авторы истории Афин — I, 8, 3
Ацилий Г., анналист II в. до н.э. — III,
67, 5

Валерий Андриат, историк начала I в. до
н.э. — I, 7, 3; II, 13, 2

Варрон, см. «Теренций»

Венноний, анналист II в. до н.э. — IV,
15, 1

Гегесипп из Мекиберны близ Олинфа,
историк IV в. до н.э. — I, 49, 1

Геланик Лесбосский, логограф V в. до
н.э. — I, 22, 3; 35, 3; цитируемые произ-
ведения, «Форонида» — I, 28, 3; «О троян-
ских делах» — I, 48, 1; см. также — I, 72, 2

Геллий Гн., историк II в. до н.э. — II, 31,
1; 72, 2; 76, 5; IV, 6, 4; VI, 11, 1; VII, 1, 4

Геллии — I, 7, 3

Геродот, историк V в. до н.э. — I, 27, 3;
29, 3

Гомер — I, 46, 1; II, 12, 4; V, 74, 2;
«Илиада» — I, 53, 5; VII, 72, 3; 72, 8–9;
XX, 6, 1; «Одиссея» — VII, 72, 4; 72,
16–17; XX, 9, 2

Дамаст Сигеец, генеолог и географ — I,
72, 3

Двенадцати таблиц законы — II, 27, 3;
X, 57, 5–7; 60, 5; XI, 28, 4; 30, 4; 44, 6

Демагор Самосский — I, 72, 1

Дионисий Халкидский, историк IV в. до
н.э. — I, 72, 6

Дионисий Галикарнасский, историк конца
I в. до н.э. — I, 8, 4; 74, 2; 90, 2

Зенодот Трезенский, историк конца II в.
до н.э. — II, 49, 1

Каллиад, сиракузский историк — I, 72, 5

Каллистрат (Домиций), историк — I,
68, 2

Кальпурний Пизон Фруги Л., анналист
II в. до н.э. — I, 79, 4; II, 38–40; XII, 4, 2;
его «Анналы» цитируются — IV, 7, 5; 15, 5;
XII, 8, 3

Кальпурнии — I, 7, 3

- Катон, см. «Порций»
 Кефалон Гергитий — I, 49, 1; 72, 1
 Ксанф Лидийский, историк начала V в. до н.э. — I, 28, 2
 Ксенагор, историк — I, 72, 5
- Лициний Макр, оратор и анналист I в. до н.э. — I, 7, 3; II, 52, 4; IV, 6, 4; V, 47, 3; 74, 4; VI, 11, 2; VII, 1, 4
- Маллий (вместо Манлий) Л. — I, 18, 3
 Менократ из Ксанфа, историк IV в. до н.э. — I, 48, 3
 Мирсил Лесбосский, историк начала III в. до н.э. — I, 23, 5; 28, 4
- Надписи — I, 19, 3; 51, 1; 51, 3; 64, 6; 68, 1; IV, 26, 5; 58, 4; VIII, 79, 3; IX, 60, 8; X, 32, 4
- Пизон, см. «Кальпурний»
 Пирр, царь Эпира — XX, 10, 2
 Полибий из Мегалополя, историк II—I вв. до н.э. — I, 6, 1; 7, 1; 32, 1; 74, 3
 Понтификальные книги или комментарии — III, 36, 4; VIII, 56, 1; X, 1, 4
 Порций Катон М., государственный деятель и историк начала II в. до н.э. — I, 7, 3; 13, 2; 74, 2; 79, 4; II, 49, 2; IV, 15, 1; его «Начала» — I, 11, 1
 Проксен, историк — XX, 10, 2
- Сатир, мифограф — I, 68, 2
 Священные и тайные книги (возможно, libri lintei) — XI, 62, 3
 Священные таблицы — I, 73, 1
 Семпроний Тудитан Г., юрист и анналист конца II в. до н.э. — I, 11, 1; 13, 2
 Силен, историк конца III в. до н.э. — I, 6, 1
 Софокл, его трагедии, «Инах» — I, 25, 4; «Лаокоон» — I, 48, 2; «Триптолем» — I, 12, 2
- Таблица понтификов (Анналы?) — I, 74, 3
 Теопомп Хиосский, историк — I, 1, 1
 Теренций Варрон М., антиквар I в. до н.э. — II, 47, 4; 48, 4; его «Древности» — I, 14, 1; II, 21, 2; IV, 62, 6
 Тимей из Тавромения, историк IV—III вв. до н.э. — I, 6, 1; 7, 1; 67, 4; 74, 1
- Фабий Максим (Сервилиан Кв.), автор труда по религиозным древностям и истории Рима, II в. до н.э. — I, 7, 3
 Фабий Пиктор Кв., первый римский анналист конца III в. до н.э. — I, 6, 74, 1; 79, 4; 80, 3; II, 38, 3; 39, 1; 40, 2; IV, 6, 1; 15, 1; 30, 2; 64, 3; VII, 71, 1
 Фанодем, историк — I, 61, 5
 Феофраст, философ IV в. до н.э. — V, 73, 3
 Феопомп, историк IV в. до н.э. — I, 1, 1
 Ферекид, афинский логограф IV в. до н.э. — I, 13, 1
 Филист Сиракузский, историк начала IV в. до н.э. — I, 22, 4
 Фукидид, историк V в. до н.э. — I, 22, 5; 25, 3
- Цензорские таблицы — I, 74, 5; IV, 22, 2
 Цинций Агимент Л., анналист I в. до н.э. — I, 6, 2; 74, 1; 79, 4; II, 38, 3; 39, 1; XII, 4, 2
- Эвксен, итальянский поэт, мифограф — I, 34, 4
 Элий Туберон, Кв., юрист и историк I в. до н.э. — I, 80, 1
 Элии — I, 7, 3
 Эратосфен, греческий ученый III в. до н.э. — I, 74, 2
 Эсхил — I, 41, 3

СОДЕРЖАНИЕ

Книга IX. Разногласие народа с сенатом по поводу назначения консулов — Воинский набор и отправка обоих консулов в поход — Ненависть народа к предводителю Цезону Фабию. Возвращение его войска в город — Избранные консулами Гней Манлий и Марк Фабий, произведя набор войск, выступают против врагов — Поднятие Манлием духа и дисциплины войска — Битва римлян с тирренами. Победа римлян — Избрание Цезона Фабия консулом в третий раз и с ним Тита Вергиния — Выступление консула Фабия в поход против эквов, а Вергиния против вейян — Новые консулы Луций Эмилий и Гай Сервилий сражаются уже с союзным войском тирренов — Заключение Луцием Эмилием договора с вейянами — Консулы Гай Гораций и Тит Менений ведут одну войну с Тирренией, а вторую против вольсков — Рассказ о несчастье, произошедшем с родом Фабиев — Осада тирренами римлян в лагере и подступ к Риму — Победа римлян в битве у святилища Надежды, а затем и другое блистательное сражение — Конфликт внутри городских стен Рима. Гражданская смута — Опасные обстоятельства, в которые попал Сервилий. Судебный процесс — Новые войны с тирренами при консулах Публии Валерии и Гае Навции — Консулы Авл Манлий и Луций Фурий заключают с вейянами договор об окончании войны, а также проводят ценз — Распри внутри государства, разжигаемые Гнеем Генуцием по поводу раздела земель — Завершение смуты, охватившей государство — Военные походы римлян в разные сроки правления консулов. Продолжение военных походов против народов вольсков и эквов — Жестокая болезнь, поразившая город, ослабляет позиции римлян — Во время правления консулов Луция Лукреция и Тита Ветурия римляне вступают в схватку с противниками — Триумф Лукреция и Ветурия 7

Книга X. Консулы, Публий Волумний и Сервилий Сульпиций Камерин. Улаживание ими внутригородских зол — Требование народных трибунов составления закона обо всех государственных и частных делах, предоставленного на рассмотрение народа — Публий Валерий Попликола и Гай Клавдий Сабин принимают консульскую власть — Политическая смута. Распространение плебейскими трибунами ложного слуха о заговоре патрициев — Попытки Аппия Гердония из племени сабинян уничтожить римское владычество пока город переживает внутреннее потрясение — Атака на крепость. Завершение войны с разбойниками — Оказание противодействия плебейским трибунам против их политических нововведений Цезоном Квинцием по принятии им консулата — Внутренняя государственная борьба за политические права вновь избранных консулов. Продолжение внешних войн — Назначение Квинция Цинцинната диктатором в государстве — Победа Квинция над эквами. Его триумф — Новый поход сабинян на Рим — Утверждение сенатом закона, по которому разрешается народу ежегодно избирать десять плебейских трибунов — Новые разногласия плебейских

трибунов с вновь избранными консулами — Утверждение закона о разделе земли — Разнообразные и значительные события, произошедшие в год, в котором консулами стали Тит Ромилий и Гай Ветурий — Преппирательства плебеев с патрициями по поводу законопроекта — Разногласия между Ромилием и Сикцием по поводу военной операции — Победа римлян в сражении. Сикций своими военными подвигами стяжает великую славу — Суд над Титом Ромилием и Гаем Ветурием — Постановление сената о посылке послов к эллинам за получением от них писаных законов — Возвращение послов от эллинов с законами. Требование народных трибунов назначения законодателей — Выборы законодателей. Составление законопроекта — Децемвиры получают консульскую власть 67

Книга XI. Введение — Основание для ненависти против олигархии — Децемвиры собирают сенат. Высказывания Луцием Валерием и Марком Горацием своей точки зрения о правлении децемвиров — Предложение Гая Клавдия предоставить право народу решить способ правления — Корнелий в своей речи высмеивает все предложенное противниками — Приверженцев выступления римлян в поход гораздо больше остальных — Предварительное постановление о наборе войска и предоставлении командования в войне децемвирам — Враждебное отношение к децемвирату и патрициев, и плебеев — Воинский набор децемвиров и выступление вместе с союзными войсками против сабинян и эквов — Пагуба, обрушившаяся на воинов с двух сторон — Смерть Сикция и бесчестный поступок Аппия Клавдия, приведшие всех воинов в готовность к бунту против децемвиров — Призыв Вергиния поднять восстание и освободить отечество — Воины, откликнувшись на призыв, выступают из лагеря и закрепляются на холме Авентин — Первые консулы после свержения децемвиров — Принятие консулами закона. Осуждение и наказание децемвиров — Поход Валерия против эквов и вольсков. Победа римлян — Победа Марка Горация над сабинянами — Постановление сената об отказе триумфа — Консулы впервые в Риме получают право на триумф от народа — Возобновление политических разногласий. Предложение плебейских трибунов ввести новый закон — Разноречивые высказывания в сенате. Предложение избирать военных трибунов — Предоставление народом права домогаться консульской власти патрициям 119

Книга XII. О заговоре Спурия Мелия — Сенат наделяет властью диктатора Луция Квинция Цинцинната — Сведения о смерти Мелия — Эпизод сражения трибуна Авла Корнелия с Толумнием — Эпизоды событий, произошедших в Риме в различные времена при разных правителях 167

Книга XIII. Рассказ об осаде Камиллом города фалисков — События, произошедшие во время правления консулов после Камилла — Взятие города галлами, кроме Капитолия — Осада Капитолия — Переговоры галлов с римлянами о выкупе города — Причина прихода галлов в Италию 180

Книга XIV. Месторасположение Кельтики — Рассуждения о характере и поступках римлян — О походе галлов против римлян — О знамении, произошедшем в Риме — Рассказ об одной истории, во время осады Марцием привернатом. 187

Книга XV. Взаимоотношения римлян с кампанцами — Заговор римлян против кампанцев, раскрытый Марцием — Постановление сената об отправке к неаполитанцам послов — Различные мнения сенаторов по поводу отправки послов — Постановление о войне . . . 195

Книга XVI. Предвещание коренной перемены перед отправкой римлян на последнюю войну с самнитами — Упоминание Дионисием случая, из которого ясно, сколь велика была тогда в Риме ненависть к пороку и суровость в отношении тех, кто нарушает всеобщие законы человеческой природы 205

Книги XVII—XVIII. Самнитская война. Причины начавшейся войны — Консулы Постумий. Обстоятельства, принесшие Постумию неприязнь — Привлечение Постумия к публичному суду 210

Книга XIX. История возникновения города Таранта — Предания о возникновении в Италии места под названием «Регий» — Предание о поселении Левкиппа Лакедемонянина и его спутников — О том, как Постумий был отправлен послом к тарентинцам — Взаимные приветствия царя Пирра и Публия Валерия — Эпизод сражения самого Пирра с ферентанцем Облаком — Переговоры римских послов с Пирром — Обращение царя Пирра лично к Фабрицию — Ответ Фабриция — Пирр, восхитившись благородством души Фабриция, выражает готовность примирения и освобождения пленных без выкупа 215

Книга XX. Стратегия боя с Пирром — Описание сражений — Результат второго сражения римлян против Пирра — Причины поражения около полиса «Регий». Несчастья, овладевшие этим полисом — Тирания во всех полисах Сицилии — Пирр переправляется в Италию — Пирр забирает священные сокровища Персефоны — Предопределение судьбы Пирра — Фрагменты различных событий в различные времена 228

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. Л. Маяк. «Римские древности» Дионисия Галикарнасского
как исторический источник 243

Предметный, именной и географический указатель 270

Указатель античных авторов и других источников Дионисия Галикарнасского, упомянутых в «Римских древностях» 314

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное иллюстрированное издание

Дионисий Галикарнасский «Римские древности»

Издание в 3-х томах, 20-ти книгах

Том 3 (книги IX–XX)

Книги готовились к изданию при участии Центра изучения римского права.

Ответственный редактор и научный руководитель: д. и. н., профессор Маяк И. Л.

Координатор работ по подготовке книг к изданию: к. и. н., д. ю. н., Кофанов Л. Л.

Общая редакция издания: к. и. н. Токмаков В. Н.

Редакция перевода IX книги: к. и. н., д. ю. н. Кофанов Л. Л., к. и. н., доцент Сморгчов А. М.

Редакция перевода X книги: к. и. н., д. ю. н. Кофанов Л. Л.

Редакция перевода XI книги: к. и. н., доцент Сморгчов А. М.

Редакция перевода XII–XIX книги: к. и. н., доцент Шабага И. Ю.

Редакция перевода XX книги: к. и. н. Токмаков В. Н., к. и. н., доцент Сморгчов А. М.

Выпускающий редактор издания: к. ф. н. Кофанова Е. В.

Автор серийного оформления: Яковлев А. Т.

Автор рисунков для заставок и концовок к главам: Бисенгалиев В. К.

Компьютерный набор: Сморгчов М. К.

Допечатная подготовка выполнена ООО УпакГрафика.

Компьютерная верстка и монтаж: Алексеев С. А.

Технический редактор: Пушаева Л. Д.

Корректор: Ужегова В. Х.

Набрано гарнитурой: Елизаветинская © Paratype Ink

Издательский дом «Рубежи XXI»

127254, Москва, ул. Гончарова, 7-А, кв. 17

Сдано в набор: 04.07.2004 г.

Подписано к печати: 20.02.2005 г.

Формат 17 х 90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 20. Тираж 1 500 экз. Тип. зак № 1403.

Цена договорная.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46